

Annotation

В тихой деревушке на севере Англии происходит жестокое убийство, в совершении которого признается дочь убитого Роберта Тейс. Расследуя эту трагедию, инспектор Скотленд-Ярда Томас Линли и его напарница, сержант Барбара Хейверс, открывают нечто такое, что вдребезги разбивает иллюзию безмятежности деревенской жизни и одновременно их устоявшиеся представления о себе самих.

- [Великое избавление](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
-

Великое избавление

Элизабет Джордж

Он сказал: вы
взяли богов моих,
которых я сделал, и
священника и
ушли; чего еще
более?

Книга Судей 18:24

Какая неловкость, непростительная неловкость! Он громко чихнул, брызги полетели во все стороны. Ужасно – прямо в лицо соседке по купе. Три четверти часа он сдерживался изо всех сил, сражаясь с щекоткой в носу, точно доблестные воины Генриха Тюдора в битве при Босворте. Но в конце концов он капитулировал. Мало того, что он чихнул, – он еще принялся громко шмыгать носом.

Женщина грозно уставилась на провинившегося. Как раз из тех леди, в присутствии которых он всегда чувствовал себя законченным идиотом. Ростом не менее шести футов, одетая с поразительной безвкусицей, характерной для дам из «общества», не знающая возраста, не поддающаяся старости – она пристально смотрела на него голубыми, острыми, как лезвие бритвы, глазами. Лет сорок назад горничные, сраженные таким взглядом, принимались, верно, отчаянно рыдать – сейчас этой леди уже крепко за шестьдесят, а может быть, и все восемьдесят – по ней не поймешь. Сидит будто аршин проглотила, сложив руки на коленях. Так ее выучили когда-то в пансионе, и с тех пор она не сдает позиции – никаких уступок даже во имя собственного комфорта.

И смотрит, смотрит. Оглядела строгую полоску ткани у шеи – воротничок католического священника и уставилась на каплю, свисающую с кончика его носа.

Ах, простите, дорогая. Тысяча извинений. Не допустим, чтобы этот незначительный промах – подумаешь, человек чихнул – разрушил столь прелестную дружбу, как наша с вами.

Да уж, про себя он может острить сколько угодно. Вот когда он говорит вслух, ему, как правило, удается все безнадежно запутать.

Священник снова шмыгнул, и леди вновь неодобрительно покосилась на него. Господи, с чего ей вздумалось путешествовать вторым классом? Она вплыла в вагон в Донкастере, похожая на престарелую Саломею, окутанная не семью, а семижды семью покрывалами, и всю дорогу то пила неароматный, чуть теплый кофе, который разносили в поезде, то пристально и неодобрительно глядела на попутчика. Верная прихожанка англиканской церкви, в этом можно не сомневаться.

И наконец он чихнул. Он вел себя столь безупречно от Донкастера и почти до самого Лондона, кажется, она уже готова была простить ему служение католической церкви. Но, увы, насморк покрыл его вечным позором.

– Я... э-э... вы уж простите,.. – начал было он, но что толку! Платок застрял где-то глубоко в кармане. Чтобы добраться до него, пришлось бы на минутку выпустить из рук потертый портфель, который лежал у него на коленях, а на это священник отважиться никак не мог. Пусть уж дама потерпит. Речь идет не о нарушении этикета, мадам. Речь идет об УБИЙСТВЕ. Обретя опору в этой мысли, священник решительно зашмыгал носом.

Услышав недопустимые в порядочном обществе звуки, леди села еще ровнее, напряженно выпрямив спину, каждой мышцей своего старого тела выражая протест и презрение. Негодующий взгляд отражал все ее мысли: «Жалкий человечиска. Ничтожество. Ему семьдесят пять лет, а выглядит он на все восемьдесят пять. И чего еще ждать от католического священника! На лице три пореза – до сих пор бриться не научился, в уголке рта присохла крошка от съеденного на завтрак гренка, черный костюм уже залоснился от старости, залатан на локтях и на манжетах, фетровая шляпа покрыта пылью. А этот мерзкий портфель у него на коленях! С самого Донкастера он ведет себя так, словно я села в поезд исключительно с намерением выхватить у него этот портфель и выпрыгнуть с ним из окна. Господи Боже ты мой!»

Вздохнув, женщина отвернулась от священника, словно в поисках отдыха и покоя. Но где уж там! Он продолжал сопеть и отфыркиваться, покуда поезд не замедлил движение. Вот они и достигли цели своего путешествия.

Поднявшись, леди пронзила своего попутчика последним, прощальным взглядом.

– Наконец-то я узнала, как выглядит ваше католическое чистилище! – прошипела она и направилась по коридору к выходу.

– О, господи, – забормотал отец Харт, – о, господи, я и в самом деле должен, наверное...

Но она уже скрылась из виду. Поезд остановился под сводом лондонского вокзала. Пришла пора совершить то, ради чего он предпринял поездку в столицу.

Священник огляделся, проверяя, не растерял ли он своего имущества. Особой причины беспокоиться у него вроде бы не было – весь багаж, прихваченный им с собой из Йоркшира, состоял из старого портфеля, который он ни на минуту не выпускал из рук. Харт искоса поглядел в окно, привыкая к распаханному пространству Кингз-Кросса, так непохожего на вокзал Виктория, знакомый ему с юности. Там уютные старые кирпичные стены, киоски, уличные музыканты. Где-то поблизости и отделение лондонской полиции. А Кингз-Кросс оказался совсем другим, абсолютно другим – огромные площади покрытого плиткой пола, с потолка свисают заманчивые рекламные плакаты, тут же продают газеты, сигареты, гамбургеры. А сколько людей – он в жизни столько не видел. Выстраиваются в очередь за билетами, поспешно заглатывают пищу, вприпрыжку догоняя свой поезд, спорят на ходу, смеются, целуются на прощание. Всех рас, всех оттенков кожи. Как все изменилось! Сможет ли он выдержать подобный шум, подобную суету?

– Вы выходите, отче, или собираетесь заночевать?

Отец Харт, вздрогнув, поднял взгляд, но увидел над собой лишь круглое лицо проводника, который утром, когда поезд отправлялся из Йорка, помог ему найти свое место. Приятное лицо уроженца северных графств. Холодный ветер, гулявший над северными болотами, отпечатался на его лице сеточкой испещривших кожу кровеносных сосудов.

Ярко-голубые глаза проводника смотрели внимательно и живо. Этот взгляд подействовал на отца Харта словно прикосновение: приветливо, но пристально взгляд проводника скользнул по лицу священника и опустился на бережно хранимый им портфель. Покрепче сжав пальцы на ручке портфеля, отец Харт выпрямился, ожидая прилива сил и бодрости, но вместо этого ощутил лишь мучительную судорогу в левой ноге. Он застонал. Боль становилась все пронзительнее.

– Наверное, вам не стоило отправляться в путь одному, – встревоженно обратился к нему проводник. – Вам нужна помощь, сэр?

Конечно, ему нужна помощь, еще как нужна. Но разве кто-нибудь может ему помочь? Да и сам он не в силах ничего сделать.

– Нет, нет. Сейчас я сойду. Одну минуточку. Большое вам спасибо, вы были так добры. Помогли мне найти купе. Помните, я вначале было

запутался.

Проводник весело отмахнулся:

– Пустяки. Знаете, сколько народу не может разобрать, что там написано у них в билете? Невелика беда, верно?

– Да, конечно. Надеюсь, что так. – Отец Харт резко втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Пройти по вагону, выйти сквозь эту дверь, найти вход в метро. Это вовсе не так трудно, не стоит заранее отчаиваться. Пошатываясь, он двинулся к выходу. Обеими руками он прижимал к животу портфель, и каждый раз, когда он с трудом делал шаг, эта ноша наносила ему довольно-таки чувствительный удар.

За спиной послышался голос проводника:

– Отец, эта дверь малость туговата. Дайте-ка я вам помогу.

Он подвинулся, пропуская проводника в тамбур. Двое мрачноватых уборщиков уже забрались в вагон через заднюю дверь. Собирают мусор в переброшенные через плечо мешки, готовят поезд к обратному рейсу в Йорк. На вид – пакистанцы, и хоть и говорят между собой по-английски, но с таким чудовищным акцентом, что отец Харт не разбирает ни единого слова.

И тут он ощутил настоящий ужас. Что он делает в этом громадном городе, населенном по большей части иноземцами – темноликими, глядящими на него отчужденными, враждебными очами? Неужели он и впрямь надеялся совершить здесь задуманное им доброе дело? Какая опрометчивость! Да разве кто-нибудь поверит...

– Вам помочь, отец?

Наконец отец Харт решительно тронулся с места.

– Нет. Все в порядке. Вот именно. Все в порядке.

Он одолел ступеньки, ощутил под ногами бетонный перрон, услышал высоко над головой, под сводчатым потолком вокзала, переливчатое воркование голубей и наугад побрел по платформе в сторону выхода. Где-то там должна быть Истон-роуд.

Позади в последний раз послышался голос проводника:

– Вас кто-то встречает? Вы знаете, куда вам ехать? Куда вы сейчас собрались?

Священник распрямил плечи и помахал на прощание заботливому проводнику.

– В Скотленд-Ярд, – твердо заявил он.

Вокзал Сент-Панкрас, расположенный прямо напротив Кингз-Кросса, оказался его настоящим архитектурным антиподом. Отец Харт несколько минут простоял на месте, молча любясь этим великолепным творением современной готики. Он не замечал грохота транспорта, пронесившегося по Истон-роуд, и зловония двух дизельных грузовиков, порывавших двигателями на обочине, отец Харт всегда интересовался архитектурой, а это здание казалось ему одновременно и прекрасным видением, и бредом.

Господи, вот чудеса, – бормотал он, наклоня голову несколько набок, чтобы охватить единым взглядом все шпили и башенки Сент-Панкраса. – Немного почистить, и выйдет настоящий дворец. – Он растерянно огляделся, словно в поисках сочувствующего, с которым можно было бы вступить в беседу и обсудить ущерб, нанесенный старинному зданию выхлопными газами и коптящими трубами каминов. – Хотел бы я знать...

По Каледониан-роуд промчалась, уныло и однообразно завывая, полицейская машина, с визгом вылетела на перекресток и свернула на Истон-роуд. Старый священник очнулся от грез, встряхнулся, отчасти сердясь на самого себя, но еще больше страшась того, что ему предстояло. Он становится все более рассеянным. Предвестие близкого конца, не так ли? Харт сглотнул, с трудом проталкивая застрявший в горле комок страха, собираясь с силами. Взгляд упал на громадный заголовок распяленной на стенде утренней газеты, и он, любопытствуя, направился к ней рассмотреть подробности. «Потрошитель наносит удар на Воксхолл-стейшн!»

Потрошитель! Он содрогнулся при виде этого слова, боязливо оглянулся и торопливо прочитал один абзац кровавой повести. Если он начнет вчитываться в нее чересчур пристально, кто-нибудь обратит на это внимание – любопытство к жутким подробностям отнюдь не пристало служителю церкви. Его взгляд выхватывал лишь отдельные страшные слова, не успевая связывать их во фразы. «Перерезал горло... полуобнаженный труп... артерии разорваны... жертвы – мужчины...»

Священник содрогнулся, произвольным жестом вскинул руку к горлу, ощупывая его, такое нежное, уязвимое. Воротничок священника не уберезет от ножа убийцы. Нож дорогу найдет. Погрузится в горло по самую рукоять.

Эта мысль потрясла его. На подгибающихся ногах Харт отошел от газетного стенда. О, милость божия! Наконец-то он заметил вход в метро. До него каких-нибудь тридцать футов. Он вновь вспомнил, зачем приехал в столицу.

Нащупав в кармане карту лондонского метро, Харт с минуту напряженно изучал сморщенную, покрытую складками глянцевую бумагу. «По кольцевой до Сент-Джеймс-парка, – сказал он себе. И повторил уже с большей уверенностью: – До Сент-Джеймс-парка, по кольцевой. До Сент-Джеймс-парка, по кольцевой». Он повторял и повторял эти слова, твердил их, словно григорианский распев, спускаясь в такт им по лестнице метро. На волне этого ритма Харт добрался до окошечка кассы и не переставал твердить свое заклинание, входя в вагон и усаживаясь. Затем он отважился поднять глаза на других пассажиров, заметил двух немолодых дам, с откровенным любопытством наблюдавших за ним, и кивнул им.

– Так все сложно, – пояснил он, робкой улыбкой напрашиваясь на сочувствие. – Сразу и не разберешь.

– Говорю тебе, это может быть кто угодно, Пэмми, – с нажимом произнесла младшая из Дам, обращаясь к своей спутнице. Она бросила на священника холодный, оценивающий взгляд. – Они как угодно переодеваются, я-то уж знаю. – Не сводя водянистых глаз с подозрительного священника, она вынудила свою морщинистую спутницу подняться на ноги, крепко ухватившись за поручень возле двери, и на ближайшей остановке с шумом увлекла ее прочь из вагона.

Отец Харт печально наблюдал это отступление. Их трудно упрекнуть, думал он. В самом деле, никому верить нельзя. Никому и ни за что. Он ведь тоже приехал в Лондон именно затем, чтобы объявить: то, что представляется очевидным, в действительности – неправда. Это лишь видимость истины. Этот труп, скорчившаяся возле него девушка, окровавленный топор. Нет, это лишь видимость. Он обязан убедить их, и тогда... Господи, разве он справится с этой задачей?! Надо верить, что Бог на моей стороне. Бог на моей стороне. Он изо всех сил цеплялся за эту мысль. Я поступил правильно, я поступил правильно, я поступил правильно. Повторяя это заклинание вместо прежнего, он так и дошел до дверей Скотленд-Ярда с ним на устах.

– Черт побери, снова нам расхлебывать конфликт между Керриджем и Нисом! – заявил суперинтендант Малькольм Уэбберли, раскуривая толщенную сигару. Воздух в кабинете мгновенно наполнился зловонным дымом.

– Господи помилуй, Малькольм, открой хотя бы окно, если тебе непременно надо сосать эту гадость! – взмолился его собеседник. Старший суперинтендант сэр Дэвид Хильер был начальником Малькольма, но шеф предпочитал не вмешиваться в дела подчиненных. Сам бы он в жизни не стал курить столь крепкий табак, да еще перед самой встречей со свидетелем, однако у Малькольма свои методы, и до сих пор эти методы вполне себя оправдывали. Поэтому Дэвид Хильер довольствовался тем, что отодвинул свой стул как можно дальше от источника ядовитого дыма и мрачно оглядел замусоренный кабинет.

Хотелось бы знать, как Малькольму удается столь успешно распутывать дела при склонности существовать в подобном хаосе. Папки, фотографии, отчеты, книги – вся поверхность стола завалена ими. На полках шкафа – грязные чашки из-под кофе, набитые доверху окурками пепельницы и даже пара забытых старых кроссовок. Кажется, именно этого эффекта и добивался Уэбберли – комната выглядит, да и пахнет, как логово получившего самостоятельность старшеклассника – грязноватая, прокуренная, но на редкость уютная. Не хватает разве что кровати с мятыми простынями. В такой комнате чувствуешь себя как дома: можно собрать компанию, посидеть, потолковать. Эта обстановка сближает мужчин, составляющих единую команду. Хитрец этот Малькольм, думал Хильер. С виду заурядный сутулый толстяк, но он куда умнее, чем кажется.

Уэбберли поднялся из-за стола и начал борьбу с оконной рамой, ворча, изо всех сил дергая шпингалет, пока ему не удалось в конце концов распахнуть окно.

– Извини, Дэвид. Вечно я забываю об этом. – Он снова уселся за стол, меланхолическим взором окинул царивший на нем беспорядок и произнес: – Честное слово, это уже последняя капля. – Одной рукой он пригладил поредевшие волосы, когда-то рыжие, а теперь они почти совсем седые.

– Дома неприятности? – осторожно посочувствовал Хильер, упиравшись взглядом в собственное золотое обручальное кольцо. Трудная

тема для обоих друзей, поскольку они с Уэбберли были женаты на сестрах. Даже в Ярде далеко не все догадывались об этом обстоятельстве, и сами мужчины крайне редко вспоминали о нем.

Бывают такие капризы судьбы, которые порождают между двумя друзьями дополнительные сложности, и оба предпочитают их не обсуждать. Карьера Хильера была столь же успешной, как и его брак, семейная жизнь сложилась не просто удачно, а на редкость счастливо. Его жена – само совершенство, надежнейшая опора, умный советчик, любящая мать, источник величайшего наслаждения в постели. Хильер признавал, что супруга сделалась центром и смыслом его существования, так что дети для него лишь приятное дополнение, но по сравнению с Лаурой их роль в его жизни ничтожна. Он засыпал и просыпался с мыслью о Лауре. Со всем, что радовало или тревожило, он первым делом обращался к ней, и жена с готовностью разделяла с ним любую жизненную задачу.

Для Уэбберли все сложилось по-другому. Его карьера брела себе потихоньку, не слишком блестящая, но вполне удовлетворительная. Расследования, мастерски проведенные Уэбберли, слишком редко удостоивались заслуженной хвалы: у него словно бы отсутствовал некий социальный инстинкт, необходимый, чтобы добраться до самой вершины. А потому, в отличие от Хильера, ему не светил рыцарский титул, который мог бы вознаградить его профессиональные достижения, и именно это обстоятельство стало источником постоянного раздора между Уэбберли и его женой.

Фрэнсис Уэбберли не смогла пережить, что ее младшая сестра сделалась леди Хильер. Зависть грызла ее, превращая постепенно спокойную, застенчивую домашнюю хозяйку в энергичную, напористую даму с претензией на светскость. Она то и дело затевала обеды, приемы, вечеринки с коктейлями, неся непосильные расходы, приглашая людей, совершенно неинтересных обоим супругам, но которые, как полагала Фрэнсис, могли способствовать продвижению ее мужа наверх. Все эти мероприятия чета Хильеров исправно посещала – Лаура из любви к сестре, с которой она, однако, давно уже не могла по-дружески общаться, а Хильер в надежде хоть как-то защитить Уэбберли от едких и жестоких замечаний его супруги, ибо Фрэнсис не стеснялась прилюдно высказывать свое мнение о неудавшейся карьере мужа. «Новая леди Макбет», – мысленно называл ее Хильер.

– Нет, дело не в этом, – ответил Уэбберли. – Беда в том, что я уж было понадеялся, что с этой распрей между Нисом и Керриджем покончено, а они снова сцепились – право же, это чересчур.

Как это характерно для Малькольма, вечно он переживает из-за других, из-за их недостатков и слабостей, подумал с сочувствием Хильер.

– Напомни, пожалуйста, в чем там было дело, – попросил он. – Какая-то история в Йоркшире, верно? В убийстве обвиняли цыган?

Уэбберли кивнул.

– Нис возглавляет отделение полиции в Ричмонде. – Он тяжело вздохнул и, забывшись, выпустил струю сигарного дыма не в окно, а в комнату. Хильер задержал дыхание, стараясь не раскашляться. Ослабив узел галстука, Уэбберли принялся рассеянно скручивать уголок белого воротника. – Три года назад там убили старую цыганку. Нис провел жесткое расследование. Его ребята работали тщательно, проверили все детали. Завершив дело, они арестовали зятя этой старухи. По всей вероятности, ссора у них вышла из-за гранатового ожерелья.

– Ожерелье было краденое?

Уэбберли покачал головой, стряхивая пепел в стоявшую на его столе жестяную пепельницу. В воздух поднялось облачко пепла от выкуренных прежде сигар, белой пылью осело на бумагах и папках.

– Нет. Ожерелье они получили от Эдмунда Ханстон-Смита.

Хильер резко наклонился вперед:

– Ханстон-Смита?

– Ага, теперь ты припоминаешь? Но дальше дело повернулось так: жена того парня, которого обвиняли в убийстве старухи – его вроде бы звали Романив, – была красотка: хороша, как бывают одни только цыганки, – двадцать пять лет, черные волосы, оливковая кожа, сплошная экзотика.

– Соблазнительно, особенно для такого человека, как Ханстон-Смит, верно?

– Вот именно. Она убедила его, что Романив ни в чем не виноват. Ей понадобилось на это всего несколько недель, покуда Романив еще не предстал перед присяжными. Она уговорила Ханстон-Смита пересмотреть дело, она клялась, что они подвергаются

преследованиям потому лишь, что в их жилах течет цыганская кровь, что Романив провел с ней всю ночь, когда совершилось убийство.

– Полагаю, она была достаточно очаровательна, чтобы заставить поверить и в это.

Дернув уголком рта, Уэбберли пристроил окурок сигары на край пепельницы и сложил покрытые веснушками руки на животе, удачно прикрыв пятно на жилетке.

– Согласно показаниям лакея Ханстон-Смита, от милейшей миссис Романив даже человек шестидесяти двух лет от роду целую ночь напролет не мог оторваться. Как ты знаешь, Ханстон-Смит был богат и обладал немалым политическим весом. Он без труда смог вовлечь в эту историю полицию графства Йорк. Рейбен Керридж – он до сих пор остается главным констеблем Йоркшира, несмотря на все, что он натворил, – приказал пересмотреть расследованное Нисом дело. Хуже того – он отпустил Романива.

– Как реагировал на это Нис?

– Керридж как-никак его начальник. Что ему было делать? Он с ума сходил от злости, но пришлось выпустить Романива и начать дело заново.

– При этом на седьмом небе от счастья была жена Романива, но отнюдь не Ханстон-Смит, – прокомментировал Хильер.

– Разумеется, миссис Романив сочла своим долгом отблагодарить Ханстон-Смита тем самым способом, к которому он уже пристрастился. Она явилась к нему ночью на последнее свидание и не давала бедному старику уснуть до самого рассвета, насколько мне известно, а потом она открыла дверь Романиву. Как нынче любят говорить, свершилась кровавая драма. Парочка прикончила Ханстон-Смита, собрала все, что могла унести с собой, направилась напрямик в Скарборо и еще до утра покинула страну.

– А что Нис?

– Он требовал, чтобы Керридж подал в отставку. – В этот момент послышался стук в дверь, но Уэбберли не обратил на него внимания. – Однако он ничего не добился. С тех самых пор Нис только поджидает удобного случая.

– И теперь они снова сцепились, как ты говоришь.

Вновь раздался стук, на этот раз более настойчивый. Уэбберли громко предложил войти, и в комнату ворвался Берти Эдвардс,

главный патологоанатом. На ходу он оживленно беседовал с собственной записной книжкой и что-то торопливо царапал в ней под свою же диктовку. Эдвардс воспринимал записную книжку как живое существо, не хуже обычной секретарши.

– Сильный удар в правый висок, – жизнерадостно объявил он, – вызвавший разрыв сонной артерии. Удостоверения личности нет, денег нет, раздет до нижнего белья. Это снова Вокзальный Потрошитель. – Произнося эти слова, Эдвардс продолжал черкать в своей книжке,

– «Вокзальный Потрошитель»! Вам бы в журналисты податься, – проворчал Хильер, с отвращением глядя на весельчака.

– Речь идет о покойнике с вокзала Ватерлоо? – уточнил Уэбберли.

Судя по лицу Эдвардса, патологоанатом явно прикидывал, не связаться ли ему в дискуссию с Хильером – уж очень ему хотелось отстоять свое право давать серийным убийцам какое-нибудь прозвище; однако, поразмыслив, он отказался от этой идеи, утер пот со лба рукавом грязно-белого халата и обернулся к своему непосредственному начальнику.

– Ага, Ватерлоо. Это уже одиннадцатый, а мы еще с Воксхоллом не разобрались. Характерный почерк Потрошителя в обоих случаях. Бродяги. Ногти сломаны, сами грязные, волосы нестриженные, даже вши имеются. Пока только тот тип с вокзала Кингз-Кросс не вписывается в картину, и уж намучились мы с ним за последнюю неделю. Удостоверения нет, об исчезновении никто не заявлял. Не знаю, когда нам удастся установить его личность. – Почесав голову концом ручки, Эдвардс радушно предложил: – Хотите взглянуть на снимки с Ватерлоо? Я вам принес.

Уэбберли махнул рукой в сторону стены, на которой красовались изображения двенадцати жертв маньяка. Все они были убиты одним и тем же способом на вокзалах Лондона и на пригородных станциях. Вместе со случаем на вокзале Ватерлоо насчитывалось уже тринадцать убийств за пять недель. Газеты истошно голосили, требуя немедленного ареста Потрошителя, а Эдвардс, словно его это ничуть не касалось, насвистывал сквозь зубы песенку, разыскивая на захлавленном столе Уэбберли булавку, чтобы прикрепить к стенду фотографии новой жертвы.

– Неплохо вышло. – Отступив на шаг, он полюбовался своей работой. – По кусочкам сшил беднягу.

– Господи! – не выдержал наконец Хильер. – Ты не человек, ты – гиена! Хоть бы свой грязный халат оставлял в лаборатории, когда поднимаешься к нам на этаж. У нас тут и женщины работают, знаешь ли!

Эдвардс скроил мину, долженствовавшую изобразить почтительное внимание к словам начальства, однако его проворные глазки иронически ощупали фигуру старшего суперинтенданта, задержавшись на мясистом загривке, выпиравшем из воротника, и на пышной шевелюре, которую Хильер подчас именовал своей гривой. Пожав плечами, патологоанатом подмигнул Уэбберли.

– Шеф у нас настоящий джентльмен, – проворчал он, выходя из кабинета.

– Черт бы его побрал! – рявкнул Хильер, когда за врачом захлопнулась дверь.

Уэбберли расхохотался.

– Глотни хереса, Дэвид, – посоветовал он. – Бар у тебя за спиной. Всем нам неохота торчать тут в субботу.

После двух рюмочек хереса Хильер уже не злился на патологоанатома. Присоединившись к Уэбберли, он печально созерцал фотографии, развешанные на стене кабинета.

– Поди разберись, – угрюмо бормотал он, – Виктория, Кингз-Кросс, Ватерлоо, Ливерпуль, Блэкфрайерс, Пэддингтон. Черт его дери, хоть бы он алфавитный порядок соблюдал, что ли.

– Да, маньякам часто недостает аккуратности, – посочувствовал Уэбберли.

– Имена пяти жертв до сих пор даже не установлены, – сокрушался Хильер.

У всех украдены удостоверения личности, деньги и верхняя одежда. Если нет ничего подходящего в заявлениях об исчезнувших людях, приходится опознавать их по отпечаткам пальцев, а это, сам знаешь, быстро не делается. Мы стараемся как можем.

Хильер повернулся лицом к приятелю. Одно он знал точно – Малькольм всегда делает все, что в его силах, а когда настанет пора подсчитывать очки, он скромно отойдет в сторону.

– Извини. Я чересчур суетился?

– Есть малость.

– Как всегда. Так что там опять у Ниса с Керриджем? Из-за чего сыр-бор на этот раз?

Уэбберли бросил взгляд на часы.

– У них там в Йоркшире очередное убийство. Они снова не сошлись во мнениях и направили к нам гонца со всеми бумагами. Знаешь кого? Священника.

– Священника? Господи, это еще почему? Уэбберли только плечами пожал.

– Видишь ли, это единственный человек, которому доверяют и Нис, и Керридж.

– Но какое он имеет отношение к делу?

– Похоже, это он первым наткнулся на труп.

Хильер отошел к окну. Послеполуденное солнце ударило ему в лицо, резко подчеркнув и морщины, красноречиво говорившие о многих бессонных ночах, и оплывшие розовые щеки, столь же красноречиво свидетельствовавшие об избытке жирной пищи и хорошей выпивки.

– Да уж, такого еще не бывало. Керридж что, совсем умом тронулся?

– Нис твердит об этом вот уже несколько лет.

– Но посылать к нам свидетеля, нашедшего тело, человека, не имеющего никакого отношения к полиции! О чем он только думает?

– И Нис, и Керридж уверены в его абсолютной честности. – Уэбберли снова нетерпеливо взглянул на часы. – Он скоро к нам явится. Поэтому-то я тебя и позвал.

– Выслушать рассказ священника? Да мне-то зачем его слушать?

Уэбберли медленно покачал головой. Теперь нельзя горячиться, чтобы не насторожить Хильера.

– Дело не в самой истории. У меня есть план.

– Я тебя слушаю.

Хильер вернулся к бару за очередным глотком хереса. Выразительно махнул бутылкой в сторону Уэбберли, но тот только головой помотал. Вернувшись к своему креслу, Хильер устроился поудобнее, закинув ногу на ногу, стараясь, однако, не смять острую, как бритва, стрелку на великолепных и весьма недешевых брюках,

– Итак? – поторопил он.

Уэбберли упорно смотрел на грудку папок, скопившихся на его столе.

– Я бы хотел послать туда Линли, – пробормотал он.

Хильер иронически изогнул бровь.

– Линли против Ниса – матч-реванш? Тебе мало прежних неприятностей, Малькольм? К тому же у Линли на эти выходные отгул.

– Это мы уладим. – Уэбберли замялся, нерешительно поглядывая на Хильера. – Ты бы мог мне помочь, Дэвид, – вымолвил он наконец.

Хильер усмехнулся:

– Извини. Хотелось посмотреть, как ты попытаешься заступиться за нее.

– Чтоб тебя, – беззлобно ругнулся Уэбберли. – Ты же меня знаешь.

– Я знаю одно – ты чересчур добр, себе же во вред. Послушай, Малькольм, ты сам направил Хейверс в патрульные – пусть она там и остается.

Уэбберли вздрогнул и, чтобы скрыть смущение, притворился, будто пытается прихлопнуть назойливую муху.

– Меня совесть гложет.

– Ты не просто чертов дурень – ты еще и сентиментальный дурень. За все время своего пребывания в следственном отделе Барбара Хейверс не сумела сработаться ни с одним напарником. Восемь месяцев назад ты перевел ее в патрульные, и там она отлично справляется. Забудь о ней.

– Я не пробовал дать ей в напарники Линли.

– Ты бы еще принца Уэльского дал ей в напарники! В твои обязанности не входит перемещать сержантов с места на место, пока не подберешь им подходящую должность, чтобы они могли счастливо устроиться до самой старости. Твоя обязанность – обеспечить, чтоб дело двигалось, а если в это дело встрянет Хейверс, следствие никогда не кончится. И хватит об этом.

– Мне кажется, этот опыт кое-чему ее научил.

– Чему именно? Что наглость и бабье упрямство нисколько не помогают делать карьеру?

Слова Хильера неуловимо переменили тон беседы. Уэбберли готов был сдаться.

– В том-то все и дело, верно? – пробормотал он.

Хильер почувствовал, как дрогнул голос приятеля. Он всегда близко к сердцу принимал поражения Малькольма. В этом и впрямь было все дело – в карьере. Господи, какой же он неуклюжий болван – сказать такое!

– Извини, Малькольм. – Хильер поспешно проглотил херес, стараясь не глядеть в глаза своему свояку. – Мое место должен был бы занимать ты. Мы оба знаем, что ты этого заслуживаешь, ведь так?

– Глупости.

– Я подпишу вызов для Хейверс, – сказал Хильер.

Сержант полиции Барбара Хейверс захлопнула за собой дверь кабинета суперинтенданта, с гордо поднятой головой прошествовала мимо секретаря и направилась в коридор. Лицо ее побелело от ярости.

Как они посмели! Господи, как они посмели! Барбара столкнулась с кем-то из служащих – да так, что молодой человек выронил из рук целую стопку бумаг, но Барбара не остановилась помочь ему. Словно заведенная, продолжала свой путь. За кого они ее принимают? Или считают дурочкой, которая не в состоянии разгадать их замысел? Чтоб они все горели в аду! Чтоб они в аду горели!

Барбара сморгнула. Она не заплачет, ни за что не заплачет, она не позволит им довести себя до слез. Наконец из тумана перед ней выплыла дверь женского туалета. Барбара ринулась в это убежище. Там никого не было. Спокойно, прохладно. Почему в кабинете Уэбберли было так жарко? Или ей так показалось из-за душившей ее ярости? Барбара рванула узел галстука, распустила его, добралась до раковины, дрожащими пальцами повернула кран. Слишком сильно. Холодная вода мощной струей обрушилась на форменную юбку и белую блузку. Это доконало сержанта Хейверс. Поглядев на себя в зеркало, женщина разразилась слезами.

– Корова! – кричала она самой себе. – Тупая, уродливая корова!

Хейверс плакала очень редко, собственные слезы казались ей горячими и горькими, странно было ощущать их вкус во рту, странно было чувствовать, как они стекают по щекам, оставляя противные грязные ручейки на таком заурядном, таком неинтересном лице.

– Только посмотри на себя, Барбара! – продолжала она издеваться над собственным отражением. – Красотка, да и только.

Всхлипывая, Барбара отстранилась от раковины, уперлась пылающим лбом в холодный кафель стены.

Барбаре Хейверс исполнилось тридцать лет. От природы не слишком привлекательная, она и сама словно назло уродовала себя. Она могла бы уложить свои прекрасные, блестящие, каштановые волосы в прическу, выигрышно обрамляющую лицо, но вместо этого Барбара стригла их коротко и грубо, открывая уши, и выглядело это как деревенская стрижка «под горшок». Косметикой сержант Хейверс не пользовалась. Густые – их не мешало бы выщипать – брови нависали над маленькими глазками, скрывая сверкавший в них ум.

Узкие губы, которых никогда не касалась помада, навеки сложились в сердитую гримасу. В общем, Барбара выглядела решительной, недоступной и напрочь лишенной женственности,

– Итак, они подсунули мне нашего чудо-мальчика! – фыркнула она. – Что же ты не пляшешь от радости, Барб? Восемь месяцев тянула лямку, а теперь они отозвали тебя из патрульных и «предоставили еще один шанс». В паре с Липли! Я не стану! – яростно всхлипывала она. – Не стану! Не буду работать с этим самонадеянным фатом!

Оттолкнувшись от стены, Барбара проковыляла обратно к раковине. На этот раз она наливала холодную воду осторожно, склонилась над ней, умывая разгоряченное лицо, яростно стирая уличавшие ее следы слез.

– Я хочу предоставить вам еще один шанс поработать в следственном отделе, – сказал Уэб-берли, поигрывая ножом для разрезания бумаги. В этот миг Барбара заметила развешанные на стене фотографии жертв Потрошителя, и сердце ее радостно подпрыгнуло. Выслеживать Потрошителя! Да, о, господи, да, да! Когда приступать к работе? С Макферсоном или с кем-то еще?

– Это странное убийство в Йоркшире, в нем замешана молодая женщина, – продолжал суперинтендант. Стало быть, речь идет не о Потрошителе. Не важно, главное – участвовать в следствии. Замешана девушка? Значит, я смогу помочь. Наверное, моим напарником будет Стюарт? Он часто выезжает в Йоркшир. Мы с ним непременно сработаемся! – Всю информацию мы получим примерно через час. Вам следует присутствовать при разговоре, если вы собираетесь заняться этим делом.

Если я собираюсь им заняться! За три четверти часа я успею переодеться. Перекушу наскоро. Вернусь сюда. На последней электричке помчусь в Йорк. Интересно, мы с напарником поедem прямо отсюда? Машина нужна?

– Боюсь, мне придется попросить вас предварительно заехать в Челси.

Воцарилось подозрительное молчание.

– В Челси, сэр?

Почему вдруг Челси? Какая связь?

– Да, – словно между делом пояснил Уэбберли, бросив нож на стол. – Вам предстоит работать вместе с инспектором Линли. К

сожалению, нам придется вытащить его прямо со свадьбы Сент-Джеймса. Это в Челси. – Начальник быстро глянул на часы. – Венчание началось в одиннадцать, сейчас у них уже вовсю идет веселье. Мы пытались вызвать его по телефону, но, похоже, там кто-то сбросил трубку с аппарата, да так и оставил. – Уэбберли взгляделся в потрясенное лицо Барбары и нехотя спросил: – В чем дело, сержант?

– Инспектор Линли?! – Ей все стало ясно. Она знала, почему ее вызвали, почему именно она понадобилась на этот раз.

– Да, инспектор Линли. Вы что-то имеете против?

– Нет, я не против. – Запнувшись, она нехотя добавила: – Сэр.

Проницательные глазки Уэбберли оценивающе сощурились.

– Хорошо. Рад это слышать. Работа с Линли может многому вас научить. – Глазки все еще пристально следят за ней. – Постарайтесь вернуться как можно скорее. – Суперинтендант вновь погрузился в какие-то документы на своем столе. Барбара могла идти.

Посмотрев на себя в зеркало, сержант Хейверс принялась искать в кармане юбки расческу. Безжалостно разодрала острыми пластмассовыми зубцами спутавшиеся волосы, царапая кожу и радуясь этой боли. Линли! Ей было так ясно, так унижительно ясно, почему ее вдруг повысили из патрульных. Следствие они хотят поручить Линли, но напарником его должна быть женщина, а всем и каждому на Виктория-стрит известно, что ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности рядом с Линли. Он переспал со всеми возможными дамами – и не только в их отделе, путь его был усыпан разбитыми сердцами. У него была репутация жеребца-производителя, и, говорят, его выносливость вполне соответствовала этим слухам. Барбара сердито запихала расческу обратно в карман.

Ну, каково тебе это – оказаться той единственной счастливицей, которая может не опасаться за свою честь даже в присутствии всех покоряющего Линли? Да уж, нашу Барб никто не станет щупать в машине. Никто не пригласит ее поужинать вдвоем и «сверить записи». Инспектор Линли не повезет ее в свое поместье в Корнуолл «подумать вместе над запутанным случаем». Тебе нечего бояться, Барбара! Всем известно, что работа с Линли тебе ничем не грозит. За пять лет службы в одном отделе она убедилась, что красавчик инспектор избегает даже называть ее по имени, не то что похотливо касаться ее. Можно подумать, учеба в государственной школе и акцент простолюдинки –

это заразное заболевание, которое может передаваться Линли, если тот не сумеет тщательно избегать любых контактов с сержантом Хейверс.

Выйдя из уборной, Барбара побрела к лифту. В Скотленд-Ярде не было ни одного человека, к которому она испытывала бы такую ненависть, как к Линли. Этот человек словно по волшебству соединил в себе все то, что Барбара глубоко презирала: он учился в Итоне, был первым по истории в Оксфорде, выговаривал слова как положено выпускнику частной школы, а семейное древо уходило корнями в глубокую древность – чуть ли не к битве при Гастингсе. Светский человек. Блестящий ум. Очарователен – очарователен настолько, что все преступники Лондона готовы сами отдаться ему в руки, лишь бы душка инспектор не расстраивался.

Она в жизни не поверит, будто он и впрямь работает в Скотленд-Ярде потому, что хочет сделать свой вклад, хочет приносить пользу. Курам на смех! Его послушать, так карьера в городской полиции привлекает Линли больше, чем роскошная жизнь в поместье. Подумать только!

Двери лифта растворились, Барбара яростно устремилась в гараж. А ведь эту карьеру ему на блюдечке поднесли – все устроено, все схвачено, все обеспечено, с такими-то родителями и такими деньгами. Он купил себе эту должность, просто купил, он еще сделается и шефом полиции. Графский титул, с которым они все столько носятся, отнюдь не повредил его шансам на успех: за рекордно короткий срок Лиыли повысили в должности, и всем ясно, почему этот сержант так быстро стал инспектором.

Барбара направилась к своей машине, старенькой ржавой «мини», приткнувшейся в дальнем конце гаража. Хорошо быть богатым, титулованным, работать лишь ради забавы, возвращаться домой в особняк в Белгравии, а еще лучше – на уик-энд в Корнуолл, где ждут тебя дворецкие и горничные, повара и лакеи.

Подумай хорошенько, Барбара! Вообрази себя в подобном дворце! Как бы ты себя почувствовала? Сразу грохнулась бы в обморок или сперва тебя бы вырвало?

Швырнув сумку на заднее сиденье машины, Барбара с грохотом захлопнула дверь и включила зажигание. Колеса заскользили по бетонному полу. Добравшись до ворот гаража, Барбара неприветливо кивнула дежурному офицеру и выехала на улицу.

В выходные транспорта в центре мало. За несколько минут Барбара добралась с Виктория-стрит до набережной, а там легкий октябрьский ветерок охладил ее гнев, успокоил нервы, и женщина начала забывать о нанесенной ей обиде. Приятно было проехаться по этой дороге – прямо к дому Сент-Джеймса.

Барбаре нравился Саймон Алкерт-Сент-Джеймс, она почувствовала к нему симпатию в первый же день, когда увидела его на службе, десять лет назад. Двадцатилетняя девушка, только что получившая должность констебля с испытательным сроком, чувствовала себя крайне неуютно в этом сугубо мужском мире. Коллеги-полицейские, приняв пару рюмок, именовали своих сослуживиц «бабьим батальоном». А уж самой Барбаре за ее спиной давали прозвища и похлеще, и она это знала. Чтоб им всем гореть в аду! Всякую женщину, пытавшуюся проникнуть в следственный отдел, они считали отпетой идиоткой и «ставили на место». И только Сент-Джеймс, всего двумя годами старше Барбары, относился к ней как к равному напарнику, даже как к другу.

Теперь Сент-Джеймс имеет частную практику в качестве медицинского эксперта, но свою карьеру он начинал в Скотленд-Ярде. К двадцати четырем годам он считался одним из лучших специалистов по осмотру места происшествия, он был расторопным, наблюдательным, проницательным. Он мог выбрать любую специальность – работу следователя, патологоанатомический отдел, административную службу, но все оборвалось восемь лет назад, когда он вместе с Линли отправился в ту безумную поездку по сельским дорогам Суррея. Оба приятеля были вдрызг пьяны, и Сент-Джеймс не пытался затушевать этот малоприглядный факт. Однако, как всем было известно, Линли, сидевший в ту роковую ночь за рулем и потерявший управление на крутом повороте, счастливчик Линли не получил и царапины, а его ближайший друг, Саймон, превратился в калеку. Сент-Джеймс мог бы тем не менее продолжать службу в Скотленд-Ярде, но после катастрофы он предпочел уединиться в родовом особняке в Челси, где и провел отшельником целых четыре года. Запишем это на счет Линли, с угрюмым удовлетворением подумала Барбара.

Просто не верится, что Сент-Джеймс сохранил дружеские отношения с этим человеком, но так оно и было, а пять лет назад некое странное событие еще больше укрепило их отношения, вынудив Сент-

Джеймса вернуться к любимой профессии. Запишем и это на счет Линли, нехотя отметила Барбара.

Для «мини» нашлось свободное местечко на Лоренс-стрит, а оттуда Барбара прошла пешком по Лордшип-плейс до Чейн-роу. Здесь, поблизости от реки, белая лепнина и резные наличники украшали дома из темного кирпича, и черная краска подновляла старое железо оконных и балконных решеток. Когда-то Челси был деревней, улицы здесь остались узкими, нависающие своды платанов и вязов превращались осенью в красочный свод. Дом Сент-Джеймса стоял на углу, примыкая к высокой кирпичной стене, ограждавшей сад. Барбара уже различала шум веселой вечеринки. Чей-то голос, перекрывая другие звуки, надсаживался в тосте. Загремели приветственные клики. Старинная дубовая дверь в проеме стены была наглухо закрыта. Тем лучше, Барбара вовсе не хотела вторгаться на праздник в полицейской форме, точно она явилась произвести арест.

Завернув за угол, она обнаружила, что другая дверь высокого старинного особняка открыта навстречу дневному солнцу. Сюда тоже доносились отзвуки смеха, чистый звон серебра и фарфора, легкие хлопки пробок, вылетающих из бутылок шампанского, а где-то в глубине сада играли на скрипке и флейте. Повсюду справляли свой праздник цветы – и вдоль крыльца, перила которого оплели розовые и белые розы, источавшие опьяняющий аромат, и даже на балконах вился вьюнок, раскидывая во все стороны разноцветные цветы-граммофончики.

Затаив дыхание, Барбара поднялась по ступенькам. Стучать не стоило: хотя кое-кто из гостей, толпившихся у двери, одарил удивленным взглядом запоздавшую гостью, топтавшуюся у крыльца в столь неуместном здесь наряде, никто из них ее не окликнул.

Чтобы отыскать Линли, догадалась Барбара, ей придется проникнуть в парадный зал. От этой мысли у нее все сжалось внутри.

Она готова была уже потихоньку ретироваться к своей машине и прихватить оттуда старый плащ в надежде замаскировать форменную одежду, слишком туго облегающую бедра, натягивавшуюся на плечах и у ворота, но тут совсем рядом послышались шаги и смех. Сержант Хейверс посмотрела на лестницу, которая вела в зал. Женщина, спускавшаяся по ступенькам, продолжала оживленную беседу с кем-то, остававшимся на верхнем этаже.

– Только мы вдвоем. Можем и тебя с собой прихватить. Повеселимся, Сид! – Обернувшись, она заметила Барбару и замерла на месте, опустив одну руку на перила, словно позируя. Такая женщина может кое-как обмотать вокруг себя десять ярдов яркого шелка, и это будет выглядеть как новинка «от кутюр». Не слишком высокая, удивительно изящная, масса темных волос обрамляет безукоризненный овал лица. Она не раз приезжала за Линли в Скотленд-Ярд. Барбара сразу же опознала прекрасное видение – леди Хелен Клайд, любовница Линли и по совместительству лаборантка Сент-Джеймса. Леди Хелен двинулась вниз по лестнице и, миновав холл, приблизилась к двери. Как она уверена в себе, позавидовала Барбара, как владеет ситуацией!

– У меня ужасное предчувствие – вы явились за Томми, – с ходу заговорила та, приветливо протягивая руку. – Здравствуйте, я – Хелен Клайд.

Барбара назвалась и с удивлением ощутила крепкое, почти мужское рукопожатие. Вот только ладонь узкая и слишком прохладная.

– Да, его вызывают в Ярд.

– Бедняга! Какая жалость! Это просто несправедливо. – Казалось, леди Хелен обращается к самой себе, а не к Барбаре. Впрочем, она тут же извинилась за это ослепительной улыбкой. – Но вы же в этом не виноваты, верно? Пойдемте, я вас провожу.

Не дожидаясь ответа, Хелен направилась по коридору к двери в сад, предоставив Барбаре следовать за ней. Правда, при первом взгляде на множество покрытых белыми скатертями столов, за которыми болтали и хохотали нарядные, модно одетые гости, Барбара торопливо попятилась назад, в спасительный сумрак прихожей. Неуклюжим движением ладони она попыталась прикрыть ворот блузы.

Леди Хелен остановилась, в глазах ее отразилось сочувствие.

– Вызвать к вам Томми сюда? – предложила она, вновь коротко и дружелюбно улыбнувшись. – Очень уж там людно.

– Спасибо, – натянуто ответила Барбара, и леди Клайд заскользила по лужайке к группе мужчин, собравшихся вокруг высокого красавца, выглядевшего так, словно он и родился в визитке.

Леди Хелен коснулась его руки и что-то произнесла. Красавец обернулся к дому, явив Барбаре лицо, отмеченное несомненными признаками аристократического происхождения, лицо греческой

статуи, прекрасное в любом столетии. Откинув со лба светлые волосы, поставив бокал с шампанским на ближайший стол и обменявшись шуточкой с кем-то из друзей, Линли неторопливо направился к дому. Леди Хелен неотступно сопровождала его.

Укрывшись в тени, Барбара следила за его приближением – грациозная, плавная, почти кошачья походка. Самый красивый человек на свете. Как же она его ненавидела!

– Сержант Хейверс! – Он приветствовал ее кивком. – У меня в эти выходные отгул.

Барбара прекрасно понимала, что означают эти слова. «Вы досаждают мне, Хейверс».

– Меня прислал Уэбберли, сэр. Вы можете позвонить ему. – Отвечая, Барбара не смотрела инспектору в глаза, сосредоточив взгляд чуть повыше его левого плеча.

– Но он же знает, что сегодня свадьба! – возмутилась леди Хелен.

Линли сердито фыркнул:

– Конечно, знает, черт его побери! – Он окинул рассеянным взглядом лужайку и резко повернулся к Барбаре. – Дело Потрошителя? Я слышал, Макферсону дают в помощь Джона Стюарта.

– Насколько мне известно, это какое-то расследование в северных графствах. В деле замешана молодая девушка. – Барбара надеялась, что последняя информация ие пройдет мимо его ушей. Добавим перчику, это он любит. Вкусная приманка. Она ожидала, что инспектор спросит о подробностях, о тех деталях, которые только и интересуют его – возраст, замужем или нет, объем выпуклостей той девицы, на помощь которой он поспешит.

– На севере? – Глаза Линли подозрительно сузились.

Леди Хелен печально улыбнулась:

– Прощайте наши планы отправиться вечером на танцы. А я-то уговорила и Сидни пойти с нами.

– Видимо, тут уж ничего не поделаешь, – сказал Линли, выходя из тени на хорошо освещенное место. Внезапность этого движения и проступившая на его лице гримаса лучше всяких слов поведали Барбаре о том, как он раздражен.

Не укрылось это и от глаз леди Хелен, и она постаралась ободрить приятеля:

– Конечно, мы с Сидни можем и сами пойти на танцы. При нынешней моде на унисекс одну из нас все равно примут за мужчину, как бы мы ни оделись. К тому же у нас в резерве есть Джеффри Кусик. Придется позвонить ему. – Это прозвучало как привычная шутка между старыми приятелями. Хелен добилась своего – Линли ответил ей улыбкой, перешедшей в суховатый смешок.

– Позвать Кусика? Боже, до чего мы дожили!

– Смейся, смейся. – Леди Хелен и сама уже улыбалась. – Зато он возил нас в Аскот, когда ты с головой погрузился в какое-то кровавое дело на Сент-Панкрасе. У выпускников Кембриджа есть свои преимущества.

Линли громко расхохотался: – Главное их достоинство – умение даже в смокинге выглядеть сущими пингвинами.

– Злюка! – Леди Хелен наконец решила переключить свое внимание на Барбару. – Можно я хотя бы угощу вас чудным крабовым салатом, пока вы не потащили Томми в Ярд? Меня там как-то раз кормили гнуснейшими сэндвичами с яйцом. Если питание у вас с тех пор не улучшилось, не упускайте единственного шанса нормально поесть.

Барбара глянула на часы. Она-то хорошо понимала, что инспектору было бы очень кстати, если бы она приняла это приглашение, предоставив ему еще несколько минут для общения с друзьями. Однако Барбара не собиралась ни в чем идти ему навстречу.

– К сожалению, встреча назначена через двадцать минут.

Леди Хелен только вздохнула.

– Что ж, у вас не хватит времени как следует распробовать салат. Томми, мне ждать тебя или позвонить Кусику?

– Не вздумай звонить, – предупредил ее Линли. – Твой отец ни за что не разрешит тебе вверить свою судьбу парню из Кембриджа.

– Хорошо, – улыбаясь, промолвила Хелен. – А теперь, раз ты спешишь, я позову невесту с женихом, чтобы они с тобой попрощались.

Лицо его странно изменилось.

– Нет, Хелен! Просто передай мои извинения. Они обменялись взглядом более выразительным, чем любые слова.

– Ты должен попрощаться, Томми, – прошептала леди Хелен. Вновь повисла пауза, оба искали выход из положения. – Я скажу им,

что ты ждешь в кабинете. – И она быстро выскользнула из комнаты, не оставив Линли времени на раздумье.

Он еле слышно пробормотал что-то, следя глазами за тем, как Хелен пробирается между гостями.

– Вы на машине? – резко обернулся он к

Барбаре, отводя глаза от праздничной толпы.

– У меня «мини», – покорно ответила она. – В таком наряде вы будете странно в ней смотреться.

– Ничего, я сольюсь с обстановкой, как хамелеон. Какого она цвета?

Этот вопрос сбил Барбару с толку. Неужели чудо-мальчик пытается поддержать светскую беседу?

– В основном ржавого.

– Мой любимый цвет. – Распахнув дверь, Линли жестом пригласил Барбару пройти в темную комнату.

– Мне бы лучше подождать в машине, сэр. Она припаркована у..

– Оставайтесь здесь, сержант! – Его слова прозвучали как приказ.

Барбара против воли вошла в комнату. Шторы на окнах были задернуты, свет проникал только через открытую ими дверь, но Барбара сразу увидела, что это сугубо мужское помещение, богато отделанное темным дубом, заполненное книжными шкафами и отнюдь не новой мебелью. Здесь уютно пахло кожей комфортных кресел и, самую малость, шотландским виски.

Линли небрежно прислонился к стене, которую украшали фотографии в рамках, и молча разглядывал центральный снимок. Он был сделан на кладбище; человек на фотографии склонился над могильной плитой, пытаясь разобрать давно стертую временем надпись. Удачная композиция отвлекала внимание зрителя от уродливого ортопедического приспособления, удерживавшего ногу этого человека, заставляя взгляд сосредоточиться на худом, но полном жизни лице. Линли всматривался в портрет, забыв, по-видимому, о присутствии Барбары.

Этот момент не хуже любого другого годился для ее сообщения.

– Меня перевели из патрульных, – без предисловий объявила она. – Вот почему я здесь, понимаете?

Он плавно обернулся к ней.

– Снова в следственном отделе? – переспросил он. – Вот и хорошо, Барбара.

– Хорошо, да не для вас.

– В каком смысле?

– Что ж, придется кому-то вас предупредить, раз Уэбберли этого не сделал. Поздравляю: вы теперь в паре со мной. – Она следила, не выдаст ли он как-нибудь свое удивление, но, не дождавшись никакой реакции, продолжала; – Конечно, это чертовски неудачно – получить меня в напарники, уж я-то это понимаю. Понятия не имею, зачем Уэбберли это затеял. – Барбара продолжала что-то бормотать, едва разбирая собственные слова, не понимая уже, хочет ли она предотвратить его гнев или, наоборот, спровоцировать резкое движение: рука хватается за телефонную трубку – он требует объяснений, черт подери! – или, того хуже, она наткнется на ледяную любезность, и эта маска продержится до тех пор, пока Линли не сумеет переговорить с инспектором с глазу на глаз. – Остается только предположить, что у них не было больше никого под рукой или я обладаю неким скрытым талантом, о котором никто, кроме Уэбберли, не догадывается. А может, это такая шуточка. – И она чересчур громко рассмеялась.

– Или вы и впрямь лучше всех годитесь для этой работы, – подхватил Линли. – Что вам известно об этом деле?

– Мне? Ничего. Только...

– Томми! – При звуке этого голоса они обернулись. Одно только имя, не произнесено, словно выдохнуто. На пороге комнаты стояла невеста, в руке букет цветов, множество бутонов в рассыпавшихся по плечам волосах цвета меди. Свет из коридора подсвечивал сзади ее фигуру, и в платье цвета слоновой кости невеста казалась окруженной сияющим облаком, казалась ожившим творением Тициана. – Хелен сказала, ты уходишь...

Линли словно не знал, что ответить. Долго шарил в карманах, нащупал золотой портсигар, раскрыл его и резко, с досадой, захлопнул. Все это время невеста не сводила с него глаз, и цветы в ее сжатой руке слегка трепетали.

– Скотленд-Ярд, Деб, – пробормотал наконец Линли. – Надо ехать.

Она молча смотрела на него, машинально перебирая цепочку на шее, и ответила, только когда Линли встретился с ней глазами:

– Все будут очень огорчены. Что могло случиться? Саймон вчера говорил, что тебя, скорее всего, назначат расследовать дело Потрошителя.

– Нет. Деловая встреча.

– А! – Она хотела сказать что-то еще, даже начала было говорить, но вместо этого дружелюбно обернулась к Барбаре. – Я – Дебора Сент-Джеймс.

Линли стукнул себя по лбу:

– Ох, извините. – Он почти машинально завершил ритуал взаимного представления и спросил: – А где Саймон?

– Он шел за мной по пятам, но папа перехватил его. Папа до смерти боится отпускать нас одних в поездку, думает, я не смогу как следует позаботиться о Саймоне. – Она слегка усмехнулась. – Следовало мне раньше призадуматься, каково это – выйти замуж за человека, которого обожает мой отец. «Электроды, – твердит он мне то и дело, – надо заниматься его ногой каждое утро». По-моему, он сегодня повторил это раз десять.

– Что ж, зато вам удалось оставить папу дома, отправляясь в свадебное путешествие.

– Да, они и на день не расставались с тех самых пор, как... – Тут она сделала неловкую паузу, глаза их встретились, и леди, залившись неровным румянцем, отвернулась, покусывая нижнюю губу.

Повисло напряженное молчание. В такие моменты произвольный жест, стусившаяся атмосфера говорят гораздо больше, чем любые слова. Барбара ощутила облегчение, услышав в коридоре медленную, болезненно неровную поступь, возвещавшую о приближении законного супруга Деборы.

– Говорят, ты похищаешь у нас Томми. – Остановившись в дверях, Сент-Джеймс сразу же заговорил негромким голосом. Он привык начинать разговор еще не войдя в комнату – таким образом он отвлекал внимание собеседников от своего увечья и избавлял их от замешательства. – По-моему, это противоречит традиции, Барбара. Обычно крадут невесту, а не дружку жениха.

Если Линли походил на Аполлона, то его друг определенно напоминал Гефеста. В нем не было ничего привлекательного, кроме

глаз цвета небесной синевы и чутких, выразительных рук художника. Темные, неровно подстриженные волосы беспорядочно вились, лицо будто состояло из одних острых углов: грозное в гневе, надменное в презрении, оно неожиданно оживлялось и смягчалось сияющей улыбкой. Он был тонок, как молодое деревце, но совсем не так крепок – этот человек слишком рано прошел через физическую боль и отчаяние.

Барбара улыбнулась ему, впервые за весь день улыбнулась радушно и искренне.

– Скотленд-Ярд не станет похищать даже такое сокровище, как твой шафер. Как жизнь, Саймон?

– Прекрасно. По крайней мере так утверждает мой тесть, К тому же я счастлив. Он, кажется, предвидел все с самого начала. Он предназначил ее мне, как только она родилась на свет. Вы уже познакомились с Деборой?

– Только что.

– И вы не можете ни на минуту больше задержаться?

– Уэбберли назначил встречу, – вставил Линли. – Ты же знаешь, как это делается.

– Еще бы не знать! Ну, тогда не будем вам мешать. Нам тоже скоро в путь. Если что-то понадобится, спроси наш адрес у Хелен.

– Ни о чем не беспокойся. – После небольшой паузы, словно преодолев смущение, Линли добавил: – Поздравляю от всей души, Сент-Джеймс.

– Спасибо, – ответил ему друг. Кивнув на прощание Барбаре и легонько дотронувшись до плеча жены, он вышел из комнаты.

Странное дело, подумала Барбара. Почему они не обменялись рукопожатием?

– Ты в таком виде поедешь в Скотленд-Ярд? – поинтересовалась Дебора.

Линли мрачно оглядел свой костюм.

– Надо же поддержать мою репутацию распутника. – И они дружно расхохотались. На миг между ними воцарилось полное согласие и тут же вновь сменилось замешательством.

– Что ж, – пробурчал Линли.

– Я приготовила речь, – пролепетала Дебора, пряча лицо в цветы. Букет вновь задрожал в ее руке, несколько лепестков полетело на пол.

Она заставила себя вздернуть подбородок и глядеть прямо. – Речь прямо во вкусе Хелен. О моем детстве, о папе, об этом доме. Ну, ты сам знаешь. Хорошая речь, веселая, остроумная. Но я с этим не справлюсь, ни за что не справлюсь. Это свыше моих сил. Безнадёжно. – Она вновь опустила глаза и обнаружила у своих ног прокравшегося в комнату крошечного щенка таксы, который приволок в зубах женскую сумочку. Положив свою добычу на Дебориину атласную туфельку, песик дружелюбно и весело помахивал хвостиком, явно ожидая награды за свои труды.

– Нет, Пич! – Дебора, смеясь, попыталась спасти сумочку из собачьих зубов, но когда она распрямилась, в ее зеленых глазах блеснули слезы. – Спасибо, Томми. Спасибо тебе за все. За все.

– К вашим услугам, – весело отвечал он. Подойдя к Деборе, Томас Линли порывистым движением прижал ее к себе и поцеловал в волосы.

И Барбара, наблюдавшая эту сцену со стороны; догадалась, что Сент-Джеймс – а почему, о том ему лучше знать – намеренно оставил их вдвоем именно ради этого поцелуя.

Тело было обезглавлено. Эта жуткая подробность в первую очередь бросалась в глаза. Три полицейских офицера, собравшиеся за круглым столом в кабинете Скотленд-Ярда, склонились над фотографиями чудовищно изувеченного тела.

Отец Харт беспокойно поглядывал то на одного, то на другого из присутствовавших, тайком перебирая в кармане серебряные бусины миниатюрных четок. Эти четки в 1952 году благословил Папа Пий XII. Разумеется, не на аудиенции, кто бы мог надеяться на такую честь, и все же крест, начертанный дрожащей рукой первосвященника над головами двух тысяч благочестивых паломников, должен обладать особой силой. Тогда отец Харт закрыл глаза и высоко поднял в воздух свои четки, чтобы не упустить ни капли из пролившейся на них благодати.

Перебирая четки, он добрался до третьей декады скорбных таинств, когда высокий блондин наконец заговорил.

– «Какой удар был нанесен»^[1], – пробормотал он, и отец Харт внимательно посмотрел на него.

Этот человек – полисмен или нет? Отец Харт не понимал, почему блондин так нарядно одет, но, услышав знакомую цитату, с надеждой обернулся к нему.

– А, Шекспир. Да. Удивительно точно. Толстяк с вонючей сигарой во рту бросил на священника недоумевающий взгляд. Харт смутился, кашлянул и продолжал молча смотреть на то, как специалисты изучают фотографии.

Харт провел в этой комнате уже четверть часа практически в полном молчании. Толстяк раскуривал свою сигару, женщина дважды намеревалась что-то сказать, но сама себя сурово обрывала, и первой фразой, прозвучавшей здесь, стала эта строка Шекспира.

Женщина беспокойно постукивала кончиками пальцев по столу. Она-то уж точно служит в полиции. Это видно по ее форме. Но почему она такая несимпатичная – маленькие подвижные глазки, плотно сжатый рот? Она совершенно не годится. Не сможет ничем помочь. Не сумеет поговорить с Робертой. Как же им объяснить?

Следователи по-прежнему рассматривали жуткие фотографии. Отец Харт старался даже не смотреть в эту сторону. Он слишком хорошо помнил, что на них изображено, он первым оказался на месте преступления, и вся сцена навеки отпечаталась в его мозгу. Уильям Тейс лежал на боку – здоровенный мужчина шести с лишним футов роста, – скрючившись, словно зародыш в утробе, прижав левую руку к животу, подтянув колени к груди, а на месте головы – на месте головы не было ничего. Да, и впрямь как Клотен. Только возле него сидела не очнувшаяся в испуге Имогена, а Роберта, повторявшая ужасные слова: «Я сделала это. Я рада». Голова откатилась в угол хлева на кучу прогнившего сена. Харт посмотрел туда, и... о, боже, там сверкали мерзкие крысиные глазки, острые коготки разодрали кожу на лице Тейса, и подрагивающий нос серой твари уже окрасился кровью, а крыса все продолжала скрести. Отче наш, иже еси на небесах... Отче наш, иже еси на небесах... Надо еще многое рассказать, многое, но сумею ли я теперь припомнить?!

– Отец Харт! – Блондин, облаченный в визитку, отложил в сторону очки и извлек из кармана золотой портсигар, – Вы курите?

– А... да, спасибо. – Священник торопливо схватил портсигар, надеясь, что никто не заметил, как дрожат его руки. Затем блондин протянул изящную коробочку женщине, но та решительно покачала головой. Вслед за золотым портсигаром на свет появилась серебряная зажигалка. Все это заняло несколько секунд. Харт радовался передышке, позволившей ему собраться с мыслями.

Блондин всмотрелся в длинный ряд фотографий, украшавших дальнюю стену кабинета, и уселся поудобнее.

– Почему вы отправились в тот день на ферму, отец Харт? – негромко спросил он, скользя взглядом от одной фотографии к другой.

Отец Харт близоруко заморгал. «Наверное, это фотографии подозреваемых?» – с надеждой подумал он. Быть может, Скотленд-Ярду удалось наконец напасть на след этого изувера? Но на таком расстоянии он даже не мог определить, люди изображены на этих фотографиях или какие-нибудь предметы.

– Было воскресенье, – ответил он, словно такого пояснения было достаточно.

Блондин быстро повернул голову. У этого молодого человека прекрасные карие глаза.

– Вы обычно навещали Тейсов по воскресеньям? – осведомился он. – Приходили к ним обедать?

– О... я прошу прощения... я думал, это есть в рапорте... понимаете... – Опять он сбивается. Отец Харт несколько раз подряд сильно затянулся. Все пальцы в несмываемых пятнах от никотина. Потому-то блондин и предложил ему сигарету. Свои он забыл дома и на вокзале, увы, не догадался купить пачку. Столько всего обрушилось на него! Священник продолжал жадно втягивать в себя дым.

– Отец Харт! – окликнул его толстяк, начальник блондина. С самого начала все присутствовавшие назвали свои имена, но Харт, конечно же, все уже перепутал, Запомнил он только женщину – Хейверс, сержанта Хейверс, судя по нашивкам. Но два других имени выскользнули из его памяти. Он смотрел на сумрачные лица следователей и все больше поддавался панике.

– Простите, что вы сказали?

– Вы каждое воскресенье ходили к Тейсам?

Отец Харт изо всех сил старался ответить ясно, последовательно и разумно. Его пальцы по-прежнему сжимали в кармане серебряные четки. Уколовшись об острый выступ распятия, священник нащупал крошечное тело, вытянувшееся в агонии. Господи, какая страшная смерть!

– Нет, – поспешно отвечал он. – Уильям был регентом в хоре. У него великолепный бас. То есть был. Вся церковь наполнялась звуком его голоса, и я... – Он глубоко вздохнул. Только бы не сбиться с мысли. – В то утро он не пришел к мессе, и Роберта не пришла. Я беспокоился. Тейсы никогда не пропускали воскресную службу. Вот почему я пошел на ферму.

Офицер, куривший сигару, прищурился, рассматривая священника сквозь облако едкого дыма.

– Вы всегда навещаетесь к прихожанам, если они пропускают мессу? Держите их в строгости?

Сигарета догорела до самого фильтра. Пришлось загасить ее.

Блондин тоже загасил свою, не выкурив ее и наполовину, снова вытащил портсигар и протянул его священнику. Вновь пошла в ход серебряная зажигалка. Вспыхнул красный огонек, заструился дым, увлажняющий гортань, успокаивающий нервы.

– Главным образом я сделал это ради Оливии. Следователь заглянул в рапорт.

– Вы имеете в виду Оливию Оделл? Отец Харт обрадованно закивал.

– Понимаете, они с Уильямом Тейсом только что обручились. В то самое воскресенье вечером должно было состояться оглашение. Она несколько раз звонила ему после мессы, но никто не отвечал. Вот она и попросила меня помочь.

– Почему она сама не пошла?

– Она хотела пойти, но не смогла из-за Бриди, то есть из-за ее селезня. Селезень потерялся, и Оливии пришлось его искать. Она не могла уйти из дому, пока он не нашелся.

Полицейские в недоумении уставились на священника. Отец Харт покраснел. Все это звучит так глупо! Надо попытаться объяснить.

– Видите ли, Бриди – дочка Оливии. У нее есть ручной селезень. Не совсем ручной, конечно, но все-таки... – Как рассказать этим людям обо всех причудах и особенностях обитателей его прихода? Им уже и то странно, что большинство жителей английской деревни – католики.

Блондин заговорил вновь, очень мягко:

– Значит, Оливия и Бриди занялись поисками селезня, а вы отправились на ферму.

– Да-да, вот именно. Спасибо, – благодарно просиял отец Харт.

– Расскажите, что произошло, когда вы туда пришли.

– Сперва я подошел к дому, но там никого не оказалось. Дверь была не заперта, я еще подумал, что это очень странно. Уильям всегда закрывал все на замок, если куда-нибудь отлучался. Это у него вошло в привычку. Он и мне говорил, чтобы я запираю церковь, когда ухожу. По средам, после спевки хора, он не покидал церковь, пока все не разойдутся, и сам проверял, не забыл ли я запереть дверь. Такой уж он был человек.

– Значит, вы встревожились, когда обнаружили, что дверь осталась незапертой? – предположил блондин.

– Да, конечно. Хотя и среди белого дня, в час пополудни. Поэтому, когда на стук никто не ответил, я решился войти в дом. – Священник словно извинялся за свой поступок.

– Там ничего необычного не было?

– Абсолютно ничего. В доме было прибрано, у них всегда очень чисто. Да, только... – Он отвел взгляд к окну. Разве он сумеет им объяснить?

– Что?

– Свечи сгорели полностью.

– У них нет электричества?

Отец Харт печально поглядел на своих собеседников:

– Церковные свечи. Они должны гореть всегда. Круглые сутки.

– Вы имеете в виду – перед святыней?

– Да-да, вот именно. Перед святыней, – поспешно согласился он, торопясь продолжить свой рассказ. – Когда я увидел эти свечи, я сразу понял – что-то случилось. Ни Уильям, ни Роберта никогда бы не допустили, чтобы свечи погасли. Я прошел через весь дом. А потом, через черный ход, к хлеву.

– И там...

Что еще остается рассказать? Войдя вовнутрь, он сразу погрузился в мертвящую тишину. Снаружи, с ближнего пастбища, доносилось блеяние овец, пение птиц славило царящий повсюду порядок и мир. Но здесь, в хлеву, наступило молчание, ледяное молчание, словно в аду. Едва священник отворил дверь, в ноздри ему ударил душный, терпкий запах недавно пролитой крови, этот запах заглушал ароматы навоза, зерна и гниющего сена, неотвратимо, вопреки его воле, притягивая вошедшего к себе.

Роберта сидела в стойле на перевернутой бадье. Крупная девица, пошла в отцовскую породу и окрепла на крестьянской работе. Девушка сидела неподвижно, уставившись не на распростертый перед ней безголовый труп, а на противоположную стену, будто изучала неповторимый узор, в который сложились трещины на известке.

– Роберта! – тревожно окликнул ее Харт. Он чувствовал, что все его внутренности сжались в тугой комок и тошнота поднимается к горлу.

Ответа он не дождался – ни вздоха не сорва-эсь с ее уст, ни малейшего жеста не последовало.

Он видел лишь широкую спину Роберты, мясистые ноги она поджимала под себя. Подле девушки лежал топор. И только в эту минуту, глянув поверх ее плеча, священник вполне отчетливо увидел изувеченное тело.

– Я сделала это. Я рада. – Вот и все, что она наконец сказала.

Отец Харт зажмурился, отгоняя от себя тягостные воспоминания.

– Я вернулся в дом и вызвал Габриэля.

На миг Линли представилось, что священник имеет в виду не кого иного, как архангела. Этот нелепый маленький человечек, с трудом продиравшийся сквозь дебри своего запутанного повествования, вполне мог поддерживать контакт с миром иным.

– Габриэля? – напряженно переспросил Уэбберли. Линли догадался, что терпение его начальника уже истощилось. Он быстро перелистал полицейский отчет, надеясь натолкнуться на это имя. Ага, вот оно.

– Габриэль Лэнгстон. Местный констебль, – пояснил он. – Насколько я понимаю, отец Харт, констебль Лэнгстон тут же позвонил в Ричмонд, в полицию?

Священник кивнул. Он с тоской глянул в сторону портсигара. Линли открыл его и в очередной раз пустил сигареты по кругу. Хейверс отказалась, священник тоже было отказался, но Линли, чтобы подбодрить его, сам взял третью сигарету. От непрерывного курения в горле уже саднило, но Линли понимал, что им не дослушать эту историю до конца, если в организме рассказчика иссякнет запас никотина, а святому отцу почему-то требовался товарищ, разделяющий с ним его вредное пристрастие. Линли с отвращением сглотнул, мечтая о стаканчике виски, зажег сигарету и оставил ее бесцельно тлеть в пепельнице.

– Из Ричмонда приехали полицейские. Все произошло очень быстро. Они... они забрали Роберту.

– Этого следовало ожидать. Она призналась в убийстве, – произнесла Хейверс, поднимаясь со своего места и отходя к окну. Жесткая интонация ясно давала понять, что с точки зрения сержанта полицейские напрасно тратят время на беседу с глупым стариком. Им следовало давно уже мчаться на север, к месту события.

– Многие люди ложно обвиняют самих себя, – заметил Уэбберли, взмахом руки приказывая сержанту вернуться на место. – У меня скопилось уже двадцать пять признаний в убийствах, совершенных нашим Потрошителем.

Я только пытаюсь напомнить, что... Об этом поговорим позже.

– Роберта не могла убить своего отца, – продолжил священник, воспользовавшись паузой. – Это просто невозможно.

– В семье и такое случается, – мягко возразил ему Линли.

– Но вы забываете про Усишки!

После столь странной реплики, которая самому священнику, по-видимому, казалась вполне ясной и разумной, воцарилась тишина. Никто не отваживался заговорить или даже взглянуть в лицо собеседнику. Тяжелое, затянувшееся молчание нарушил Уэбберли.

– Иисусе, – проворчал он, резким движением оттолкнув свой стул от стола. – Прошу прощения, но... – Он направился к бару в углу кабинета и вынул из него три бутылки.

– Виски, херес, бренди? – предложил он всем присутствовавшим.

Линли мысленно вознес благодарственную молитву Бахусу.

– Виски! – отозвался он.

– Вам, Хейверс?

– Мне не нужно, – сурово отвечала она, – я при исполнении.

– Разумеется. Что вы будете пить, святой отец?

– Ох, вот если бы глоточек хереса...

– Стало быть, херес. – Уэбберли быстро выпил, налил себе еще и вернулся к столу.

Теперь каждый задумчиво смотрел в свой стакан, словно гадая, кто же первым задаст вопрос на этот раз. Наконец на это отважился Линли, предварительно увлажнив нёбо отборным благоуханным виски.

– Усишки? – повторил он.

Отец Харт кивнул в сторону разложенных на его столе бумаг.

– Разве об этом не упоминается в отчете? – жалобно спросил он. – Не сказано о собаке?

– Да, здесь упоминается о собаке.

– Это и был Усишки, – пояснил священник. Здравый смысл вновь одержал победу. Все вздохнули с облегчением.

– «Пес был найден убитым в хлеву рядом с Тейсом», – вслух зачитал Линли.

– Вот именно! Теперь вы понимаете? Вот почему мы все убеждены в невиновности Роберты. Не говоря уж о том, как она была предана отцу, нельзя забывать про Усишки. Она бы никогда не причинила вреда этой собаке. – Отец Харт торопливо подбирал как можно более убедительные слова. – Этот пес сторожил ферму, он жил

в их семье с тех пор, как Роберте минуло пять лет. Конечно, он уже одряхлел, видел плоховато, но никому и в голову бы не пришло избавиться от такой собаки. Его знала вся деревня, мы все его баловали. Днем он обычно приходил в церковный двор, к Найджелу Парришу, и валялся на солнышке, слушая, как Найджел играет на органе – он наш церковный органист. А порой пес заходил на чай к Оливии.

– Он ладил с селезнем? – с серьезным видом уточнил Уэбберли.

– Как нельзя лучше! – радостно отозвался отец Харт. – Усишки прекрасно ладил с каждым из нас. Но за Робертой он следовал по пятам, куда бы она ни пошла. Вот почему, когда арестовали Роберту, я понял, что надо что-то делать. И я поехал к вам.

– И вы поехали к нам, – подхватил Уэбберли. – Вы нам очень помогли, святой отец. Полагаю, инспектор Линли и сержант Хейверс выяснили все, что им требовалось. – Он поднялся на ноги и распахнул дверь своего кабинета. – Харриман!

Пальцы, выстукивавшие морзянку на клавиатуре компьютера, прекратили свой бег. Послышался скрип быстро отодвигаемого стула, и в комнату вошла секретарша Уэбберли.

Доротея Харриман внешне слегка напоминала принцессу Уэльскую, и это сходство, к смущению окружающих, она подчеркивала: красила волосы, уложенные в изысканную прическу, в цвет согретой солнцем пшеницы, а при виде любого мужчины, способного оценить спенсеровские очертания ее носа и подбородка, снимала очки. Доротея мечтала выдвинуться, сделать хорошую «крьеру» – это слово она предпочитала выговаривать именно так, познергичнее. С работой она справлялась хорошо и вполне могла рассчитывать на повышение по службе, особенно если бы она отказалась от нелепой манеры одеваться так, что всякий принимал ее за ярмарочное чучело принцессы Дианы. В тот день она нарядилась в некое подобие розового бального платья, укороченного для повседневной жизни. Выглядело это чудовищно.

– Слушаю, суперинтендант! – промурлыкала она. Не вникая никаким заклятиям и угрозам, Харриман продолжала именовать всех сотрудников Скотленд-Ярда по чину и званию.

Уэбберли обернулся к священнику.

– Вы собираетесь переночевать в Лондоне, святой отец, или вернетесь в Йоркшир?

– Я должен успеть на последний поезд. Понимаете, несколько прихожан должны сегодня исповедаться, и, поскольку мне пришлось отлучиться, я обещал, что выслушаю их не позднее одиннадцати.

– Ясно. – Уэбберли кивнул. – Вызовите такси для отца Харта, – приказал он Харриман.

– О нет, у меня не хватит... Уэбберли жестом остановил его:

– Скотленд-Ярд берет все на себя, святой отец. «Берет все на себя». Священник попробовал эти слова на вкус. Он даже покраснел от удовольствия, которое доставила ему эта фраза, свидетельствующая о человеческом братстве и готовности понять друг друга. И он покорно вышел из кабинета вслед за секретаршей суперинтенданта.

– Что вы все-таки пьете, сержант Хейверс? – спросил Уэбберли, когда за отцом Хартом захлопнулась дверь.

– Тоник, сэр, – отрезала она.

Отлично, – проворчал он и вновь распахнул дверь. – Харриман! – рявкнул он секретарше. Разыщите где-нибудь бутылку «швепса» Для сержанта Хейверс... Нечего изображать, будто вы понятия не имеете, где найти тоник. Идите и принесите! – Громко стукнув дверью, Уэбберли вернулся к бару и достал оттуда бутылку виски.

Линли потер лоб и крепко сжал ладонями виски.

– Господи, голова просто раскаляется! – простонал он. – Может быть, у кого-нибудь есть аспирин?

– У меня есть, – сообщила Хейверс, выуживая из сумки маленькую коробочку. Перебросив ее Линли через стол, она предложила с наигранным радушием: – Берите сколько понадобится, инспектор.

Уэбберли задумчиво смотрел на нее. Он уже не первый раз спрашивал себя, смогут ли столь несхожие люди работать вместе. Хейверс вся оцетинилась, словно еж, только и ждет, что ее сейчас кто-нибудь обидит. Однако под непривлекательной наружностью прячется живой, стремящийся к истине ум. Захочет ли Томас Линли проявить достаточное терпение и готовность ободрять и поощрять этот ум, не обращая внимания на проявления малоприятного характера, из-за которых у Хейверс не сложились отношения со всеми предшествующими напарниками?

– Извини, что вытащил тебя со свадьбы, Линли, но выхода у нас не было. Нис с Керриджем снова затеяли свару. Помнишь, в прошлый раз прав был Нис, да вот беда – расхлебывать-то все пришлось нам. Я подумал, – тут он поднес к губам стакан и заговорил медленнее, подчеркивая каждое слово, – я подумал, ты сумеешь напомнить Нису, что порой и он может сделать ошибку.

Уэбберли пристально вглядывался в лицо своего подчиненного, наблюдая за его реакцией – не дрогнет ли лицо, не качнется ли голова, не сверкнет ли в глазах искра гнева. Нет, Линли ничем себя не выдал. А ведь в Скотленд-Ярде все отлично помнили, что пять лет назад в Ричмонде Нис арестовал Линли; и хотя подозрение в убийстве оказалось совершенно нелепым и безосновательным, этот арест стал единственным мрачным пятном в великолепном послужном списке, унижением, с которым Линли вряд ли когда-нибудь смирится.

– Прекрасно, сэр, – весело ответил Линли. – Я все понял.

Стук в дверь возвестил о том, что поиски «швепса» увенчались успехом. Мисс Харриман торжественно поставила бутылку с тоником перед сержантом Хейверс и метнула взгляд на часы. До шести оставались считанные минуты.

– Поскольку сегодня нерабочий день, суперинтендант, – начала она довольно официально, – полагаю, я вправе...

– Да, да, ступайте домой, – отозвался Уэбберли.

– Нет, нет, дело не в этом, – нежным голоском отозвалась секретарша. – Я просто хотела напомнить, что, раз в уставе есть пункт шестьдесят пять "А" относительно отгулов за сверхурочную работу...

– Я вам обе руки переломаяю, если вы не выйдете в понедельник. – Уэбберли произнес эту угрозу столь же нежным голосом, как и его секретарша. – Мы тут завязли с этим Потрошителем.

– Я вовсе не имела в виду понедельник, сэр. Могу я записать сверхурочные в журнал? Пункт шестьдесят пять "С" предписывает...

– Запишите куда вам вздумается, Харриман! Женщина сочувственно улыбнулась.

– Договорились, суперинтендант. – И дверь за ней затворилась.

– Линли, эта ведьма подмигнула вам, выходя из комнаты! – возмутился Уэбберли.

– Я ничего не заметил, сэр.

Было уже полдевятого, когда они начали отбирать нужные им бумаги из царившего на столе Уэбберли хаоса. Тьма сгущалась, электрическое освещение только подчеркивало царившее в комнате запустение. Кабинет выглядел еще хуже, чем прежде: новые документы, доставленные с севера, добавились к загромодившим стол папкам; сгустившийся дым выкуренных за вечер сигар и сигарет в сочетании с запахами виски и хереса весьма напоминал атмосферу дешевой пивной.

Барбара всмотрелась в осунувшееся от усталости лицо Линли и пришла к выводу, что аспирин ему не помог. Подойдя к стене, где были развешаны фотографии жертв Потрошителя, инспектор изучал их, неторопливо переходя от одного изображения к другому. Он поднял руку и осторожно провел пальцем по следу, оставленному на шее жертвы ножом Потрошителя.

– Смерть равняет всех, – пробормотал инспектор. – Стирает краски, лишает формы. Кто бы сказал, что прежде это был живой человек?

– Или вот это, – напомнил Уэбберли, махнув рукой в сторону страшных фотографий, доставленных отцом Хартом.

Линли вновь присоединился к своим коллегам. Он стоял рядом с Барбарой, но Барбара была уверена, что Линли даже не замечает ее присутствия. Она следила, как Линли перебирает фотографии, а лицо его, точно открытая книга, отражает все его чувства: отвращение, ужас, сострадание. Барбара в очередной раз подивилась, как инспектору удастся успешно провести расследование, не обнаружив перед подозреваемым своих мыслей. И все же дела он всегда завершал удачно. Барбара помнила послужной список Линли, длинный перечень разоблаченных и пойманных преступников. Чудо-мальчик во всех отношениях.

– Стало быть, утром туда и поедем. – Линли обращался к суперинтенданту. Разыскав на столе большой конверт, он принялся складывать в него Документы.

Уэбберли изучал железнодорожное расписание, которое ему каким-то чудом удалось извлечь из-под завалов бумаг.

– Восемь сорок пять вам подойдет.

– Помилосердствуйте, сэр! – взмолился Линли. – Мне нужно проспать десять часов, чтобы исцелиться от мигрени.

– Тогда девять тридцать. И не позднее. Уэбберли прощальным взглядом охватил свой кабинет, влезая в твидовое пальто. Это одеяние, как и все принадлежавшие Уэбберли костюмы, протерлось на локтях почти до дыр, а возле правого лацкана была неуклюже залатана дырочка – разумеется, прожженная пеплом сигары.

– Во вторник выйдете на связь, – распорядился начальник, уходя.

Как только суперинтендант покинул помещение, Линли ожил, словно по мановению волшебной палочки. В ту самую секунду, когда за Уэбберли затворилась дверь, Линли с неожиданным проворством скользнул к телефону и набрал номер. Он ждал ответа, ритмично барабанил пальцами по столу и хмуро поглядывая на часы. Прошла почти минута, и лицо инспектора наконец расцвело улыбкой.

– Ах, лапонька, ты меня ждала, – промурлыкал он в трубку. – Значит, ты наконец порвала с Джеффри Кусиком?.. Ага! Я так и думал, Хелен. Я все время тебе твердил – разве помощник адвоката может сделать тебя счастливой?! Как закончился прием?.. В самом деле? Господи, вот так зрелище! Эндрю в жизни своей не плакал... Бедняга Сент-Джеймс. Он, наверное, чуть Богу душу не отдал... Да, от шампанского такое случается. Сидни пришла в себя?.. Да, с самого начала было похоже, что она все-таки даст волю чувствам. Она никогда и не скрывала, что Саймон самый любимый из ее братьев... Конечно, мы потанцуем сегодня. Мы же дали друг другу слово, верно?.. Ты дашь мне час на сборы, а?.. Эй, а это еще что?.. Хелен! Господи, вот противная девчонка! – Рассмеявшись, Линли бросил трубку. – Вы еще здесь, сержант? – удивился он, все-таки заметив ее.

– У вас нет машины, сэр, – с достоинством отвечала она. – Я ждала, чтобы подвезти вас домой.

– О, это так великодушно, но мы все проторчали тут целый вечер, и вам, я полагаю, есть чем заняться в субботу, вместо того чтобы отвозить меня домой. Я поеду на такси. – Склонившись над столом Уэбберли, Линли быстро записал что-то на клочке бумаги. – Вот мой адрес, – сказал он, передавая записку Барбаре. – Заедете за мной завтра в семь утра, хорошо? У нас еще останется время, чтобы обсудить всю эту историю, прежде чем мы отправимся в Йорк. Спокойной ночи. – С этими словами он вышел из кабинета.

Барбара поглядела на зажатый в ее руке клочок бумаги, на почерк, изысканности которого не могла повредить даже спешка. Она целую

минуту не отводила глаз от записки, а потом растерзала на мелкие кусочки и стряхнула их в мусорную корзину. Ей ли не знать, где живет Томас Линли.

На Аксбридж-роуд Барбара начала терзаться угрызениями совести. Чувство вины всегда охватывало ее по мере приближения к родному дому, а сегодня оно было еще острее, поскольку она опоздала в турагентство и не смогла раздобыть брошюры о Греции, как обещала. «Тур императрицы»! Додумаются же дать столь роскошное имя крошечной нищей конторе, в которой клерки сидят за столами, покрытыми пластиком «под дерево». Притормозив, Барбара попыталась рассмотреть сквозь грязное ветровое стекло хоть какие-нибудь признаки жизни. Владельцы этого агентства жили в том же доме. Если громко постучать в дверь, они, может быть, откликнутся. Да нет, это уж слишком. Мама ведь на самом деле не собирается в Грецию. Подождет своих брошюр еще денек, ничего страшного.

И все же... по пути домой она миновала по меньшей мере дюжину турагентств. Почему она не зашла в одно из них? Ведь у мамы не осталось в жизни ничего, кроме этих дурацких мечтаний. Чувствуя потребность хоть как-то искупить свое упущение, Барбара припарковала автомобиль перед входом в магазин Пателя. Стены обветшавшего здания сохранили следы зеленой краски, а внутри покрывались пылью залежавшиеся на полках товары. Из расставленных там и сям корзин поднимался странный запах, намекавший, что «свежие» овощи провели тут отнюдь не один день. У Пателя все еще открыто. Ничего удивительного, этот человек за грош удавится.

– Барбара! – окликнул ее хозяин из глубины магазина. Она усердно рылась в выставленных перед дверью коробках с фруктами. Все яблоки да яблоки. Несколько испанских персиков. – Что это ты нынче припозднилась?

Конечно, ему и в голову не придет, что Барбара возвращается со свидания. Ей бы и самой такое не примерещилось.

– Пришлось поработать допоздна, мистер Патель, – вежливо ответила она. – Почем у вас персики?

– Восемьдесят пять пенсов фунт, но для вас, красавица моя, – всего лишь восемьдесят.

Барбара выбрала шесть персиков. Продавец взвесил их, упаковал и протянул ей.

– Видел сегодня вашего папашу.

Взгляд Барбары быстро метнулся к лицу мистера Пателя, но еще быстрее его смуглое лицо застыло под непроницаемой маской вежливости.

– Он нормально себя вел? – с напускной небрежностью поинтересовалась она, перебрасывая сумку через плечо.

– Господи, ну конечно же. Он всегда ведет себя как нельзя лучше. – Приняв деньги из рук Барбары, мистер Патель дважды их тщательно пересчитал и сбросил в ящичек кассы. – Поосторожней вечером, Барбара. Кто-нибудь заметит хорошенькую девушку и...

Ладно, я остерегусь, – оборвала его излишняя Барбара. Вернулась к машине, бросила пакет с персиками на переднее сиденье. Хорошенькая девушка, вроде тебя, Барб. Берегись. Сжимай ноги крепче. Такой девушке, как ты, ничего не стоит лишиться невинности, а падшая женщина уже не поднимется. Барбара зло рассмеялась, рывком завела машину и снова выехала на улицу.

Актон четко делится на два района, местные жители называют их попросту – «хорошие» улицы и «плохие». Складывается впечатление, что невидимая линия роковым образом разделила пригород, обрекая на муки одну половину его обитателей и благословив другую.

На «хороших» улицах Актона надежные кирпичные дома гордились деревянными балками «под старину»; все сверкало и переливалось множеством красок в лучах утреннего солнца. Повсюду в изобилии росли розы, в подвешенных к окнам горшках уютно прижилась герань. Дети весело играли на чистых улочках и в аккуратных садах. Зимой снег ложился на высокие крыши, словно взбитые сливки на праздничный торт, а летом семьи в полном составе прогуливались под сводами высоких темно-зеленых вязов, наслаждаясь вечерним светом и ароматами угасающего дня. На «хороших» улицах Актона не слышно было ссор, не гремела неистово музыка, не пахло жареной рыбой, не вздымались воинственно кулаки. Эти кварталы – само совершенство, океан мира и спокойствия, по которому блаженно плыли чудесные кораблики счастливых семей. Но стоило удалиться на один квартал, и все резко менялось.

Кое-кто полагал, что в жару «плохим» улицам Актона достается слишком много солнца и в этом-де причина всех проблем. Казалось, что рука какого-то злого великана сбросила с неба на землю всех этих людей, их улицы и дома – так все здесь было криво, перепутано, сбито с толку. О красоте и уюте здесь не заботились, и жилища потихоньку разрушались. Разбив сад, его владельцы вскоре забывали о нем, и земля зарастала сорняками. Дети с криками носились по грязному тротуару, играли в какие-то шумные и опасные игры, а матери, выскочив на порог, визгливыми голосами приказывали им немедленно заткнуться, Зимний ветер проникал сквозь ненадежно прибитые рамы, лето вместо солнца приносило дожди, которые просачивались сквозь крышу. Люди, жившие на «плохих» улицах, даже не пытались представить себе, каково было бы жить в другом месте: сама эта мысль слишком походила на мечту или надежду, а надежда давно умерла на «плохих» улицах Актона.

Сюда и направлялась теперь Барбара. Ее «мини» свернул на улочку, где уже отдыхали другие автомобили, такие же ржавые, как и ее собственный. Вместо сада перед родительским домом красовался клочок грязной окаменевшей земли, Здесь Барбара оставляла свою машину.

В домике слева миссис Густавсон смотрела программу Би-би-си. Старуха была глуховата и включала звук на полную мощность, а потому наслаждаться сериалом вместе с ней приходилось всей округе. На другой стороне улицы, как всегда, супруги Кирби громко бранились, чтобы затем примириться на супружеском ложе, а четверо их детей старались отвлечься от этой сцены, швыряя комья грязи в тощую кошку, выглядывавшую из соседнего подвала.

Барбара, вздыхая, нащупала в кармане ключ и вошла в дом. Пахло курицей с зеленым горошком. Барбаре этот привычный застоявшийся запах показался зловонием.

– Это ты, дорогуша? – послышался мамин голос. – Немножко припозднилась, милая? Гуляла с друзьями?

Курам на смех!

– Я работала, мама. Меня снова перевели в следственный отдел.

Мать бесшумно возникла в дверях гостиной. Невысокого роста, как и Барбара, но пугающе худая, словно долгая болезнь изнурила ее

тело, постепенно высасывая из него силы и приближая ее жизнь к концу.

– В следственный отдел? – переспросила она жалобным голосом. – Зачем же, Барбара? Ты же знаешь, как я к этому отношусь, лапочка ты моя! – С этими словами она нервозно принялась тереть иссохшей рукой заострившийся подбородок. Чересчур большие глаза опухли и покраснели, словно старуха весь день проплакала.

– Я купила тебе персиков, – вместо ответа сказала Барбара, помахивая кулком. – Турагентство было уже закрыто, к сожалению. Я даже в дверь постучала, чтобы они спустились из своей квартиры, но они, наверное, ушли погулять.

Забыв о своих тревогах по поводу следственного отдела, миссис Хейверс ухватилась за складку на груди своего старенького платья, потянула, скручивая в узел, словно пряча внутри какой-то секрет. Ее лицо внезапно изменилось, просияло детской радостью.

– О, это не страшно. погоди, сейчас я тебе покажу. Ступай на кухню, я только на минутку. Ужин еще теплый.

Барбара прошла через гостиную, содрогаясь и от воплей телевизора, и от затхлого запаха никогда не проветривавшегося помещения. Кухня насквозь пропахла ароматами переваренного цыпленка и залежавшегося гороха. Это ничуть не лучше. Злобно посмотрев на дожидавшуюся ее на столе тарелку, Барбара осторожно потыкала вилкой увядшее мясо. Курица на ощупь была каменная, скользкая и отвратная, словно ее хранили в формальдегиде, дожидаясь вскрытия. Холодный жир застыл сгустками, маленькая лужица масла растеклась на засохших горошинах: они выглядели так, точно пролежали тут по меньшей мере неделю.

«Великолепно!» – подумала Барбара. Интересно, а «чудный крабовый салат» тоже превратится наутро в такую мерзость? Барбара огляделась в поисках газеты и, как всегда, обнаружила ее на сиденье шаткого кухонного стула. Оторвав первую страницу и расправив ее на столе, Барбара вывалила свой ужин прямо на улыбающееся лицо герцогини Кентской.

– Лапонька, неужели ты выбросила свой вкусенький ужин?

Черт! Обернувшись, Барбара посмотрела прямо в потрясенное лицо матери – губы шевелятся, пытаюсь высказать обиду, лицо сморщилось, выцветшие голубые глаза наполнились слезами. К

иссохшей груди мать прижимает альбом, обтянутый искусственной кожей.

– Ты меня застучала, ма. – Барбара выжала из себя улыбку, приобняв старуху за тощие плечики и подводя ее к столу. – Я уже перекусила в Скотленд-Ярде, так что мне есть не хочется. Или надо было оставить это вам с папой на завтра?

Миссис Хейверс быстро сморгнула. Боже, как легко, как чудовищно легко она утешилась!

– Нет, наверное, нет. Конечно же, нет. Мы же не станем есть курицу с горохом два дня подряд, верно? – Она ласково засмеялась и положила драгоценный альбом на стол.

– Папа раздобыл для меня все о Греции! – сообщила она.

– В самом деле? – Так вот чем он занимался днем. – Сам вспомнил?

Мать отвела взгляд, в замешательстве проводя пальцем по краю альбома, нервным движением потянула за украшавший его золотой лист. И снова – неожиданное движение, широкая, счастливая улыбка: мать выдвигает стул и приглашает Барбару сесть.

– Посмотри, дорогая, вот оно – наше путешествие.

Альбом раскрыт, быстро пролистываются страницы «поездок» по Италии, Франции, Турции – о, это было настоящее приключение! – и Перу. Наконец они добрались до нового раздела, посвященного Греции.

– Мы остановились в этом отеле на Корфу. Видишь, как он удачно расположен, на самом берегу? Мы могли поехать в Канон, там новая гостиница, но мне так понравился этот вид, а тебе, любовь моя?

У Барбары разболелись глаза, но она не сдавалась. Сколько же это будет тянуться? Неужели это никогда не кончится?

– Ты не ответила мне, Барбара! – Голос матери дрожал от напряжения. – Я столько провозилась с этой поездкой, весь день наклеивала! Ведь хороший вид на море лучше, чем новый отель в Каноне, ты согласна, радость моя?

– Намного лучше, мама, – выдавила из себя Барбара, поднимаясь на ноги. – У меня завтра с утра работа. Можно отложить Грецию на потом?

Как мать это примет?

– Какая работа?

– Это... небольшая семейная проблема в Йоркшире. Я уеду на несколько дней. Ты справишься одна или мне попросить миссис Густавсон, чтобы она пожила у нас? – Дивная мысль: пусть глухая присмотрит за безумной.

– Миссис Густавсон? – Захлопнув альбом, мать негодуя выпрямилась. – Ну уж нет, дорогая. Мы с папой прекрасно справимся и сами. Мы же всегда справлялись. Кроме того года, когда Тони...

В этой комнате удушливо, непереносимо жарко. Господи, хоть бы глоточек свежего воздуха! Один глоточек. На минутку. Барбара кинулась к задней двери, выходящей в заросший сорняками сад.

– Куда ты? – испуганно вскрикнула мать, в ее голосе уже нарастали истерические нотки. – Там ничего нет! Нельзя выходить из дому после наступления темноты!

Барбара подхватила газетный сверток со своим ужином.

– Выброшу мусор. Я всего на минутку, мам. Можешь постоять у двери, посмотреть, чтоб со мной ничего не случилось.

– Но... у самой двери?

– Если хочешь.

– Нет, мне не следует стоять у открытой двери. Оставь ее приоткрытой, только щелочку. Если что случится, зови меня.

– Отличный план, ма. – Со свертком в руках Барбара торопливо вышла в темноту.

Пару минут. Она жадно вдыхала холодный воздух, прислушиваясь к знакомым с младенчества звукам и нащупывая в кармане измятую пачку сигарет. Выудила одну, закурила, прищурилась на усеянное звездами небо.

Как могло это случиться с ее матерью? Конечно, все началось с Тони. Веселый, веснушчатый мальчишка.словно порыв весеннего ветра посреди окружавшей их зимы. Смотри, смотри, что я сейчас сделаю, Барби! Я все могу! Химические реактивы и резиновые мячи, крикет на школьной площадке и салки по вечерам. И ужасная, чудовищная нелепость – выбежать за мячом прямо на Аксбридж-роуд.

Нет, тогда он не умер. Всего-навсего пришлось повалиться в больнице. Держалась температура, необычная реакция. А потом – внезапный диагноз. О, зловещая ирония! Попасть в больницу со сломанной ногой, а выйти с белокровием.

Он умирал четыре года – четыре ужасных года.

Четыре года его родные спускались по ступеням безумия.
– Лапонька! – Голос матери дрожит.
– Я тут, мама. Смотрю на звезды. – Втоптав окурок в каменно-
твердую землю, Барбара поплелась в дом.

Дебора Сент-Джеймс поспешно притормозила и, хохоча, обернулась к мужу.

– Знаешь, Саймон, в качестве штурмана ты никуда не годишься.

Он улыбнулся, складывая карту дорог.

– Раньше не знал. Будь снисходительнее – это все туман виноват.

Дебора посмотрела сквозь ветровое стекло на маячившее перед ними огромное темное здание.

– По-моему, это еще не причина, чтобы перепутать все значки на карте. Мы наконец добрались? Что-то не похоже, что нас тут ждут.

– Ничего удивительного. Я обещал приехать в девять вечера, а сейчас... – При слабом освещении внутри автомобиля он всмотрелся в циферблат и охнул: – Господи, да уже полдвенадцатого! – В голосе его слышался смех. – Ну так как, любовь моя? Проведем брачную ночь в машине?

– Будем обжиматься, как подростки, на заднем сиденье? – Изящным движением головы женщина откинула назад длинные струящиеся волосы – Прекрасная идея, только зря ты не взял напрокат машину повместительней. Нет, Саймон, боюсь, нам все-таки придется колотить в дверь, пока кто-нибудь не проснется. Но помни – извиняться будешь ты. – С этими словами она вышла из машины, вдохнула полной грудью колкий ночной воздух и внимательней пригляделась к высившемуся перед ней зданию.

Особняк был выстроен в эпоху, предшествовавшую правлению Елизаветы, но позднейшие переделки придавали ему щеголеватый и жеманный вид. Забранные кружевными решетками окна освещал лунный свет, просачивавшийся сквозь болотный туман, повисший над долиной. Вверх по стенам карабкался плющ; увядающие листья багрянцем румянили старый камень. Там и сям в прихотливом беспорядке сквозь крышу пробивались каминные трубы, словно огромные копыта, воинственно вскинутые к ночному небу. Этот дом и прилегавший к нему участок земли вольно и непокорно отрицали наступление двадцатого века: гигантские дубы широко простирали ветви над лужайкой, под ними красовались скульптурные группы в окружении цветочных клумб. От дома к лесу уходили, петляя,

тропинки, заманчивые, как пение сирен. В глубокой тиши был слышен и плеск струи в ближнем фонтане, и блеяние ягненка на дальней ферме, но все звуки растворялись в нежном шепоте ночного ветерка.

Дебора обернулась к машине. Ее муж распахнул дверь и терпеливо наблюдал за ней, зная, что она, профессиональный фотограф, молча вбирает в себя красоту этой местности.

– Это прекрасно, – прошептала она. – Спасибо тебе, милый.

Саймон вытолкнул из машины левую ногу, скованную протезом, со стуком уронил ее на землю и протянул жене руку. Натренированным движением Дебора помогла мужу встать на ноги.

– Мне кажется, мы кружили часами, – пробормотал Сент-Джеймс, потягиваясь.

– Так оно и есть, – насмешливо подтвердила она. – «Всего два часа от станции, Дебора. Чудная поездка».

Он тихонько рассмеялся:

– И впрямь чудная. С этим не поспоришь, любовь моя.

– Еще какая! Когда я в третий раз увидела аббатство Риво, я была вне себя от восторга. – Дебора оглянулась на неприступную дверь из темного дуба. – Ну что, попытаемся?

По усыпанной гравием дорожке они вошли в глубокую арку перед дверью. К одной стене арки прислонилась, покосившись, будто спяну, деревянная скамья, у другой стены виселись две чудовищных размеров урны. По чьей-то прихоти в одной буйствовали только что расцветшие цветы, в то время как другая превратилась в приют для засохших гераней. Когда супруги проходили мимо, увядшие листья с шорохом посыпались на землю.

Сент-Джеймс с силой постучал в дверь причудливым медным молотком, висевшим в самой ее середине. Эхо далеко разнесло его стук, но туман мгновенно поглотил все звуки.

– Тут еще есть звонок, – заметила Дебора. – Может, его услышат?

Звонок отозвался далеко в глубине дома, и в ответ раздался неистовый лай и вой, казалось, целая свора собак захлебывается от ярости.

– Получилось, – рассмеялся Сент-Джеймс.

– Цыц, Каспер! Заткнись, Джейсон! Это в дверь звонят, чтоб вас, дьяволы! – Хрипловатый, по-мужски низкий голос (но по интонации безошибочно угадывалась женщина, родившаяся здесь и всю жизнь

прожившая в родной провинции) выкрикивал где-то там, за дверью, короткие сердитые команды. – Цыц, проклятые! Пошли вон! Убирайтесь в кухню! – Короткая передышка, звуки отчаянной борьбы. – Чтоб вас! Пошли прочь! Ах вы, злодеи! Отдайте тапочки! Лопни ваши глаза! – С этим последним воплем хозяйка рванула задвижку, удерживавшую дверь изнутри, и широко распахнула створки. Перед Деборой и Сент-Джеймсом стояла босиком немолодая женщина; вернее, не стояла, а прыгала с ноги на ногу на ледяном каменном полу. От седых спутанных косм, рассыпавшихся по плечам, казалось, летели искры.

Мистер Алкерт-Сент-Джеймс, – произнесла она, не здороваясь. – А ну, заходите оба. Черт! – Сорвав с плеч шерстяную шаль, женщина оросила ее на пол, превратив в подстилку для озябших ног, и туже стянула на груди ворот своего обширного розового халата. Едва гости переступили порог, как хозяйка с грохотом захлопнула за ними дверь. – Слава богу, так-то лучше! – Она расхохоталась – буйно, несдержанно. – Прошу прощения. Обычно я стараюсь не вести себя как персонаж Эмили Бронте. Вы заблудились?

– Да уж, – подтвердил Сент-Джеймс. – Это моя жена Дебора. Миссис Бертон-Томас, – завершил он представление.

– Вы небось до костей промерзли! – воскликнула хозяйка. – Ладно, это дело поправимое. Пошли отсюда скорей. В дубовый зал. Там у меня славный огонек разожжен. Дэнни! – рявкнула она через левое плечо. – Проходите сюда, – это гостям. И снова: – Дэнни!!!

Супруги прошли вслед за хозяйкой в старинную комнату с каменным полом. Беленые стены, уходящий во тьму сводчатый потолок, в глубоких нишах – окна без занавесок, посреди комнаты одинокий обеденный стол, у дальней стены огромный погасший очаг. Жуткий холод. На стенах развешано огнестрельное оружие и островерхие шлемы. Миссис Бертон-Томас кивком обратила внимание гостей на свой арсенал.

– Круглоголовые Кромвеля побывали тут, – пояснила она. – Чуть не год торчали в Келдейл-холле в пору гражданской войны. В тысяча шестьсот сорок четвертом, – уточнила она мрачно, словно гости должны были навеки сохранить в памяти эту печальную дату из истории клана Бертон-Томасов. – Разумеется, мы постарались избавиться от них. Паршивые негодяи, все до единого!

Из заполненной тенями мрачноватой столовой хозяйка провела их в просторный зал, стены которого украшали роскошные деревянные панели, а окна – алые портьеры. В камине полыхал досыта наевшийся угля огонь.

– Господи, да куда же она запропастилась? – пробурчала миссис Бертон-Томас, возвращаясь к двери, через которую они только что вошли.

– Дэнни! – Наконец этот вопль вызвал отклик, в коридоре послышалась торопливая поступь, и в зал ворвалась простоволосая девушка лет девятнадцати.

– Виновата! – воскликнула она, весело смеясь. – Зато я твои тапочки добыла. – Она перебросила тапочки тете, которая ловко подхватила их на лету. – Боюсь, они их малость погрызли.

– Спасибо, лапонька. Раздобудь бренди для гостей, поняла? Этот кошмарный Уотсон прикончил по меньшей мере полграфина, прежде чем отправиться в постель, а что осталось, выдохлось. Лучше сбегай в погреб. Справишься?

Девушка помчалась исполнять поручение. Миссис Бертон-Томас оглядела свои тапочки, покачав головой при виде свежепрогрызенной дырки возле пятки. Серdito что-то проворчав, она надела тапочки и вновь набросила на плечи шаль, которая во все время их путешествия служила ей в качестве своеобразного передвижного коврика.

– Садитесь, прошу вас. Мы не стали заранее разводить огонь в вашей комнате, так что теперь нам придется посидеть тут, поболтать, пока там согреется. Зверски холодно, а ведь еще только октябрь. Говорят, и зима будет ранней.

По-видимому, подвал был не так уж глубок, ибо Дэнни за считанные минуты вернулась с бутылкой бренди в руках. Она открыла бутылку и перелила напиток в графин, стоявший на старинном столике, над которым висел портрет гордого и воинственного родоначальника Бертон-Томасов. Поставив на поднос три стакана и хрустальный графин, Дэнни вернулась к гостям.

– Проводить их в комнату? – спросила она тетю.

– Будь добра. И пусть Эдди займется багажом. И пожалуйста, извинись перед американцами, если они проснулись и решили узнать, с чего это мы так расшумелись. – Отдавая указания, миссис Бертон-Томас в то же время разливала по стаканам бодрящий напиток. – А с

другой стороны, они же хотят получить «атмосфэру», а уж «атмосфэры» у нас хоть ложкой ешь. – Закинув голову, она расхохоталась и одним махом влила себе в глотку содержимое стакана. – Я стараюсь выдерживать роль. – Хихикая, миссис Бертон-Томас вновь наполнила свой стакан. – Добрая старая английская эксцентричность. Благодаря ей мой пансион упомянут во всех путеводителях.

Внешность хозяйки служила живой иллюстрацией этих слов. Английский уют и достоинство сочетались в ней с готическим кошмаром: высоченная, по-мужски широкоплечая, она пугающе небрежно перемещалась среди бесценной старинной мебели, украшавшей эту комнату. Руки земледельца, лодыжки балерины и лик постаревшей валькирии. Синие, глубоко запавшие глаза, резко выступающие скулы. Возраст не льстил ее лицу: в неверном свете очага казалось, что крючковатый нос почти дотянулся до верхней губы. На вид миссис Бертон-Томас было шестьдесят пять лет, но, очевидно, ее это нисколько не волновало.

– Ну! – окликнула она своих подопечных. – Есть-то хотите? Вы опоздали к ужину почти... – быстрый взгляд на прадедовские часы, звучно отсчитывающие время у стены, – на два часа.

– Ты проголодалась, радость моя? – спросил Сент-Джеймс Дебору. Глаза его сияли, он от души забавлялся.

– Нет-нет, ничуть. – Обернувшись к хозяйке, Дебора поинтересовалась: – У вас есть и другие постояльцы?

– Пара американцев, только и всего. Увидите за завтраком. Знаете таких: синтетика и толщенные золотые цепи. Муж носит на мизинце чудовищных размеров бриллиант. Весь вечер развлекал меня, толковал про зубных врачей. Вроде как мне позарез нужно запломбировать все зубы – это сейчас в моде. – Содрогнувшись, миссис Бертон-Томас подбодрила себя очередным стаканчиком. А для чего, спрашивается? Чтобы мне, как фараоновой мумии, через тысячу лет целехонькой попасть в руки археологов? Или чтобы дырок не образовалось? – Она величественно и небрежно пожала плечами. – Я так и не поняла. Американцы прямо чокнулись на своих зубах. Один к одному и чтоб сверкали. Вот уж! А по мне, пусть хоть кривые, да свои – придает своеобразие, знаете ли. – Она без особой на то нужды ткнула кочергой в огонь, разметав по ковру целый сноп искр, и принялась усердно

колотить тлеющие угли. – В общем, славно, что вы приехали. Может, дедуля вверх ногами в гробу переворачивается, никак не переживет, что я принимаю в нашем «замке» туристов, но коли пришлось выбирать между гостями и чертовым Национальным Фондом,.. – Она подмигнула супругам, вновь поднося стакан ко рту. – И вы уж меня извините, но на старости лет я развлекаюсь от души.

На пороге комнаты возник паренек. Он выглядел довольно неуклюже в пижаме, прикрытой вместо халата смокингом, в котором поместилось бы двое таких ребят. В руках парень держал костыли, принадлежавшие Сент-Джеймсу. Он кашлянул, стараясь привлечь к себе внимание.

– В чем дело, Эдди? – рявкнула миссис Бер-тон-Томас. – Ты отнес багаж наверх?

– Там еще это было, тетя, – кротко ответил он. – Это тоже нести?

– Разумеется, дуралей!

Юноша поспешил скрыться с глаз. Тетя укоризненно покачала головой ему вслед,

– Я жертвую собой ради семьи. Можно сказать, я христианская мученица. Пошли, молодежь, провожу вас в комнату. Наверное, вы уже с ног валитесь. Нет-нет, бренди мы возьмем с собой.

Они двинулись вслед за хозяйкой из столовой в каменный холл, а оттуда через другую дверь попали на лестницу. Отполированные и не покрытые ковром ступени вели в верхнюю часть дома, где царила тьма.

– Роскошная лестница! – Миссис Бертон-Томас одобрительно хлопнула рукой по широким деревянным перилам. – Таких нынче не делают. Пошли, нам сюда.

Поднявшись на второй этаж, они свернули в едва освещенный коридор, где семейные портреты чередовались на стенах с фламандскими гобеленами. Миссис Бертон-Томас кивком указала гостям на гобелены.

– Давно пора убрать их отсюда. С какой стати они тут висят аж с тысяча восемьсот двадцать второго года? Прабабушка никого не желала слушать, сколько ей ни твердили, что на эти штуки лучше любоваться издали, а не впритык. Традиция – и все тут. Как я это выдерживаю? Ну вот, мы пришли. – С этими словами она распахнула дверь. – Оставляю вас наедине. Все современные удобства. Полагаю,

дверь в ванную вы найдете. – И во мгновение ока она исчезла, только полы розового халата взметнулись вокруг изящных лодыжек да прошлепали по каменному полу вновь обретенные тапочки.

Они вошли в спальню. Весело полыхал огонь в камине. Едва переступив порог, Дебора решила, что более красивой комнаты она в жизни своей не видела. Великолепные дубовые панели, обольстительные женские лица улыбаются с двух портретов Гейнсборо, повешенных друг напротив друга. Накопленные столетиями радушие и уют. Небольшие настольные лампы под розовыми абажурами наполняли комнату мягким, рассеянным светом, отблески играли на спинке и изголовье огромной кровати красного дерева. Высокий шкаф отбрасывал вытянутую тень на стену, на туалетном столике сверкали бриллиантовыми гранями флакончики духов и блестели серебряные щетки. У одного окна, на столике с витыми ножками, были расставлены букеты лилий. Дебора подошла к столу, коснулась пальцем изогнутого края цветка.

– Тут и карточка есть. – Она вынула записку и прочла. Глаза ее наполнились слезами. Женщина обернулась к мужу. Саймон отошел к камину и пристроился возле него в мягком кресле. Он следил глазами за своей молодой женой, привычно сдержанный, молчаливый, но взгляд выдавал его чувства.

– Спасибо, Саймон, – прошептала она, засовывая карточку обратно в букет и с трудом сглатывая слезы, которые не могла скрыть. С усилием она заставила себя вернуться к более легкомысленному тону: – Как ты разыскал это местечко?

– Тебе здесь нравится? – вопросом на вопрос ответил он.

– Невозможно даже вообразить, чтобы где-то могло быть лучше. Ты ведь сам это знаешь, правда же?

Муж не ответил. В этот момент послышался стук, и Саймон с улыбкой обернулся к двери. Он явно наслаждался всем происходящим.

– Войдите, – пригласил он.

Это явилась племянница хозяйки, Дэнни, с охапкой одеял в руках.

– Извините. Забыла одеяла. У вас уже есть пуховые, но тетя считает, если она сама мерзнет, то уж все остальные и подавно. – Девушка вошла в комнату, дружелюбно и покровительственно поглядывая на гостей. – Эдди уже принес ваши вещи? – поинтересовалась она, открывая гардероб и без особых церемоний

запихивая туда одеяла. – Он у нас малость туповат, что есть, то есть. Вы уж его извините. – Она взгляделась в свое отражение в матовом стекле, прикрепленном изнутри к дверце шкафа, прикоснулась рукой к волосам, приведя непокорные пряди в еще больший беспорядок, и тут поймала на себе взгляды супругов. – Главное, остерегайтесь крика младенца, – торжественно предупредила она. Казалось, она произносит заученную реплику из пьесы, не хватало только, чтобы псы откликнулись ей дружным воем.

– Крика младенца? Разве американцы привезли с собой ребенка? – спросила Дебора.

Темные глаза девушки сделались еще шире. Она внимательно поглядела на обоих слушателей.

– Вы ничего не знаете? Вас никто не предупредил?

По поведению девушки легко было догадаться, что потрясающая повесть не заставит себя ждать. Перед тем как приступить к рассказу, Дэнни вытерла обе ладони о подол своей юбки, пошарила взглядом в углах комнаты, словно там мог притаиться кто-нибудь и подслушать, и выбрала в качестве трибуны оконную нишу. Несмотря на ночной мороз, она дернула шпингалет и настежь распахнула окно.

– Вам никто не говорил об этом? – Театральным жестом она указала куда-то вдаль, в темноту.

Дебора и Сент-Джеймс понимали, что обязаны посмотреть на «это». Подойдя к окну, они разглядели сквозь туман призрачные руины полуразрушенного аббатства.

– Аббатство Келдейл. – Дэнни отчеканивала каждый слог. Теперь она сочла возможным переместиться к очагу и усесться там для мирной вечерней беседы. – Крик младенца доносится отсюда.

Сент-Джеймс затворил окно, задернул плотные шторы и вместе с Деборой вернулся к очагу. Муж опустил на стул, жена примостилась на полу у его ног, наслаждаясь теплом, радуясь жаркому дыханию пламени на своей коже.

– Полагаю, речь идет о призраке младенца? – уточнила она.

– Разумеется! Я слышала крик своими ушами. Погодите, вы тоже его скоро услышите.

– С призраками всегда связаны легенды, – мечтательно протянул Сент-Джеймс.

Дэнни откинула голову на спинку кресла, явно радуясь подсказке.

– И с этим призраком тоже, – торжественно подтвердила она. – Келдейл был на стороне короля – в смысле, в ту войну, – Она говорила так, словно семнадцатое столетие завершилось только накануне. – Все до последнего были верны королю. Вся деревня Келдейл – она в миле отсюда, если идти по дороге. Вы проезжали мимо нее.

– Боюсь, мы выбрали несколько иной путь, – усмехнулся Сент-Джеймс.

– Обходной маневр, – вставила Дебора. Дэнни не позволила сбить себя с толку.

– Итак, – продолжала она свою повесть, – это случилось в самом конце войны. Старый мерзкий негодяй Кромвель, – сразу было видно, кто давал девушке уроки истории, – как-то прослышал, что северные лорды готовят восстание. И он как ураган пронесся по нашим долинам; его солдаты захватывали поместья, резали скот, сжигали деревни роялистов, Келдейл был хорошо спрятан от чужих глаз.

– Нам тоже так показалось, – пробормотал Сент-Джеймс.

Девушка кивком подтвердила его слова. – Жители деревни заранее узнали о приближении кровожадных круглоголовых. Старого негодяя Кромвеля интересовала не сама деревня – нет, он искал ее жителей, всех, кто был верен нашему королю Чарли.

– Он хотел убить их? – подхватила Дебора, едва рассказчица остановилась, чтобы перевести дух.

– Истребить их всех до последнего! – откликнулась Дэнни. – Когда разнеслась весть, что Кромвель направляется в Кел, жители деревни придумали свой план. Они, все до единого, решили уйти с семьями и скотом и всем добром и укрыться в подвалах аббатства. Пусть круглоголовые приходят – они найдут Келдейл, но в нем они не застанут ни одной живой души.

– Довольно громоздкий план, – усомнился Сент-Джеймс.

– Но он должен был сработать! – с гордостью возразила девушка. Ее глаза ярко разгорелись, щеки покрылись румянцем, но теперь она понизила голос и заговорила печальней. – Если б только не ребенок. – Она наклонилась вперед, кульминация приближалась. – Явились круглоголовые, и все произошло в точности, как надеялись жители деревни. Они нашли пустые дома, тишину, густой туман – и нигде никого, ни единой живой души, ни одного живого существа. И тут, – Дэнни окинула взглядом свою аудиторию, убедилась, что внимание

слушателей не ослабевают, – и тут в аббатстве, где прятались все жители деревни, заплакал ребенок. О боже! – Она ударила себя кулачком в грудь. – Какой ужас! Они ускользнули от Кромвеля – и только для того, чтобы младенец их выдал. Мать старалась успокоить малыша, давала ему грудь, но все напрасно. Бедное дитя плакало и плакало. Все пришли в ужас, в отчаяние, они боялись, что и псы тоже начнут выть и тогда поднимется такой шум, что Кромвель непременно найдет их. Они стали зажимать бедному малышу рот. И они задушили его!

– Господи боже! – пробормотала Дебора, теснее прижимаясь к стулу, на котором сидел ее муж. – Подходящая история для брачной ночи, верно?

– Да, но вам необходимо это знать. – Дэнни была по-прежнему полна энтузиазма. – Крик младенца – это недобрый знак, если вы не знаете, что следует делать.

– Надеть гирлянду из чеснока? – уточнил Сент-Джеймс. – Не выпускать из рук распятие?

Дебора легонько шлепнула его по ноге.

– Я хочу знать. Мне непременно нужно это знать, Неужели вся моя жизнь будет загублена оттого, что я вышла замуж за циника и скептика? Расскажите мне, Дэнни, что следует делать, если я услышу крик младенца.

Дэнни торжественно кивнула.

– Крик младенца доносится из-за стен аббатства ночью. Вы должны спать на правом боку, а ваш супруг – на левом. И вы должны крепко сжимать друг друга в объятиях, пока плач младенца не прекратится.

– Это интересно, – кивнул Сент-Джеймс. – о его рода живой амулет. Надеюсь, этот младенец часто плачет?

Не слишком часто. Но я... – Тут девушка иервно сглотнула, и ее слушатели внезапно догадались, что для нее это была вовсе не занятная легенда, рассчитанная на влюбленных новобрачных, но реальная и страшная повесть. – Я сама слышала этот плач три года тому назад! Я этого никогда не забуду! – С этими словами Дэнни поднялась на ноги. – Вы теперь знаете, что надо делать. Запомнили?

– Запомнили! – подтвердила Дебора, и Дэнни, исполнив свой долг, выскользнула из комнаты.

После ее ухода воцарилась тишина. Дебора опустила голову на колени мужу. Длинные, изящные пальцы Сент-Джеймса легонько коснулись ее волос, разглаживая, убирая локоны со лба. Женщина подняла голову.

– Мне страшно, Саймон. Я не думала, что стану бояться, никогда не думала, но сейчас мне страшно. – По глазам мужа она догадывалась, что он все понимает. Конечно же, он понимает. Он всегда понимал ее.

– Я тоже боюсь, – тихо признался он ей. – Каждую секунду сегодняшнего дня я испытывал этот непонятный, смутный страх. Я вовсе не собирался терять из-за кого-то голову, даже из-за тебя. Но вот это случилось. – Он широко улыбнулся. – Ты вторглась в мое сердце, как армия Кромвеля, и я не мог больше бороться. И теперь уж не голову потерять я боюсь, нет, я боюсь только одного – утратить тебя. – Саймон коснулся медальона, который он сам надел утром на шею новобрачной. В ямке под горлом Деборы приютился крошечный золотой лебедь, давно ставший для этих двоих символом вечного союза: выбрав однажды, выбираем на всю жизнь. Саймон поднял голову и посмотрел прямо к глаза жене.

– Не бойся, – ласково прошептал он.

– Тогда... тогда люби меня, Саймон.

– С радостью, дорогая.

Маленькие поросычьи глазки Джимми Хейверса так и шныряли по комнате – верный признак, что Джимми чем-то озабочен. Он-то воображал себя ловкачом, знатоком жизни, способным кого угодно обвести вокруг пальца и увернуться от наказания за любые прегрешения, от мелкого воровства до супружеской измены, однако глаза всегда предавали его. Выдали и на этот раз.

– Джим не знал, сможешь ли ты пораньше освободиться и раздобыть матери этот греческий путеводитель, так что он сам отправился за ним, так-то, девочка. – Джимми предпочитал говорить о себе в третьем лице. Это помогало уклониться от ответственности за любые неприятности, встречавшиеся на жизненном пути. Дескать, нет, я не заходил к букмекеру. И табачок не покупал. Если чего и было, это все Джимми виноват, а я тут ни при чем.

Барбара следила, как взгляд отца мечется по гостиной. Господи, это же настоящий склеп, а не комната! Площадью десять на пятнадцать футов, окна наглухо закрыты, заросли многолетней грязью. Мебельный гарнитур, диван и два кресла – какой же в доме уют без мягкой мебели, но беда в что эта мебель была набита «искусственным конским волосом» тридцать пять лет тому назад, когда уж и от настоящего конского волоса многие отказывались. По обоям до самого потолка с утомительным однообразием ползли розовые бутоны. Спортивные журналы на столе спорили за жизненное пространство с пятнадцатю переплетенными в искусственную кожу альбомами – документальной хроникой, отражавшей каждый шаг, каждый дюйм на пути матери к безумию. И над всем этим – вечная, сияющая улыбка Тони.

Угол комнаты был превращен в святилище. Последняя фотография перед болезнью – вне фокуса, пропорции тела искажены – маленький мальчик бьет по мячу, целясь в сетку, натянутую между деревьями в саду, где когда-то были и трава, и цветы. Теперь эта фотография в натуральную величину висела на стене, а по бокам в «дубовых» рамочках – все школьные табели, накопившиеся за недолгую жизнь, все выданные учителями характеристики, каждое слово хвалы, выпавшее на долю умершего. И в самом центре – Господи, смилуйся над нами! – свидетельство о смерти. Под ним дань почтения – пластмассовые цветы. Довольно запыленная дань, но чего еще ожидать в такой комнате.

В противоположном углу комнаты, как всегда, ревел телевизор, специально установленный так, «чтобы и Тони смотрел». Умершему мальчику регулярно показывали все его любимые передачи. Время застыло, будто ничего не произошло, будто ничего не изменилось. Все двери и окна наглухо закрыты, замкнуты на засов, чтобы не впустить сюда страшную память о том, что случилось однажды августовским вечером на Аксбридж-роуд. Пройдя через комнату, Барбара выключила телевизор.

– Эй, детка, Джимми смотрел эту передачу – запротестовал отец.

Она резко обернулась к нему. Господи, что за свинья! Он хоть когда-нибудь моется? Она чужала его запах из другого угла гостиной, запах пота, сальных волос, нечистого тела и давно не стиранной одежды.

– Мистер Патель сказал, что ты заходил к нему, – произнесла дочь, усаживаясь на чудовищный диван. «Конский волос» тут же впился в кожу.

Глазки бегают. То на погасший экран взглянут, то метнутся к искусственным цветам, то к омерзительным розочкам на стене.

– Конечно, Джим был у Пателя, – признал он наконец.

И улыбнулся дочери во весь рот. Зубы в желтой жиже, возле десен пузырится-слюна. Кофейная банка около стула ненадежно прикрыта журналом. Барбара хорошо знала, что отец ждет, пока она отвернется, чтобы быстренько спрятать концы в воду и не попасться. Но она не собиралась ему подыгрывать.

– Выплювай, папа, – с терпеливым вздохом произнесла она. – Что толку заглатывать эту гадость? Заболеть хочешь? – Она проследила, как тело старика облегченно расслабилось, и он, дотянувшись до пустой банки, выпустил туда слюну, приобретшую от табака густо-коричневый оттенок.

Отец утер рот испещренным пятнами носовым платком, откашлялся и воткнул себе в ноздри трубочки, уходившие в недра кислородного баллона. Он печально повел глазами на дочь, пытаясь уловить хоть искорку сочувствия, но на это рассчитывать не приходилось. И вновь маленькие глазки нервозно забегали.

Барбара сосредоточенно наблюдала за отцом. Почему он никак не умирает? Вот уже десять лет он постепенно разваливается на куски. К чему все это? Разве не милосерднее было бы – один шаг, один прыжок в темноту забвения? Не задыхаться от эмфиземы, отчаянно ловя губами воздух. Не жевать табак, в тщетной попытке утолить жажду курильщика. Обрести покой.

– Ты заработаешь рак, отец, – отстраненно произнесла она. – Ты ведь сам это понимаешь.

– О, с Джимом все в порядке, Барб. Не тревожься, девочка.

– Ты бы хоть о маме подумал. Что с ней станет, если ты снова угодишь в больницу? – Как Тони. Но эти слова не могли быть произнесены вслух. – Может, мне поговорить с мистером Пателем? Мне бы не хотелось этого делать, но я сделаю, если ты будешь покупать у него табак.

– Патель сам подсказал Джиму эту идею, – запротестовал отец. Его голос сорвался на визг – Ты же запретила ему продавать Джиму

сигареты.

– Ты сам знаешь, это для твоего же блага. Как можно курить, сидя возле баллона с кислородом? Тебя доктор предупреждал.

– Но Патель. сказал, жевательный табак Джиму не повредит.

– Мистер Патель не врач. А теперь отдай мне табак. – И она требовательно протянула руку.

– Но Джимми хочет...

– Не спорь, папа. Отдавай табак.

Он сглотнул. Еще и еще раз. Глаза метались затравленно.

– Оставь хоть чуть-чуть, Барби, – проныл он. Барбара содрогнулась. Только Тони называл ее так. Из уст отца это имя звучало кощунственно. И все же она придвинулась к старику, коснулась рукой его плеча, даже заставила себя дотронуться до его невымытых волос.

– Попытайся понять, папа! Мы должны подумать о маме. Она не выживет без тебя. Значит, мы обязаны заботиться о твоём здоровье. Ты же знаешь, мама... она так тебя любит.

Неужели в этих глазках и впрямь что-то блеснуло? Неужели они все еще различают лица друг друга в маленьком аду, созданном их собственными руками? Неужели густой туман еще не скрыл их друг от друга?

У отца вырвалось глухое рыданье. Грязная ладонь скользнула в карман, извлекла из него маленькую жестянку.

– Джим не хотел ничего плохого, Барби, – сказал он, протягивая контрабанду дочери. Глаза его продолжали метаться. То на ее лицо глянет, то скользнет взглядом вбок, к семейному святилищу, к пластмассовым цветам в пластмассовом сосуде. Барбара спокойно прошла к вазе, выдернула цветы и извлекла оттуда еще три жестянки табака.

– Завтра утром я поговорю с мистером Пателем, – холодно пообещала она и вышла из комнаты.

Конечно же, Итон-террас. Не Итон-плейс – самая сердцевина Белгравии – для Линли это было бы слишком претенциозно. К тому же речь идет всего лишь о городском особняке. Подлинный дом Линли – Хоунстоу, имение в Корнуолле.

Барбара постояла с минуту, созерцая изящное белое здание. Как тут все чисто, как все мило в Белгравии. Высший класс, светское

общество. Где еще люди согласились бы жить в домах, переделанных из бывших конюшен, да еще и похвалиться этим.

Мы переехали в Белгравию. Мы вам еще не говорили? Заходите к нам на чашку чая. Ничего особенного. Всего триста тысяч фунтов, но мы рассматриваем это как выгодное капиталовложение. Пять комнат. Прелестная тихая улочка, булыжная мостовая. Ждем вас к половине пятого. Вы сразу узнаете наш дом. Я посадила бегонии буквально на всех подоконниках.

Барбара поднялась по отмытым добела мраморным ступеням и презрительно сощурилась на маленький герб, притаившийся под медным светильником. Старинное дворянство! Линли не придется жить в конюшне.

Она уже протянула руку к звонку, но задержалась, тоскливо оглядывая улицу. Барбара так и не успела со вчерашнего вечера обдумать свое положение. Разговор с Уэбберли, поездка за Линли на свадьбу, заседание в Скотленд-Ярде и беседа со странным стареньким священником – все эти сцены так быстро сменяли друг друга, что у нее не осталось времени разобраться в своих чувствах и выработать стратегию, которая помогла бы без потерь пережить навязанное ей партнерство.

Правда, вопреки ее ожиданиям, у Линли эта ситуация не вызвала возмущения. Ничего похожего на ярость самой Барбары он не испытывал. Однако, с другой стороны, в тот момент инспектора занимали иные проблемы – свадьба близкого друга и, уж конечно, ночное свидание с леди Хелен Клайд. А теперь, когда он успел обо всем поразмыслить, он, несомненно, заставит Барбару сполна поплатиться за то, что ему в коллеги навязали парию, да еще и простолюдинку.

Что же делать? Накоиец-то ей представилась долгожданная возможность, о которой она мечтала и молилась, возможность показать себя с наилучшей стороны, закрепиться в следственном отделе. Единственный шанс сгладить все шероховатости, все глупости, слетевшие у нее с языка за последние десять лет, все идиотские ошибки.

«Вы можете многому научиться, работая с Линли», – озадаченно хмурясь, припомнила она слова Уэбберли. Чему она может научиться у Линли? Какое вино заказывать к обеду, как пройтись в танце, как

развлечь полную комнату блестящих гостей? Чему она может научиться у Линли?

Разумеется, ничему. Но Барбара слишком хорошо понимала, что Линли – ее единственная надежда вернуться в следственный отдел, и, стоя на ступенях у входа в его роскошный особняк, она тщательно продумывала, как ей установить нормальные отношения с этим человеком.

– Полное подчинение, – сказала она себе. – Никакой инициативы, никаких идей, соглашаться с каждой его мыслью, с каждым словом.

Главное – выжить, решила она, нажимая на кнопку звонка.

Она думала, что дверь откроет красивая горничная в нарядном форменном платье, но ее ожидало разочарование: Линли собственноручно отворил дверь. Он был в тапочках, в одной руке держал гренок, а на кончике аристократического носа красовались очки.

– А, Хейверс, – приветствовал он ее взглядом поверх очков. – Раненько пожаловали. Великолепно.

Он повел ее в дальнюю часть дома, в полную воздуха столовую, со свежими скатертями и столь же свежими светло-зелеными стенами. В одном конце комнаты высокие стеклянные двери без занавесей открывали вид на цветущий поздними цветами сад, возле стены на сервировочном столике орехового дерева красовались серебряные блюда с завтраком. В комнате вкусно пахло теплым хлебом и беконом. Барбара почувствовала голодную пустоту в желудке. Прижав руку к животу она уговаривала себя забыть о том, что ее утро началось с крутого яйца и подсушенного хлебца. Обеденный стол был накрыт на две персоны. Барбара сперва удивилась, но тут же припомнила о свидании в поздний час, которое Линли назначил леди Хелен Клайд. Разумеется, дама все еще нежится в его постели – не станет же она подниматься раньше половины одиннадцатого.

– Угощайтесь. – Линли рассеянно ткнул вилкой в сторону сервировочного столика, другой рукой подбирая несколько страниц из полицейского отчета, рассыпанного посреди чайного сервиза. – Помоему, когда ешь, и думается лучше. Только копченую лососину не трогайте. Она, кажется, перележала.

– Спасибо, не стоит, – сдержанно отвечала Барбара. – Я уже поела, сэр.

– Даже сосиску не хотите? Сосиски очень хороши. Бы не обратили внимание, что мясники наконец-то отважились класть в сосиски больше свинины, чем крахмала? Это обнадеживает, верно? Через полсотни лет после Второй мировой войны мы наконец-то прекратим экономить продукты. – Линли потянулся к заварочному чайнику. Как и вся посуда, чайник был старинного фарфора, несомненно, он составлял часть фамильного сервиза. – Может, выпьете чаю? Должен вас предупредить, я предпочитаю «Лапсан Су Шон», хоть Хелен и утверждает, будто у него вкус мокрых носков.

– Да, я выпью немного. Спасибо, сэр.

– Отлично, – сказал он. – Выпейте, и послушаем, что вы скажете.

В тот самый момент, когда Барбара опускала в чашку кусок сахара, в дверь позвонили. На лестнице в глубине дома прозвучали шаги.

– Я открою, милорд! – воскликнул женский голос с корнуольским акцентом. – Извините, что в тот раз не успела. Это из-за малыша, вы же знаете.

– Это круп, Нэнси, – пробормотал Линли в ответ. – Надо показать бедняжку врачу.

Звонкий, уверенный женский голос наполнил холл.

– Завтрак? – Переливы серебристого смеха. – Как я удачно подросла, Нэнси. Он же не поверит, что это вышло случайно! – С этими словами леди Хелен ворвалась в столовую, и Барбару, точно разящий меч самурая, пронзило погибельное отчаяние.

Женщины оказались одеты одинаково – то есть на леди Хелен был коллекционный костюм, который кутюрье сам подгонял по ее фигуре, а на Барбаре – готовая копия «прет-а-порт», дешевая подделка с плохо подрубленными швами. Остается лишь надеяться, что различие в цвете костюмов скроет унижительное сходство, подумала Барбара. Она уже размешала сахар в чашке, но, словно обессилев, так и не могла поднести ее к губам.

Натолкнувшись взглядом на представительницу полиции, леди Хелен отнюдь не смутилась.

– Я в полной растерянности, – откровенно заявила она. – Как удачно, что и вы тут, сержант, – мне кажется, понадобятся все три наши головы, чтобы придумать, как мне выпутаться. – С этими словами она водрузила на ближайший стул большую хозяйственную

сумку и, направившись напрямиком к сервировочному столику, принялась обследовать накрытые крышками серебряные блюда, словно в первую очередь ей требовалось подкрепиться.

– Из чего выпутаться? – поинтересовался Линли. – Нравится ли вам «Лапсан»? – мимоходом осведомился он у Барбары.

– Превосходный напиток, – непослушными губами выговорила она.

– Опять этот отвратительный чай! – простонала леди Хелен. – Томми, ты бессердечен.

– Если бы я знал, что ты заглянешь к завтраку, я бы не посмел подать его второй раз за неделю, – намекнул Линли.

Женщина рассмеялась, ничуть не обидевшись.

– Смешной он, правда? Послушать его, так я торчу здесь каждое утро, обедаю его и опиваю.

– Не так уж много времени прошло со вчерашнего дня.

– Злюка! – И она вновь сосредоточила все внимание на сервировочном столике. – Лососина пахнет омерзительно. Нэнси ее, верно, забыла положить в холодильник. – Хелен вернулась к столу с тарелкой, на которой с трудом уместились яйца с грибами и бекон с помидорами. – Кстати, что она тут делает? Почему она не в Хоунстоу? И где нынче Дентон?

Линли мелкими глоточками отпивал чай, просматривая в то же время полицейский отчет.

– Я дал Дентону отпуск на то время, пока я уезжаю из города, – небрежно отвечал он. – Не стоит брать его с собой.

Кусочек бекона повис в воздухе. Леди Хелен пристально уставилась на инспектора.

– Ты же просто пошутил. Умоляю, дорогой, скажи мне, что ты пошутил.

– Я вполне способен несколько дней обойтись без камердинера. Я не так уж беспомощен, Хелен.

– Да я вовсе не об этом! – Леди Хелен сделала большой глоток китайского чая, брезгливо поморщилась и отставила пустую чашку в сторону. – Каролина! Она тоже взяла отпуск на всю неделю. Не может же быть... Томми, если она сбежит с Дентоном, мне конец. Нет-нет, – пресекла она слабую попытку собеседника прервать ее, – я знаю, что ты собираешься сказать. Разумеется, у них есть полное право на

личную жизнь, я безусловно это признаю. Но мы должны выработать какой-то компромисс, мы с тобой должны принять решение, потому что если они поженятся и решат жить у тебя...

– В таком случае и нам с тобой придется пожениться, – миролюбиво заметил Линли, – и мы все будем счастливы, как четверо ежиков.

– По-твоему, это смешно? Ты только погляди на меня. Стоило Каролине отлучиться на один день, и я уже не человек. Неужели ты думаешь, что она позволила бы мне так одеться?

Линли перевел на нее взгляд. Барбаре этого не требовалось. Облик леди Хелен отпечатался в ее мозгу: прекрасно пригнанный по фигуре костюм винного цвета, шелковая блуза, розовато-лиловый шарф изящными складками ниспадает к талии.

– А что не так? – поинтересовался Линли. – По-моему, замечательный костюм. По правде говоря, учитывая ранний час, – он быстро глянул на карманные часы, – ты даже чересчур изысканна.

Леди Хелен в полном отчаянии обернулась к Барбаре.

– Таковы все мужчины, сержант! Я вырядилась с утра пораньше, словно переспелая клубника, а он знай бормочет «по-моему, замечательный костюм» и снова утыкается носом в рапорт об убийстве.

– Лучше уж читать отчет об убийстве, чем помогать тебе выбирать одежду на ближайшие дни. – Линли кивком указал на хозяйственную сумку, позабытую на стуле. Сумка раскрылась, и из нее поползли наружу куски какой-то материи. – Или ты именно за этим пришла?

Леди Хелен потянула сумку к себе.

– Если б дело было только в этом, – грустно вздохнула она. – На самом деле все гораздо хуже. Бог с ними, с Дентоном и Каролиной, – об этом мы еще поговорим. Я погибла, если ты мне не поможешь. Я перепутала все пулевые отверстия Саймона.

Барбаре показалось, что она попала в спектакль по пьесе Уайльда. Пора бы уже дворецкому войти на сцену слева и торжественно внести сэндвичи с огурцом.

– Пулевые отверстия Саймона? – Линли, более привычный к собственным Хелен поворотам мысли, сохранял терпение.

– Ты знаешь, о чем я говорю. Мы сортировали образцы пятен крови в зависимости от траектории пули, угла и калибра. Ты же помнишь, да?

– Для доклада, который будет в следующем месяце?

– Вот именно. Саймон приготовил все для меня и оставил образцы в лаборатории. Я должна бы-ла разобрать данные, рассортировать образцы материи и подготовить к финальному тесту. Но я...

– Перепутала образцы, – завершил Линли. – Сент-Джеймса это не обрадует. Что же ты собираешься делать теперь?

Хелен сокрушенно поглядела на образцы, которые она столь бесцеремонно выбросила на пол.

– Разумеется, я и сама кое-что в этом понимаю. После четырех лет работы в лаборатории я сумею отличить двадцать второй калибр, не говоря уж о сорок пятом и ружейной пуле, но о других пулях я ничего не знаю, а тем более о том, какой образец соответствует какой траектории полета.

– Все перемешано, – вздохнул Линли.

– Еще как, – подхватила она. – Вот я и подумала, загляну-ка я к тебе с утра пораньше – вместе мы с этим справимся.

Наклонившись, Линли принялся осторожно перебирать груды материи.

– Ничего не выйдет, голубушка. Извини. Тут полно работы, а нам пора на поезд.

– И что же я скажу Саймону? Он столько с этим возился.

Линли пораскинул мозгами.

– Есть один вариант...

– Да?

– Профессор Абраме из Челси Инститют. Ты с ним знакома? – Хелен покачала головой. – Они с Саймоном не раз вместе выступали экспертами на суде. В прошлом году занимались делом Мелтона. Можно сказать, приятели. Наверное, он согласится помочь. Если хочешь, я позвоню ему, пока я еще здесь.

– Правда, Томми? Как тебя отблагодарить? Я готова сделать для тебя все что угодно.

– Не стоит давать мужчине такие обещания за завтраком, – иронически изогнул бровь Линли.

Хелен обольстительно рассмеялась.

– Я готова даже помыть посуду! Я согласна обойтись без Каролины, если уж на то пошло!

– А как насчет Джеффри Кусика?

– И без него тоже. Ах, бедняжка! Променяю его на дырки от пуля и глазом не моргну.

– Что ж, все улажено. Как только закончим завтрак, я позвоню профессору. Полагаю, теперь нам ничто не мешает закончить завтрак?

– О, разумеется. – И гостя радостно занялась содержимым своей тарелки, в то время как Линли, нацепив очки, уткнулся в полицейский отчет.

– Что это у вас за расследование спозаранку? – спросила леди Хелен у Барбары, наливая себе вторую чашку чая и щедрой рукой добавляя молоко и сахар.

– Обезглавленный труп.

– Какой кошмар! Далеко едете?

– В Йоркшир.

Чашечка на миг задержалась в воздухе и осторожно опустилась на блюдечко. Леди Хелен перевела взгляд на Линли. С минуту помолчала, потом негромко задала вопрос:

– В Йоркшир? Куда именно, Томми? Линли прочел еще несколько строк, прежде чем ответить.

– Это местечко называется... ага, вот... Келдейл. Тебе это что-нибудь говорит?

Снова минутная пауза. Леди Хелен сосредоточенно обдумывала вопрос, уставившись в свою чашку. Хотя лицо ее оставалось бесстрастным, на шее учащенно забила жилка. Наконец она подняла голову и выдавила из себя улыбку:

– Келдейл? Понятия не имею.

Линли отложил газету и внимательно посмотрел на Барбару Хейверс. Он мог глядеть на нее открыто, не прячась за газетой, поскольку сержант, склонившись над разделявшим их купе голубым столиком, с головой ушла в отчет об убийстве в Келдейле. С минуту Линли гадал, какой глубины падения достигнет британская железная дорога, если и впредь будет использовать при окраске вагонов «неброские» цвета, рассчитанные на многолетнюю службу безо всякого ухода, но вскоре его мысли вернулись к сидевшей напротив него напарнице.

Он все знал о Хейверс. О ней все знали всё. Не пройдя испытательного срока, она вылетела из следственного отдела, успев поспорить с Макферсоном, Стюартом и Хейлом, хотя лучших наставников ни один полицейский сержант не мог бы и пожелать. Можно ли представить себе человека, который не сработался бы с Макферсоном, с этим плюшевым мишкой, добродушным папашей, шутливым и ворчливым на шотландский лад? Но Хейверс удалось и с ним разругаться.

Линли припомнил тот день, когда Уэбберли объявил о своем решении перевести Хейверс в патрульные. Все уже догадывались, что скоро это произойдет. Катастрофа надвигалась давно. Но ни один человек не ожидал, какотреагирует эта женщина.

– Если б я окончила ваш чертов Итон, вы бы меня не выгнали! – орала она в кабинете Уэбберли, и ее срывающийся голос разносился по всему этажу. – Если б у меня был счет в банке да еще титул в придачу и я бы трахала все, что движется – женщин, мужчин, детей и животных, – я бы вполне годилась для вашего отдела!

Как только прозвучало упоминание Итона, три головы повернулись в сторону Линли. К концу этой речи странная тишина, воцарившаяся посреди привычных звуков буднего дня, известила Линли, что на него таращатся уже все сотрудники. Он как раз стоял возле полки, нащупывая неуклюжими, внезапно одеревеневшими пальцами папку с делом Гарри Нельсона. На самом деле эта папка не очень-то ему и требовалась. Во всяком случае, не так срочно. Но не

мог же он целый час простоять лицом к шкафу. Нужно повернуться, нужно возвратиться на свое место.

Он с трудом заставил себя выполнить эти простые движения, заставил себя произнести легкомысленно: «Нет уж, до животных я не опускался», – и якобы беззаботно пройти по комнате.

Его шуточку приветствовали нервные смешки. Всем было неловко.

Дверь в кабинет Уэбберли с грохотом захлопнулась, и Хейверс вылетела в коридор: рот сведен яростной гримасой, лицо опухло, покрылось пятнами от слез, которые она гневно утирала рукавом. Глаза их встретились, и губы женщины презрительно искривились. Линли поежился, ощутив всю глубину ее ненависти.

В тот же миг здоровяк Макферсон положил на его стол папку с делом Гарри Нельсона и дружелюбно проворчал: «Не бери в голову, ты у нас парень что надо», однако прошло по меньшей мере десять минут, прежде чем руки перестали дрожать и Линли сумел набрать номер и поболтать с Хелен.

– Как насчет ланча? – спросил он ее.

Она сразу все поняла. Догадалась по его голосу.

– Ну конечно, Томми. Саймон все утро подсовывает мне эти отвратительные образцы вырванных волос – можешь себе представить, дорогой, когда вырывают волосы, кожа скальпа просто лоскутьями сходит, – так что ланч мне сейчас просто необходим. Встретимся у Конно?

Благослови, Боже, Хелен. В этот год она сделалась для него самой надежной пристанью. Тряхнув головой, Линли отогнал эту мысль и вновь посмотрел на Хейверс. Немного смахивает на черепаху. Особенно нынче утром – как она подобралась, когда в комнату вошла Хелен. Прямо-таки окоченела, бедняжка, с трудом пару слов из себя выдавила и вновь заползла в свой панцирь. Вот дурочка! Будто Хелен ей страшна.

Линли нащупал в кармане сигареты и зажигалку. Сержант Хейверс мельком глянула на него и вновь уткнулась в отчет. Лицо ее застыло. Не курит, не пьет. Линли мрачно усмехнулся. Придется привыкать, сержант, я не собираюсь отказываться от своих пороков. Во всяком случае, не в этом году.

Он не мог понять, почему вызывает у нее столь явную антипатию. Разумеется, существуют определенные социальные различия, хотя на самом деле это скорее повод для насмешек, и уж он получил сполна, когда ребята узнали, что Линли унаследовал титул. С неделю они приветствовали его церемонными поклонами или изображали звук фанфар, едва Линли появлялся в комнате, однако примерно через неделю все об этом позабыли, и только Хейверс, казалось, по-прежнему слышала пышный титул «восьмой граф Ашертон» всякий раз, как только Линли оказывался поблизости. Впрочем, он старался даже близко к ней не подходить, особенно с тех пор, как Хейверс перевели в патрульные.

Линли испустил вздох. А теперь их вместе послали на задание, что же такое задумал Уэбберли, соединяя столь несовместимых напарников? Суперинтендант казался Линли одним из умнейших людей в Скотленд-Ярде, так что он создавал эту пару противоположностей не ради комического эффекта. Если бы еще знать, кто из нас Дон-Кихот, а кто Санчо Пайса, подумал он, глядя в залитое дождем окно, и рассмеялся.

Сержант Хейверс с недоумением поглядела на своего спутника, но ни о чем не спросила.

– Смотрю, нет ли поблизости ветряных мельниц, – улыбнулся он.

Они пили железнодорожный кофе из железнодорожных стаканчиков. Сержант Хейверс решила наконец заговорить о деле.

– На топоре нет отпечатков пальцев, – напомнила она.

– Странно, не правда ли? – откликнулся Линли. Содрогнувшись от мерзкого вкуса тепловатого напитка, отставил чашечку и продолжил: – Убить собаку, убить родного отца, сидеть над трупом, дожидаясь полиции, но при этом не забыть стереть отпечатки пальцев с рукоятки топора? Это нелогично.

– Как вы думаете, инспектор, зачем она убила собаку?

– Чтобы не было шума.

– Да, наверное, – нехотя согласилась она. Линли заметил, что сержанту хотелось сказать что-то еще.

– Что у вас на уме, Хейверс?

– Да так, ничего. Скорее всего, вы совершенно правы, сэр.

– Но у вас была какая-то идея. Выкладывай-те. – Хейверс все еще отводила взгляд. – Ну же, сержант.

Барбара откашлялась.

– Я просто подумала, что ей не было нужды убивать собаку. Ведь это же ее собака. С какой стати пес стал бы лаять на нее? Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что пес должен был лаять на чужака и тот убил собаку, чтобы заставить ее замолчать.

Линли изящным жестом переплел свои тонкие пальцы.

– Станный случай с собакой в полночь, – пробормотал он, словно смакуя заголовок детектива. – И все же пес мог залаять, увидев, как девушка наносит удар отцу, – возразил он.

– Но... я вот что подумала, сэр. – Хейверс судорожно принялась заправлять коротко стриженные волосы за ухо и в результате сделалась еще непривлекательней, чем прежде. – Ведь похоже, что собака погибла первой, не правда ли? – Пролистав сложенные в папку бумаги, она извлекла одну фотографию. – Тело Тейса рухнуло прямо на собаку.

Линли вгляделся в это изображение.

– Да, верно. Но, может быть, она это подстроила?

Маленькие пронизательные глазки сержанта удивленно расширились.

– Нет, не думаю, сэр. Это маловероятно.

– Почему же?

– Тейс был шести с лишним футов ростом. – Она принялась неуклюже перелистывать страницы отчета. – Он весил... вот, здесь указано... четырнадцать с половиной стоунов^[2]. Можете ли вы вообразить, как Роберта ворочает четырнадцать с половиной стоунов мертвого веса только для того, чтобы изменить картину преступления? И это при том, что она сама тут же призналась в содеянном? По-моему, это невероятно. К тому же голова отрублена, и, если бы она перемещала труп, стены были бы забрызганы кровью, ведь так? А здесь нет пятен.

– Очко в вашу пользу, сержант, – признал Линли, доставая из кармана очки. – Думаю, придется с вами согласиться. Позвольте мне еще раз взглянуть. – Барбара передала ему всю папку. – Время смерти между десятью вечера и полуночью, – отметил он скорее для самого себя, чем для Барбары. – На ужин он ел цыпленка с горохом. В чем дело, сержант?

– Пустяки, сэр. Кто-то наступил на мою могилу.

Очаровательное выражение.

– Ага! – сказал он, продолжив чтение. – В крови барбитураты. – Он озабоченно нахмурился и поверх очков уставился на сержанта. – Трудно представить себе, что подобному человеку требуется снотворное. Он возвращается домой после тяжелого трудового дня на ферме, наглотавшись свежего воздуха лугов и долин. Съедает обильный ужин и засыпает сразу же, у камелька. Буколический рай. Зачем же ему понадобилось снотворное?

– По-видимому, он принял таблетку незадолго до смерти?

– Разумеется. Не во сне же он добрался от дома до хлева.

Барбара тут же съежилась от его тона, спряталась в свою раковину, как улитка.

– Я только хотела сказать...

– Я пошутил, – поспешно извинился Линли. – Со мной такое бывает. Пытался разрядить обстановку. Постарайтесь привыкнуть к этому.

– Конечно, сэр, – подчеркнуто вежливо ответила она.

Этот человек бросился им наперерез, как только они вышли из поезда и направились к выходу со станции. Человек был худ до истощения, – судя по его виду, он страдал от сотни всевозможных недугов, преимущественно желудочных, обративших его жизнь в кошмар. Приближаясь к ним, он успел на ходу забросить в рот таблетку и принялся с угрюмой яростью дробить ее зубами.

– Суперинтендант Нис, – любезно приветствовал его Линли. – Неужели вы проделали весь этот путь из Ричмонда лишь ради встречи с нами? Расстояние-то немалое.

– Шестьдесят миль, будь они прокляты, так что перейдем сразу к делу, инспектор, – рявкнул Нис. Он встал прямо перед ними, преграждая им путь к лестнице и выходу в город. – Вы мне тут совершенно не нужны. Керридж затеял какую-то чертову интригу, а я в этом участвовать не собираюсь. Если вам что-то нужно, обращайтесь в Ньюби-Уиск, а не в Ричмонд. Вам все ясно? Я не хочу вас видеть. Я не хочу ничего слышать про вас. Если вы явились сюда ради личной мести, можете заткнуть эту месть себе в задницу. Поняли? У меня нет лишнего времени на школяров, у которых в одном месте зудит от желания поквитаться. На миг повисла пауза. Созерцая желчное лицо Ниса, Барбара гадала, осмеливался ли кто-нибудь разговаривать

подобным образом с лордом Ашертоном в его корнуолльском поместье.

– Сержант Хейверс, – вежливо заговорил Линли, – мне кажется, вы прежде не были знакомы с суперинтендантом Нисом, возглавляющим полицейский департамент Ричмонда.

Барбара в жизни не видела, чтобы человека сбили с толку так быстро, так эффективно, и чем – демонстрацией безукоризненных манер.

– Рада познакомиться, сэр, – любезно выговорила она.

– Черт вас побери, Линли, – рявкнул Нис. – Не путайтесь у меня под ногами! – И, развернувшись на каблуках, он проложил себе путь через толпу к выходу со станции.

– Хорошая работа, сержант, – безмятежно похвалил Линли. Взглядом он отыскивал кого-то в море голов, захлестнувшим перрон. Близились полдень, обычная вокзальная суета в час перерыва на ланч усугублялась. Здесь, на вокзале, покупали билеты, торговались с таксистами и встречали близких, выбиравших именно эту электричку, чтобы подстроиться под расписание рабочего дня. Обнаружив того, кто ему требовался, Линли сказал:

– Вон Дентон, там, впереди, – и приподнял руку, приветствуя приближавшегося к ним молодого человека.

Дентон только что вышел из кафетерия, так и не закончив ланч. Пробиваясь через толпу, он продолжал жевать, глотать, утирать рот салфеткой, он успел даже на ходу аккуратно расчесать густые темные волосы, поправить галстук и убедиться в безупречном глянце своих ботинок.

– Хорошо доехали, милорд? – поинтересовался он, передавая Линли ключи. – Автомобиль припаркован у самого выхода. – Он улыбался, но от Барбары не укрылось, как он напряжен.

Линли сурово глянул на своего слугу.

– Каролина! – буркнул он.

Серые глаза Дентона сделались совсем круглыми.

– Каролина, милорд? – с притворной невинностью переспросил он, и его ангельское личико сделалось еще более ангельским, однако нервный взгляд через плечо на то кафе, из которого он только что вышел, выдал Дентона с головой.

– Нечего повторять за мной «Каролина, Каролина». Нам нужно кое-что уладить, пока вы еще не отправились отдыхать. Кстати, это сержант Хейверс.

Булькнув горлом, Дентон поспешно наклонил голову.

– Очень приятно, сержант, – приветствовал он ее и вновь повернулся к Линли. – Да, милорд?

– Не надо меня титуловать, мы не дома, а на людях я прямо-таки прыщами покрываюсь от неловкости, когда все время слышу «милорд». – Линли раздраженно перебрасывал чемодан из одной руки в Другую.

– Извините. – Дентон тяжело вздохнул и отбросил формальности. – Каролина там, в кафе. Мы сняли коттедж в Робин-Гуд-Бей.

– Очень романтично, – холодно заметил Линли. – Избавьте меня от подробностей. Извольте позвонить леди Хелен и сообщить ей, что вы не намерены бежать в Гретна-Грин. Вы сделаете это, Дентон?

Молодой человек усмехнулся.

– Конечно. Сию минуту.

– Спасибо. – Линли полез в карман и извлек оттуда кредитную карточку, – Не вздумайте что-нибудь затеять, – предупредил он, протягивая ее камердинеру. – Мне нужна только машина, и ничего более. Ясно?

– Еще бы, – буркнул Дентон. Он оглянулся через плечо на кафетерий. Оттуда вышла красивая молодая женщина и посмотрела в их сторону. Она была одета и причесана столь же изысканно, как и сама леди Хелен Клайд. Просто двойник своей госпожи. Интересно, сумрачно подумала Барба-ра, входит ли это в ее служебные обязанности?

Горничная младшей дочери графа! Просто что-то из девятнадцатого века. Лишь одна черта отличала Каролину от леди Хелен: горничной не хватало уверенности в себе. Барбара подметила, как Каролина держит сумку, крепко сжав ее обеими руками, словно вот-вот кого-нибудь ею стукнет.

– Так я пойду? – спросил Дентон.

– Идите, – разрешил ему Линли и добавил вслед: – Поаккуратней, ладно?

– Все будет тип-топ, милорд, – отвечал тот, – все будет тип-топ.

Линли проследил, как молодой человек растворяется в толпе, подхватив под локоток свою подругу, и обернулся к Барбаре.

– Полагаю, больше нас ничто не задерживает, – сказал он. – Пошли.

И он вывел ее на улицу, напрямик к серебристому переливающемуся на солнце «бентли».

– Я получил информацию, – конфиденциально сообщил Хэнк Уотсон, сидевший за соседним столом. – Самую надежную, проверенную, гарантированную информацию! – Убедившись, что все присутствующие в столовой готовы его слушать, он продолжал: – Насчет этой истории с младенцем в аббатстве. Мы с Джо-Джо получили стопроцентную информацию нынче утром от Анжелины.

– Еще кофе, Дебора? – любезно осведомился Сент-Джеймс у своей супруги. Она отказалась, и тогда муж налил себе и вновь обратился в слух.

Хэнк и Джо-Джо Уотсон времени не теряли, они сразу же установили тесную дружбу с новой парочкой, поселившейся в Келдейл-холле. Миссис Бертон-Томас, со своей стороны, поспособствовала знакомству, усадив их за соседние столики в огромной столовой. Представлять супружеские пары друг Другу она не стала, понимая, что в этом нет необходимости. Стены, отделанные старинными панелями, антикварная мебель, бесценный шератоновский буфет, – все это перестало интересовать американцев в ту самую минуту, как в зал вошли Сент-Джеймс и Дебора.

– Хэнк, лапонька, может, им вовсе не хочется слушать про младенца в аббатстве, – вступилась Джо-Джо, ощупывая быстрыми пальчиками золотую цепочку со множеством брелков – «Мамочка первый класс», «Пирожок» и «Горошинка» соседствовали здесь с эмблемой «мерседеса», крошечной ложкой и миниатюрной Эйфелевой башней.

– То есть как это не хочется! – прогромыхал Хэнк. – Да ты сама их спроси, Горошинка!

Джо-Джо закатила глаза, мимикой извиняясь перед вновь прибывшими.

– Хэнк в восторге от Англии. Просто очарован ею, – пояснила она.

– Обожаю! – кивнул Хэнк. – Если б тут еще давали горячие гренки, цены бы этому местечку не сыскать. Какого черта вы едите гренки остывшими?

– Я всегда полагал, что это признак упадка культуры, – согласился Сент-Джеймс.

Хэнк одобрительно расхохотался, широко распахнув рот и демонстрируя неправдоподобно белые зубы.

– Упадок культуры! Вот это здорово! Просто замечательно! Слыхала, голубка? Упадок культуры! – Хэнк мог бесконечно повторять любую пришедшуюся ему по вкусу шутку. Таким образом он словно присваивал авторство. – Ладно, насчет аббатства, – продолжал он, не давая сбить себя с мысли.

– Хэнк, – пробормотала его жена. До чего же похожа на кролика! Глаза вытаращены, нос то и дело шевелится, подергивается, словно здешний воздух ей не вполне подходит.

– Уймись, Горошинка, – пророкотал муж. – Эти люди – они же соль земли!

– Налей-ка мне еще кофе, Саймон, – сказала Дебора.

Саймон тут же повиновался.

– И молока?

– Да, пожалуйста.

– Кофе с горячим молоком! – воскликнул Хэнк, обнаружив очередную тему для нескончаемой беседы. – Вот и еще один признак упадка культуры. Эй! А вот и Анжелина!

Молоденькая девушка – судя по ее сходству с Дэнни, еще один член (все любопытственней и любопытственней, как говаривала Алиса) семейства Бертон-Томас, внесла в гостиную большой поднос, полностью сосредоточившись на этой нелегкой задаче. Не так хороша собой, как Дэнни, рыженькая, пухленькая, с обветренными щеками и загрубевшими ладонями, словно крестьянский труд ей более знаком, чем работа в эксцентричном семейном пансионе. Она нервно и неловко сделала книксен, не глядя гостям в глаза, и столь же неуклюже подала им завтрак. Что-то ее тревожило – девушка непрерывно покусывала нижнюю губу.

– Стесняется малютка, – громогласно заметил Хэнк, жадно уписывая большой квадратный тост вприкуску с яичницей. – Но вчера

вечером после ужина она таки навела нас на след. Вы ведь тоже слышали насчет младенца, а?

Дебора и Сент-Джеймс переглянулись, решая, кому из них подавать ответную реплику. Мяч перелетел на поле Деборы.

– В самом деле, слышали, – подтвердила она. – Из аббатства доносится плач. Дэнни сообщила нам об этом, как только мы приехали.

– Ха! Еще бы не сообщила, – подхватил Хэнк и, боясь остаться непонятым, пояснил: – Пташка-милашка. Сами видели. Хочет быть в центре внимания.

– Хэнк, – пробормотала его жена, уткнувшись носом в кашу. Ее светлые, с соломенным отливом волосы были коротко подстрижены, открывая заметно покрасневшие кончики ушей.

– Джо-Джо, эти люди – вовсе не дураки, – возразил Хэнк. – Они знают, что к чему. – Тут он махнул вилкой в сторону англичан. Кусок сосиски едва не слетел с ее зубцов. – Вы уж извините мою Горошинку. Казалось бы, поживешь в Лагуна-Бич, чего только не насмотришься, верно? Слыхали небось про Лагуна-Бич, штат Калифорния? – Он даже не сделал паузу, чтобы дать им время для ответа. – Самое прекрасное место на земле, вы уж извините, что я так говорю. Мы с Джо-Джо прожили там – сколько мы там живем, милашка? Двадцать два года, верно? – а она все еще краснеет, честно вам говорю, когда видит, как парочка извращенцев обнимается. Я ей говорю: «Нечего обращать внимания на извращенцев, Джо-Джо». – Тут американец слегка понизил голос и добавил доверительно: – Они там у нас прямо из ушей вылезают, в Лагуна-Бич.

Сент-Джеймс старался не встречаться взглядом с Деборой.

– Прошу прощения? – переспросил он, не совсем понимая, что пытается рассказать ему Хэнк.

– Извращенцы, говорю. Голубенькие. Гомо-сек-сулисты. Их прямо-таки миллионы в Лагуна-Бич. Все теперь хотят у нас поселиться. Да, а что касается аббатства, – Хэнк на мгновение прервался и с жадностью отхлебнул кофе из чашки, – похоже, все дело в том, что Дэнни и ее-сами-знаете-кто повадились регулярно там встречаться. Ну, сами понимаете. Пообжиматься малость. И в ту самую ночь три года назад они аккуратно решили, что настала пора, так сказать, увенчать отношения. Все ясно?

– Абсолютно, – подтвердил Сент-Джеймс, по-прежнему избегая смотреть в глаза Деборе.

– Ну, знаете ли, Дэнни чуточку напряглась. В конце концов, девственница, все в первый раз, це-ло-мудрие – это такая штука, с ней легко не расстанешься, верно? В здешних местах к этому серьезно относятся. А если малышка Дэнни позволит своему парню – тут уж назад пути нет, верно? – Он явно дожидался ответа.

– Наверное, нет, – подтвердил Сент-Джеймс.

Хэнк энергично закивал.

– И вот, как рассказывает сестрица Анжелина...

– Неужели и она там была? – изумился Сент-Джеймс.

Хэнк с минуту попытался, обдумывая вопрос со всех сторон, яростно и восторженно громыхая ложечкой по краю стола.

– Ну, вы парень не промах! – восхитился он и тут же постарался вовлечь в разговор Дебору: – Он у вас всегда такой?

– Всегда! – поспешно заявила она.

– Замечательно! Ну, так насчет аббатства... «Господи помилуй!» – взглядом сказали друг другу Дебора и Сент-Джеймс.

– И вот этот парень наедине с Дэнни. – Для наглядности Хэнк размахивал в воздухе ножом и вилок. – Ружье заряжено, палец на курке. И тут ни с того ни с сего младенец начинает орать, да так, что и джаз-банд его не заглушит. Можете себе это вообразить?

– Во всех подробностях, – буркнул Сент-Джеймс.

– Ну, эти двое как услышали младенца, решили, что это вроде как Господь Бог самолично вмешался. Выскочили из аббатства, словно все черти за ними гнались. И на этом деле и конец, друзья мои.

– Вы имеете в виду – конец легенде о плаче младенца? – уточнила Дебора. – О, Саймон, я так надеялась услышать его нынче ночью. Или даже днем после обеда. Оказывается, отвращать эту злую примету очень даже увлекательно.

«Хитрюга!» – ответил ей муж одним взглядом.

– Не крику младенца, – поправил Хэнк, – а шашням промеж Дэнни и как там парня звали. Ты не помнишь, а, Горошинка?

– Странное какое-то имя. Эзра, кажется. Хэнк кивнул:

– В общем, Дэнни прибегает сюда и поднимает такой переполох, что чертям тошно стало. Дескать, ей сей момент нужно исповедаться и

примириться с Богом. Они наскоряк зовут местного священника. Настоящий экзорцизм, представляете?

– А кого очищали – Дэнни, пансион или аббатство? – полюбопытствовал Сент-Джеймс.

– Всех троих, приятель. Сперва поп примчался сюда, побрызгал тут святой водичкой, потом бегом в аббатство и... – Американец оборвал свой рассказ на полуслове, лицо его сияло подлинным восторгом, глаза горели. Умелый рассказчик знает, как удержать внимание публики вплоть до последней, завершающей историю точки.

– Еще кофе, Дебора?

– Нет, спасибо.

– И что бы вы думали? – окликнул их Хэнк.

Сент-Джеймс призадумался над его вопросом. Под столом жена тихонько массировала ступней его здоровую ногу.

– Что же? – покорно переспросил он.

– Черт меня подери, если он не нашел там настоящего младенца. С только что обрезанной пуповиной. Пара часов, как на свет народился. К тому времени, как старик добрался туда, младенец уже окоченел. Нарочно его выбросили, ясно?

– Какой ужас! – побледнела Дебора. – Страшное дело.

Хэнк вновь кивнул торжественней прежнего.

– Страшное дело, вы говорите, а каково пришлось бедняге Эзре? Держу пари, он с тех пор так и не может сделать сами-знаете-чего.

– Чей это был ребенок?

Хэнк пожал плечами и вернулся к своему остывшему завтраку. Его интересовали лишь наиболее смачные моменты этой истории.

– Это неизвестно, – ответила Джо-Джо. – Малыша похоронили на деревенском кладбище. И такую странную надпись сделали на этой бедной маленькой могилке. Я ее даже с ходу и не припомню. Сходите туда, посмотрите сами.

– Это ж молодожены, Горошинка, – встрял Хэнк, широко ослабившись и подмигивая Сент-Джеймсу. – У них есть дела поинтереснее, чем бродить по кладбищам.

Похоже, Линли – любитель русской музыки. Они прослушали Рахманинова, затем перешли к Римскому-Корсакову, а теперь вокруг грохотала канонада увертюры «1812 год».

– Вот. Слышали? – спросил Линли, как только отзвучали последние ноты. – Тарелки отстали на полтакта. Но больше у меня претензий к этой записи нет. – С этими словами он выключил магнитофон.

Барбара впервые заметила, что ее напарник не носит никаких украшений, ни перстня с гербом и печаткой, ни дорогих часов с золотым браслетом, блестящим в лучах света. Почему-то отсутствие подобных признаков роскоши поразило ее не меньше, чем могла бы потрясти самая назойливая демонстрация примет графского достоинства.

– Я не заметила, к сожалению. Я плохо разбираюсь в музыке. – Неужели он в самом деле рассчитывал, что она, девушка из низов, способна поддержать беседу о классической музыке?

– Я тоже мало что о ней знаю, – признался ее собеседник. – Люблю слушать, только и всего. Боюсь, я из тех невежд, что говорят: «Я ничего в этом не смыслю, зато знаю, что мне по душе».

Барбара недоверчиво прислушивалась к его словам. Этот человек окончил Оксфорд, его диплом по истории был признан лучшим на курсе. Как же он может называть себя невеждой? Разве что он пытается помочь ей расслабиться, пускает в ход свои чары – уж это-то он умеет. Для него это так же естественно, как дышать.

– Я полюбил эту музыку, когда болел мой отец, в самые последние его месяцы. Всякий раз, когда я приходил навестить его, в доме играла музыка. – Умолкнув, Линли вынул кассету из магнитофона, и наступившая тишина показалась Барбаре столь же громкой, как прежде была музыка и куда более тревожной. Прошло несколько секунд, прежде чем он снова заговорил, Линли продолжил свой рассказ с того самого места, на котором остановился. – Он таял на глазах. Столько боли. – Линли откашлялся. – Мама не захотела отпустить его в больницу. Даже в самом конце, когда ей так требовалась помощь. Она сидела с ним целыми днями, час за часом, и смотрела, как он умирает. Мне кажется, только музыка помогла им продержаться последние недели. – Теперь Линли не отводил глаз от дороги. – Она держала его за руку, и они вместе слушали Чайковского. Под конец он совсем не мог говорить. Мне хотелось верить, что музыка говорит за него.

Сколько болезненных ассоциаций вызвал у Барбары этот рассказ! Нужно срочно, немедленно сменить тему. Судорожно сжав дрожащими руками дорожный атлас, Барбара невпопад выпалила:

– Вы давно знаете этого Ниса? – Черт, как неудачно, сразу видно, что она хочет уйти от разговора. Барбара исподтишка бросила взгляд на своего спутника.

Глаза Линли сузились, но с ответом он не спешил. Снял одну руку с руля. На миг Барбаре почудилось, что эта рука нацелена на нее, что он силой готов заставить ее замолчать. Однако Линли просто выхватил наугад другую кассету и воткнул ее в магнитофон, но включать не стал. Барбара угрюмо глядела в окно на проносящийся мимо пейзаж.

– Странно, что вы не слышали об этом, – произнес он наконец.

– О чем?

Линли посмотрел прямо на нее. Он пытался разглядеть в ее лице вызов, насмешку, а то и желание оскорбить. Не заметив и признака подобных эмоций, инспектор вновь сосредоточил свое внимание на дороге.

– Примерно пять лет назад мой зять Эдвард Дейвенпорт был убит в собственном доме неподалеку от Ричмонда. Суперинтендант Нис считал необходимым арестовать меня. Мучения мои длились недолго, всего несколько дней. Но мне и этого хватило. – Он оглянулся на нее, усмехаясь над самим собой. – Неужели вы не слышали об этом, сержант? Отличная сплетня для любой вечеринки.

– Нет, нет, я об этом никогда не слышала. Да я и не хожу на вечеринки. – Барбара слепо уставилась в окно. – Скоро уже будет поворот. Мили три осталось, – без особой нужды подсказала она.

Она была потрясена до глубины души. Она не смогла бы объяснить это чувство и не желала даже думать о нем. Вместо этого Барбара заставила себя внимательнее всматриваться в пейзаж, прячась от любого продолжения разговора. Пристальное созерцание картин сельской природы все более поглощало ее, и Барбара постепенно поддалась их очарованию. После безумного темпа лондонской жизни и неизбывной мрачности родного Актона безмятежность Йоркшира пронзала ее до глубины души.

Сельская местность являла глазам путников тысячи оттенков зеленого цвета, от аккуратных полос возделанной земли до внушающих страх безбрежных болот. Дорога то ныряла в долину, где

рощи укрывали в своей тени аккуратные деревеньки, то взбиралась виражами и вновь выводила на открытое пространство, под беспощадные удары ветра, устремившегося сюда от самого Северного моря. Единственные живые существа на этих просторах – овцы. Они бродят свободно, на неогороженных лугах. Здесь нет даже тех старинных невысоких каменных стен, которые обозначают границы пастбищ в долинах.

Этот край полон противоречий. Ухоженные луга, где полная жизненных соков земля рождает изобильные урожаи кормовых трав, вики и клевера. В этих местах автомобилю приходится притормаживать, дожидаясь, пока пара пастушеских собак не перегонит через дорогу отару откормленных овец. Пастух следует в отдалении, лишь свистом напоминая о своем присутствии псам, полностью передоверив им свою работу и судьбу принадлежащего ему скота. А затем внезапно и травы, и деревеньки, и величественные дубы, вязы, каштаны – все исчезает, покоряясь вкрадчивой власти великих болот.

Блаженно-голубое небо внезапно омрачается тучами, опускается вниз, навстречу хмурой, непокорной человеку земле. Земля и небо – больше ничего, одни лишь черномордые, спокойные овцы, безмятежные обитатели этих пустынных мест.

– Прекрасно, не правда ли? – вновь заговорил Линли. – Несмотря на все, что со мной тут стряслось, я по-прежнему люблю Йоркшир. Наверное, меня притягивает уединение. Полная отгороженность от мира.

И вновь Барбара проигнорировала слышавшийся в этих словах намек, что человек, сидевший с ней рядом в машине, способен понять ее.

– Очень красиво, сэр. Ничего подобного раньше не видела. Наверное, это и есть наш поворот.

Дорога в Келдейл петляла, кружила, заводя их в центр большой долины. Стоило им свернуть на повороте, и деревья плотно сомкнулись с обеих сторон, нависли аркой над дорогой. Папоротники повсюду. Они приближались к деревне с той самой стороны, с какой некогда вошел в нее Кромвель, и застали деревню пустой, как некогда застал ее лорд-протектор.

Услышав перезвон колоколов церкви Святой Екатерины, путники сразу же догадались, почему в деревне не видать было ни единой живой души. Когда прекратился звон, достойный описанных Дороти Сейерс больших колоколов¹ Намек на известный детективный роман, в котором жертва погибает от звона колоколов. (Прим. перев.)], двери храма распахнулись, выпуская на улицу немногочисленную паству.

– Наконец-то, – пробормотал Линли. Прислонившись к своему автомобилю, он задумчиво оглядывал деревню. Машина была припаркована перед Келдейл-лоджем, аккуратным маленьким пансионом, украшенным нарядными ставнями и разросшимся во все стороны, почти скрывавшим стены плющом. Поглядишь на эту мирную красоту, и невозможно представить, чтобы в такой деревеньке произошло убийство.

На север уходила узкая улица с серыми каменными домами, черепичными крышами, белыми ставенками. Здесь, на главной улице, располагались все необходимые для деревенской жизни учреждения: почтовая контора размером с киоск, неказистая бакалейная лавка, магазинчик под ржавой вывеской с рекламой печенья «Лайонс» – в нем продавалось все что угодно, от подгузников до машинного масла; методистская церковь, пристроившаяся между «Чайной Сары» и «Парикмахерской Синджи» – «красивые кудряшки для любой милашки». По обе стороны мостовой тротуар был едва приподнят, и дождь оставил глубокие лужи перед дверями всех домов. Теперь, однако, небо прояснилось и воздух был свеж – Линли пил его жадными глотками.

К западу Епископальная улица уводила в поля и к фермам. Здесь стояли дома, сложенные из местного камня. На углу, под тенью деревьев, всего в нескольких шагах от дороги располагался уютный коттедж. С одной стороны к домику примыкал огороженный сад, и оттуда доносилось восторженное твяканье мелких собачонок, словно кто-то трепал их и дразнил, вовлекая в азартную игру. На окне домика, стараясь не бросаться в глаза, приютилась состоявшая из единственного слова надпись синим по белому: «Полиция». Тут-то и живет архангел Габриэль, отметил Линли, тихонько улыбаясь.

К югу ответвлялись сразу две дороги: Келдейл-эбби-роуд, очевидно ведущая к аббатству, а по горбтому мостику через ленивую речонку Кел бежала Черч-стрит, по которой прихожане добирались до

церкви Святой Екатерины на холме. Эту дорогу огораживала низкая каменная стена, в которую была вмурована доска в память погибших в Первой мировой войне, обычная печальная примета любой английской деревушки.

Дорогу, ведущую на восток, они как раз проехали, поднимаясь вверх, к этой частичке йоркширских небес. Прежде эта улица казалась совсем пустынной, но теперь на ней показалась согбенная женская фигура, закутанная в черное пальто, обмотанная шарфом. В тяжелых башмаках, в пронзительно ярких голубых носках. Женщина зачем-то тащила с собой хозяйственную сумку – обвисшую, явно пустую. В воскресенье днем у нее не было ни малейших шансов наполнить ее покупками, поскольку все магазины, даже бакалея, были закрыты. Впрочем, женщина шла совершенно в другом направлении, прочь из деревни, в сторону болот. Должно быть, жена фермера: кому-то что-то занесла и возвращается домой.

Деревенька, затерянная среди лесов, прячущаяся в ложбине, внушала чувство полного покоя и безопасности. Умолкли колокола Святой Екатерины, и послышалось пение птиц, приютившихся на деревьях и на крышах домов. Где-то вдаль разложили костер, дымок с запахом горящего дерева – скорее, с легчайшим привкусом этого запаха – растворялся в воздухе. Можно ли поверить, что три недели назад, всего в миле отсюда мужчина был обезглавлен родной дочерью?!

– Инспектор Линли? Надеюсь, я не заставила вас ждать. Я всегда запираю дом на время мессы, ведь смотреть за ним некому. Я – Стефа Оделл, хозяйка пансиона.

Услышав чей-то голос, Линли быстро повернул голову, но при виде хозяйки пансиона вежливое приветствие замерло у него на устах.

Высокая, статная женщина средних лет. В церковь она надела серое, прекрасно сшитое платье с белым воротником. Все аксессуары черного цвета – туфли, пояс, сумочка, даже шляпа. Из-под шляпы выбиваются, падают на плечи волосы цвета бронзы. Потрясающая женщина.

Линли с трудом обрел дар речи.

– Томас Линли, – без надобности представился он. – А это сержант Хейверс.

– Заходите, – радушно пригласила их Стефа Оделл. – Ваши комнаты уже готовы. В это время года у нас постояльцев почти не бывает.

Они вошли в прохладную прихожую с толстыми стенами и каменными полами, покрытыми выцветшим эксминстерским ковром. Двигаясь быстро, с непринужденной, едва ли осознаваемой ею самой грацией, хозяйка подвела их к конторке и протянула журнал для записи.

– Вас предупредили, что я подаю только завтрак? – настойчиво спросила она, будто ни о чем, кроме еды, Линли сейчас и думать не мог.

«Неужели я выгляжу оголодавшим?»

– Нас это устраивает, миссис Оделл, – ответил Линли.

«Молодец, мой мальчик. Старый, как мир, прием. Сейчас все станет ясно».

Хейверс стояла рядом с ним, молча, лицо равнодушное.

– Мисс, – поправила его хозяйка. – А еще лучше – просто Стефа. Поесть вы сможете в «Голубе и свистке» на Сент-Чэд-лейн или в «Святом Граале». А если хотите чего-нибудь особенного, поезжайте в Келдейл-холл.

– В «Святом Граале»?

– Это паб напротив церкви, – с улыбкой пояснила она.

– Это название должно привлечь даже борцов с алкоголем.

– Во всяком случае, отца Харта оно привлекает. Говорят, он частенько выпивает там пинту-другую. Показать вам комнаты? – И, не дожидаясь ответа, Стефа повела их вверх по крутой лестнице. Линли шел следом, любуясь ее на редкость изящными лодыжками.

– В деревне все обрадуются вашему приезду, вот увидите, инспектор, – посулила хозяйка, отпирая дверь первой комнаты и жестом указывая на соседнюю дверь: она предлагала гостям самим решить, как разместиться.

– Приятно это слышать.

– К Габриэлю раньше все хорошо относились. Но с тех пор, как Роберту увезли в сумасшедший дом, бедняга не пользуется тут популярностью.

Линли просто побелел от ярости, однако голос его оставался спокойным и ровным. Вопреки самой себе Барбара восхищалась тем спектаклем, который он разыграл по телефону. Прямо виртуоз.

– Имя врача, подписавшего направление?.. Ах, врача не было? Замечательно! Так на каком же основании... Каким образом, по вашему, я мог наткнуться на эту информацию, суперинтендант, если вы намеренно опустили все данные в своем рапорте?.. Нет, боюсь, вы сильно заблуждаетесь. Нельзя поместить подозреваемого в психиатрическую клинику и обойтись при этом без официальных бумаг. Мне очень жаль, что ваша служащая сейчас в отпуске, но вам придется срочно подобрать ей замену. Вы не имеете права отправлять девятнадцатилетнюю девушку в психиатрическую больницу только потому, что она отказывается разговаривать.

Интересно, гадала Барбара, взорвется ли он наконец, проступит ли трещина в его сверкающей броне.

– Боюсь, что и привычка ежедневно принимать душ не является неизменным показателем душевного здоровья... Не напоминайте мне о чинах, суперинтендант! Если таким манером вы проводите все свои расследования, я уже не удивляюсь, что Керридж мечтает заполучить вашу голову.. – Кто ее адвокат?.. Разве в ваши обязанности не входит назначить ей защитника?.. Не нужно говорить мне, что вы не собираетесь этого делать. Меня отрядили расследовать это дело, и отныне оно будет вестись по всем правилам. Вам все ясно? А теперь слушайте меня внимательно. Я даю вам ровно два часа на то, чтобы доставить ко мне в Келдейл все бумаги: все ордера, все отчеты, любую запись, которую сделал кто-либо из имеющих отношение к этому расследованию. Вы слышите? Два часа... Уэбберли. По буквам: У-э-б-б-е-р-л-и. Да. Позвоните ему прямо сейчас, и покончим с этим. – Линли опустил трубку на рычаг и с каменным лицом возвратил аппарат Стефе Оделл.

Она убрала телефон под стойку и пару раз рассеянно провела по нему пальцем, прежде чем решила поднять глаза.

– Наверное, напрасно я не промолчала? – обеспокоенно спросила она. – Мне бы не хотелось поспорить вас с вашим начальством.

Линли извлек из кармана часы, сверил время.

– Нис мне не начальство. И большое вам спасибо, что предупредили, иначе я бы напрасно смотался в Ричмонд. Без сомнения, именно этого Нис и добивался.

Стефа не стала делать вид, будто что-то в этом понимает.

– Разрешите предложить вам выпить, инспектор? – Легким жестом она указала на дверь справа от них. – И вам тоже, сержант? У нас есть отличный эль, как говорит Найджел Парриш, он любого приведет в чувство. Идите сюда.

Она провела их в типичную для английской сельской гостиницы залу, плохо проветренную, с устойчивым запахом прогоревшего угля. Обстановка была достаточно домашней, чтобы постояльцы чувствовали себя уютно, но вместе с тем достаточно церемонной, чтобы отвадить деревенских забулдыг. Повсюду были расставлены небольшие пухлые диванчики и стулья, на подушечках которых красовалась вышивка; расставленные без особого порядка кленовые столы были слегка обшарпаны, их поверхность покрылась многочисленными кругами от стаканов и кружек; цветочный орнамент ковра проступал темными пятнами в тех местах, откуда недавно передвинули мебель; на стенах висели благопристойно-скучные гравюры: лисья охота, ярмарка в Нью-маркете, деревенский пейзаж. Однако две акварели – одна позади бара в дальнем конце комнаты, другая над камином – обнаруживали несомненный талант и вкус. На обеих картинах было изображено полуразрушенное аббатство.

Пока Стефа разливала напитки, Линли подошел к одному из рисунков и внимательно взгляделся в него.

– Очень красиво, – похвалил он. – Местный художник?

– Это нарисовал один молодой человек по имени Эзра Фармингтон, – пояснила Стефа. – Здесь изображено наше аббатство. Ими он расплатился с нами за комнату прошлой осенью. Теперь он поселился в деревне.

Барбара следила, как рыжеволосая женщина ловко управляет краниками и сдувает пену с поднимающегося пива, которое, казалось, жило в кружке своей самостоятельной жизнью. Пена перелилась через край, коснулась руки Стефы, и та беззвучно, зазывно рассмеялась, инстинктивным жестом поднося пальцы к губам и слизывая жидкость.

Интересно, рассеянно прикидывала Барбара, сколько времени понадобится Линли, чтобы затащить ее в постель?

– Сержант! – окликнула ее Стефа. – Вам налить эля?

– Тоник, если у вас найдется, – сдержанно ответила Барбара. Она выглянула из окна и увидела того старого священника, который приезжал в Скотленд-Ярд. Он о чем-то взволнованно толковал с другим мужчиной. Судя по тому, как настойчиво он указывал на серебристый «бентли», новость об их приезде уже распространилась по деревне. Через мостик перешла женщина и присоединилась к этой паре. Выглядит довольно легкомысленно: платье легкое не по сезону и пышные волосы заколоты небрежно, малейший ветерок раздувает их. Пытаясь согреться, женщина то и дело потирала руки. Она не пыталась вмешаться в мужской разговор, только прислушивалась к нему, словно дожидаясь кого-то из его участников. Священник договорил, повернулся и шаткой походкой двинулся в сторону церкви. Мужчина и женщина остались наедине. Между ними завязался странный, отрывистый разговор. Мужчина, произнося свою реплику, коротко взглядывал на женщину и отводил глаза, она столь же кратко отвечала ему. Надолго повисало молчание. Тогда женщина оглядывалась, созерцая реку, а мужчина переключал внимание на пансион, вернее, на стоявший перед его дверью автомобиль. Приезд полиции их и впрямь насторожил, отметила Барбара.

– Эль и тоник, – провозгласила Стефа, выставляя на стойку бара оба стакана. – Эль изготовлен по домашнему рецепту, еще от отца достался. Мы называем его «Эль Оделл». Попробуйте, инспектор, и скажите, пришелся ли он вам по вкусу.

В густо-коричневом напитке посверкивали золотые искры.

– С характером пивцо, – похвалил Линли, пригубив. – Неужели откажетесь, Хейверс?

– Спасибо, сэр, меня вполне устраивает тоник.

Линли опустился рядом с ней на кушетку. Вокруг валялись бумаги из папки с делом Тейса: Линли сердито рассыпал все содержимое папки, пытаясь найти сведения о том, с какой стати Роберту Тейс перевели в психиатрическую клинику Барнстингема. Поскольку никаких данных в деле не обнаружилось, Линли снял трубку и позвонил в Ричмонд. Теперь, отпивая небольшими глоточками эль, он

вновь занялся бумагами, раскладывая их по порядку. Стефа Оделл дружелюбно наблюдала за ним из-за стойки, тоже прихлебывая эль.

– Здесь имеется ордер на ее арест, заключение экспертизы, подписанные показания, фотографии. – Линли поочередно перебирал документы. – Нет ключей от дома, черт бы его побрал! – пожаловался он Барбаре.

– У Ричарда есть ключи, если вам нужно, – быстро вставила Стефа. Похоже, ей было неловко, что сообщение о судьбе Роберты вызвало ссору между Линли и чинами ричмондской полиции. – У Ричарда Гибсона. Это его племянник, племянник Уильяма Тейса. Он живет в коттедже на Сент-Чэд-лейн, рядом с центральной улицей.

– Откуда у него ключи? – вскинулся Линли.

– Когда они арестовали Роберту, они отдали ключи Ричарду. В любом случае он, по завещанию Уильяма, унаследует ферму, как только все формальности будут улажены, – пояснила она. – Полагаю, пока ему придется присматривать за хозяйством. Кто-то же должен этим заниматься.

– Он унаследует ферму? А что достанется Роберте?

Стефа тщательно протерла тряпочкой стойку бара.

– Уильям и Ричард решили, что ферма перейдет к Ричарду. Это вполне разумно. Он работает там вместе с Уильямом... работал, – поправила она. – С тех самых пор, как он вернулся в Келдейл. Два года назад. Сперва они поссорились из-за Роберты, но потом помирились, и все пошло как нельзя лучше. Уильям получил помощника, Ричард – работу и обеспеченное будущее, а у Роберты до самой смерти была бы крыша над головой.

– Сержант, – Линли кивком указал ей на записную книжку, праздно лежавшую возле стакана с тоником. – Будьте так добры.

Стефа всполошилась, увидев, что Барбара достала ручку.

– Выходит, это допрос? – Она выдавила из себя улыбку. – Боюсь, я мало чем смогу помочь вам, инспектор.

– Расскажите, почему они поссорились из-за Роберты.

Обойдя стойку бара, Стефа придвинула к столу удобный стул с подушкой и уселась бочком напротив полицейских, глянула на стопку фотографий и поспешно отвела глаза.

– Я расскажу вам, что знаю, но я знаю очень мало. Вам бы лучше расспросить Оливию.

– Оливию Оделл, вашу...?

– Мою невестку. Вдову моего брата Пола. – Стефа опустила стакан на стол и накрыла страшные фотографии листком с заключением экспертизы. – С вашего разрешения, – пробормотала она.

– Извините, – тут же отозвался Линли. – Мы так привыкли к этим ужасам, что просто их не замечаем. – И он одним движением сгреб все в папку. – Так что за ссора вышла у них из-за Роберты?

– Оливия рассказывала мне – она как раз была в «Голубе и свистке», когда все это произошло, – что все началось с разговора о том, как выглядит теперь Роберта. – Стефа задумчиво вертела в руках стакан, выводя пальцем узор на стекле. – Ричард тоже родом из Келдейла, но много лет назад он уехал, сажал ячмень где-то в Линкольншире, на болотах. Он там женился, пару детей завел, а когда дела не заладились, вернулся в наш Кел. Говорят, – улыбнулась она собеседникам, – говорят, Кел своих не отпускает. Так оно и вышло с Ричардом. Он уехал примерно девять лет назад, а когда вернулся, то был прямо-таки потрясен тем, как переменялась Роберта.

– То есть тем, как она теперь выглядит?

– Она не всегда была такой, как сейчас. Разумеется, она уродилась довольно крупной и в восемь лет, когда Ричард собрался уезжать, была уже девочкой упитанной. Но теперь она... – Стефа умолкла, подбирая выражение, которое, не будучи слишком грубым, тем не менее передавало бы суть.

– Расползлась, – подсказала Барбара. «Как корова», – дополнила она про себя.

– Вот именно, – с облегчением подхватила Стефа. – Ричард очень дружил с Робертой, хоть он и старше на двенадцать лет, и вот, когда он вернулся и увидел, что его кузина так изменилась к худшему – я имею в виду внешне, так-то она осталась прежней, – это был для него тяжкий удар. Он упрекал Уильяма за то, что тот-де забросил девочку, а она нарочно так обращается с собой, пытаясь привлечь внимание отца, заставить его о ней позаботиться. Уильям впал в ярость. Оливия говорила, она в жизни не видела, чтобы он так злился. Бедняжка, ему в жизни и так хватало проблем, а тут еще родной племянник обвиняет невесть в чем. Однако они быстро помирились. Ричард на следующий же день попросил прощения. Уильям так и не сводил девочку к врачу,

уж очень он был неуступчивый, но Оливия подобрала ей диету, и с тех пор все шло хорошо.

– А три недели назад... – напомнил Линли.

– Ну, если вы считаете, что Роберта убила родного отца, тогда да – все шло хорошо, а потом случилось это. Только я не верю, что она убила его. Ни на миг в это не поверю.

Казалось, Линли обескуражила прозвучавшая в ее словах убежденность.

– Почему?

– Потому что, кроме Ричарда, а у того, видит Бог, все силы уходят на собственное семейство, у Роберты не было на свете никого, кроме Уильяма. У нее были только книги, мечты да ее отец.

– У нее нет друзей среди сверстников? Нет подружек на соседних фермах или в деревне? Стефа покачала головой.

– Она держалась особняком. Работала на отцовской ферме и читала. В течение нескольких лет она каждый день приходила к нам за «Гардиан». Они не выписывали газет, так что она приходила ближе к вечеру, когда уже все пролистают «Гардиан», и мы разрешали ей уносить газету с собой. По-моему, она прочла все книги своей матери, какие были в доме, и все, что нашлось у Марши Фицалан, так что ей оставалось только читать газету. У нас тут нет библиотеки. – Нахмурившись, Стефа вновь уставилась на свой стакан. – Несколько лет назад она перестала приходить к нам за газетами. С тех пор, как умер мой брат Пол. Я все думала... – Серо-голубые глаза рассказчицы потемнели. – Я думала: может быть, Роберта влюбилась в Пола? Он умер четыре года назад, и какое-то время она у нас вовсе не появлялась. А когда все-таки пришла, то больше не спрашивала «Гардиан».

Даже в такой маленькой деревне, как Келдейл, непременно найдется не вполне респектабельное местечко, обитатели которого только и мечтают, как бы отсюда переселиться. Здесь это улица Сент-Чэд-лейн. Даже не улица, а узкая дорожка, немощеный путь в никуда, единственное приметное здание – паб на углу. Двери и ставни в «Голубе и свистке» были окрашены в ядовито-лиловые тона, и само заведение выглядело так, словно и оно мечтало о неслыханном везении перебраться отсюда, не важно, куда именно.

Ричард Гибсон жил с семьей в последнем из домиков, прижавшихся друг к другу в этом проулке. Постаревшее каменное строение с потрескавшимися ставнями и дверью, некогда голубого, а теперь безнадежно серого цвета. Дверь была распахнута, несмотря на поздний вечер и быстро подползавший из долины холод. Из домика доносилась яростная супружеская перебранка.

– Ну так сделай с ним что-нибудь в таком случае! Как-никак это и твой сын! Господи Иисусе! Можно подумать, что он от святого духа родился, судя по тому, как мало ты ему внимания уделяешь! – выкрикивал женский голос, до крайности пронзительный – то ли в истерику на следующей ноте сорвется, то ли в безумный смех.

Мужской голос пророкотал что-то в ответ, но слова его потонули в общем шуме.

– Ах, тогда дела у нас исправятся? Не смей меня, Дик! Уж конечно, когда ты сможешь все время прикрываться этой Богом проклятой фермой! Как прошлой ночью, да? Ты же наконец дорвался, отправился туда. Даже не говори мне об этой ферме, ясно тебе? Мы тебя тогда небось и в глаза не увидим, если у тебя будет целых пятьсот акров, где спрятаться.

Линли громко постучал заржавевшим молотком в распахнутую дверь, и вся сцена предстала перед глазами визитеров.

В захлавленной гостиной, на просевшем диване сидел мужчина, пристроив на коленях тарелку и пытаясь поужинать какой-то на вид совершенно отталкивающей пищей, а напротив него стояла жена – руки воздеты к небесам, одна из них сжимает щетку для волос. Оба растерянно уставились на незваных гостей.

– Вы застали самую кульминацию. Еще немного, и мы бы отправились в койку, – пояснил Ричард Гибсон.

Трудно было бы вообразить более несхожую парочку: Ричард казался настоящим великаном, без малого шести с половиной футов ростом, с черными волосами, смуглой кожей и насмешливыми карими глазами. Широкая шея и тяжело висящие руки выдавали в нем человека, привыкшего к физическому труду. Его жена была миниатюрной, светленькой, с резкими чертами совершенно белого от злобы лица. Однако в воздухе между ними явственно ощущались флюиды, подтверждавшие слова мужа. В этом браке крик и брань служили лишь предюдией главной битвы за верховенство – той, что

вершилась в постели. И, судя по сцене, которую застали Линли и Хейверс, исход этой битвы отнюдь не был предрешен.

Бросив на мужа последний испепеляющий взгляд, в котором ненависть слилась с вожделением, Мэдлин Гибсон вышла из комнаты, с грохотом захлопнув дверь. Великан захихикал ей вслед.

– Тигрица весом в восемь стоунов, – прокомментировал он, поднимаясь во весь рост. – Настоящая дьяволица. Ричард Гибсон, – назвал его он, Дружелюбно протягивая свою лапу. – А вы, верно, из Скотленд-Ярда?

Линли представился. Гибсон, будто оправдываясь, продолжал:

– По воскресеньям у нас суший ад. – Кивком головы он указал на кухню, откуда доносился непрерывный рев, на слух, по меньшей мере четырнадцати голосов, – Роберта, бывало, приходила помочь. А теперь вот обходимся без нее. Вы и сами знаете. Потому и приехали. – И он гостеприимно указал им на два старых стула, валявшихся на полу сиденьем вверх.

Линли и Хейверс начали пробираться к стульям, осторожно прокладывая себе путь среди разломанных игрушек, разбросанных газет и нескольких тарелок с объедками, которые стояли прямо на голом полу. Где-то в углу, похоже, пару дней назад забыли стакан молока, его кислая вонь забивала даже запахи пережаренной пищи и засорившейся канализации.

– Вы унаследовали ферму, мистер Гибсон. Собираетесь в скором времени туда переехать? – начал разговор Линли.

– Чем скорее, тем лучше. Боюсь, еще месяц в этой лачуге, и моя семья распадется. – Гибсон ногой оттолкнул свою тарелку от кровати. Тощий кот возник непонятно откуда, понюхал черствый хлеб и несвежие сардины и начал заталкивать это угощение под кушетку, явно предпочитая его не вкушать. Гибсон с веселым недоумением наблюдал за животным.

– Вы ведь уже не первый год здесь живете, верно?

– Больше двух. Два года, четыре месяца и два дня для пущей точности. Я бы мог и часы сосчитать но, полагаю, не стоит.

– Мне показалось, ваша жена не так уж радуется перспективе переселиться на ферму Тейса. Извините, если я невольно подслушал ваш разговор.

– Вы хорошо воспитаны, инспектор, – рассмеялся Гибсон. – Я ценю это в полицейских, особенно когда они навещают мой дом. – Проведя руками по густым волосам, он глянул себе под ноги и тут же обнаружил бутылку эля, которая предусмотрительно стояла у самой ножки дивана. Подняв бутылку, Гибсон несколькими глотками осушил ее и утер рот тыльной стороной руки. По этому жесту можно было угадать в нем человека, привыкшего обедать где-нибудь в поле. – Нет, Мэдлин хотела бы вернуться на болота. Она любит открытые места, воду, небо над головой. Но тут я ничем ей помочь не могу, я и так делаю для нее то, что в моих силах. – Тут он покосился на сержанта Хейверс, быстро строчившую в блокноте. – Можно подумать, что я-то и прикончил дядюшку, а? – услужливо подсказал он.

Хэнк застукал-таки их в комнате послушников.

Сент-Джеймс только нагнулся поцеловать жену – ее кожа опьяняюще пахла лилиями, пальцы упоительно скользили по волосам мужа, уста шептали «любовь моя», касаясь его уст, и жидкое пламя растекалось по жилам – и тут появляется этот американец и злорадно ухмыляется, тарашась на них со стены разрушенного зала.

– Попались! – подмигнул Хэнк. Сент-Джеймс готов был его убить. Дебора с трудом переводила дыхание. Хэнк, не смущаясь, спрыгнул вниз и присоединился к ним.

– Эй, Горошинка! – окликнул он жену. – Я наконец нашел наших пташек.

Тут же появилась и Джо-Джо Уотсон. Она ступала осторожно, опасаясь угодить шпилькой в трещину каменного пола. В дополнение ко всем цепочкам и амулетам на ее шее висела фотокамера.

– Решили малость поснимать, – пояснил Хэнк, кивком указывая на свой фотоаппарат. – Еще бы минутка, и мы бы такие кадры с вами получили! – Он зафыркал, не сдерживая смех, фамильярно похлопывая Сент-Джеймса по плечу. – Я вас не упрекаю, приятель. Если б эта красотка досталась мне, я бы тоже ее из лап не выпускал. – Тут он вспомнил о собственной жене: – Черт побери, осторожней, Горошинка! Ты же не хочешь себе шею сломать! – Обернувшись к англичанам, Хэнк быстро осмотрел их снаряжение – камеру, треножник, линзы. – Э, да вы тоже увлекаетесь фотографией? Гоняетесь за видами даже в

медовый месяц? Спускайся к нам, Горошина. Присоединяйся к честной компании.

– Вы так быстро вернулись из Ричмонда? – выдавил наконец из себя Сент-Джеймс, с трудом соблюдая вежливость. Краем глаза он заметил, как Дебора исподтишка оправляет свой наряд. Она встретила взглядом с мужем, в ее глазах светился смех и озорство, ее переполняло желание. Какого черта американцы явились именно сейчас?

– Вот что я вам скажу, приятель, – заявил Хэнк (Джо-Джо тем временем добралась до них). – Ричмонд оказался совсем не таким, как я себе представлял. Нет, конечно, поездочка ничего, нам ведь понравилось, а, Горошинка моя? Нам понравилось?

– Хэнку нравится ехать не по той стороне, – пояснила Джо-Джо, раздувая ноздри. Она успела перехватить и тот взгляд, которым обменялись молодые люди. – Хэнк, давай-ка прогуляемся в сторону Бишоп-Фертинг-роуд, а? Только этого нам и не хватает, чтобы закончить день. – Пальчики в перстнях сомкнулись на локте мужа, норовя увести его из аббатства.

– Нет, черт побери! – добродушно отбояривался Хэнк. – Я тут за последние дни на всю жизнь нагулялся. – И он склонил голову набок, лукаво поглядывая на Сент-Джеймса. – Вы подсунули нам неправильную карту, приятель! Если бы моя Горошинка не следила за дорожными знаками, мы бы до самого Эдинбурга доехали. – Он произносил «Эдя-берх». – Ладно, хорошо – что хорошо кончается, так? Мы прибыли как раз вовремя, чтобы показать вам то страшное местечко.

Спасения нет – придется следовать за ними.

– Страшное местечко? – переспросила Дебора. Опустившись на колени, она укладывала свое снаряжение в большую сумку.

– Забыли про того младенца? – терпеливо напомнил Хэнк. – Конечно, если учесть, чем вы двое тут занимались, похоже, эта история с младенцем вас ничуть не напугала. – Он плутовски осклабился.

– А, младенец, – рассеянно отвечал Сент-Джеймс, поднимая с полу собранную Деборой сумку.

– Ну, наконец-то вспомнили, – похвалил его американец. – Сначала-то вы малость рассердились, что я нарушил ваше уединение,

но теперь вы снова у меня на крючке, а?

– Да уж, – подтвердила Дебора, хотя мысли ее блуждали далеко. Как странно, как внезапно все произошло! Она любила его, любила с самого детства, но лишь в один ослепительно яркий миг поняла, что все изменилось, что все теперь у них пойдет иначе, не так, как прежде. В одно мгновение Саймон перестал быть просто милым юношей, чье присутствие всегда наполняло ее сердце радостью, и сделался возлюбленным, один взгляд которого пробуждал в ней страсть. Господи, Дебора, ты скоро свихнешься от желания, пожурила она себя.

– Дебора? – окликнул Сент-Джеймс, услышав шаловливый смехок жены.

Хэнк фамильярно ткнул его локтем в бок.

– Не обращайте внимания на молодую, – посоветовал он. – Все они поначалу стесняются. – И он возглавил экскурсию, целеустремленный, словно Стэнли в поисках Ливингстона, подавая порой команду жене: – Вот это сфотографируй, Горошина. Щелкни!

– Извини, дорогая, – пробормотал Сент-Джеймс, и они поплелись вслед за американцами по полуразрушенному залу, затем через двор и во внутренние помещения монастыря. – Я надеялся, что услали его хотя бы до полуночи. Еще пять минут, и он застал бы нас с тобой в самый разгар...

– Подумать только! – расхохоталась она. – Что, если б и в самом деле, Саймон! Как бы он заорал: «Щелкни, Горошина!» – и наша сексуальная жизнь была бы навеки загублена! – В глазах Деборы скакали чертики, волосы отливали золотом в лучах предзакатного солнца, пряди небрежно развевались вокруг ее шеи у плеч.

Сент-Джеймс тяжело, как от физической боли, вздохнул.

– Надеюсь, все обойдется, – угрюмо промолвил он.

Страшное местечко находилось в ризнице. Здесь уцелел лишь узкий коридор, давно лишившийся крыши, заросший травой и полевыми цветами. Четыре ниши глубоко врезались в стену. Хэнк трагическим жестом указал на них.

– В одной из них, – пояснил он. – Щелкни, Горошина, – и протопал поближе к месту по траве. – Кажись, здесь монахи держали всякие церковные побрякушки. Типа кладовки, понимаете? И в эту самую ночь сюда подбросили младенца и оставили его умирать. Прямо

с души воротит, как об этом подумаешь, верно? – Хэнк вернулся к своим слушателям. – Как раз по размеру ребенка, – добавил он задумчиво. – Как там оно называется? Ритуальное жертвоприношение, а?

– Не думаю, чтобы цистерцианские монахи имели это в виду, – возразил Сент-Джеймс. – Человеческие жертвоприношения к тому времени давно вышли из моды.

– Ну, и кто это был, по-вашему? Чей младенец, а?

– Я даже и гадать не стану, – сказал Сент-Джеймс, прекрасно понимая, что их гид уже заготовил собственную теорию.

– Тогда позвольте мне рассказать вам, как все это произошло, – мы с Горошиной во всем разобрались в первый же день. Верно, Горошина? – Хэнк подождал одобрительного кивка супруги. – Идите сюда, голубки. Я вам тут кое-что покажу.

Хэнк повел их по выщербленному полу через южный придел храма мимо алтаря и сквозь дыру в стене вновь вывел во двор.

– Вот оно! – Он торжествующе ткнул пальцем в узенькую тропинку, уводившую на север, в леса.

– Да, конечно, – согласился Сент-Джеймс.

– Начинаете соображать, а?

– Пока нет.

Хэнк радостно фыркнул:

– Еще бы. Все потому, что вы не успели обдумать это дело так, как мы с Горошиной – верно, сахарная моя? – Сахарная печально кивнула, переводя грустный взор с Сент-Джеймса на Дебору и обратно. – Цыгане! – выпалил ее неугомонный супруг. – Мы с Горошиной тоже не сразу поняли, пока нынче их не углядели. Знаете, о ком я? Они поставили трейлеры там на обочине. Ну, мы прикинули – в ту ночь, значит, они тоже тут были. Это их ребенок.

– Я слышал, цыгане чрезвычайно привязаны к своим детям, – сухо возразил Сент-Джеймс.

– Ну так этот малыш – исключение, – не смутившись, ответил Хэнк. – Вот как все было, приятель. Дэнни с Эзрой пристроились тут где-нибудь, – он махнул рукой в том направлении, откуда только что привел своих слушателей, – собрались это самое – и тут тихонечко по тропинке пробирается старая карга с ребенком.

– Старая карга?

– Ну конечно, ясное дело!

– «Дитя греха и горя», – вздохнул Сент-Джеймс.

– Чего там дитя? – Хэнк отмахнулся от цитаты, словно от блохи. –

Старая карга оглядывается по сторонам, – Хэнк довольно живо изобразил эту сцену, – пробирается в аббатство, видит подходящую нишу и – мяч в лузу!

– Да, это интересная теория, – подала наконец реплику Дебора. – Но мне, право, жаль цыган. На них валят вину за все, что бы ни случилось.

– Тогда, голубка, позвольте мне перейти к теории номер два.

Джо-Джо быстро замигала, точно извиняясь за мужа.

Ферма была в превосходном состоянии, и неудивительно, поскольку Ричард Гибсон поддерживал ее в порядке все эти недели. Висевшая между двух каменных столбов металлическая калитка легко повернулась на хорошо смазанных петлях, и Линли с Хейверс вошли во двор.

Неплохое наследство. Слева высился дом, старинное здание, сложенное, как и большинство местных построек, из коричневатого кирпича. Ставни недавно покрашены, вокруг окон и двери вьется аккуратно подстриженный плющ. Дом находился чуть в стороне от дороги, а между домом и дорогой был ухоженный сад, защищенный изгородью от овец. Рядом с домом были низкие пристройки, а другую сторону четырехугольного двора замыкал хлев.

Двухэтажный хлев, как и дом, был сооружен из камня и покрыт толстой черепицей. Сквозь распахнутые окна второго этажа виднелись ступеньки внутренней лестницы. Дверь запиралась на амбарный замок: это помещение предназначалось исключительно для скота и рабочего инструмента.

Пройдя через прибранный двор, Линли вставил ключ в проржавевший замок на двери хлева. Дверь бесшумно отворилась. Внутри было до жути тихо, сумрачно, сыровато и холодно, будто все здесь напоминало о страшной гибели хозяина.

– Как тихо, – пробормотала Хейверс. Она еще медлила у двери, когда Линли уже вошел.

– Угу, – отозвался он изнутри. – Наверное, все дело в овцах.

– Что?

Линли бросил быстрый взгляд на ее лицо. Барбара была бледна как смерть.

– Я говорю – овцы, сержант, – пояснил он. – Они на верхнем пастбище, помните? Вот почему здесь сейчас так тихо. Оглянитесь хорошенько по сторонам. – Барбара явно не хотела входить, и, чтобы подбодрить ее, инспектор добавил: – Вы были совершенно правы.

Эти слова заставили ее подойти и внимательно осмотреть хлев. В дальнем его конце громоздилась копна непросохшего сена. В центре помещения осталось не такое уж большое пятно засохшей крови, уже не красной, а коричневой. Больше здесь ничего не было.

– В чем права, сэр? – поинтересовалась Хейверс.

– Он умер мгновенно. На стенах ни пятнышка крови. Скорее всего, никто не перемещал тело. Никаких попыток изменить картину преступления. Хорошо соображаете, Хейверс.

Она смущенно покраснела.

– Спасибо, сэр.

Резко выпрямившись, Линли сосредоточенно разглядывал внутреннее пространство хлева. Перевернутая вверх дном корзина – на ней сидела Роберта, когда священник застал ее возле тела отца – все еще была здесь. Сено, в которое откатилась отрубленная голова, не тронули. На засохшей лужице крови остались следы соскобов – кровь брали на экспертизу, и топор исчез, однако в целом вся картина соответствовала тому, что Линли и Барбара видели на фотографии. Только тел не было. Тела! Господи! Нис хотел оставить его в дураках, и, кажется, ему это удалось. Линли тупо уставился на внешний край пятна, где в спекшейся крови виднелись черные и белые шерстинки. Резко обернулся к Хейверс.

– Собака! – воскликнул он.

– Да, инспектор?

– Хейверс, бога ради, что Нис сделал с собакой?

Сержант тоже поглядела на пол, отметила пестрые клочки шерсти.

– Об этом было в рапорте, разве нет?

– Не было! – ответил инспектор, глотая ругательство. Он понимал, что из Ниса придется добывать информацию по кусочкам – так хирург извлекает из задницы хулигана одну дробицу за другой. Черт бы все это побрал! – Пойдем осмотрим дом, – угрюмо предложил он.

Они вошли, как входили в дом члены семьи, через узенький коридор-прихожую, мимо висевших на стене старых пальто и плащей, мимо грубых ботинок, приткнувшихся под тянувшейся вдоль стены скамейкой с сиденьем из одной длинной доски. Три недели в доме не топили, и в нем было сыро, точно в склепе. По Гемблер-роуд промчался автомобиль, но из дома его гудение казалось глухим и далеким.

Из прихожей они сразу же попали в кухню, большое помещение с красным линолеумом на полу и шкафчиками из темного дерева. Ослепительно белый кухонный комбайн выглядел так, словно его только что начисто отмыли. Все на месте. Тарелки расставлены в сушилке по величине, ни крошки на безукоризненно чистой поверхности стола, ни пятнышка на белой металлической раковине. Посреди комнаты стоял некрашенный сосновый стол, его поверхность была вся в зазубринах – тысячи раз ударял по ней нож, разделявавший мясо и овощи, тысячи раз готовили здесь обед, так что дерево утратило первоначальный цвет.

– Еще бы Гибсону не мечтать об этой ферме, – пробормотал Линли, осматриваясь. – Это вам не Сент-Чэд-лейн.

– Вы ему верите, сэр? – переспросила Барбара.

Линли заглянул в кухонный шкаф.

– Верю ли я, что он был в постели с женой в тот момент, когда Тейса убили? Учитывая характер их супружеских отношений, это более чем вероятно. А вы как считаете?

– Может, и так, сэр. Он обернулся:

– Однако вы в это не верите?

– Дело в том... у нее был такой вид, будто она лжет. И к тому же она за что-то сердилась на него или на нас, не пойму.

Линли задумался. Мэдлин Гибсон и впрямь говорила с полицейскими угрюмо, выплевывая слова, не оглядываясь на мужа и не ожидая от него поддержки. Ричард непрерывно курил, пока его жену допрашивали, держался равнодушно, хотя в его темных глазах то и дело мелькала веселая искорка.

– Да, что-то тут не так, это верно. Пойдем теперь дальше.

Тяжелая дверь отворялась в столовую. Чистая кремового цвета скатерть накрывала стол красного дерева. Желтые розы в высокой вазе давно увяли, их лепестки бессильно осыпались на скатерть. Сбоку

стоял буфет из того же гарнитура, а точно посередине, будто кто-то специально вымерял расстояние с помощью точных приборов, красовалось серебряное блюдо. Прекрасный фарфоровый сервиз, очевидно, никогда не использовался обитателями этого дома. Здесь было несколько старинных тарелок ручной работы, каждая из них была повернута так, чтобы как можно лучше предъявить свой узор. В столовой, как и в кухне, царил идеальный порядок. Если бы не увядшие цветы, можно было подумать, что находишься в музее.

И только пройдя через холл, отделявший столовую от гостиной, Линли и Барбара сумели кое-что узнать об обитателях этого дома. Гостиную Тейсы превратили в своего рода святилище.

Хейверс шла первой, но, заглянув в эту комнату, она невольно вскрикнула и отступила, выставив перед собой руку, будто защищаясь от удара.

– Что случилось, сержант? – Линли быстро осматривал гостиную, пытаясь понять, что напугало его напарницу. Вроде бы ничего особенного, обычная мебель да ряд фотографий в углу.

– Извините. Мне показалось... – Барбара сверхъестественным усилием воли выдавила из себя улыбку. – Простите, сэр. Наверное, я проголодалась. Голова немного закружилась. Уже все в порядке. – Она прошла в угол, где висели фотографии. В этом же углу когда-то горели свечи, под фотографиями умирали цветы.

– Это – мать семейства, – пробормотала она, – Они хранили память о ней.

Линли тоже подошел к трехногому столику.

– Красивая девушка, – тихонько заметил он, всматриваясь в фотографии. – Девочка даже. Поглядите на свадебные фотографии. Ей на вид десять лет. Совсем малютка.

Как же ей удалось произвести на свет эту коровицу – Роберту? Ни один из полицейских не произнес этого вслух.

– Вам не кажется, что это малость... – Хейверс запнулась. Линли вопросительно поглядел на нее, заметив, как ее руки непроизвольно сжались кулаки. – Если он думал жениться на Оливии...

Линли взял в руки последнюю фотографию. Запечатленной на ней женщине было года двадцать четыре. Юное, улыбчивое личико, золотистые веснушки на носу, длинные, струящиеся светлые волосы, завивающиеся на концах. Очарование. Он сделал шаг назад.

– Похоже, в этом углу Тейс устроил алтарь своего собственного божества, – проворчал Линли. – И впрямь жутковато.

– Да, сэр, – тихо ответила Барбара, с трудом отводя глаза от фотографий.

Линли оглядел гостиную. В этой комнате шла недавно обычная повседневная жизнь, здесь стояли удобный потертый диван, столик с кипой журналов, телевизор, небольшой женский секретер. Линли раскрыл секретер и обнаружил стопку конвертов, коробочку с марками, три еще не оплаченных счета – от аптекаря за снотворное, которое принимал Тейс, за электричество и за телефон. Ничего интересного. Междугородных переговоров не отмечено. И тут тоже порядок и чистота.

К гостиной примыкал маленький кабинет. Отворив дверь, напарники вновь удивленно переглянулись. По трем стенам до потолка тянулись полки, вплотную уставленные книгами. И на столе, и на полу, повсюду стопками лежали книги.

– А Стефа Оделл сказала...

– ...что в деревне нет библиотеки и поэтому Роберта приходила к ним за газетой, – подхватил Линли. – Она-де прочла все свои книги – кто этому поверит? – и все книги Марши Фицалан. Кстати, Марша Фицалан – это кто?

– Учительница, – ответила Хейверс. – Она живет на Сент-Чэдлейн. Рядом с Гибсонами.

– Спасибо, – пробормотал Линли, инспектируя полки. И заметил, поправляя очки: – Всего понемногу. Но сестры Бронте, похоже, на первом месте, а?

Хейверс подошла поближе.

– Остен, – прочла она вслух. – Диккенс, немного Лоренса. Любители классики. – Она сняла с полки «Гордость и предубеждение», раскрыла книгу. «Тесса» – намарала детская рука на титульном листе. Та же надпись оказалась на томах Диккенса и Шекспира, на обеих оксфордских антологиях и на всех романах Бронте.

Линли перешел к конторке, стоявшей у единственного окна. Обычно на таких подставках раскладывают большие словари, но здесь красовалась огромная иллюстрированная Библия. Линли провел пальцем по строке, на которой было раскрыто Писание:

– «Я Иосиф, брат ваш, которого вы продали в Египет. Но теперь не печальтесь и не жалеите о том, что вы продали меня сюда; потому что Бог послал меня перед вами для сохранения вашей жизни. Ибо теперь два года голода на земле: еще пять лет, в которые ни орать, ни жать не будут. Бог послал меня перед вами, чтобы оставить вас на земле и сохранить вашу жизнь великим избавлением». – Прочитав, Линли обернулся к Хейверс.

– Я не понимаю, как он мог простить своих братьев, – откликнулась она. – Они заслужили смерть за то, что сделали с ним.

Голос ее был полон горечи. Линли осторожно закрыл книгу, отметив место закладкой.

У него было нечто, в чем они нуждались.

– Еда! – презрительно фыркнула она.

– Не думаю, что тут дело в еде. – Линли аккуратно снял очки. – Что на втором этаже?

Второй этаж дома был устроен достаточно просто: четыре спальни, ванная и туалет. Все двери выходили на квадратную лестничную площадку, куда дневной свет проникал сквозь застекленный, как в оранжерее, потолок. Довольно мило, но для фермерского дома весьма необычно.

Комната справа предназначалась для гостей. У стены стояла кровать с розовым изголовьем, сравнительно маленькая, если учесть габариты обитателей этого дома. Под ногами старенький коврик, вытканый розами, яркая зелень листьев и алый цвет лепестков давно пожухли, краски слились. По обоям веселая россыпь крошечных цветочков – маргариток и ромашек. Лампа на тумбочке у кровати накрыта кружевной салфеткой. Ни в платяном шкафу, ни в тумбочке ничего нет.

– Прямо как в гостинице, – заметил Линли. Барбара выглянула из окна: скучный вид, стена хлева и примыкающий к нему участок двора.

– Похоже, этой комнатой не пользуются. Линли присмотрелся к покрывалу на кровати, отдернул его и обнаружил грязный матрас и пожелтевшую подушку.

– Да, гостей не ждали. Странно, что кровать не застелили, а?

– Ничего странного. Зачем зря переводить простыни?

– И правда, ни к чему.

– Может, я пока осмотрю следующую комнату инспектор? – нетерпеливо спросила Барбара. Дом действовал на нее угнетающе.

Линли почувствовал ее интонацию. Он аккуратно натянул покрывало, чтобы оно лежало в точности как прежде, и присел на край кровати.

– В чем дело, Барбара? – спросил он.

– Ни в чем! – отрезала она, но сама заметила, как испуганно дрожит ее голос. – Просто хочется поскорее с этим покончить. Видно, что сюда сто лет не ступала нога человека. Какой смысл совать нос во все углы и строить из себя Шерлока Холмса, точно убийца прячется тут под половицей?

Линли помедлил с ответом. Отзвуки ее срывающегося голоса еще звенели в комнате, хотя Барбара уже умолкла.

– В чем дело? – повторил он. – Чем вам помочь? – В его внимательных темных глазах светились доброта и забота. Если бы можно было ему рассказать...

– Все в порядке! – резко ответила она. – Просто мне надоело бегать за вами, как собачонке. Я не понимаю, что я должна делать, и чувствую себя идиоткой. У меня тоже есть мозги, черт побери! Дайте мне поручение!

Линли поднялся на ноги, не отводя глаз от Барбары.

– Вы могли бы перейти в соседнюю комнату – предложил он.

Барбара приоткрыла рот, готовясь выпалить что-то еще, но тут же передумала и направилась к двери. На пороге она помедлила под бледно-зеленым светом лампы, прислушалась к собственному неровному шумному дыханию и поняла, что Линли тоже его слышит.

Чертово святилище! Эта безжизненная ферма сама по себе чудовищна, но святилище доконало ее. Под фотографии отвели лучшую часть гостиной, с видом на сад. Так и есть, горестно размышляла Барбара. Дома Тони все еще смотрит телевизор, а эта женщина глядит в свой сад.

Что сказал Линли? Алтарь? Да, Господи Боже, да! Она устроила такой же алтарь для Тони. Усилием воли Барбара постаралась сдержать свое дыхание. Пройдя по лестничной площадке, она перешла в соседнюю комнату.

«Что же ты, Барб? – укоряла она себя. – Ты же собиралась быть послушной, вежливой, готовой к сотрудничеству. Тебе же не хочется

снова угодить в патрульные?»

Она яростно обернулась, губы презрительно скривились. А, не все ли равно! С самого начала она была обречена на поражение. Неужто она хоть на миг понадеялась на благополучный исход?

Она быстро подошла к окну, дернула шпингалет. Что сказал Линли? «В чем дело? Чем помочь?» Просто безумие, но на миг ей и впрямь захотелось поговорить с ним, рассказать ему все. Немыслимо! Никто тут не поможет, и уж конечно, не Линли.

Отодвинув шпингалет, Барбара широко распахнула окно, жадно глотая свежий воздух. Ладно хватит. Пора заняться делом.

Комната Роберты была столь же аккуратной, как и предыдущая, но выглядела более живой. Большая кровать на четырех ножках накрыта лоскутным покрывалом. Веселенький рисунок – солнце, тучи, радуга на фоне ярко-голубого неба. В шкафу висели платья. Грубые рабочие ботинки, обувь для прогулок, тапочки, Туалетный столик с большим раздвижным зеркалом, рядом комод. На комодѐ лицом вниз лежала фотография. Барбара подняла ее: мать, отец, новорожденная Роберта на руках у отца. Фотография загнута, с усилием втиснута в не подходящую для нее рамочку – Барбара повертела ее в руках, вынула из рамки.

Она угадала: фотография действительно была слишком велика для этой рамки. Отогнув заложенный край, Барбара увидела снимок целиком: слева от отца, сложив за спиной руки, стояла маленькая копия матери – старшая дочь Тессы Тейс.

Барбара хотела позвать Линли, но тут инспектор сам вошел в комнату с альбомом для фотографий в руках. Приостановившись, он, казалось, соображал, как дальше вести себя с ней.

– Я нашел очень странную вещь, сержант, – сообщил он.

– Я тоже, – откликнулась она, стараясь замаять неловкость. Они обменялись находками.

– Полагаю, ваше открытие объясняет мое, – шутливо заметил Линли.

Барбара всмотрелась в открытые страницы альбома – типичный семейный альбом со свадьбами, рожденьями детей, семейными праздниками, Рождеством и Пасхой. Но от каждой фотографии отрезали ту часть, где прежде был второй ребенок, на одних портретах

не хватало уголка, на других – середины. На всех фотографиях семья недосчитывалась одного своего члена. Это походило на страшный сон.

– Наверное, сестра Тессы, – предположил Линли.

– Скорее, старшая дочь, – возразила Барбара.

– Слишком большая. Разве что Тесса сама была сущим ребенком, когда произвела ее на свет.

Отложив рамку, Линли спрятал фотографию в карман и занялся ящиками комода.

– Ага, – сказал он. – Теперь мы видим, что Роберта и впрямь интересовалась «Гардиан». Здесь сохранились газеты. И еще – взгляните-ка, Хейверс! – Из нижнего ящика, из-под стопки старых водолазок он вытянул хранившуюся втайне, лицом вниз, фотографию. – Снова эта таинственная девочка.

Барбара присмотрелась: да, та же девочка, но уже постарше, подросток. Вместе с Робертой они стояли на снегу во дворе церкви Святой Екатерины, ухмылялись в камеру. Старшая обнимала Роберту за плечи, притягивала ее к себе, слегка склонившись к младшей, которая уже почти сравнялась с ней ростом, и прижималась щекой к ее щеке. Золотистые волосы смешались с темными кудряшками Роберты. У их ног сидел колли. Роберта запустила руку ему в шерсть, и пес, казалось, тоже ухмылялся. Усищкн.

– Роберта неплохо тут выглядит, – произнесла Барбара, возвращая фотографию, высокая, но не толстая.

– Значит, фотография сделана до того, как уехал Гибсон. Помните, что сказала Стефа? Роберта тогда не была толстой, она растолстела уже после отъезда Ричарда. – Линли спрятал в карман и эту фотографию и оглядел комнату. – Что-нибудь еще?

– Одежда в шкафу. Ничего интересного. – Барбара откинула с кровати покрывало, как это сделал Линли в комнате для гостей. Эта кровать была застелена, свежее, отглаженное белье пахло жасмином. Но сквозь этот аромат, словно предназначенный для сокрытия какого-то подозрительного запаха, пробивалось тяжелое зловоние. Барбара обернулась:

– Надо ли?..

– Непременно, – подтвердил он. – Помогите мне снять матрас.

Барбара повиновалась. Ей пришлось быстро прикрыть нос и рот рукой, потому что зловоние распространилось по всей комнате, и они

увидели, что лежало под старым матрасом: в изножье кровати обивка, скрывавшая пружины, была прорезана, и там скопились запасы еды – сгнившие Фрукты, хлеб, покрывшийся серой плесенью, печенье и сладости, надкушенные пирожки, пакетики чипсов.

– Господи! – пробормотала Барбара. Это прозвучало как настоящая молитва. В качестве полицейского сержанта она повидала немало отвратительных сцен, и все же сейчас к ее горлу подкатил тошнотворный комок. – Извините, – пробормотала она, отшатываясь. – Не ожидала такого.

Линли уронил матрас на место. Его лицо не дрогнуло.

– Обманщица. – Казалось, он обращается к самому себе.

– Что?

– Стефа говорила, что девушка сидела на диете.

Линли побрел к окну. Приближался вечер. Инспектор вынул из кармана пальто фотографии и пристально взгляделся в них, напрягая глаза при сумеречном вечернем свете, словно искал у девочек ответа, кто и зачем убил Уильяма Тейса и какое отношение к этой истории имеет груда протухших продуктов под матрасом. Барбара следила за ним, дивясь тому, как помолодело лицо инспектора, освещенное мягким лучом предзакатного солнца. Но ни сумрак, ни вечерние тени не могли скрыть ум, горевший в его глазах. В комнате раздавался лишь один звук – мерное, спокойное, уверенное дыхание Линли. Он обернулся, понял, что Барбара наблюдает за ним, и попытался что-то сказать.

– Так! – резко произнесла Барбара, пресекая эту попытку и воинственным жестом отбрасывая волосы за уши. – Что нашлось в других комнатах?

– Связка старых ключей в шкафу и настоящий музей Тессы, – ответил он. – Одежда, фотография, локоны волос. Разумеется, в комнате самого Тейса. Хотел бы я знать, понимала ли Оливия Оделл, что ее ждет.

От деревни до фермы Тейсов было всего три четверти мили по Гемблер-роуд, однако на обратном пути Линли пожалел, что они не поехали на машине. Его не столько угнетала наступившая темнота, сколько отсутствие музыки: она бы отвлекала его от мыслей о шедшей

бок о бок с ним женщине. Теперь же он поневоле вспоминал все, что говорили о ней в его присутствии.

– Озлобленная девственница, – ворчал Макферсон. – Ее бы повалить в сене! – И здоровенный медведище расхохотался, заливая в пасть очередную пинту пива. – Только пусть уж кто-нибудь другой этим займется, мальчики, я для этих игр уже староват.

Но теперь Линли догадывался, что Макферсон ошибся, беда Барбары не в том, что она засиделась в девках.

Тут что-то еще.

Хейверс не в первый раз участвовала в расследовании убийства. Что же так поразило ее на ферме? Почему она боялась войти в хлев, почему так странно вела себя в гостиной, отчего сорвалась с катушек в той комнате на втором этаже?

И вновь Линли призадумался: на что все-таки рассчитывал Уэбберли, сделав напарниками столь несхожих людей? Однако он слишком вымотался, чтобы ломать себе голову еще и над этой проблемой.

Последний поворот – и вот уже видны огни «Голубя и свистка».

– Зайдем, перекусим, – предложил Линли.

– Жареный цыпленок, – приветствовал их хозяин заведения. – Всегда подаем по воскресеньям. Заходите побыстрее, занимайте места в зале.

Вечером в «Голубе и свистке» было полно народу. Когда полицейские вошли в бар, где, словно мрачная туча, висел сигаретный дым, там на миг воцарилась тишина. Фермеры собрались потолковать в уголке, пристроив ноги в заляпанных грязью ботинках на подставки обитых кожей кресел, молодые парни азартно играли в дарты неподалеку от туалета, женщины – юных среди них не было – щеголяли прическами, сделанными накануне в парикмахерской Синджи. Вокруг стойки толпились завсегдатаи, шутившие с девушкой, которая удивительно бойко нацеживала пиво в их кружки. В грязноватом деревенском пабе девушка производила фантастическое впечатление: угольно-черные волосы торчат острыми иглами, глаза обведены ярко-лиловыми кругами, костюм был бы гораздо уместнее в Сохо: короткая черная кожаная юбка, белая блузка, черные чулки и черные старушечьи ботинки на шнуровке. По четыре дырки в каждом

ухе, в них воткнуты дешевые серьги, а из правой мочки вдобавок кокетливо свисает перышко.

– Вообразила себя рок-звездой, – пояснил хозяин, проводя полицейских в гостиную. – Моя дочь, можете себе представить, но ей палец в рот не клади. – Он поставил перед Линли кружку эля, стакан тоника перед Барбарой и лукаво подмигнул. – Ханна! – заорал он, оборачиваясь к бару. – Хватит выставляться! Ты тут всех и так с ума свела! – И он вновь плутовски подмигнул гостям.

– Ах, папочка! – расхохоталась девчонка, и все вокруг заулыбались.

– Заткни ему глотку, Ханна! – посоветовал кто-то из ухажеров, а второй подхватил:

– Что старикан петрит в моде?

– Насчет моды не спорю! – весело откликнулся хозяин. – Такая одежка недорого стоит, пусть себе. Вот только она весь клей извела на свои волосенки.

– Как это тебе удастся держать волосы дыбом, а, Ханна?

– Наверное, в аббатстве напугалась. Слыхала, как младенец плачет, верно?

Все хохочут, треплют шутника по плечу. Игра на публику – мы тут все друзья задушевные. Уж отрепетировали ли они этот номер заранее, прикидывала Барбара.

Кроме них в гостиной никого не было. Возвращаясь в бар, хозяин прикрыл за собой дверь. Барбара пожалела, что больше не слышит веселого гвалта, но тут Линли заговорил:

– Наверное, у нее было психическое расстройство – не могла перестать есть.

– И она убила отца за то, что он посадил ее на диету? – Неуместная шуточка сама собой сорвалась.

– Очевидно, она обжиралась тайком от всех, – продолжал Линли, будто и не заметив, что его перебили.

– Нет, мне так не кажется, – возразила Барбара. Она вела себя глупо – упрямо и агрессивно, и сама это сознавала. Вот только остановиться не могла.

– В чем, по-вашему, я не прав?

– Вся эта еда ведь так и осталась в тайнике. Может, она давно там лежит.

– Прошло уже три недели. Вид у припасов был как раз соответствующий.

– Хорошо, ладно, – согласилась Барбара. – Но с психическим расстройством – это не пройдет.

– Почему?

– Черт побери, как вы это докажете? Линли принялся загибать пальцы:

– Два сгнивших яблока, три почерневших банана, расползшаяся груша, кусок хлеба, шестнадцать бисквитов, три наполовину съеденных пирожка и три пакета чипсов. Ну и как вы это объясните, сержант?

– Понятия не имею, – отвечала она.

– Ну, раз у вас нет собственных идей, почему бы не принять мою? – Он секунду помолчал. – Барбара!

По его интонации она сразу поняла, что необходимо его остановить. Он все равно не поймет, не сможет понять.

– Извините, инспектор, – поспешно проговорила Хейверс. – Я понервничала там, на ферме, и с тех пор... с тех пор я все время перечу вам. Извините, пожалуйста.

Он даже растерялся.

– Ладно. Забудем об этом, хорошо?

И в этот момент хозяин бара гордо поставил перед своими гостями две тарелки.

– Курица с горохом! – возвестил он. Барбара вскочила и выбежала вон.

– Нет, Эзра, прекрати! Я не могу!

Даже не пытаясь заглушить проклятие, Эзра Фармиигтон поднялся, выпустив из своих объятий отчаянно сопротивлявшуюся девушку, и присел на край кровати, пытаясь отдышаться и успокоиться. Его сотрясала нервная дрожь. Горько посмеиваясь над самим собой, он отметил, что сильнее всего трясется голова. Уронив голову на руки, молодой человек вцепился пальцами в свои светлые волосы. Сейчас она примется реветь.

– Полно, полно! – попросил он и добавил в сердцах: – Я же не насильник, черт меня побери!

И тут она все-таки заплакала, прижимая ко рту кулачок, содрогаясь от горячих бесслезных рыданий. Эзра потянулся к лампе.

– Нет! – вскрикнула она.

– Дэнни! – произнес Эзра, пытаясь говорить как можно спокойнее, но понимая, что каждое слово, выдавливаемое сквозь стиснутые зубы, звучит угрозой. На девушку он не глядел.

– Прости меня! – умоляла она.

Который уж раз! Сколько так может продолжаться?

– Знаешь, это просто смешно. – Он потянулся к часам, разглядел на подсвеченном циферблате, что уже восемь часов, и, нацепив часы, принялся одеваться.

Девушка зарыдала еще громче. Потянувшись к нему рукой, коснулась обнаженной спины. Эзра дернулся, подхватил одежду и вышел из комнаты в ванную. Полностью оделся и постоял там минут пять, мрачно уставившись на свое отражение в тусклом зеркале, пока часы отсчитывали секунды.

Вернулся в комнату. Рыдания утихли. Девушка лежала на постели, тело цвета слоновой кости тихо сияло при лунном свете. Дэнни уставилась в потолок. Волосы темны как ночь, но все тело светится. Глаза художника заскользили вдоль изящных линий – овал щеки, нежная округлость груди, выпуклость таза, мягкость бедра... Спокойный взгляд знатока, изучающего не живую плоть, но произведение искусства. Ему часто приходилось прибегать к этой уловке, разделяющей потребности тела и потребности ума; видит Бог,

сейчас он в этом отчаянно нуждался. Взгляд упал на темный курчавый треугольник, и весь его эстетизм как ветром сдуло.

– Господи, да прикройся! – возопил он. – Или это мне в награду – возможность полюбоваться тобой?

– Ты знаешь, почему все так, – прошептала Девушка, не шевелясь. – Ты же знаешь.

– Знаю, – подтвердил он, все еще стоя на пороге ванной, Там было безопаснее. Если он сделает хоть шаг к кровати, его уже ничто не остановит. Желваки на скулах застыли, каждый мускул в теле живет своей собственной напряженной жизнью. – Ты только и делаешь, что твердишь об этом.

Дэнни резко села:

– Что тут твердить? Это все ты виноват!

– Не ори! Хочешь, чтобы мисс Фицалан донесла твоей тетушке? Ничего не соображаешь, а?

– Я не соображаю? А ты?

– Если ты этого не хочешь, чего ради мы вообще встречаемся? Зачем ты меня позвала?

– И ты еще спрашиваешь? Теперь? Когда все знают?

Эзра сложил руки на груди. Он устоит перед зрелищем обнаженной Дэнни. Волосы рассыпались по плечам, губы раскрылись, щеки намокли от слез и блестят. Грудь... Усилием воли Эзра сосредоточил свой взгляд на ее лице.

– Ты знаешь, что произошло. Мы обсуждали это уже тысячу раз, и если будем обсуждать еще хоть миллион раз, ничего не изменится. Если ты не можешь это преодолеть, мы перестанем встречаться, и все тут.

Слезы вновь заструились по ее щекам. Господи, только бы не смотреть, как она плачет. Два шага – пересечь комнату – стиснуть ее в объятиях. Но что дальше? Все начнется снова и кончится очередной катастрофой.

– Нет! – плакала она, но теперь она старалась говорить тише. Голова клонится все ниже. – Я этого не хочу.

– Так чего же ты хочешь? Я должен знать, потому что я-то очень хорошо знаю, чего я хочу, и если мы оба не хотим одного и того же, во всем этом нет никакого смысла, тебе ясно, Дэнни? – Изо всех сил Эзра

пытался овладеть собой, но он был уже на грани. Еще немного, и он тоже разревется.

– Я хочу тебя! – прошептала она. Господи, только этого недоставало!

– Нет, этого ты не хочешь, – печально пробормотал он. – Даже если б ты и вправду хотела меня, даже если бы ты получила меня, ты бы все время напоминала мне о том, что случилось. Я этого больше не вынесу, Дэнни. С меня хватит! – Он с ужасом услышал, как прерывается его голос на каждом слове.

Девушка подняла голову.

– Прости меня! – прошептала она, поднимаясь с кровати и направляясь к нему. Лунный свет подчеркивал формы ее тела. Эзра отвернулся. Нежные пальцы нашли в темноте его лицо, скользнули по щеке, забрались в волосы. – Я совсем не думала о том, как плохо тебе, – проговорила она. – Я думала только о себе, Эзра. Прости меня.

Взгляд мужчины метался по стене, по потолку, по темному квадрату ночного неба за окном. Если он встретится глазами с Дэнни – ему конец.

– Эзра? – Шепот, точно поцелуй в ночи. Пригладила ему волосы, придвинулась вплотную.

Он вдыхал пряный запах ее тела, ее соски коснулись его груди. Девушка уронила руку ему на плечо, притягивая все ближе.

– Нам обоим есть что простить, правда? – уговаривала она.

Он не мог больше выдержать. И взгляд некуда отвести. Напоследок Эзра успел подумать: видно, суждено ему пропадать, но лучше пропасть, чем оставаться в одиночестве.

Найджел Парриш дожидался, когда полицейские вернутся из гостиной в бар. Пока они ужинали, он сидел в своем любимом уголке, потихоньку наслаждаясь «курвуазье».

Полицейские вызывали у него такой же интерес, как и все, кто появлялся в деревне. Однако торопиться некуда, с этой парочкой он еще успеет познакомиться. Какие они, право, забавные! Ну и костюмчик на парне – с первого взгляда наповал бьет, даром что полицейский. Найджел тихонько захихикал над собственным каламбуром – не сказать, чтоб особо удачным. Да, этот костюм явно сшит на заказ у дорогого портного, поверх жилетки золотая цепочка от

часов, пальто «Барберри» небрежно брошено на спинку стула, – почему это люди, у которых хватает денег на «Барберри», бросают дорогую одежду где ни попадя? – ботинки начищены до глубокого матового сияния. И этот малый из Скотленд-Ярда?

Женщина больше соответствовала его представлению о полицейских. Невысокая, плотного телосложения, эдакая урна на ножках. Мягкий и запачканный костюм плохо сидит на ее фигуре, да и цвет совсем ей не к лицу. Небесно-голубой прекрасен, но только не на тебе, пышечка. Желтая блуза подчеркивает нездоровую бледность да и в юбку заправлена неаккуратно. А на ногах! Ладно, практичные прогулочные ботинки в самый раз для полицейского, но голубые колготки под цвет костюма?! Господи, ну и страшилище! Даже жалко бедняжку. Найджел укоризненно покачал головой и поднялся с места.

Подойдя к их столику, он начал разговор без лишних церемоний:

– Скотленд-Ярд? Про Эзру слышали? «Может, и не слышал, но сейчас услышу», – подумал Линли, поднимая голову. Новый собеседник стоял перед ним со стаканом в руке, уверенно дожидаясь приглашения за их столик. Сержант Хейверс привычным жестом извлекла блокнот, и Парриш, сочтя это жестом гостеприимства, выдвинул стул и присоединился к компании.

– Найджел Парриш, – представился он. Органист, припомнил Линли. На вид Парришу было за сорок, возраст облагородил его лицо: поредевшие темные волосы с сединой на висках были зачесаны наверх, открывая высокий лоб; прямой, хорошей лепки нос придавал лицу значительность, крепкая челюсть и подбородок свидетельствовали о сильной воле. Стройный, невысокого роста. Наружность замечательная, хоть красивым его и не назовешь.

– Эзра? – повторил Линли.

Темные глаза Парриша обежали всех присутствовавших в пабе, словно он кого-то ждал.

– Фармингтон. Местный художник. Каждой деревне полагается свой художник, поэт или писатель, верно? По-моему, исключений почти не бывает. – Парриш пожал узкими плечами. – Эзра – наш представитель в мире искусства. Рисует акварелью, изредка маслом. Не так уж и плохо. Даже сумел продать кое-что в лондонской галерее. Раньше приезжал сюда каждый год на месяц-другой, но теперь он –

один из нас. – С улыбочкой Эзра отхлебнул свой напиток. – Эзра, миляга Эзра, – пробормотал он.

Линли не хотел уподобляться рыбе на крючке.

– Так что вы хотите сообщить нам об Эзре Фармингтоне, мистер Парриш?

Парриш вздрогнул, он явно не ожидал столь прямого подхода к делу.

– Начнем с того, что Эзра – наш деревенский Лотарио; но главное, вам следует знать о том, что произошло на ферме у Тейсов.

Романтические порывы Эзры нисколько не интересовали Линли, даже если Парриш находил их весьма занимательными.

– Что же произошло на ферме у Тейсов? – настойчиво спросил он, оставляя в стороне другую намеченную Парришем тему.

– Ну... – Тут Парриш обнаружил, что его стакан пуст, и это заметно охладило пыл рассказчика.

– Сержант, – негромко проговорил Линли, не отводя взгляда от собеседника, – принесите мистеру Парришу еще...

– «Курвуазье», – с улыбкой подсказал Парриш.

– И мне тоже.

Хейверс покорно поднялась из-за стола.

– А ей ничего? – озабоченно сморщил лицо Найджел.

– Она не пьет.

– Бедняжка! – Парриш вознаградил вернувшуюся с рюмками в руках Барбару жалостливой улыбкой, отпил глоточек коньяку и вернулся к своему повествованию. – Видите ли, – он доверительно склонился к Линли, – там разыгралась довольно мерзкая сцена. Я знаю об этом только потому, что как раз оказался поблизости. Из-за Усишки.

– Музыкальный пес, – подхватил Линли.

– Пардон?

– Отец Харт говорил нам, что Усишки приходил послушать, как вы играете на органе.

Парриш расхохотался.

– Да уж, черт побери! Я себе пальцы до кости сиер, репетируя, а единственный слушатель – фермерский пес. – Органист делал вид, будто его крайне забавляет эта ситуация, но Линли понимал, что беззаботность и добродушие Парриша – лишь притворство, что тот

старательно скрывает годами копившуюся горечь, а потому и изображает эдакого рубаху-парня.

– Стало быть, вы слышали, – продолжал Парриш, вертя в руках рюмку и наслаждаясь игрой цветowych бликов. – С точки зрения музыкальной культуры эта деревня – просто Сахара. По правде сказать, я играю по воскресеньям в церкви Святой Екатерины только для собственного удовольствия. Тут никто фугу от скерцо не отличит. Известно ли вам, что в Святой Екатерине стоит лучший орган Йоркшира? Как вам это нравится? Ватикан, наверное, специально купил его, чтобы поощрить келдейлских католиков. Я-то сам принадлежу к англиканской церкви.

– А Фармингтои? – уточнил Линли.

– Эзра? Эзра, по-моему, вообще не религиозен. – Тут он заметил хмурое выражение лица Линли и поспешил исправиться: – Или вы напоминаете мне, что я собирался рассказать об Эзре?

– Вы угадали, мистер Парриш.

– Эзра. – Парриш все с той же улыбкой отпил глоточек, ища то ли бодрости, то ли утешения. Он понизил голос, и на миг проступил тщательно скрываемый им истинный облик, задумчивый и сумрачный. Но возможность посплетничать тут же его развеселила. – Так, милые мои, давайте припомним. Это было примерно месяц назад. Уильям Тейс вышиб Эзру со своей земли.

– Он вторгся в частные владения?

– Вот именно. Если послушать Эзру, так он имеет «право художника» бродить всюду, где ему вздумается. Именно повсюду. Он, видите ли, изучает освещение болота Хай-Келмур. Нечто вроде эксперимента с Руанским собором – пытается изображать его каждые пятнадцать минут при новом освещении.

– Я знаю картины Моне.

– Стало быть, вы понимаете, о чем я говорю. Единственный или, во всяком случае, самый короткий путь в Хай-Келмур – через лес позади фермы Гемблер. А путь в лес...

– Идет через земли Тейса, – подхватил Линли.

– Вот именно. Я брел по тропинке в компании с Усишки. Он, как обычно, навестил меня, и мне показалось, что старику уже поздно возвращаться домой в одиночестве. Я решил проводить его. Понадеялся, что наша милашка Стефа отвезет его в своей «мини», но

ее и след простыл, так что мне пришлось самому отправляться на своих старых больных ногах.

– У вас нет машины?

– Сколько-нибудь надежной на ходу нет. Итак, я добрался до фермы, и вот они, голубчики, – прямо на дороге, и, надо сказать, столь славного скандальчика я еще в жизни не видел. Уильям в исподнем...

– В чем именно?

– В пижаме, инспектор. Или в халате? – Парриш прищурился на потолок, ища ответа на вопрос. – Да, в халате. Я еще подумал: «Господи, какие же у Уильяма волосатые ноги». Горилла, да и только.

– Ясно.

– Эзра стоял перед ним, орал, потрясал кулаком и богохульствовал так, что у бедного набожного Уильяма волосы дыбом встали. Пес тут же принял участие в деле и выдрал клочок из штанов Эзры. Пока он занимался штанами, Уильям разорвал на куски три акварели, над которыми Эзра так трясется, а папку с остальными рисунками швырнул прямо в грязь. Это было ужасно. – Парриш уставился в стакан, печальным голосом завершая свою историю, но тут же поднял глаза, по выражению которых слушатели догадались, что Эзра давно напрашивался на такое обращение.

Сержант Хейверс поднялась по ступенькам и скрылась из глаз. Линли потер виски и вошел в холл. В дальнем конце комнаты еще горел свет, освещая склоненную голову Стефы Оделл. Услышав шаги, женщина оторвалась от книги.

– Мы заставили вас ждать допоздна, чтобы запереть за нами дверь? – всполошился Линли. – Мне так жаль.

Улыбнувшись, Стефа лениво и изящно потянулась.

– Не беда, – любезно возразила она. – Я тут задремала над книжкой.

– Что читаете?

– Дешевый романчик. – Она тихонько рассмеялась и поднялась на ноги. Ходит без чулок, отметил Линли. Стефа успела переодеться из серого платья, предназначенного для церкви, в грубоватую юбку из твида и свитер. В глубь выреза сбегала серебряная цепочка с единственной речной жемчужиной. – Так я спасаюсь от

действительности. Герои романов всегда «живут счастливо до самой смерти». А как вы спасаетесь, инспектор?

– Боюсь, что никак.

– И как же вы поступаете с тенями, которые омрачают вашу жизнь?

– С какими тенями?

– Вы ищете убийц. Нелегкая работа. Почему вы именно ее выбрали?

Вот так вопрос. Он хорошо знал ответ: это покаяние, искупление таких грехов, которые вы даже не сумеете понять, Стефа. Вместо этого он сказал:

– Понятия не имею.

– Ага. – Она задумчиво кивнула и переменяла тему. – Вам посылка. Занес такой противный человек из Ричмонда. Мне он не представился, но пахнет от него желудочными каплями.

Отличное описание Ниса, отметил Линли. Стефа зашла за стойку бара. Вторую половину дня она, конечно же, провела, обслуживая посетителей. Здесь пахло воском и элем. Линли сразу же вспомнил Корнуолл. Десятилетний мальчик с волчьим аппетитом уписывает пирожки на ферме у Трефалленов. Вкуснятина какая – мясо и лук в толстой оболочке из теста. Невозможно даже представить себе этот запретный плод в чинной столовой Хоунстоу.

– Вульгарная пища! – презрительно фыркнул отец. Еще бы! Потому-то она ему и нравилась.

– Вот! – Стефа выложила на стойку большой конверт. – Выпьете со мной стаканчик на ночь?

– Спасибо, с удовольствием.

Женщина улыбнулась. Линли отметил, что улыбка стерла морщинки у ее глаз, щеки изящно округлились.

– Отлично. Садитесь. Вид у вас усталый. Линли выбрал диван поудобнее и раскрыл конверт. Нис даже не попытался рассортировать материал. Три блокнота с записями, еще несколько фотографий Роберты, данные экспертизы – эти бумаги у него уже были – и по-прежнему ни слова об Усишки.

Стефа Оделл поставила стаканы на стол и устроилась напротив инспектора, положив ноги на сиденье стула.

– Что произошло с Усишки? – спросил Линли. – Почему о собаке ничего не сказано?

– Габриэль знает, – ответила Стефа.

На миг Линли показалось, что это какая-то местная идиома, но он тут же припомнил, что так зовут констебля.

– Констебль Лэнгстон?

Стефа кивнула, поднося стакан ко рту длинными, изящными пальцами без колец.

– Он похоронил Усишки.

– Где?

Женщина пожала плечами, отбросила волосы с лица. У Хейверс этот жест получался неуклюжим, у Стефы – очаровательным. Она словно разгоняла темные тени.

– Не знаю. Наверное, где-то на ферме.

– Но почему же не проводили вскрытие? – настаивал Линли.

– Наверное, нужды в этом не было. И так ясно, отчего умер бедняга.

– Отчего же?

– Ему перерезали глотку, инспектор.

Линли принялся пролистывать документы в поисках фотографий. Так вот почему он не видел этого раньше – тело Тейса полностью накрыло тело пса, и рану на шее животного разглядеть было почти невозможно. Он повернул фотографию.

– Теперь вы понимаете, да?

– Вы о чем?

– Можно ли представить себе, чтобы Роберта перерезала глотку Усишки? – Лицо Стефы на миг выразило ужас и отвращение. – Это невозможно. Как хотите, но это просто невозможно. Кроме того, оружие так и не нашли. Не могла же она зарезать бедное животное лезвием топора!

Прислушиваясь к ее словам, Линли впервые задумался: а что, если жертвой преступления должен был стать пес, а вовсе не его хозяин?

Предположим, затевалось ограбление. Требовалось убрать пса. Старый, неспособный уже драться, он тем не менее вполне мог поднять шум, если бы на вверенную ему территорию проник посторонний. Итак, с собакой расправились. Однако недостаточно

быстро – и Тейс примчался в хлев посмотреть, из-за чего поднялся лай. Тогда пришлось разделаться и с ним. Быть может, размышлял Линли, речь не идет о предумышленном убийстве.

– Стефа! – задумчиво позвал он, вынимая из кармана фотографию. – Кто это? – Он протянул ей фотографию, найденную в ящике у Роберты.

– Где вы это нашли?

– В комнате Роберты. Кто это?

– Джиллиан Тейс, сестра Роберты. – Стефа легонько постучала пальцем по фотографии, внимательно в нее всматриваясь, – Роберте пришлось хорошенько ее спрятать.

– Почему?

– Потому что Уильям вычеркнул Джиллиан из своей жизни, когда она сбежала. Выбросил ее одежду, ее книги, уничтожил все ее фотографии. Развел посреди двора большой костер и сжег ее свидетельство о рождении и все прочие бумаги. Господи, как же Роберта ухитрилась это сохранить? – Не отводя глаз от фотографии, Стефа обращалась скорее к самой себе, чем к собеседнику.

– Важнее другой вопрос: почему она ее сохранила?

– Это понятно. Роберта обожала Джиллиан, бог знает почему. Джиллиан – паршивая овца в семействе. Совершенно отбилась от рук еще подростком. Пила, ругалась, носилась по округе точно безумная, с одной вечеринки на другую. Заводила романы с мужчинами, обдирали их как липку. И однажды ночью, одиннадцать лет назад, сбежала из дому – и не вернулась.

– Сбежала? – повторил Линли. – Или исчезла?

Стефа откинулась на спинку стула. Рука ее инстинктивно потянулась к горлу, но женщина быстро опустила ее, не желая выдавать свои чувства.

– Сбежала! – уверенно повторила она.

– Почему?

– Вероятно, не могла ужиться с Уильямом. Он твердых правил, а Джиллиан хотела жить на всю катушку. Наверное, ее кузен Ричард мог бы рассказать вам больше. Между ними что-то было, пока он не уехал. – Стефа поднялась, снова потянулась и направилась к двери. Приостановилась, негромко окликнула: – Инспектор!

Линли поднял глаза, рассчитывая услышать что-то о Джиллиан Тейс. Женщина с трудом выговорила:

– Может быть, вы хотите... что-нибудь еще?

Свет падал из-за ее спины, нимбом подсвечивая волосы. Красивая гладкая кожа. Ласковый взгляд. Как было бы просто. Часок блаженства. Принять, забыться в страсти, достичь желанного забвения.

– Нет, спасибо, Стефа, – непослушными губами выговорил он.

В отличие от множества рек, бурно стремящихся горы в долину, Кел текла плавно и неторопливо, вилась потихоньку через Келдейл и, миновав разрушенное аббатство, уходила дальше к морю. Река мирно уживалась с дереvушкой, почти никогда не выходя из привычных пределов, и слава богу, ведь гостиница и многие дома стояли прямо на берегу.

Один из этих домов, соединенных с гостиницей мостом, принадлежал Оливии Оделл. Отсюда открывался прекрасный вид на поля и на церковь Святой Екатерины. Самый красивый дом в деревне, с чудным садиком у калитки и лужайкой, спускающейся к реке.

Линли и Хейверс вошли в эту калитку ранним утром. Доносившийся из-за дома громкий детский плач свидетельствовал, что обитатели дома уже проснулись. Ориентируясь на этот горестный плач, полицейские дошли до черного хода. На ступеньке сидела маленькая девочка. Она вся скрючилась, уткнулась лицом в колени, под ногами у нее валялась скомканная фотография, вырезанная из журнала. По левую руку от девочки пристроился важный селезень, взиравший на хозяйку с пониманием и сочувствием. Достаточно было одного взгляда на голову девочки, чтобы разгадать причину ее скорби: она постриглась – или кто-то ей в этом помог – и густо намазала чем-то липким остатки волос. Прежде ее шевелюра была рыжей и, судя по немногим ускользнувшему от ножниц прядям, завивалась кудряшками. Но теперь головенка девочки, источавшая одуряющий аромат дешевой помады, могла вызвать разве что горький смех.

Хейверс и Линли молча переглянулись.

– Доброе утро! – заговорил инспектор. – Ты, наверное, Бриди.

Девочка подняла голову, подхватила с земли фотографию и отчаянно прижала ее к груди. Селезень тупо замигал.

– Что случилось? – ласково спросил Линли. Стойкая оборона Бриди рухнула от одного звука этого доброго мужского голоса.

– Я постригла волосы! – захныкала она. – Я копила деньги, чтобы сходить к Синджи, но она сказала, что из моих волос такая прическа не выйдет, и не стала стричь, и тогда я постриглась сама, а теперь посмотрите на меня, и мама тоже плачет. Я попыталась распрямить их с помощью Ханниной помады, но у меня ничего не получилось! – Плач перешел в икоту.

Линли кивнул:

– Ясно. Выглядит и впрямь страшновато, Бриди. А какую прическу ты хотела сделать? – Он с ужасом вспомнил шипы, украшавшие голову Ханны.

– Вот такую! – Она сунула ему в руку фотографию и вновь зарыдала.

Линли внимательно всмотрелся в вырезанное из журнала изображение принцессы Уэльской. В черном элегантно вечернем костюме с бриллиантами, безукоризненно аккуратная прическа лежит волосок к волоску.

– Ну еще бы, – пробормотал он.

Лишившись фотографии, Бриди попыталась найти утешение у своего селезня. Обняла его, притянула к себе.

– Тебе-то все равно, правда, Дугал? – спросила она дружка. Дугал в очередной раз замигал и принялся перебирать ее волосы – нет ли тут чего съедобного.

– Дугал Дак? – уточнил Линли.

– Ангюс Макдугал Макдак, – ответила девочка, Представив гостям своего товарища, девочка утерла нос рукавом пуловера и пугливо оглянулась на закрытую дверь у себя за спиной. Последняя слеза еще катилась по ее щеке. – Он голоден, ая не могу войти в дом. У меня только мармелад есть. Вкусный, конечно, но это не настоящая еда. Корм там, в доме, а мне туда нельзя.

– Почему нельзя?

– Потому что мама сказала – чтоб глаза ее меня не видели, пока я не приведу волосы в порядок, а я не знаю, как это сделать! – Бриди вновь заплакала. Это было искреннее горе. Если срочно ей не помочь, селезень изголодается, правда, судя по его габаритам, диета ему не повредила бы.

Линли не успел продумать план спасательной кампании; дверь резко распахнулась, и на пороге появилась Оливия Оделл. Она лишь взглянула на свою дочку и тоже разрыдалась.

– Неужели ты еще и это сделала! Господи, поверить не могу! Марш в дом волосы мыть! – С каждым словом ее голос взмывал все выше. Женщина явно была на грани истерики.

– Как же Дугал?!

– Бери Дугала с собой! – рыдая, отвечала мать. – Бери и сделай, что я тебе сказала!

Девочка подхватила селезня, и оба изгнанника вновь вступили в родной дом. Оливия извлекла из кармана кардигана салфетку, высморкалась, трепетно улыбнулась гостям.

– Какой ужас! – пробормотала она и, едва выдавив эти слова, вновь разразилась слезами. Оставив полицейских на пороге, Оливия побрела в кухню, прислонилась к столу, пряча лицо в ладонях.

Линли и Хейверс переглянулись и решительно последовали за ней в дом.

Этот дом разительно отличался от фермы Гемблер. Повсюду виднелись следы бурной жизнедеятельности. Кухня в полном беспорядке, плита заставлена кастрюлями и сковородками, шкафчики распахнуты, и в них не мешало бы прибраться, цветы так и не поставлены в вазу, в раковине скопилась посуда. Пол под ногами липкий, стены нуждаются в свежей краске, вся комната пропахла гарью. Нетрудно было догадаться об источнике этого запаха – обуглившийся гренок лежал на тарелке, мокрый насквозь, словно его второпях залили чаем.

Из кухни был виден небольшой уголок гостиной, содержащейся в столь же образцовом порядке. Похоже, Оливия Оделл не сильна в домашнем хозяйстве, да и в воспитании детей тоже, если судить по только что разыгравшейся сцене.

– Она меня не слушается! – всхлипывала Оливия. – Ей всего девять лет, а уже совершенно отбилась от рук. – Женщина в ключья разодрала салфетку, рассеянно огляделась в поисках новой и, ничего не обнаружив, зарыдала с новой силой.

Линли извлек из кармана носовой платок.

– Прошу вас, – предложил он ей.

– Ох, что за утро, господи! – вздохнула она. Высморкавшись, женщина протерла платком лицо, пригладила пальцами темные волосы и вгляделась в свое отражение в матовой поверхности тостера. Это зрелище исторгло у нее еще один стон, и глаза ее вновь наполнились влагой. – Я выгляжу на пятьдесят лет! Как бы Пол посмеялся надо мной! – И, вроде бы без всякой связи, добавила: – Она хочет походить на принцессу Уэльскую.

– Она так и сказала, – спокойно согласился Линли. Отодвинув стул от стола, он убрал в сторону газеты и сел. Хейверс, чуть помедлив, последовала его примеру.

– Почему?! – Оливия адресовала свой вопрос скорее потолку, чем своим собеседникам. – Что я такого сделала? Почему моя дочь вообразила, что единственный путь к счастью – сделаться похожей на принцессу Уэльскую? – Она отчаянно сжимала ладонями лоб. – Уильям бы справился с ней. Как мне быть без него?

Спеша предотвратить очередной поток слез, Линли постарался отвлечь ее:

– Девочки всегда выбирают себе кумира, верно?

– Да! – подхватила Оливия. – Да, да, это верно. – Она принялась скручивать носовой платок во внушающую жалость веревочку. Линли содрогнулся при виде такого надругательства. – Но я понятия не имею, как говорить с этим ребенком, Что бы я ни делала, все у нас заканчивается истерикой. Уильям всегда знал, как надо поступить. Когда он бывал здесь, у нас все шло как нельзя лучше. Стоило ему уйти – и опять мы деремся как кошка с собакой. Что же с нами будет? – Ответа на свой вопрос она не ждала. – Все дело в ее волосах. Она терпеть не может рыжие волосы! Она начала ненавидеть свои волосы раньше, чем научилась говорить. Ничего не понимаю. С какой стати девятилетняя девочка сходит с ума из-за цвета своих волос?

– Рыжие склонны сходить с ума по любому поводу, – заметил Линли.

– Ох, это правда! Это правда! Стефа точно такая же. Можно подумать, Бриди ее двойник, а не племянница! – Глубоко вдохнув, Оливия откинулась на спинку стула. В коридоре послышались быстрые шаги. – Укрепи меня, Господи! – взмолилась Оливия.

Бриди вошла в комнату, предусмотрительно не сняв с головы полотенце. Спеша выполнить материнские указания, девочка помыла

голову, не снимая свитер. Насквозь промокшая одежда прилипла к ее плечам и спине. Селезень неторопливо переваливался за ней походкой бывалого Моряка.

– У него лапка сломана, – пояснила Бриди, заметив, как Линли смотрит на птицу. – Когда он плавает, просто кружится на месте. Я не позволяю ему купаться без присмотра. Прошлым летом мы часто ходили купаться, даже в реке. Мы насыпали плотину, и Дугал так здорово купался – плюхнется в воду и плавает кругами. Да, Дугал? – Селезень одобрительно замигал и ткнулся клювом в пол в поисках съестного.

– Ну, дай мне поглядеть на тебя, Макбриди, – вздохнула мать. Дочка послушно подошла и сняла полотенце. Ужасное зрелище вновь открылось глазам присутствующих. Глаза Оливии наполнились слезами. Она прикусила губу.

– Нужно просто малость подровнять, – поспешно вступился Линли. – Как вы считаете, сержант?

– Да, можно подровнять, – согласилась Барбара.

– Придется тебе, Бриди, отказаться от мечты сделаться похожей на принцессу Уэльскую. – Губы девочки предательски задрожали, но Линли на полном серьезе продолжал объяснение: – Не забывай, у тебя курчавые волосы, а у нее прямые. Синджи ведь сказала, что не сможет сделать тебе такую прическу.

– Но она такая хорошенькая! – всхлипнула Бриди.

– Да, конечно. Но странный это был бы мир, если бы все женщины выглядели точь-в-точь как принцесса, а? Поверь, многие женщины вовсе на нее не похожи и ничуть от этого не проигрывают.

– Правда? – Бриди бросила последний взгляд на испорченную фотографию. На носу принцессы красовалась большая капля помады.

– Ты вполне можешь поверить инспектору на слово, – вмешалась Хейверс. Ее интонация ясно говорила: «Он в таких делах дока»,

Бриди переводила взгляд с женщины на мужчину, догадываясь о присутствии какого-то подтекста, но не понимая его.

– Ладно, – вздохнула она, – лучше я покормлю Дугала.

К этой идее селезень отнесся с энтузиазмом.

Гостиная Оливии выглядела ненамного лучше кухни. Трудно было поверить, что такой разгром учинили вдвоем женщина и ребенок. Вещи были свалены грудой на стульях, словно мать с дочерью

собрались переезжать, какие-то мелочи, сувениры красовались на подоконниках или на краю стола, гладильная доска навеки расположилась посреди комнаты, крышка пианино не закрыта, и повсюду пыль, толстый слой пыли, даже воздух пропитался ею.

Оливия словно не замечала этого безобразия, рассеянно предложила гостям сесть. Правда, вытирая стул для себя, она сокрушенно вздохнула:

– Тут не всегда такое делается. Просто я... все это... – Она кашлянула и смолкла, пытаюсь сораться с мыслями. Пальцы вновь пробежали по растрепанным, словно взвихренным ветром волосам. Детский жест, совсем неуместный для женщины, которая давно уже перестала быть девочкой. Тонкая кожа, нежные черты лица, но возраст обошелся с ней безжалостно: тело утратило упругость, словно женщина слишком быстро теряла вес. Кости остро выступали на скулах и запястьях.

– Знаете, – заговорила она, – когда Пол умер, и то было не так скверно. Но то, что случилось с Уильямом... не могу принять.

– Такая неожиданность, – мягко подхватил Линли, – шок.

– Пожалуй, вы правы, – кивнула она. – Пол несколько лет болел. Я успела подготовиться. И Бриди была слишком маленькой, ничего не понимала. Но Уильям... – Она с трудом взяла себя в руки, взгляд сосредоточился на какой-то точке на стене, женщина выпрямилась. – Уильям так много значил для нас обеих, от него исходила такая сила. Мы обе полностью положились на него, а его не стало. Конечно, с моей стороны это эгоистично. Надо думать не обо мне, а о Боббе.

– О Роберте?

Она быстро глянула на инспектора и отвела глаза.

– Она всегда приходила к нам вместе с Уильямом.

– Какая она?

– Очень тихая, очень милая. Не сказать, чтобы красивая. Чересчур крупная. Но она любила Бриди.

– У Ричарда Гибсона вышла ссора с дядей как раз из-за того, что Роберта так растолстела, верно?

Оливия нахмурилась:

– Ссора? Вы о чем?

– Они поспорили из-за Роберты. В «Голубе и свистке». Не расскажете об этом подробнее?

– А, вот вы о чем. Это вам Стефа рассказала? Но это не имеет никакого отношения к смерти Уильяма, – добавила она, заметив, что сержант Хейверс что-то записывает.

– Почему знать. Расскажите, пожалуйста.

Оливия взмахнула руками, пытаясь протестовать, но ладони вновь бессильно упали ей на колени.

– Ричард надолго уехал. Потом вернулся, столкнулся с нами в «Голубе и свистке». Наговорил глупостей сгоряча. Пустяки. – Она попыталась улыбнуться.

– Какие именно глупости?

– Сначала разговор был не о Роберте. Мы сидели все вместе за столом, и Уильям... кажется, он что-то сказал насчет Ханны. Вы видели ее в баре?

– Вчера вечером.

– Ну, вы заметили, что она... не такая, как все. Уильяму она не нравилась. Он не одобрял ее отца. Вы же видели, отец держит себя так, словно эти штучки его просто забавляют. Уильям сказал что-то вроде: «Не понимаю, как ее старик допускает, чтобы девушка наряжалась точно шлюха». Вот и все. Ничего особенного. А Ричард был пьян. У него все лицо было исцарапано, должно быть, с женой поругался в то утро. Не в настроении был. Он сказал, что глупо судить по наружности. Ведь и ангел может вырядиться бродяжкой, и прелестная, как ангел, блондинка оказаться потаскушкой.

– И как это принял Уильям? Оливия устало улыбнулась.

– Он решил, что Ричард имеет в виду его старшую дочь Джиллиан. По-моему, у Ричарда этого и на уме не было. Уильям потребовал объяснений. В свое время Ричард с Джилли были закадычными друзьями. И вот, чтобы сменить тему, Ричард заговорил о Роберте.

– Что он сказал?

– Вот, дескать, пример, что нельзя судить по наружности. А дальше пошло-поехало: Ричард хотел знать, почему Уильям позволил Роберте дойти до такого состояния. Уильям хотел знать, на что, собственно, Ричард намекал, говоря о Джиллиан. Ричард требовал ответа от Уильяма. Уильям требовал ответа от Ричарда. Вы же понимаете.

– И что потом?

Женщина рассмеялась. Странный, судорожный смешок, точно трепещет пойманная птичка.

– Я боялась, что они подерутся. Ричард орал, что никогда бы не позволил своему ребенку загнать себя в могилу обжорством. Дескать, Уильям совершенно не справляется с обязанностями отца. Уильям так разозлился, что сказал – а Ричард не справляется с обязанностями мужа. Он... он довольно грубо намекнул, что Мэдлин не удовлетворена. Мэдлин – жена Ричарда, вы ее еще не видели? Я уж думала, сейчас Ричард ударит, дядю, а он просто расхохотался. Назвал себя дураком. С какой, мол, стати ему так волноваться из-за Роберты. И пошел себе.

– И на этом все кончилось?

– Да.

– Что Ричард имел в виду?

– Когда назвал себя дураком? – Женщина нахмурилась. Казалось, ее обеспокоил этот вопрос. – По-вашему, я должна сказать, что он сообразил, как глупо хлопотать о здоровье Роберты, ведь если бы Роберта умерла, вся ферма досталась бы ему?

– Он об этом говорил?

– Нет, конечно же нет. Уильям изменил свое завещание вскоре после приезда Ричарда. Ричард отлично знал, что ферма достанется ему, а не Роберте.

– Но если бы вы с Уильямом поженились, он бы, скорее всего, вновь изменил завещание. Разве не так?

Женщина сразу же разглядела ловушку.

– Да, но... Я догадываюсь, о чем вы думаете. Ричарду было выгодно, чтобы Уильям умер до нашей свадьбы. Но так ведь можно сказать в любом случае, когда кто-то что-то наследует. Обычно люди не убивают друг друга, даже если им что-то и достанется по завещанию.

Мне очень жаль, миссис Оделл, – мягко возразил Линли, – но такое случается сплошь и рядом.

– Это не тот случай. Мне показалось... Ричард не очень-то счастлив, а когда человеку плохо, он может наговорить всякого вздора, даже если на самом деле этого не думает. Люди делают глупости, о которых потом жалеют, просто потому, что это помогает им на минуту забыться, разве не так?

Ни Линли, ни Хейверс не были готовы ответить на этот вопрос. Оливия резко выпрямилась. Снаружи доносился голос Бриди, болтавшей с селезнем.

– Роберта знала об этой ссоре? – уточнил Линли.

– Если и знала, никогда об этом не упоминала. Когда она приходила к нам, она в основном толковала о свадьбе. Тихим таким голосом. По-моему, ей хотелось, чтобы мы с Уильямом поженились. Чтобы Бриди стала ее сестрой. Заменяла ей Джиллиан. Она отчаянно тосковала по Джиллиан. По-моему, она так и не оправилась после того, как старшая сестра сбежала. – Нервные пальцы Оливии нащупали выбившуюся из шва нитку и принялись тянуть ее и скручивать, пока нитка не порвалась. Женщина тупо уставилась на нитку, будто не понимая, откуда она взялась. – Бобба – так Уильям называл ее, и мы тоже, – Бобба уводила Бриди погулять, оставляла нас с Уильямом вдвоем. Они гуляли все вместе – Бобба, Бриди, Усишки и селезень. Представляете себе это зрелище? – Улыбнувшись, Оливия расправила складки своей блузы. – Они шли за реку, через луг, или отправлялись к аббатству на пикник. Все четверо. А мы с Уильямом могли спокойно поговорить.

– О чем вы говорили?

– В основном о Тессе. Конечно, это была большая проблема. Но, когда он был здесь в последний раз, в день своей смерти, он сказал, что проблема решена.

– Боюсь, я не совсем вас понял, – прервал ее рассказ Линли. – Какого рода проблема? Эмоциональная? Он так и не смог смириться с ее смертью?

Оливия рассеянно глядела в окно, но тут она резко обернулась.

– С ее смертью? – с изумлением переспросила она. – Тесса не умерла, инспектор. Она бросила Уильяма вскоре после того, как родилась Роберта. Он нанял детектива разыскать ее, чтобы расторгнуть этот брак. Вечером в субботу он пришел ко мне и сказал, что Тессу наконец удалось найти.

– В Йорке, – коротко ответили на другом конце провода. – Больше я вам ничего не скажу. Мне, знаете ли, так и не заплатили за работу.

Линли покрепче сжал телефонную трубку, пытаясь совладать с гневом.

– Хотите, чтобы я явился с ордером? – радушно предложил он.

– Послушайте, старина, не нужно мне всего этого дерьма!

– Позвольте вам напомнить, мистер Хаусмен, вы не персонаж книги Дэшила Хэммета, что бы вы там о себе ни вообразили. – Линли отчетливо представлял себе этого человечка: восседает, забросив ноги на стол, в ящике под рукой бутылка «бурбона», телефонную трубку зажал плечом, из руки в руку праздно перебрасывает револьвер. И он почти угадал.

Гарри Хаусмен выглянул из угрюмого окна своего офиса, приютившегося над парикмахерской «Джеки Шоп» на площади Тринити-Черч-сквер в Ричмонде.

Слабый дождик пытался смыть старую пыль с окна, но под его тонкими струйками грязные разводы только сильнее потемнели. «Какой мерзкий день», – вздыхал детектив. Он хотел было съездить на побережье – одна крошка из Уитби так и рвалась заняться на пару с ним очень серьезным, очень частным расследованием, но такая погода отбивала всякую охоту. А ему в его годы требовалось соответствующее настроение, чтобы тот, внизу – ну, вы понимаете – сработал как надо.

Хаусмен ухмыльнулся, выставляя плохо запломбированный передний зуб. Кривая коронка придавала несколько пиратский шик его заурядной физиономии – тусклые волосы, болотного цвета глазки, вялая кожа и, вопреки всему – полные, сладострастные губы.

Хаусмен повертел в руках карандаш. На карандаше виднелись отчетливые следы зубов. На покрытом царапинами столе стояла фотография в рамке; с нее на детектива, поджав тонкие губы, мрачно уставилась его законная супруга. Он потянулся карандашом к рамочке, опрокинул фотографию лицом вниз.

– Надеюсь, мы сумеем найти взаимоприемлемое решение, – проговорил Хаусмен в трубку, а затем обратился к воображаемой секретарше: – Как вы сказали? Мисс Доалсон? – Выдержал паузу ради пущего эффекта. – У меня найдется сегодня время, чтобы... Ладно, это отмените. Подождет, пока я тут разберусь. – И вновь вернулся к телефону. – Как, вы говорите, вас зовут?

– Я не собираюсь встречаться с вами, – терпеливо возразил Линли. – Вы просто назовете мне адрес в Йоркшире, и на этом наше знакомство закончится.

– Право, не знаю, могу ли я...

– Еще как можете. – В голосе Линли зазвучала сталь. – Как вы уже упоминали, вам не заплатили за работу. Единственная надежда получить деньги, когда вопрос о наследстве будет решен, а это, кстати говоря, может занять несколько лет, если нам не удастся во всем разобраться, – так вот, единственная ваша надежда – дать мне нынешний адрес Тессы Тейс.

Молчание. Хаусмен принимает решение.

– Что там еще, мисс Доалсон? – Вкрадчивый, доводящий до иступления голос. – Звонят по другой линии? Попросите подождать, хорошо? – Тяжкий вздох. – Я уж вижу, инспектор, вам палец в рот не клади. Надо же человеку как-то зарабатывать себе на жизнь.

– Конечно! – резко подтвердил Линли. – Адрес?

– Мне надо просмотреть записи. Я позвоню вам через час, идет?

– Нет.

– Господи боже, да послушайте!..

– Я выезжаю в Ричмонд.

– Нет, нет, не нужно! Погодите немного, старина. – Хаусмен откинулся на спинку стула, с минуту безнадежно созерцал серое небо. Потянулся к шкафу с папками, пощелкал ящичками, продолжая игру на публику.

– А теперь что, мисс Доалсон? – воззвал он. – Нет, отложите это на завтра, идет? Пусть она себе хоть все глаза выплачет, крошка, у меня нет сегодня ни минуты свободной. – На столе наконец обнаружился клочок бумаги с нужной ему записью. – Ах, вот оно, инспектор, – обрадовался он и продиктовал Линли адрес. – Только не рассчитывайте, что она встретит вас с распростертыми объятиями, – предупредил он.

– Мне, в общем-то, все равно, как она меня встретит, мистер Хаусмен. Всего...

– Но вам лучше знать заранее, инспектор. Мужик просто умом тронулся, когда узнал обо всем. Я думал, он меня прямо голыми руками задушит. Уж не знаю, что он сотворит, когда к нему заявится Скотленд-Ярд. Он с виду такой профессор, очки, умные слова, но, можете мне поверить, инспектор, не так он прост. Когда этот малый разозлится, он на все способен.

Линли сощурился. Он понимал, что детектив забрасывает удочку с искусно наживленной приманкой, и рад был бы проплыть мимо, но

пришлось со вздохом признать свое поражение.

– О чем вы толкуете, Хаусмен? О чем он узнал?

– О первом ее мужике, само собой,

– Что вы хотите этим сказать, Хаусмен?

– Тесса Тейс – двоемужница, старина! – с торжеством заявил Хаусмен. – Выскочила замуж за своего второго, не распрощавшись по всем правилам с Уильямом. Представляете, что с ней сделалось, когда я возник у них на пороге?

Дом выглядел совсем не так, как издали представлялось Линли. Женщине, бросившей мужа и детей, следовало завершить свои дни в дешевой квартирке, провонявшей чесноком и застоявшейся мочой, ежедневно заливая томящуюся совесть бутылкой дарующего забвение джина. Такая женщина должна была быстро увянуть, износиться, лицо ее должны были покрыть морщины стыда и позора. Но Тесса Тейс Маури совершенно не походила на такую женщину.

Линли припарковал машину перед домом, и они молча созерцали это жилище, пока Хейверс наконец не заговорила.

– Нельзя сказать, что эта женщина опустилась, а? – заметила она.

Им было нетрудно найти этот коттедж в новом, очень приличном квартале в нескольких милях от центра – здесь домам присваивали не только номер, но и особое имя. Дом Маури именовался «Йорвик Вью». Воплощение мечты среднего класса: кирпичный фасад, островерхая крыша, красная черепица, сводчатые окна с белыми занавесочками, за ними по обе стороны от полированной парадной двери – гостиная и столовая. Пристроенный гараж на одну машину, на втором его этаже – терраса с белой металлической крышей. Там, на террасе, они и увидели Тессу Тейс.

Женщина вышла на террасу полить цветы. Светлые волосы струятся на ветру. Хризантемы, георгины, ноготки. Яркие краски осени на фоне белой металлической ограды. Заметив машину, женщина приостановилась, лейка застыла в воздухе. В полуденном свете казалось, что она сошла с полотна Ренуара.

Линли мрачно отметил, что выглядит Тесса все так же, как на фотографии, снятой девятнадцать лет назад и бережно хранимой в домашнем святилище Тейса.

– Вот вам и плата за грехи, – проворчал он.

– Может быть, «портрет Дориана Грея» спрятан на чердаке, – предположила Барбара.

Линли удивленно глянул на нее. До сих пор она так подчеркнуто старалась вести себя хорошо, быстро, с готовностью исполняя любой его приказ, что услышать, как она изменила своей сдержанности и попыталась пошутить, было неожиданностью – приятной, разумеется.

– Bravo, сержант, – поздравил он ее. – Посмотрим, что скажет нам миссис Маури.

Женщина поджидала их у двери. Ее взгляд перебегал с одного лица на другое, растерянный и Даже, кажется, слегка затуманенный слезами.

– Доброе утро, – произнесла она. Здесь, вблизи, уже было видно, что возраст ее приближается к сорока годам, но волосы оставались ослепительно солнечного цвета, фигура легонькая, кожа с небольшой россыпью веснушек не тронута морщинами.

Линли предъявил полицейское удостоверение.

– Скотленд-Ярд, следственный отдел. Разрешите войти, миссис Маури?

Взгляд ее метнулся от Линли к угрюмому лицу Хейверс и вернулся назад.

– Конечно. – Ровный, вежливый, даже приветливый голос, но в движениях какая-то напряженность, скованность, выдающая сильное волнение.

Они прошли налево, в открытую дверь и попали в гостиную. Беспомощным жестом хозяйка указала на кресла, предлагая сесть. Со вкусом обставленная комната, современная мебель из сосны и орехового дерева, мягкие и нежные осенние тона. Где-то отсчитывали время часы – невесомый, торопливый звук, похожий на удары пульса. Ничего похожего ни на яростный беспорядок, царящий в доме Оливии Оделл, ни на механическую аккуратность фермы Тейса. В этой комнате, очевидно, собиралось любящее семейство. Там и сям – фотографии, сувениры, привезенные из отпуска, среди книг – несколько настольных игр, колода карт.

Тесса Маури облюбовала стул в дальнем углу, где почти не было света, присела на самый краешек, выпрямив спину, скрестив ноги и сложив руки на коленях. На безымянном пальце простое гладкое обручальное кольцо. Она не спросила, зачем к ней явились люди из Скотленд-Ярда, лишь молча следила глазами за Линли – тот подошел к камину и принялся изучать фотографии над ним.

– Ваши дети? – спросил он. Детей было двое – мальчик и девочка. Фотография сделана, когда семья отдыхала в Сент-Иве. Линли узнал знакомые очертания залива, серые и голубые домики на берегу, лодочки, вытасщенные на берег на время отлива.

– Да, – кивнула она, и больше ни звука. Сдерживаясь изо всех сил, женщина ожидала неизбежного удара. Молчание затянулось, Линли не прерывал его. Наконец непереносимая тревога вынудила женщину заговорить.

– Рассел звонил вам? – В голосе прорвалось отчаяние. Тусклый голос, словно женщина прошла уже все круги скорби и теперь внутри нее ничего не осталось, все выгорело дотла. – Я думала, вдруг позвонит. Прошло ведь уже три недели. Я было понадеялась, он просто наказывает меня и нам надо будет во всем разобраться. – Она вздрогнула, заметив, что сержант Хейверс уже держит наготове записную книжку. – Разве надо? – жалобно спросила она.

– Боюсь, придется, – подтвердил Линли.

– Я вам все расскажу. Так оно будет лучше. – Глядя вниз, на свои руки, женщина стискивала их все сильнее.

Как странно, подумал Линли, все мы, принадлежащие к роду человеческому, прибегаем к одним и тем же жестам, стараясь без слов выразить охватывающее нас отчаяние. Рука взметнется к горлу, руки обхватят тело, словно пытаюсь его защитить, поспешно одернем на себе одежду, выставим руки вперед, будто отражая удар. Он видел, как Тесса собирается с силами, чтобы пройти предстоящее ей испытание. Одна рука сжимала другую, как будто переплетенные пальцы могли сообщить друг другу силу и мужество. Кажется, это и впрямь подействовало. Женщина подняла глаза, и в них мелькнул вызов.

– Мне было всего шестнадцать, когда я вышла за него. Вы можете себе представить, каково быть замужем за человеком, который старше тебя на восемнадцать лет, и это при том, что самой тебе всего лишь шестнадцать? Вот именно, не можете. И Рассел не понимал.

– Вы не собирались продолжать учебу?

– Я бы хотела, но пришлось ненадолго оставить школу, когда у папы разболелась спина. На время – через месяц я должна была вернуться в класс. Марша Фицалан дала мне домашнее задание, чтобы я не отставала. И все-таки наверстать было трудно, а тут появился Уильям.

– И что же?

– Он зашел купить у папы барана. Я проводила его на пастбище показать. Уильям был... такой красивый. Я была романтична. Мне казалось, что это Хитклиф явился за своей Кэти. ^[3]

– Наверное, ваш отец встревожился, когда вы решили выйти замуж в шестнадцать лет, тем более за человека, который был настолько вас старше?

– Встревожился. И он, и особенно мама. Но я была упряма, а Уильям был такой правильный, взрослый, надежный. Должно быть, они подумали: если запретить мне выйти за него замуж, я собьюсь с пути и все это добром не кончится. Так что они благословили нас, и мы поженились.

– Что же случилось с вашим браком?

– Что шестнадцатилетняя девочка понимала в браке, инспектор? – вопросом на вопрос ответила она. – Когда я выходила замуж за Уильяма, я даже не знала толком, откуда берутся дети. Может, вы считаете, что деревенская девчонка должна была бы в этом разбираться, но ведь я – то почти все время читала сестер Бронте, а они все трое – и Шарлотта, и Энн, и Эмили – старались особо не вдаваться в подробности. Однако довольно быстро я узнала, как это делается: Джиллиан появилась на свет, когда мне еще и семнадцати не было. Уильям был в восторге. Он ее обожал. Для него будто новая жизнь началась с того момента, как появилась Джилли.

– Тем не менее прошло немало лет, прежде чем родилась Роберта.

– Это потому, что с появлением Джилли все изменилось.

– Каким образом?

– Это крошечное хрупкое существо почему-то заставило Уильяма обратиться к вере, и после этого изменилась вся наша жизнь.

– Я почему-то думал, что он всегда был очень Набожен.

– О нет. До Джиллиан – не особенно. Но он вроде как решил, что недостойн быть отцом, что ему надо очистить душу, чтобы иметь

право на этого ребенка.

– Как же он ее очищал?

Женщина коротко рассмеялась, однако смех ее прозвучал вовсе не весело.

– Читал Библию, исповедовался, каждый день причащался. Через год после нашей свадьбы он сделался одним из столпов церкви Святой Екатерины и преданнейшим отцом.

– А вы были еще девочкой и вам пришлось жить в компании с младенцем и святым?

– Вот именно. Только младенец не доставлял мне особых хлопот. Я была недостаточна хороша, чтобы по-настоящему ухаживать за ребенком Уильяма. Я не была святой, так что он взял почти все заботы на себя.

– Чем же вы-то занимались?

– Я вернулась к книгам.

В начале разговора женщина сидела почти неподвижно, но беспокойство подняло ее с места, заставило бродить по комнате, без особой надобности выглядывать в окно, словно любуясь далеким силуэтом Йоркского собора. Должно быть, не собор она там видит, а картины своего прошлого, предположил Линли.

– Я мечтала, что Уильям превратится в мистера Дарси. Я мечтала, что мистер Найтли сделает мне предложение. Я надеялась, что в один прекрасный день я повстречаю Эдварда Рочестера – для этого надо было лишь продолжать верить в мои сны наяву. – Она скрестила руки на груди, вновь пытаюсь защититься от боли. – Я так отчаянно ждала любви! Мне так нужно было быть любимой! Вы понимаете меня, инспектор?

– Как же не понять, – откликнулся Линли.

– Я думала, если у нас появится второй ребенок, каждому из нас будет кого любить. И вот... я вновь заманила Уильяма в свою постель.

– Вновь?

– Да, вновь. Он оставил меня вскоре после рождения Джилли. Он спал где угодно – на кушетке, в хлеву, где угодно – лишь бы не со мной.

– Почему?

– Он все время отговаривался тем, что роды дались мне так тяжело и он-де не хочет, чтобы я вновь забеременела и подверглась

подобной пытке во второй раз.

– Существуют же противозачаточные средства...

– Уильям – католик, инспектор. Для него контрацептивы неприемлемы. – Она отвернулась от окна, на этот раз прямо глядя им в глаза. Свет слизнул краски с ее щек, удлинил тени от бровей и ресниц, подчеркнул складки, спускающиеся от носа к углам губ. Может быть, женщина знала об этом, но не пыталась избежать подобного эффекта, напротив, она не желала скрывать свой возраст.

– Но на самом деле теперь, когда я вспоминаю об этом, я думаю, Уильяма не столько пугало возможное зачатие, сколько сам секс. Так или иначе, я заманила его в постель, и через восемь лет после Джилли на свет появилась Роберта.

– Теперь у вас было то, чего вы желали, второй ребенок, которого вы могли любить. Почему же вы все-таки ушли от мужа?

– Потому что все началось сначала. В точности как в первый раз. Она не принадлежала мне, как и Джиллиан. Я любила моих малышей, но меня и близко к ним не подпускали, я ничего не могла сделать. Меня все равно что не было в их жизни. – Ее голос слегка дрогнул на последних словах, она изо всех сил обхватила себя руками и сумела совладать с волнением. – На мою долю оставался только Дарси. Только мои книги.

– И тогда вы решили уйти.

– Я проснулась как-то утром через несколько недель после рождения Роберты и поняла: если я останусь, я исчезну, сойду на нет. Мне было без малого двадцать пять лет. У меня было двое детей, которых мне не позволяли любить, и муж, который повадился заглядывать в Библию в поисках доброго совета на день, прежде чем надеть поутру штаны. Я выглянула из окна, поглядела на дорогу, ведущую к Хай-Кел-мур, и решила уехать в тот же день.

– Он не пытался вас остановить?

– Нет. Конечно, я хотела, чтобы он вмешался, но он не стал. Я ушла из этого дома и его жизни с одним чемоданом и тридцатью пятью фунтами в кармане. Отправилась в Йорк.

– И он не последовал за вами? Ни разу не появлялся здесь?

Она покачала головой.

– Я не сообщала ему, где я. Для него я перестала существовать, но я перестала существовать для него задолго до того, так что Уильям,

наверное, ничего и не заметил.

– Почему вы не подали на развод?

– Потому что я не собиралась вторично выходить замуж. Я поехала в Йорк, чтобы получить образование, а не нового мужа. Я хотела какое-то время поработать, накопить денег и переехать в Лондон или даже в Штаты. Но через шесть недель после того, как я добралась до Йорка, все изменилось. Я познакомилась с Расселом.

– Каким образом?

На этот раз женщина улыбнулась своим воспоминаниям;

– Археологи разбили лагерь на краю города и начали раскопки. Обнаружили стоянку викингов.

– Да, припоминаю.

– Рассел заканчивал аспирантуру в Лондоне. Он участвовал в этой экспедиции. Я просунула голову в дыру в их ограде, посмотреть, что там делается. А тут Рассел. Первое, что он сказал, увидев меня: «Иисусе, это же скандинавская богиня», и покраснел до корней волос. Кажется, я тут же в него и влюбилась. Ему было двадцать шесть лет, очки то и дело соскальзывали на самый кончик носа, брюки все перемазаны, и свитер с символикой университета. Он направился к забору, чтобы поговорить со мной, поскользнулся в грязи и распластался на животе.

– Не слишком похоже на Дарси, – мягко пошутил Линли.

– Не слишком. И тем лучше. Через месяц мы поженились.

– Почему вы не рассказали ему о Уильяме? Она нахмурилась, подыскивая слова, с помощью которых можно было бы это объяснить.

– Рассел был такой невинный. Он... он просто боготворил меня. Я казалась ему повелительницей викингов, Снежной королевой. Как могла я признаться, что у меня есть уже муж и двое детей, которых я бросила на ферме где-то среди болот?

– А что бы случилось, если бы он об этом узнал?

– Думаю, ничего страшного. Но тогда мне казалось, что все может рухнуть. Я боялась, он отвергнет меня, если узнает обо всем, что он не станет меня дожидаться, если мне придется проходить через процедуру развода. Инспектор, я нуждалась в любви – и вот она пришла. Могла ли я рисковать вновь потерять все?

– Но отсюда всего два часа пути до Келдейла. Неужели вы не боялись, что в один прекрасный день Уильям вновь ворвется в вашу

жизнь?

Вы могли даже случайно столкнуться с ним на улице.

– Уильям не покидает своих болот. Ни разу не уезжал за все те годы, что мы провели вместе. У него было там все, чего он хотел: его дети, его вера, его ферма. С какой стати он бы вздумал поехать в Йорк? К тому же сперва мы собирались поселиться в Лондоне. Там живут родители Рассела. Я и думать не думала, что он предпочтет осесть здесь. Но так уж получилось. Через пять лет у нас родилась Ребекка, а еще через полтора года Уильям.

– Уильям?

– Можете вообразить, что я почувствовала, когда Рассел решил назвать сына Уильямом в честь своего отца. Но мне пришлось согласиться.

– Значит, вы живете здесь вот уже девятнадцать лет?

– Да, – отвечала она, – сперва в маленькой квартирке в центре города, затем в домике возле Бишопторп-роуд, а в прошлом году мы купили этот дом. Мы так долго копили деньги. Рассел работал на двух работах, и я тоже – в музее. Мы были так счастливы! – Она впервые сморгнула слезы. – Так счастливы! До сих пор. А теперь вы пришли за мной. Или вы должны что-то сообщить мне?

– Вам до сих пор никто не сообщил? И вы не читали в газетах?

– О чем? Что случилось? Он... – Взгляд Тессы метался от Линли к Хейверс. Очевидно, она прочла что-то на их лицах, потому что на ее лице проступил страх. – В тот вечер, когда Рассел уехал, он был просто не в себе. Страшно злился. Я подумала, если ничего не говорить, ничего не делать, как-нибудь само рассосется. Он вернется домой и тогда...

Линли внезапно догадался, что женщина неправильно поняла, о чем идет речь.

– Миссис Маури, – сказал он, – вы знаете, что случилось с вашим мужем?

Ее глаза расширились, потемнели от тревоги.

– Рассел уехал в тот вечер, когда этот сыщик добрался до меня, – прошептала она. – Уже три недели. Он с тех пор не возвращался домой,

– Миссис Маури, – осторожно заговорил Линли, – три недели назад был убит Уильям Тейс. Это произошло в субботу ночью, между

десятью и полуночью. В этом преступлении обвинили вашу дочь Роберту.

Если полицейские ожидали, что женщина упадет в обморок, они сильно ошиблись. С минуту она молча, неподвижно смотрела на них, а потом вновь отвернулась к окну.

– Скоро Ребекка вернется, – невыразительно пробормотала она. – Она возвращается на большой перемене пообедать. Спросит насчет отца. Каждый день спрашивает. Она знает, что-то неладно, но мне удалось уберечь ее от худшего. – Дрожащая рука взметнулась к лицу. – Я думаю, Рассел поехал в Лондон. Я не стала звонить его родным, не хотела, чтобы они догадались о нашей ссоре. Но я уверена, он поехал в Лондон, к ним. Я просто уверена.

– У вас есть фотография мужа? – спросил Линли. – Вам известен адрес его родителей?

Тесса резко обернулась к нему.

– Он не мог! – страстно выкрикнула она. – Этот человек никогда не поднимал руку на своих детей. Он был страшно зол – да, не спору, – но его гнев обрушился на меня, не на Уильяма! Он бы не поехал, он бы никогда... – Она заплакала тяжелыми, мучительными слезами, впервые за эти три недели. Прижимая лоб к холодному оконному стеклу, женщина горько плакала, не надеясь уже на утешение.

Хейверс поднялась и вышла из комнаты. «Куда это она направилась?» – удивился Линли. Уж не собирается ли скрыться, как прошлой ночью из паба? Нет, вот она уже возвращается со стаканом апельсинового сока в руках.

– Молодец, Барбара, – похвалил он. Сержант кивнула, отважно улыбнулась ему и предложила напиток плачущей женщине.

Тесса приняла из ее рук стакан, сжав его ладонями, словно волшебный талисман.

– Нельзя, чтобы Ребекка застала меня в таком виде. Надо собраться. Надо быть сильной. – Сообразив наконец, что у нее в руках, она отпила глоток и скривилась. – Терпеть не могу этот консервированный сок. И зачем я держу его в доме? Правда, Расселу он нравится. Ну и ладно. – Она вновь обернулась к Линли. Теперь инспектор отчетливо различал на ее лице следы всех прожитых ею сорока трех лет. – Он не убивал Уильяма.

– В Келдейле все говорят то же самое о Роберте.

Женщина вздрогнула.

– Я не могу думать о ней как о дочери. Я виню себя в этом, но я же совсем не знаю ее.

– Миссис Маури, Роберту поместили в сумасшедший дом. Когда нашли тело Уильяма, она призналась в убийстве.

– Если она призналась в убийстве, зачем же вы приехали ко мне? Если она говорит, что убила Уильяма, значит, Рассел... – Голос ее угас. Женщина словно услышала себя со стороны и поняла, что чересчур торопится пожертвовать дочерью ради мужа.

Едва ли можно было упрекать ее за это. Линли припомнил хлев, Библию в роскошном переплете, альбомы с фотографиями, холод и тишину печального дома.

– И вы больше никогда не встречались с Джиллиан? – резко спросил он, ловя малейший жест, который подвел бы Тессу, выдал бы, что она знает о бегстве своей дочери. Нет, ничего.

– Ни разу.

– Она никогда не пыталась связаться с вами?

– Разумеется, нет. Даже если б она и хотела, Уильям бы этого не допустил.

Да уж, наверное, подумал Линли. Но ведь она сбежала из дома, она разорвала все связи с отцом, почему даже тогда она не попыталась разыскать мать?

– Религиозный маньяк! – решительно заявила Хейверс. Опять заправила волосы за уши и внимательно взгляделась в фотографии. – Но этот совсем неплох. Во второй раз Тессе повезло. Как жаль, что она не подала на развод. – С фотографии, которую Тесса отдала полицейским, улыбался привлекательный мужчина в строгом костюме – Рассел Маури, под руку со счастливой женой. Снято в Пасхальное воскресенье. Барбара убрала фотографию в папку и вновь уставилась на мелькающий за окном пейзаж. – По крайней мере теперь мы знаем, почему Джиллиан ушла из дому.

– Из-за отцовского фанатизма?

– Так мне кажется, – уверенно сказала Хейверс. – Это да в придачу второй ребенок. Восемь лет она была для своего отца светом в окошке – мать, похоже, никакой роли в этой семье не играла, и вдруг

появляется второй ребенок. Мама думала, что эта девочка будет принадлежать ей, но папочка не доверял мамочке своих детей, так что и за этой деткой он решил присматривать сам. Мамочка ушла из дому, а со временем за ней последовала и Джиллиан.

Не совсем так, Хейверс. Прошло восемь лет, прежде чем она на это решилась.

– Не могла же она убежать, когда ей едва сравнялось восемь. Она ждала своего часа и, наверное, с каждым днем все больше ненавидела Роберту, укравшую у нее папочку.

– У вас концы с концами не сходятся. Сперва вы говорите, что Джиллиан ушла, не выдержав отцовского фанатизма, а потом выясняется, что она ушла, потому что он перенес свою любовь на Роберту. И что же из этого? Либо девочка любила его и хотела вновь завоевать его любовь, либо ей надоел его религиозный фанатизм и она решила от него сбежать. Нельзя же сваливать все в одну кучу.

– Жизнь не состоит только из черного и белого! – запротестовала Хейверс. – Все бывает.

Линли покосился на нее, удивляясь внезапно прорвавшейся страстности. Грубоватое лицо побелело как мел.

– Барбара!

– Извините! Черт бы все побрал! Опять, я опять в это влипла! Зачем я только полезла! Я ничего не умею. Всегда у меня так выходит! Никогда ничего...

– Барбара! – резко повторил он. Она тупо уставилась перед собой.

– Слушаю, сэр?

– Мы обсуждаем дело, а не в суде выступаем. Очень хорошо, когда у каждого есть свое мнение. Ваша точка зрения меня весьма интересует. Мне всегда казалось полезным всесторонне обсудить дело. – По правде говоря, больше всего ему нравилось не просто обсуждать, а спорить, смеяться, внимать нежному голоску, заявляющему: «Ах, Томми, ты думаешь, ты такой умный, а я сейчас докажу, что ты ошибаешься!» – Одиночество охватило инспектора словно холодный, мокрый плащ.

Хейверс неуверенно заерзала на сиденье. Когда нет музыки, напряжение между ними нарастает.

– Я не знаю, в чем дело, – пробормотала она, – я впадаю в раж и забываю обо всем.

– Понимаю. – И он оборвал разговор, отвернул голову к боковому стеклу. На склоне холма, мимо которого они проносились в тот момент, невысокие каменные стены образовали лабиринт.

Линли думал о Тессе. Он старался понять и ее тоже, но не был к этому готов. Весь опыт его жизни, прошедшей в совсем иных условиях – поместье Хоунстоу, учеба в Оксфорде, особняк в Белгравии и даже служба в Скотленд-Ярде, – мешал ему постичь, каким образом скудная и скучная жизнь на забытой Богом ферме может подтолкнуть шестнадцатилетнюю девочку к браку как к единственной возможности устроить свою жизнь. Именно это лежало в основе всех дальнейших событий. Не романтика, не сходство с Хитклифом, каким бы близким оно ни казалось – нет, всему виной была угрюмая скука долгих дней, проведенных в однообразной домашней работе. Тут уж и не слишком привлекательный йоркширский фермер показался принцем, и из одной ямы она угодила в другую. Выскочила замуж в шестнадцать, стала матерью, не достигнув семнадцати лет. Какая женщина не мечтала бы спастись от такой участи? Но отчего же, ради всего святого, она так поспешила с повторным браком?

Хейверс вновь прервала течение его мыслей. Линли тревожно глянул на нее: маленькие капельки пота выступили у Барбары на лбу, и слова явно давались ей с трудом.

– Вот я чего не понимаю... это святилище в память Тессы. Женщина бросила его, что и говорить, у нее было для этого достаточно оснований, а он сооружает прямо-таки Тадж-Махал из ее фотографий у себя в гостиной.

Линли внезапно осенило.

– Почему мы знаем, что это сделал именно Уильям?

Хейверс в тот же момент добралась до истины.

– Это мог сделать и кто-то из девочек, – подхватила она.

– И кто, по-вашему?

– Наверняка это была Джиллиан.

– Маленькая месть? Каждый день напоминать Уильяму, что мамочка его бросила? Воткнуть ему ножик к грудь за то, что все свое время он теперь отдает Роберте?

– Вот именно, сэр! – подтвердила сержант Хейверс.

Они проехали еще несколько миль. Линли возобновил разговор:

– Хейверс, а вдруг это все же ее рук дело? Ведь она была в полном отчаянии.

– Вы имеете в виду Тессу?

– В ту ночь Рассел уехал. Она говорит, что приняла аспирин и сразу же легла спать, но некому подтвердить ее слова. Она могла поехать в Келдейл.

– Зачем ей убивать собаку?

– Пес не признал ее. Его не было на ферме девятнадцать лет назад. Тесса для него незнакомка.

– Отрубить голову первому мужу? – Хейверс озадаченно нахмурилась. – Разве не проще получить развод?

– Только не для католиков.

– Даже если и так, то, на мой взгляд, это скорее был Рассел. Кто знает, куда он отправился? – Линли не отвечал, и Барбара негромко окликнула его: – Сэр?

– Нет. – Линли продолжал неотрывно смотреть на дорогу. – Тесса права. Он поехал в Лондон.

– Почему вы так уверены в этом?

– Потому что я видел его, Хейверс. Я видел его в Ярде.

– Значит, он и впрямь решил донести на нее? Она так и думала.

– Нет, дело не в этом.

– А как насчет Эзры? – предложила новую кандидатуру Хейверс.

Линли усмехнулся в ответ.

– Уильям выскочил в пижаме на дорогу и разодрал в клочья все акварели, не обращая внимания на брань, которой осыпал его Эзра. Да, это могло бы послужить мотивом. Наверное, художнику нелегко примириться с тем, что кто-то уничтожает его труд.

Хейверс приоткрыла рот, замерла на мгновение:

– Но он был вовсе не в пижаме.

– Конечно, в пижаме.

– Нет, в халате на голое тело. Вы помните, Найджел упомянул его волосатые, как у обезьяны, ноги. Что же он делал в халате? Еще было светло, спать ложиться рано.

– Может быть, к обеду переодевался. Поднялся в свою комнату, глянул в окно, заметил, что Эзра вторгся на его землю, и выскочил в сад в чем был.

– Да, конечно, такое объяснение сойдет.

- Другие варианты?
  - Например, делал зарядку.
  - Приседания в нижнем белье? Не могу этого вообразить.
  - Или... они с Оливией? Линли вновь усмехнулся.
  - Судя по всему, что мы о нем слышали, Уильям противник добрачного секса. Не думаю, чтобы он хоть раз покусился на Оливию.
  - Как насчет Найджела Парриша?
  - Что насчет Найджела Парриша?
  - Неужели он и впрямь провожал собаку на ферму только по доброте душевной, словно маленький бойскаут? Вам не кажется, что вся эта история из пальца высосана?
  - Малость есть. Но можете ли вы себе представить, как Парриш марает свои ручки в крови Уильяма, не говоря уж о том, чтобы отрубить ему голову?
  - По правде говоря, он бы сам в обморок хлопнулся.
- И они дружно рассмеялись, впервые обретя взаимопонимание. И тут же смолкли, смущенно отводя глаза и гадая: неужели они становятся друзьями?

Линли принял решение навестить психиатрическую клинику Барнстингема. Без помощи Роберты расследование топталось на месте: только она знала личность убийцы, а может быть, и мотив преступления. Вероятно, в ее руках был и ключ к разгадке тайны исчезновения Джиллиан. Линли заранее обо всем договорился по телефону. Теперь его машина остановилась на покрытой гравием дорожке у входа в больницу. Обернувшись к Барбаре, он раскрыл свой золотой портсигар:

- Закурим?
- Спасибо, нет, сэр.

Он кивнул, окинул взглядом высившееся перед ними внушительное здание.

– Может, подождете в машине, сержант? – предложил он, поднося к сигарете серебряную зажигалку.

Барбара внимательно следила за всеми движениями своего наставника.

- С какой стати?

Он небрежно пожал плечами:

– Видик у вас еще тот. Я подумал, надо вам передохнуть.

«Видик еще тот». Жаргон выпускника частной школы. Барбара отметила, что порой он прибегает к нему, словно к маскировке. В последние дни вроде бы этого не было. Откуда вдруг вновь взялась эта интонация?

– Если уж мы перешли к комплиментам, инспектор, вы тоже, похоже, с ног валитесь. В чем все-таки дело?

Линли пристально посмотрел на себя в зеркало. Сигарета свисает с губ, глаза прищурены от дыма. Не то Сэм Спейд, не то Алджернон Монкрифф.

– Пожалуй, вы правы, сержант, – вздохнул он и всерьез занялся своей наружностью. Расправил галстук, пригладил волосы, стряхнул невидимую пылинку с пиджака. Барбара спокойно ждала. Наконец Линли обернулся к ней. Он вновь стал самим собой.

– Вчера вас что-то расстроило там, на ферме, – заговорил Линли напрямую. – Боюсь, здесь нас ждет нечто худшее, чем все, что нам довелось увидеть.

Барбара на миг оцепенела, но, пересилив себя, распахнула дверь автомобиля.

– Я справлюсь, сэр, – решительно заявила она, выбираясь на морозный осенний воздух.

– Мы держим ее под замком, – сообщил доктор Сэмюэльс, провожая Линли и Барбару по длинному коридору больницы.

Барбара плелась позади. К счастью, Барнстингемская клиника совсем не походила на «сумасшедший дом», как он представлялся Барбаре. Оно даже не слишком походило на больницу, это здание в стиле английского барокко. Через парадный вход они прошли в холл высотой в два этажа. По обеим сторонам вдоль стен поднимались стройные пилястры. «Свет и воздух» – таков был лозунг декораторов. Стены были приятного персикового оттенка, лепнина – белая, толстый ковер цветом напоминал ржавчину, и хотя портреты голландской школы были темными и мрачноватыми, казалось, что изображенные на этих портретах лица приносят извинения за свою угрюмость.

Барбара почувствовала облегчение. В первый момент, когда Линли предложил навестить Роберту, отправиться в клинику, ее охватила паника. Ожили давние, глубоко запрятанные страхи. Линли,

конечно же, это заметил. Черт бы его побрал. Ничто не ускользнет от его внимания.

Войдя в здание, Барбара почувствовала себя спокойнее. Это приятное ощущение усилилось, когда из большого центрального холла они перешли в длинный коридор. Здесь их окружали жизнеутверждающие пейзажи Констебля, вазы со свежими букетами, негромкие голоса. Откуда-то издали доносилась музыка и пение.

– Это наш хор, – пояснил доктор Сэмюэльс. – Сюда, проходите, пожалуйста.

Даже доктор Сэмюэльс действовал на нее успокоительно. Если бы они встретились за пределами этого учреждения, Барбаре и в голову бы не пришло, что перед ней психиатр. Услышишь слово «психиатр», и сразу представляешь себе кого-то, похожего на Фрейда: викторианская бородка, сигара во рту, чересчур пронизательные глаза. Сэмюэльс, напротив, выглядел как человек, предпочитающий скакать верхом или гонять на велосипеде по окрестным болотам, а не возиться со смятенными душами. Хорошо сложенный, чисто выбритый, с ловкими движениями. Барбара догадывалась, что больше всего доктора раздражают люди, чей интеллект не соответствует его собственному. Наверное, и на теннисном корте равных ему мало.

Она уже вполне освоилась в больнице, но тут Сэмюэльс отворил узкую дверь, скрытую прежде раздвижной панелью, и провел их в дальнее крыло здания. Эта охраняемая часть клиники и выглядела, и пахла в соответствии с худшими ожиданиями Барбары. Темный ковер практичного коричневого цвета. Стены выглядят как спекшийся на солнце песок, никаких украшений, однообразие прерывается лишь узкими дверьми с окошечками на уровне глаз. Воздух пропитан специфическим запахом лекарств и дезинфекции. Странное, приглушенное завывание доносится неизвестно откуда. Это ветер или что-нибудь еще?

Вот оно, сказала она себе. Вот где держат психов, вот где держат девушку, отрубившую голову своему отцу. А ведь это не единственный способ убить отца, верно, Барб?

– Она ничего не добавила к своему первоначальному заявлению, – сказал доктор Сэмюэльс Линли. – Она не в ступоре. Она просто сказала то, что хотела сказать. – Он бросил взгляд на открытую

страницу медицинской карты. – «Я это сделала. И я рада». В тот самый день, когда было найдено тело. С тех пор она молчит.

– А каков диагноз? Ее осматривал врач?

Доктор Сэмюэльс сердито поджал губы. Вторжение полицейских он рассматривал как личное оскорбление и не собирался выдавать им информацию сверх крайне необходимой.

– Ее осматривал врач, – ответил он. – Это не каталепсия и не шок. Она может говорить. Она просто не хочет.

Линли ничем не обнаружил, что резкий тон врача задел его. Он привык к подобному отношению, к стараниям показать, что полиция – не союзник, а противник, с которым нежелательно иметь дело. Замедлив шаг, Линли сообщил врачу о припасах, найденных в комнате Роберты. Ему удалось привлечь внимание собеседника: доктор, помолчав, заговорил вдумчиво, но не без некоторого раздражения:

– Не знаю, что сказать вам, инспектор. Возможно, вы правы: еда могла стать для нее навязчивой идеей. Или стимулом, или нервной реакцией. Источником наслаждения или какого-то рода компенсацией. Пока Роберта нам хоть что-нибудь не объяснит, мы можем выдвигать любые версии.

Линли предпочел сменить тему:

– Почему вы забрали ее из полиции? Кажется, это не совсем соответствует обычной процедуре?

– Вполне соответствует. Ответственное лицо подписало бумаги, – возразил Сэмюэльс. – Это частная клиника.

– Ответственное лицо? То есть суперинтендант Нис?

Сэмюэльс сердито покачал головой:

– Да нет же. Мы не принимаем пациентов у полиции. – Он быстро пролистал медицинскую карту. – Гибсон, Ричард Гибсон. Назвался ближайшим родственником Роберты. Он добился разрешения суда поместить ее в клинику и оформил все бумаги.

– Ричард Гибсон?

– Его имя стоит на анкете, инспектор, – резко отвечал Сэмюэльс. – Судебное разбирательство откладывается. Девушка находится на лечении. Прогресса пока не наблюдается, но это не значит, что в один прекрасный день не наступит улучшение.

– Но зачем Гибсону?.. – Линли задал этот вопрос скорее себе самому, чем своим спутникам, но Сэмюэльс попытался ответить ему:

– Она же его кузина. Чем скорее она вылечится, тем скорее сможет предстать перед судом. Разумеется, если не будет признана невменяемой.

– А в этом случае она останется здесь навсегда? – подхватил Линли, мрачно всматриваясь в лицо врача.

– Пока не вылечится, – Сэмюэльс подвел их к тяжелой, надежно запертой двери. – Жаль, что ей приходится находиться в одиночестве, но, учитывая все обстоятельства... – Пожав плечами, врач распахнул дверь. – Роберта, к вам пришли, – возвестил он.

На этот раз Линли выбрал Прокофьева, «Ромео и Джульетту». Музыка полилась в ту же минуту, как только они сели в машину. Вот и хорошо, подумала Барбара, вот и слава богу. Звуки скрипок и виолончелей развеют тяжкие мысли, отгонят воспоминания, отодвинут весь мир прочь. Можно полностью обратиться в слух, забыть о той девушке в больничной палате и о мужчине, сидящем возле нее в автомобиле, который пугал ее еще больше.

Даже глядя прямо перед собой, Барбара видела сильные руки, сжимавшие руль, различала на них золотые волоски, более светлые, чем на голове, видела каждый палец, каждое движение, направлявшее автомобиль обратно в Келдейл.

Линли наклонился отрегулировать звук в магнитофоне, и Барбара могла вблизи увидеть повернутое в профиль загорелое лицо. Золотая кожа, золотые волосы, карие глаза. Прямая, классическая линия носа. Твердый подбородок. Это лицо так ясно свидетельствовало об огромной внутренней силе, природу которой она не могла постичь.

Как ему это удастся?

Девушка сидела у окна, но смотрела прямо перед собой, в стену. Расплывшаяся туша, ростом под шесть футов, весом не менее пятнадцати стоунов. Она уныло сгорбилась на стуле и непрерывно раскачивалась.

– Роберта, меня зовут Томас Линли. Я приехал, чтобы поговорить с вами о вашем отце.

Девушка, будто не слыша, продолжает глядеть в пустоту.

Грязные, дурно пахнущие волосы. Они убраны с широкого, лунообразного лица назад, стянуты резинкой, но слипшиеся пряди,

вырвавшись на волю, свисают на глаза, исчезают в складках жира на шее. На этой безобразной шее совсем уж нелепой кажется тоненькая золотая цепочка, перепутавшаяся с волосами.

– Роберта, отец Харт приезжал в Лондон. Он попросил нас помочь вам. Он сказал, что вы не могли никому причинить вреда.

Никакого ответа, никакого выражения на расплывшейся физиономии. Гнойные прыщи на щеках и подбородке. Лицо заплыло так, что и не угадаешь, каким оно некогда было. Серая, грязная, осевшая, как перебродившее тесто, кожа.

– Мы разговаривали со многими людьми в Келдейле. Виделись с вашим кузеном Ричардом, с Оливией и Бриди. Знаете, Роберта, Бриди остригла себе волосы. К сожалению, неудачно. Хотела быть похожей на принцессу Уэльскую. Ее мама очень расстроилась. Она говорила, что вы были очень добры к Бриди.

Нет ответа. Чересчур короткая юбка приоткрывает белые, пухлые бедра. Роберта мерно качается на стуле, ее кожа, испещренная красными пятнами, подрагивает, как желе. Больничные тапочки ей малы, пальцы, похожие на сардельки, торчат наружу, нестриженные ногти загибаются вниз.

– Мы побывали у вас в доме. Неужели вы прочли всю вашу библиотеку? Стефа Оделл говорила, что вы одолели все эти книги. Мы были просто поражены, как их у вас много. Мы видели фотографии вашей мамы, Роберта. Красивая она, Правда?

Тишина. Руки пациентки бессильно повисли. Огромная грудь распирает дешевую ткань блузки. Пуговицы с трудом сдерживают ее плоть. Все тело содрогается, раскачивается, взад и вперед, взад и вперед.

– Наверное, вам нелегко будет об этом услышать, Роберта. Мы виделись сегодня с вашей мамой. Вы знаете, что она живет в Йорке? У вас есть еще одна сестра и брат. Ваша мама рассказала нам, как отец любил вас и Джиллиан.

Движение прекратилось. Выражение лица не изменилось, но из глаз внезапно хлынули слезы. Немые, уродливые потоки глухой скорби пролагали себе путь среди складок жира, обтекали гноящиеся прыщи. Липкая струйка потекла из носа, достигла губ, сползла дальше на подбородок.

Линли поспешно шагнул к девушке, достал из кармана белоснежный платок и начисто утер ей лицо. Взял безжизненную мягкую ладонь в свои руки и крепко пожал.

– Роберта! – Она не отвечала. – Я найду Джиллиан. – Линли выпрямился, сложил шелковый платок, украшенный монограммой, и убрал в карман.

Что говорил Уэбберли? «Вы многому научитесь, работая вместе с Линли».

Теперь она поняла. Она не могла взглянуть на него, не могла встретиться с ним глазами. Она знала, что прочтет в глазах напарника, и не могла смириться с тем, что обнаружила это качество у человека, которого раз и навсегда сочла типичным бездушным представителем высших классов.

Этот человек танцевал в ночных клубах, покорял женские сердца, расточал шутки и улыбочки, легко существовал в позолоченном мире денег и титулов. Неужели это он был сегодня с ней в Барнстингеме, полный понимания и истинного сочувствия? Немыслимо!

Линли разрушил шаблон, который Барбара столь старательно создавала в течение многих лет. Надо как можно скорее подобрать другой шаблон, иначе огонь, столько лет полыхавший в ее груди, угаснет. А если угаснет это мучительное пламя, с ним прекратится и сама ее жизнь.

Вот о чем думала Барбара, возвращаясь в Келдейл, мечтая как можно скорее избавиться от общества Линли. Но когда «бентли» въехал в деревню, Барбара поняла, что напрасно надеялась на скорое избавление: посреди моста, перегораживая дорогу, по которой должна была проехать машина, Найджел Парриш схлестнулся в неистовой ссоре с каким-то молодым человеком.

Казалось, сами деревья превратились в огромный орган. Музыка была повсюду, взмывала крещендо, чуть стихала и гроыхала вновь. Барочная композиция, роскошная, мощная, всеобъемлющая. Линли представилось, что в любой момент здесь может явиться Призрак Оперы. Едва заметив «бентли», противники разошлись. Выкрикнув напоследок какую-то угрозу в адрес Найджела Парриша, его недруг направился в сторону главной улицы.

– Придется нам побеседовать с Найджелом, – вздохнул Линли. – Вам не обязательно в этом участвовать, сержант. Отдохните.

– Я вполне могу...

– Это приказ, сержант. Черт бы его побрал!

– Слушаюсь, сэр.

Линли выждал, пока Барбара не вошла в здание маленькой гостиницы, а сам побрел через мост к причудливому небольшому коттеджу на дальнем конце деревни. Да уж, диковинное жилище. Фасад дома украшали поздние розы. Их годами никто не подстригал, и цветы буйно разрослись, почти полностью скрыв от посторонних глаз маленькие окна по обе стороны двери. Розы карабкались вверх по стене, гордо венчали карнизы и уходили вверх, все выше, покоряя крышу. Цветы превратились в сплошной ковер тревожного ярко-красного цвета. От их аромата воздух казался гуще, и сладкий запах сделался невыносимым, как зловоние. Это не было красиво – это было почти омерзительно.

Найджел Парриш уже удалился в дом. Линли последовал за ним, приостановился на пороге, осматривая помещение. Музыка продолжала греметь. Линли с изумлением уставился на источник этого музыкального извержения, мощнейшие динамики во всех углах комнаты, так что в центре ее создавался водопад, водоворот звуков, Никакой мебели, кроме нескольких стульев. До ниток протертый ковер, электроорган, магнитофон, проигрыватель, приемник.

Парриш выключил магнитофон, из которого лилась музыка. Перемотал кассету, вынул ее, убрал на место. Он делал все неторопливо, точными, рассчитанными движениями, прекрасно зная,

что Линли смотрит на него. Тем не менее он старательно разыгрывал свой спектакль.

– Мистер Парриш?

Хозяин вздрогнул и быстро обернулся. Приветливая улыбка осветила его черты. Однако руки У него тряслись – это заметили и Линли, и сам Парриш, поспешно спрятавший руки в карманы твидовых брюк.

– Инспектор! Заглянули на огонек? Жаль, что вы наткнулись на нашу свару с Эзрой.

– А, так это был Эзра.

– Да, малыш Эзра с медовым языком и медовыми волосами. Малютка настаивает на своем «праве художника» торчать в моем саду, чтобы изучать игру света на реке. Представляете себе, каков наглец? Я воспарил, наполнил свою душу музыкой Баха – выглядываю из окна, а он уже мольберт расставляет. Черт бы его побрал!

– Пожалуй, уже поздновато рисовать, – заметил Линли, подходя к окну. Отсюда не были видны ни река, ни сад. Хотел бы он знать, зачем Парришу понадобилось солгать.

– Кто ж их знает, что на уме у этих волшебников карандаша и кисти? – проворчал Парриш. – Сколько помнится, Уистлер изображал Темзу ночью.

– Не уверен, что Эзра следует по стопам Уистлера. – Линли наблюдал, как Парриш достает из кармана пачку сигарет и пытается непослушными пальцами зажечь спичку. Подойдя к нему поближе, инспектор щелкнул зажигалкой.

Глаза Парриша на миг встретили его взгляд и тут же укрылись за тонкой пеленой дыма.

– Спасибо, – поблагодарил он. – Отвратительная сцена. Что ж, я еще не поприветствовал вас в «Розовом Домике». Хотите выпить? Нет? Надеюсь, вы не против, если я себе позволю. – Он скрылся в соседней комнате. Послышался звон стекла, затем наступила пауза, и вновь перезвон бутылочного стекла, сопровождаемый тонким дребезжанием стакана. Парриш вернулся, прихватив с собой добрую порцию виски. Линли догадывался, что Парриш успел быстренько выпить в той комнате – один раз, а то и два.

– Почему вы ходите в «Голубь и свисток»? Этот вопрос застал Парриша врасплох.

– Садитесь, инспектор. Я не могу все время стоять, но меня жуть берет, как представляю, что я сяду, а вы будете нависать надо мной.

Тянет время, хитрец, подумал Линли. Однако в такую игру могут играть и двое. Инспектор подошел к проигрывателю и принялся внимательно изучать коллекцию пластинок: Бах, Шопен, Верди, Вивальди, Моцарт, а рядом – неплохое собрание современной музыки. У Парриша довольно разнообразные интересы. Линли вернулся на середину комнаты, облюбовал большой тяжелый стул, начал рассматривать потемневшие дубовые балки, поддерживавшие потолок.

– Почему вы живете в этой деревне, в глуши? Человек с таким музыкальным вкусом, с таким талантом, был бы гораздо счастливее в городе, разве не так?

Парриш резко рассмеялся, пригладил рукой и оез того безукоризненно причесанные волосы.

Пожалуй, ваш первый вопрос меня больше устраивает. Я предпочел бы ответить на него, если вы не против.

– У вас за углом «Святой Грааль», но вы пересекаете всю деревню на «старых больных ногах», чтобы выпить в другом пабе. Что вас там привлекает?

– Ровным счетом ничего. Я бы мог сказать, что мне нравится Ханна, но вы бы мне все равно не поверили. Просто я предпочитаю атмосферу «Голубя». Как-то неприятно напиваться прямо напротив церкви, а?

– Бойтесь с кем-то встретиться в «Святом Граале»? – уточнил Линли.

– Боюсь встретиться? – Глаза Парриша метнулись к окну. Раскрывшаяся роза пухлыми губами целовала оконное стекло. Ее лепестки уже увядали, внутренняя часть цветка почти почернела. Жаль, что ее прежде не срезали. Скоро этот цветок умрет. – Господи, вовсе нет. От кого мне прятаться? От отца Харта? От бедняжки Уильяма, упокой, Боже, его душу? Они со священником выпивали там разок-другой в неделю.

– Тейс вам не очень-то нравился, верно?

– Не очень. Терпеть не могу таких святош. Не знаю, почему Оливия его поощряла.

– Быть может, искала отца для Бриди.

– Наверное. Девочке и впрямь требуется мужская рука. Даже старый зануда Уильям все же лучше, чем ничего. Оливия с ней не справляется. Я бы взялся за это, да, признаться, не слишком люблю детей – не говоря уж об утках.

– Но вы в хороших отношениях с Оливией? Глаза Парриша оставались безжизненными.

– Я учился в школе вместе с ее мужем, Полом. Вот это был парень! Веселый, свойский малый.

– Он умер четыре года назад, так? Парриш кивнул:

– Болезнь Хантингтона. Под конец он не узнавал свою жену. Это было ужасно. Ужасно для всех. Эта смерть многое изменила. – Парриш несколько раз сморгнул и полностью сосредоточился на своей сигарете, а затем на своих ногтях. Хороший маникюр, отметил Линли. Его собеседник вновь широко улыбнулся. Улыбка была его главным оружием, отлично скрывавшим любое сильное чувство, которое могло бы разрушить ненадежную броню деланного равнодушия. – Полагаю, теперь вы спросите, как я провел ту роковую ночь? Буду рад представить вам мое алиби, инспектор. Было бы лучше, конечно, если бы я провел ночку в постели с местной потаскушкой, но, поскольку я не знал, что ныне усопший Уильям получит удар топором именно в эту ночь, я сидел один и играл на органе. Я был один. Но ведь я должен очистить себя от подозрений – так что, на мой взгляд, мое алиби может подтвердить каждый, кто слышал музыку.

– Сегодня музыка тоже играла, – намекнул Линли.

Парриш вроде бы и не слышал. Сделал последний глоток виски и продолжал:

– А потом я лег в постель. И снова один – Увы, всегда один.

Как давно вы поселились в Келдейле, мистер Парриш?

– А, вы снова об этом. Сейчас припомню. Почти семь лет назад.

– А что было до этого?

– А до этого, инспектор, я жил в Йорке. Преподавал музыку в школе. Могу предупредить заранее, если вы собираетесь копать в моем прошлом – я вовсе не был изгнан с позором. Я уволился, потому что сам этого захотел. Я решил поселиться в деревне. Я обрел покой. – Голос его дрогнул.

Линли поднялся:

– Что ж, оставлю вас в покое. Всего доброго. Он вышел из домика, и музыка полилась вновь, но теперь она звучала потише, а потом послышался звон разбитого стакана. Похоже, Найджел не на шутку обрадовался, избавившись от инспектора.

– Сегодня вы будете обедать в Келдейл-холле, – сообщила Стефа. – Я заказала там столик. Надеюсь, вы ничего не имеете против. – Склонив набок светловолосую голову, она задумчиво рассматривала Линли. – Думаю, именно это вам и нужно.

– Я чахну у вас на глазах?

Хозяйка захлопнула grossбух и убрала его на полку позади конторки.

– Не в этом дело. Конечно, там вкусно кормят, но важно другое. Совершенно особая обстановка. Хозяйка Холла – наша главная достопримечательность.

– У вас тут развлечений хватает, да?

– Что правда, то правда, инспектор, – расхохоталась она. – Выпьете или вы все еще «на службе»?

– Невозможно отказаться от эля Оделл.

– Отлично. – Стефа проводила гостя в зал, а сама прошла к стойке бара. – Келдейл-холл принадлежит семейству Бертон-Томас. Там работают с полдюжины молодых людей, и все они должны называть миссис Бертон-Томас тетушкой. Вот из таких мелочей и складывается неповторимая атмосфера ее дома.

– Как-то по-диккенсовски все это звучит, – согласился Линли.

Стефа поставила на столик большую кружку эля и налила себе другую, поменьше.

– Погодите, вот вы познакомитесь с ней. Миссис Бертон-Томас всегда обедает вместе со своими гостями. Я говорила с ней по телефону, когда заказывала столик. Она вне себя от восторга, что к ней заявятся детективы из Скотленд-Ярда. Чего доброго, отравит кого-нибудь, лишь бы посмотреть на вашу работу. Правда, гостей там сейчас немного, всего две парочки – американский дантист с женой и пара молодоженов.

– Да, пожалуй, вечер нам понравится. – Линли со стаканом в руке отошел к окну и поглядел вдаль, в сторону Келдейл-Эбби-роуд. Дорога

была почти не видна отсюда – сразу сворачивала направо и растворялась в вечерних сумерках.

Стефа подошла к нему. Несколько мгновений она молчала, а потом тихо произнесла:

– Вы виделись с Робертой.

Линли быстро обернулся, но она уставилась в свой стакан, медленно поворачивая его на ладони, будто пытаясь удержать стакан в равновесии, не пролить ни капли.

– Как вы узнали?

– Она еще девочкой была очень высокая. Догоняла Джиллиан. Большая девочка. – Влажной рукой, только что державшей стакан, Стефа убрала прядь волос со лба. На коже остался чуть заметный сырой след, и она нетерпеливо стерла его. – Все происходило постепенно. Сперва она стала полненькой, пухленькой. А потом сделалась... вы сами видели. – По ее телу прошла дрожь отвращения. Словно извиняясь за эту реакцию, Стефа пояснила: – Ужасно с моей стороны, да? Не могу побороть брезгливость к любому уродству. По правде сказать, я сама себя за это осуждаю.

– Вы мне так и не ответили.

– Разве? А о чем вы спрашивали?

– Как вы узнали, что я видел сегодня Роберту?

Щеки Стефы слегка заалели. Она начала переминаться с ноги на ногу. Ей было явно не по себе, и Линли устыдился собственной настойчивости.

– Это не так важно, – сказал он.

– Просто вы выглядите... не так, как с утра. Словно тяжесть на вас навалилась. Морщины прорезались в уголках рта. – На гладкой коже все отчетливей проступал застенчивый румянец. – Прежде их не было.

– Ясно.

– Вот я и подумала; наверное, вы встречались с ней.

– Вы сразу же угадали.

– Похоже на то. Я хотела понять, как вы выносите чужое уродство, уродство чужой жизни.

– Я уже несколько лет этим занимаюсь. Приходится привыкать, Стефа. – Перед его умственным взором замелькали непрошенные воспоминания: крупный мужчина, задушенный за столом в своем

кабинете; неподвижное тело чумазой девчонки с воткнутым в вену шприцем; зверски изувеченный и замученный насмерть юноша... Можно ли привыкнуть к темной стороне человеческой души?

Стефа с неожиданной откровенностью посмотрела ему прямо к глаза:

– Это же все равно что в ад заглядывать.

– Вроде того.

– Но почему вы не бросили все это? Не бежали прочь сломя голову? И никогда не пытались? Ни разу?

– Невозможно всю жизнь убегать.

Стефа отошла от него, снова обернулась к окну.

– Я пытаюсь, – прошептала она.

Резкий стук в дверь. Барбара чуть не выронила сигарету – третью подряд. Панически озираясь, распахнула окно и побежала в туалет смывать губительную улику в унитаз. В дверь снова постучалию Линли окликнул ее по имени.

Барбара открыла дверь, Линли задержался на пороге, с любопытством заглядывая в комнату через ее плечо.

– Послушайте, Хейверс. Мисс Оделл решила, что нынче мы нуждаемся в более сытном ужине. Она заказала нам столик в Келдейл-холле. – Глянув на часы, он уточнил: – Через час.

– Что? – Барбара не сумела скрыть ужас и замешательство, – У меня нет... я не могу... я не стану..

Линли только бровь приподнял:

– Не стройте из себя Хелен. Сейчас вы еще скажете, что вам нечего надеть.

– Так оно и есть! – настаивала она. – Вы идите, а я перекушу в «Голубе и свистке».

– Вчера вы были не в восторге от тамошнего меню.

Это уже удар ниже пояса. Черт бы его подрал!

– Ненавижу курицу. Никогда ее не ем.

– Вот и хорошо. Насколько мне известно, повар в Келдейл-холле настоящий гурман. Мы там и перышка не увидим, разве что Ханну позовут прислуживать.

– Я просто не могу!

– Это приказ, Хейверс! Через час. – Он развернулся на каблуках и вышел.

Черт бы его побрал! Барбара громко хлопнула дверью, пытаясь хоть так выразить свое негодование. Просто великолепно! Какой ужин ее ждет – шестнадцать серебряных ножей и вилок, целый ряд бокалов и рюмок, официанты и официантки убирают ножи и вилки прежде, чем успеешь сообразить, какой из них надо воспользоваться. Лучше уж курица с горохом в «Голубе и свистке».

Одним движением Барбара распахнула дверцы шкафа. Замечательно! Что же Барбара Хейверс наденет на вечер, где ей предстоит непринужденно общаться со знатью? Коричневую юбку из твида и свитер ей в тон? Джинсы и походные ботинки? Есть еще синий костюмчик – точь-в-точь как у Хелен. А! Ей ли равняться с Хелен, всегда элегантно одетой, безукоризненно подстриженной, ухоженной?

Барбара выхватила из шкафа короткое белое шерстяное платье и бросила его на смятую постель. Просто смешно! Неужели кто-нибудь вообразит, будто Линли ухаживает за ней? Аполлон пригласил на обед Медузу Горгону! Стерпит ли он косые взгляды и смешки?

Ровно через час Линли, верный своему слову, вновь постучал в дверь. Барбара поглядела в зеркало. Желудок сводили нервные спазмы. Господи, какой ужасный наряд. Точно побеленная бочка на ножках. Рывком распахнув дверь, Барбара сердито уставилась на Линли. Тот, как обычно, казался щеголем.

– Вы всегда возите с собой такую одежду? – недоверчиво спросила она.

– Как настоящий бойскаут, – рассмеялся он. – Идем?

Он галантно сопровождал Барбару вниз по ступенькам и вывел ее на улицу, в вечерние сумерки. Отпер машину, помог ей забраться на удобное кожаное сиденье. Истинный джентльмен, – насмешливо думала она. На автопилоте. Забудьте о Скотленд-Ярде! Владелец поместья вступил в свои права.

Будто угадав ее мысли, Линли обернулся к ней:

– Хейверс, я бы предпочел сегодня не обсуждать наше расследование.

О чем же они станут говорить, если не об убийстве?

– Хорошо, – не раздумывая, отвечала она. Линли кивнул и повернул ключ зажигания.

Огромный автомобиль ожил.

– Мне нравятся эти места, – заговорил он, неторопливо проезжая по Келдейл-Эбби-роуд. – Вам не говорили, что я – преданный сторонник Йорков?

– Сторонник Йорков?

– Война Алой и Белой розы. Сейчас мы находимся в местах тех давних сражений.

– Вот как! – выдавила из себя Барбара. Этого еще не доставало. Урок истории. Она не помнила о Войне Алой и Белой розы ничего, кроме ее названия.

– Почему-то считается обязательным ругать Йорков. Конечно, они расправились с Генрихом Шестым. – Линли задумчиво постукивал пальцами по рулю. – Однако я все думаю, в этом тоже проявилась своего рода справедливость. Две ветви династии Плантагенетов, Ланкастеры и Йорки, почти сто лет истребляли друг друга. Ричарда Второго убил его двоюродный брат. Смерть Генриха Шестого замкнула порочный круг, а престол в результате достался Тюдорам.

Барбара, вздыхая, перебирала пальцами складки белого платья. Придется капитулировать.

– Послушайте, сэр, я в этом совершенно не разбираюсь. Я... право, мне было бы лучше пойти в «Голубь и свисток». Прошу вас...

– Барбара! – Машина резко затормозила. Барбара чувствовала, что Линли пристально смотрит на нее, но сама она уставилась в темноту, пересчитывая мелких мотыльков, кружившихся возле фар. – Неужели вы не можете хотя бы один вечер быть самой собой? Быть такой, какая вы есть.

– Это какой же? – Голос ее сделался пронзительным.

– Перестаньте притворяться. Будьте так добры.

– Притворяться?

– Будьте самой собой!

– Что, собственно, вы имеете в виду?

– Зачем вы делаете вид, будто вы не курите? – Этот вопрос ошеломил ее.

– Зачем вы делаете вид, будто вы – фат из частной школы? – парировала она, сама дивясь резкости своих слов. Линли с минуту помолчал, словно обдумывая ответ.

Непродолжительная тишина. Запрокинув голову, Линли расхохотался:

– Сдаюсь! Давайте заключим перемирие на этот вечер? С утра мы сможем снова от души ненавидеть друг друга.

Барбара хотела было что-то буркнуть в ответ, но, вопреки самой себе, улыбнулась. Она чувствовала, что напарник вертит ею, как хочет, но это было не так уж плохо.

– Ладно, – брюзгливо согласилась она. Ни один из них так и не решился ответить на заданный ему вопрос.

В Келдейл-холле их встречала хозяйка, чья эксцентричность превзошла самые смелые ожидания. Юбку неопишемого цвета основательно поела моль; цыганистую блузу украшали звезды, на плечи мадам, словно индейское пончо, накинула большую шаль с бахромой. Серые волосы были стянуты хвостиками. Прическу дополнял великолепный испанский черепаховый гребень, бог ведает как державшийся на затылке.

– Скотленд-Ярд? – спросила она, критически оглядывая Линли с ног до головы. – Во времена моей молодости полицейская форма была попроще! – Тут хозяйка бурно расхохоталась. – Проходите! У нас сегодня народу мало, но если б не вы, я бы сама решилась на убийство.

– Почему же? – поинтересовался Линли, пропуская Барбару вперед.

– Я бы с радостью прикончила моих американских постояльцев. Но бог с ними. Скоро сами увидите. Вот наша столовая. – Миссис Бертон-Томас провела гостей в большой каменный зал, куда доносился Из кухни запах жареного мяса. – Я никому не говорила, что вы из Скотленд-Ярда, – во весь голос заявила она и передернула плечами, поправляя шаль. – Познакомьтесь с Уотсонами – поймете почему. – И уже в глубине столовой, где высокие свечи отбрасывали тени на стену и покрытый льняной скатертью, уставленный фарфором и серебром стол, хозяйка добавила: – Другая пара – новобрачные из Лондона. Эти мне нравятся. Не щупают друг друга на людях, как это теперь принято у молодых парочек. Тихие такие, милые. Наверное, не хотят привлекать к себе лишнее внимание, ведь муж-то калека. А жена такая красotka.

Даже Барбара услышала, как Линли резко втянул в себя воздух, замедлив шаги.

– Кто они такие? – хрипло спросил он. Миссис Бертон-Томас уже приблизилась ко входу в дубовый зал.

– Их фамилия – Алкерт-Сент-Джеймс! – громогласно пояснила она, распахивая дверь. И, обращаясь к собравшимся в зале, объявила: – К нам гости!

Зрелище, открывшееся Барбаре, напоминало старинную фотографию. Ярко горел огонь, пламя, хищно шипя, пожирало угли. Вокруг камина уютно расставлены стулья. В дальнем конце комнаты у рояля, наполовину укрывшись в тени, Дебора Сент-Джеймс с наслаждением перебирает страницы семейного альбома. Она оглянулась с улыбкой. Мужчины поднялись на ноги. И тут картина ожила.

– Боже! – шептал Линли – то ли молитву, то ли проклятие, то ли жалобу.

Барбара удивленно обернулась к нему – и все поняла. Как же она раньше не догадалась! Линли был влюблен в жену своего друга.

– Эй, вы! Вот так костюмчик! – рявкнул Хэнк, протягивая руку Линли. Какая жирная, потная ладонь! Словно сырую рыбу в руке сжимаешь. – Дантист! – представился американец. – Был тут на конференции в Лондоне. Поездка бесплатная. Это моя супружница Джо-Джо.

Взаимное представление прошло более-менее успешно.

– Я всегда подаю шампанское перед обедом, – пророкотала миссис Бертон-Томас. – Я бы и перед завтраком его подавала, да правила не позволяют. Дэнни, тащи выпивку! – рявкнула она в пространство, и секунду спустя девушка доставила шампанское в ведерке со льдом и высокие бокалы.

– А вы чем занимаетесь, приятель? – после первого же глотка поинтересовался Хэнк. – Я-то думал, наш Сай типа профессора в университете. Прямо гусиной кожей покрылся, как узнал, что он трупы потрошит.

– Мы с сержантом Хейверс работаем в Скотленд-Ярде, – ответил Линли.

– Слышь, Горошинка? Нет, ты слышала, женщина?! – Он с любопытством уставился на Линли. – Расследуете ту историю с младенцем?

– С младенцем?

– Трехгодичной давности. Пожалуй, след уже остыл. – Подмигнув, Хэнк указал на Дэнни, ставившую на лед очередную бутылку шампанского. – Мертвый подкидыш в аббатстве. Ну, вы же знаете.

Линли понятия не имел, о чем речь, и совершенно не хотел этого знать. Ответить на вопросы Хэнка он не смог бы даже ради спасения собственной жизни. Он не знал, куда девать глаза, о чем говорить, куда спрятаться. Он ощущал лишь одно – присутствие Деборы.

– Мы расследуем дело об отрубленной голове, – непривычно вежливо сообщила Хейверс.

– 0-без-гла-ви-ли? – по слогам выговорил Хэнк, – Вот так местечко мы выбрали! А, Горошинка?

– Да уж, – торжественно кивнула головой жена, перебирая пальцами длинную нить жемчуга, украшавшую ее грудь и шею, и с надеждой поглядывая на молчаливого Сент-Джеймса.

Хэнк качался на стуле, стараясь как можно ближе подобраться к Линли.

– Ну же, дайте нам информацию! – потребовал он.

– Что-что?

– Информацию! Самую надежную, проверенную, гарантированную информацию! – Хэнк шлепнул ладонью по подлокотнику кресла. – Так кто это сотворил?

Вот только этого ему и не хватало: любоваться, как противный коротышка расплывается в улыбке, предвкушая смачные подробности. Одет в синтетический костюм и рубашку с цветочным узором, на шею повесил толстую золотую цепочку с медальоном – как только медальон не запутается в густом подшерстке у него на груди? На пальце сверкает бриллиант размером с лесной орех, а зубы кажутся неправдоподобно белыми на фоне загара. Нос картошкой, черные волоски в вывернутых ноздрях.

– Мы еще не вполне уверены, – ответил Лин-ли. – Однако вы вполне подходите под описание.

Хэнк тупо уставился на него.

– Подхожу под описание? – завохтал он. Присмотрелся к Линли повнимательней и осклабился. – Чертовы британцы! Никак не привыкну к вашему юмору. Но я прогрессирую, верно, Сай?

Линли наконец отважился взглянуть на своего друга и подметил его улыбку. Глаза Сент-Джеймса смеялись.

– Верно, верно, – подхватил «Сай».

Они возвращались в гостиницу уже затемно. Барбара исподтишка присматривалась к Линли. Никогда бы в жизни она не поверила, что такой человек мог потерпеть разочарование в любви. Но сегодня вечером в богом забытой деревушке она наткнулась на неоспоримое доказательство. Дебора.

Там, в зале, был ужасный момент, когда все трое немо уставились друг на друга и никто не находил слов. Тогда Дебора шагнула вперед с приветливой улыбкой, протянула руку.

– Томми! Как тебя занесло в Келдейл? – спросила она.

Линли совершенно растерялся. Барбара видела его смятение и поспешила на помощь.

– Расследование, – кратко пояснила она.

И тут на них набросился этот жуткий маленький американец – в кои-то веки его вмешательство пришлось кстати, – и все с облегчением вздохнули.

Сент-Джеймс так и остался сидеть у огня. Он вежливо поздоровался с другом, но почти не шевелился, глаза его неотступно следовали за женой. Если внезапное появление Линли как-то обеспокоило его, если ничем не скрытые чувства Линли пробудили в новобрачном ревность, на лице его это никак не отразилось. Из двоих супругов явно больше расстроилась Дебора. Она покраснела, руки ее то сжимались на коленях, то падали бессильно, взгляд беспокойно перебегал с одного мужского лица на другое. Когда Линли сообщил, что они с Барбарой удалятся сразу же после ужина, Дебора не сумела скрыть облегчения.

Автомобиль подъехал к гостинице, Линли выключил зажигание, потянулся, потер глаза.

– Кажется, я бы мог целый год проспать. Как вы думаете, каким способом миссис Бертон-Томас избавится от этого ужасного дантиста?

– Пустит в ход мышьяк? Он рассмеялся:

– Придется ей что-то с ним сделать. Он, похоже, готов еще на месяц тут застрять. Эдакое чучело!

– Да уж, в медовый месяц такой сосед ни к чему, – согласилась Барбара. Интересно, решится ли Линли продолжить эту тему? Скажет что-нибудь о Сент-Джеймсе и Деборе и странном совпадении, которое вновь свело их вместе? Скажет ли хоть что-нибудь о том, как он оказался в наименее удачной точке любовного треугольника?

Разумеется, он ничего не ответил. Вышел из машины и захлопнул дверь. Барбара продолжала наблюдать за ним. Нерушимое спокойствие. Полный контроль над чувствами. Все как положено выпускнику частной школы.

Дверь гостиницы распахнулась, и, обрамленная квадратом света, перед ними предстала Стефа Оделл.

– Я так и подумала, что это вы, – сказала она. – У вас гость, инспектор.

Дебора рассматривала свое отражение в зеркале. С тех пор, как Саймон вошел в комнату, он не произнес ни слова. Подошел поближе к огню, устроился в кресле со стаканом бренди. Дебора поглядывала на него, не зная, что сказать, не отваживаясь разрушить внезапно возведенную им преграду. «Не надо, Саймон! – молила она про себя. – Не отгораживайся от меня! Не уходи назад, во тьму». – Но может ли она произнести эти слова вслух, рискуя, что в ответ он упомянет Томми?

Дебора повернула кран и рассеянно уставилась на струю воды. О чем он там думает в одиночестве? Неужели призрак Томми преследует его? Уж не думает ли он, что Дебора закрывает глаза, когда они занимаются любовью, чтобы вообразить рядом с собой Томми? Он никогда ни о чем ее не спрашивал. Никогда. Он принимал все, что она говорила, все, что исходило от нее. Что же сказать или сделать теперь, когда их с Томми прошлое встало между нею и мужем?

Дебора поплескала водой на разгоряченное лицо, вытерла его, выключила воду и принудила себя вернуться в комнату. Она увидела, что Саймон уже лег в постель, и сердце ее упало. Тяжелый протез он оставил на полу у кресла, костыли прислонил к стене возле кровати. В комнате было темно, но при свете догорающего в камине огня Дебора разглядела, что Саймон еще не спит. Он даже не лег – сидел, опираясь на подушки, созерцая игру пламени.

Дебора подошла к постели, присела на краешек.

– Я растерялась, – пожаловалась она. Муж ощупью нашел руку жены.

– Я понимаю. Я все думал, чем тебе помочь. Но не знаю, что тут поделывать.

– Я причинила ему боль, Саймон. Мне этого вовсе не хотелось, но так получилось, и я не могу притвориться, будто ничего не происходит. Я увидела его сегодня, и мне стало так больно из-за того, что он мучится. Как бы я хотела все исправить! Саймон коснулся ладонью ее щеки, обвел пальцем губы.

– Не так-то это просто, любовь моя. Тут ничего не исправишь. Ты ничем не поможешь ему. Ему; придется самому справиться с этим. Нелегко, конечно, потому что он влюблен в тебя. И оттого, что у тебя на пальце теперь обручальное кольцо, ничего не изменилось.

– Саймон...

Он не позволил ей договорить.

– Меня больше беспокоят твои чувства. Я вижу, ты во всем винишь себя. Я бы хотел взять на себя твою боль, да не знаю как. Мне больно смотреть, как ты мучишься.

Дебора стала гладить его лицо. Знакомые линии и черты. Прикосновение к ним возвращало покой. Какое некрасивое лицо. На нем – следы мучений, пережитых, преодоленных и возвращавшихся вновь. Сердце ее переполнилось любовью. Горло перехватила судорога.

– Ты сидел тут, в темноте, и думал обо мне? Как это похоже на тебя.

– А что тебе показалось? Что, по-твоему, делал?

– Я боялась, ты... ревнуешь к прошлому.

– А! – Саймон прижал ее к себе, потерся щекой о ее висок, – Не стану тебе лгать, Дебора. Мне не так-то просто справиться с тем, что ты любила Томми. Будь на его месте другой человек, я мог бы убедить себя, что он был недостоин тебя. Но ведь это вовсе не тот случай, верно? Томми – хороший человек. Он вполне заслуживает любви. Кому это знать, если не мне.

– Значит, прошлое и вправду преследует тебя? Я этого боялась.

– Нет, не преследует. Вовсе нет. – Его пальцы легонько пробежали по волосам жены, начали ласкать ее шею, понемногу спуская с плеч ночную рубашку. – Сперва – да. Готов в этом признаться. Но в самый

первый раз, когда мы любили друг друга, я понял, что больше никогда не стану вспоминать про твои отношения с Томми. Мне это ни к чему. А теперь, – тут она почувствовала, что муж улыбается, – теперь каждый раз, когда я смотрю на тебя, я могу думать только о настоящем. Я хочу раздеть тебя, вдохнуть аромат твоей кожи, целовать твой рот, твою грудь, твои бедра. Вечное воздержание становится для меня серьезной проблемой.

– И для меня тоже.

– Итак, любовь моя, – голос Саймона перешел в шепот, – давай-ка вместе поищем какое-нибудь решение.

Рука Деборы скользнула под покрывало. Саймон затаил дыхание, всей кожей впитывая ее прикосновение.

– Неплохое начало, – похвалил он, принося устами к ее устам.

Посетителем, ожидавшимся Линли и Хейверс, оказался суперинтендант Нис. Он успел осушить три пинты эля, так и не присев – напряженный, бдительный, угрюмый. При виде Линли он еще больше поджал губы, и его тонкие ноздри затрепетали, словно почуяв мерзкий запах.

– Вам требовалось все, инспектор, – буркнул он. – Получите! – И он резко пнул стоявшую у его ног картонную коробку, не подвигая ее Линли, а лишь пренебрежительно на нее указывая.

Линли и Барбара застыли на месте, будто ненависть, прозвучавшая в словах Ниса, околдовала их. Барбара чувствовала, как в Линли нарастает напряжение, туго натягивая все мышцы его тела. Однако лицо его оставалось бесстрастным.

– Вы этого хотели, так? – злобно настаивал Нис. Подняв коробку, он высыпал ее содержимое на ковер. – Раз уж человек говорит «все», стало быть, он получит все. Вы же у нас человек слова, верно? Или вы рассчитывали, что я пришлю вам посылку с курьером, так что вам не придется лишний раз общаться со мной?

Линли опустил взгляд на ковер. Кажется, это предметы женской одежды.

– Похоже, вы чересчур много выпили, – вежливо предположил он.

Нис шагнул вперед, кровь кинулась ему в лицо.

– Вы только об этом и мечтаете, да? Не иначе, я должен запить с горя, что вам пришлось два дня посидеть, когда мы расследовали дело Давенпорта. Его милость к такому обращению не привыкли, верно?

Барбара совершенно отчетливо ощущала, что Нис испытывает потребность ударить своего противника, она чувствовала в нем первобытную жестокость, делавшую эту угрозу вполне реальной. Он стоял, выдвинув одну ногу вперед, длинные хищные пальцы уже начали сжиматься в кулак, на шее вздулись вены. Но гораздо больше Барбару удивляла реакция Линли. Он уже преодолел первоначальное напряжение и держался с прямо-таки противоестественным спокойствием. Именно это, по-видимому, и доводило Ниса до исступления.

– Вы уже разгадали эту загадку, инспектор? – издевался Нис – Кого-нибудь арестовали? Ах, ну конечно же, нет. Вам же не хватало фактов. Так позвольте сообщить вам факты, и покончим с этим. Роберта Тейс прикончила своего отца, отрубила ему голову на фиг, уселась рядом и стала ждать, чтобы ее обнаружили. Можете высосать из пальцев сколько угодно «фактов», ничего другого вы не придумаете. Никому это не нужно – ни Керриджу, ни Уэбберли, Можете поразвлекаться, копаясь в этом дерьме. Я вам больше ничего не должен. Все, хватит с меня.

С этими словами Нис вышел из комнаты, распахнул парадную дверь и яростно зашагал к своей машине. Автомобиль взревел. Нис изо всех сил нажал педаль газа и скрылся из виду.

Линли оглянулся на женщин. Стефа сильно побледнела, Хейверс сохраняла спокойствие, но обе явно чего-то ожидали от него. Линли понял, что не готов обсуждать происшедшее. Не хотелось гадать, что за бес вселился в Ниса. Можно было бы навесить на него ярлыки – параноик, психопат, маньяк. Все эти слова так и просились на язык. Но Линли слишком хорошо знал, что напряжение и нервное истощение во время расследования могут довести человека до срыва. Он понимал, как Ниса терзает мысль о том, что Скотленд-Ярд вторгся в пределы его компетенции. Стало быть, если Нису воспоминание о скандале пятилетней давности приносит хоть малейшее облегчение, пусть себе тешится.

– Принесите, пожалуйста, дело Тейса из моей комнаты, сержант, – попросил он. – Папка лежит на комодe.

– Сэр, – вскинулась Хейверс, – этот человек только что...

– На комодe, – повторил Линли. Он подошел к груде одежды, валявшейся на полу, подцепил платье и разложил его на кровати, точно снятую с кольшек палатку. Неопределенного цвета, с белым отложным воротником и длинными рукавами с белыми манжетами.

Левый рукав этого одеяния был густо вымазан какой-то коричневой массой. Большое пятно и множество брызг покрывали платье от линии бедер до колен. Отдельные брызги на подоле. Кровь.

Линли пощупал материал и, не глядя на ярлык, определил ткань – батист.

Вместе с платьем Нис доставил и обувь – большие черные туфли на высоком каблуке, вымазанные грязью и кровью. Рядом лежало

нижнее белье.

– Это ее воскресное платье, – сказала Стефа и невыразительным голосом прибавила: – У нее их два. Зимнее и летнее.

– Ее лучший наряд? – уточнил Линли.

– Да, насколько мне известно.

Линли начал догадываться о том, почему деревня упорно не признавала, что девушка могла совершить это преступление. Все добытые им факты противоречили этому страшному предположению. Хейверс с застывшим выражением лица вернулась с папкой в руках. Линли принялся перелистывать документы, хотя заранее знал, что не найдет там того, что ему нужно. Так и вышло.

– Черт его побери! – подавленно пробормотал он, оглядываясь на Хейверс. – Нис не привез результаты анализа этих пятен.

– Он должен был сделать анализ, правда? – сказала Хейверс.

– Конечно, он его сделал. Но он не намерен отдавать результаты нам. Не хочет облегчать нам задачу. – Линли еще раз негромко выругался и уложил платье обратно в картонную коробку.

– Что же делать? – спросила Хейверс.

Линли знал, что делать. Ему понадобится помощь Сент-Джеймса, его точный, тренированный ум, выработанные неустанным трудом быстрота и надежность. Понадобится лаборатория, чтобы быстро провести необходимые анализы, и нужен эксперт, которому он мог бы всецело доверять. А значит, чего бы это ему ни стоило, придется обратиться к Сент-Джеймсу.

Линли уставился на стоявшую у его ног картонку и попытался отвести душу, проклиная ричмондского полицейского, Уэбберли ошибся, думал он. Не следовало ему подключать меня к этому делу. Нис чересчур хорошо разгадал этот намек. Я – напоминание о его единственной серьезной ошибке.

Какой же выход? Можно передать дело другому инспектору Скотленд-Ярда. Макферсон по первому требованию явится в Келдейл и за пару дней наведет тут порядок. С другой стороны, Макферсон занят расследованием подвигов Потрошителя. Нельзя же отрывать его от столь важного дела лишь потому, что Нис не в состоянии примириться с собственной неудачей. Что еще? Можно позвонить Керриджу. Как-никак Керридж – непосредственный начальник Ниса. Но вовлекать в дело Керриджа, предоставляя ему шанс отомстить

Нису за дело Романив, было бы еще глупее тем более что и Керридж не располагает результатами лабораторных исследований. Керридж исходит ненавистью к Нису и готов в любой момент с ним разделаться. Эта ситуация сама по себе могла довести до сумасшествия. Оскорбленное самолюбие, человеческие слабости, потребность в мести – все смешалось воедино. Линли просто тошнило от этого.

Чья-то рука поставила перед ним стакан, Он поднял глаза и встретился взглядом со спокойным взглядом Стефы.

– Глоточек «Оделл» вам не повредит. Он усмехнулся;

– Выпейте и вы, сержант.

– Нет, сэр, – ответила Хейверс. Он ожидал, что она, как всегда, укроется за своим «я при исполнении», но Барбара неожиданно добавила: – Если вы не возражаете, я закурю.

Он протянул ей свой золотой портсигар и серебряную зажигалку.

– Прошу вас. Барбара прикурила.

– Неужели она нарядилась, чтобы отрубить папочке голову? Бессмыслица какая-то.

– Не совсем, – возразила Стефа.

– То есть?

– Воскресенье. Она шла в церковь.

Линли и Хейверс сразу же оценили значение этих слов. Однако...

– Но ведь его убили в ночь на воскресенье! – сказала Хейверс.

– А Роберта поднялась утром, надела праздничное платье и стала ждать отца. – Линли глянул на сложенное в картонной коробке платье. – Дома его не было, и девушка решила, что отец отлучился по хозяйству. Она нисколько не волновалась – знала, что он вернется вовремя и они вместе отправятся в церковь. Наверное, он ни разу в жизни не пропустил воскресную мессу. Но отец все не возвращался, и она начала беспокоиться. Она пошла поискать его.

– И нашла его в хлеву, – подхватила Хейверс. – Но каким же образом на платье попала кровь?

– Наверное, она была в шоке. Она приподняла тело, уложила к себе на колени.

– У него не было головы! Как она могла...

– Потом она опустила тело на пол и осталась сидеть там, пока ее не нашел отец Харт.

– Так почему же она сказала, что убила его?

- Этого она не говорила, – возразил Линли.
- То есть как?
- Она сказала: «Я сделала это. И я не жалею». – Голос Линли звучал все уверенней.
- По-моему, это и есть признание.
- Это не признание в убийстве. – Линли осторожно провел пальцем по пятну на платье, прикинул расстояние между брызгами на юбке, одним мы можем быть уверены.
- В чем же?
- Роберта прекрасно знает, кто убил ее отца.

Линли проснулся внезапно, как от толчка. Утренний свет струился в комнату, ложась тонкими полосами на пол и кровать. Легкий ветерок играл занавесками, через открытое окно доносились радостные голоса птиц и отдаленное блеяние овец. Ничего этого Линли не замечал, Он лежал в постели, погружившись в глубокое, безнадежное отчаяние. Неутолимое желание жгло его. Он хотел повернуться на бок и прижать ее к себе, хотел увидеть ее пышные волосы на подушке, хотел увидеть, как сомкнутые веки берегут ее сон. Он хотел нежными ласками разбудить Дебору, ощутить губами и языком, как согревается, разгорается в порыве страсти ее кожа.

Линли резко отбросил одеяло. Это безумие! Поспешно, невнимательно начал одеваться, хватая что под руку подвернется. Бежать, бежать!

Схватив в охапку свитер, он выскочил из комнаты, с грохотом спустился по лестнице и вырвался на улицу. Только тут он посмотрел на часы. Половина седьмого.

Густой туман лежал в долине, смягчая, размывая прямые линии зданий, тяжелым одеялом укутывая реку. По правую руку простиралась пустынная улица. Далее зеленщик не выставлял еще свой товар на обочине. Окна салона красоты «У Синджи» были темны, методистская церковь заперта на замок, чайная не проявляла интереса к столь раннему гостю.

Линли прошел к мосту, там минут пять постоял праздно, швыряя камушки в воду, пока величественный храм на горе не притянул его взгляда.

С высоты холма церковь Святой Екатерины мирно взирала на деревню. Вот что поможет ему изгнать демонов прошлого. Линли решительно зашагал к храму.

Небольшое, на редкость гармоничное здание. Вокруг деревья, старое, несколько запущенное кладбище. Великолепный норманнский свод поднимается к небу. В апсиде полукруглые витражи, с другой стороны храма – высокая колокольня, где воркуют голуби. Линли полюбовался их прогулками по скату крыши, а затем по усыпанной гравием дорожке направился к кладбищу. Маленькая калитка пропустила его в мир тишины и покоя.

Он принялся бродить среди могил, пытаясь прочесть на надгробьях надписи, полустертые временем. Кладбище заросло травой и сорняками, под ногами была утренняя сырость. Могильные камни густо обросли мхом. Здесь, в густой тени деревьев, в земле, не знавшей солнца, покоились люди, которых все давно позабыли.

В некотором удалении от церкви виднелась купа переплетшихся ветвями кипарисов. Возле их корней приютилось еще несколько надгробий. Эти искривленные деревья казались таинственно очеловеченными, словно они умышленно скрывали таившиеся в их тени могилы. Заинтересовавшись этим зрелищем, Линли пошел туда и наткнулся на нее.

Только она может так небрежно закатать до колен потертые голубые джинсы, снять ботинки и босиком шлепать по высокой сырой траве, подбирая наилучший угол и освещение для съемки. Только она может столь самоотверженно забыть обо всем: о грязи, заляпавшей ее ногу от щиколотки до икры, о красных листьях, запутавшихся в волосах. Она и его не замечала, хотя Линли стоял в десяти шагах от нее, впивая каждое ее движение и безнадежно мечтая вновь вернуть ее в свою жизнь.

Туман стелился клочьями, то густея, то почти исчезая. Лучи утреннего солнца слегка поблескивали на камнях. Любопытная пичужка уставилась на него с соседнего надгробья. Линли едва замечал все эти подробности, но он знал, что Дебора запечатлеет их все.

Где же Сент – Джеймс? Наверняка сидит где-то поблизости, с нежностью наблюдая за хлопотами жены. Нет, что-то его не видно. Дебора здесь совсем одна.

Линли показала, что церковь обманула его – посулила утешение и покой, а вместо этого... Что же делать, Дебора, думал он, глядя на нее. Я не могу смириться с этим. Я хочу, чтобы ты бросила его. Чтобы ты его предала. Вернись ко мне. Ты должна быть со мной.

Она подняла голову, смахнула с лица волосы и только теперь заметила его. Судя по выражению ее лица, она прочла его мысли столь же отчетливо, как если бы он высказал их вслух.

– О, Томми!

Да, она не станет притворяться, не станет заполнять неловкую паузу пустой болтовней.

Хелен сумела бы таким образом смягчить первые минуты встречи. Но Дебора прикусила губу, отшатнулась, словно он ее ударил, и, отвернувшись к треноге, попыталась получше установить ее.

Линли подошел к ней.

– Извини, – попросил он.

Дебора все еще возилась со своим снаряжением, низко склонив голову. Волосы падали ей на лицо.

– Я не могу с этим справиться. Я пытаюсь, но ничего не получается. – Дебора по-прежнему отворачивалась от него. Теперь ее взгляд был обращен к холмам. – Я пытаюсь убедить себя, что все закончилось наилучшим образом для всех троих, но я сам в это не верю, Ты по-прежнему нужна мне, Деб.

И тогда Дебора обернулась к нему. Она была очень бледна, слезы струились по ее щекам.

– Прекрати, Томми! Ты должен забыть об этом.

– Разумом я это понимаю, душой – нет. – Он видел, как слеза катится по ее щеке. Поднял руку, чтобы вытереть слезу, но вовремя опомнился и уронил руку. – Я проснулся сегодня, и я так хотел заняться с тобой любовью, как прежде... если б я не выскочил из дома, я бы стал кататься по ковру и биться головой об стену, как отчаявшийся подросток. Я искал утешения в церкви. Не думал, что ты будешь бродить по кладбищу на рассвете. – Он оглядел ее снаряжение. – Что ты тут делаешь? Где Саймон?

– Он в Келдейл-холле. Я рано проснулась и пошла посмотреть деревню.

Она что-то скрывала.

– Саймон болен? – резко спросил Линли. Дебора пристально изучала ветви кипариса.

Она проснулась около шести, услышав, как Саймон резко втянул в себя воздух. Он лежал так тихо, что на какой-то ужасный момент ей показалось, будто он умер. Потом она поняла, что муж усилием воли сдерживает учащенное дыхание, стараясь не разбудить ее. Она дотронулась до его руки, и пальцы мужа крепко сомкнулись вокруг ее запястья.

– Я принесу тебе лекарство, – прошептала она. Дала ему таблетки и следила, как Саймон мужественно преодолевает боль.

– Ты не могла бы... ненадолго уйти, любовь моя? – К этой стороне своей жизни он никого не подпускал. Она не могла разделить с ним боль. Деборе пришлось уйти.

– Он... у него были боли сегодня утром. Линли содрогнулся от этих слов. Он понимал, что они означали.

– Нет никакого выхода, ведь нет? – горько спросил он. – И это тоже приходится записать на мой счет.

– Нет! – Ее голос срывался от ужаса и горя. – Нет! Не смей так думать! Не мучь так себя! Ты в этом не виноват! – Дебора произнесла эти слова слишком быстро, не подумав о том, как они подействуют на Линли. Тут же оборвав себя, словно сказала слишком, много, гораздо больше, чем следовало, она опять принялась возиться с камерой: вынула линзы, сняла аппарат с треноги, убрала все в сумку.

Линли следил за ее порывистыми движениями. Она почувствовала его взгляд, поняла, что каждым жестом выдает свое замешательство, и прекратила работу. Голова опущена, рука прикрывает глаза. Солнечный луч запутался в ее волосах. Волосы цвета осени. Цвета смерти лета.

– Он остался в Келдейл-холле? Ты оставила его одного, Деб? – Он не хотел спрашивать об этом, но Деборе необходимо было с кем-то поделиться. Он не мог уклониться от ее невысказанной мольбы.

– Он так хотел. Из-за болей. Он не хочет, чтобы я это видела. Ему кажется, что таким образом он защищает меня. – Женщина запрокинула голову, словно ища каких-то знамений на небесах. Линли видел, как напряглись мышцы ее шеи. – А мне только хуже, когда мы не вместе. Это ужасно, непереносимо.

Он все понял.

– Это потому, что ты его любишь. Дебора с минуту молча смотрела на него.

– Да. Я люблю его, Томми. Он – моя половина. Он – часть моей души. – Она осторожно коснулась его руки – не прикосновение, лишь призрачное прикосновение. – Мне бы очень хотелось, чтобы и ты встретил женщину, которая станет твоей половиной. Тебе это нужно. Ты этого заслуживаешь. Но... не я эта женщина, милый. Да я и не хотела бы ею быть.

Его лицо застыло, душа не принимала окончательного приговора. Чтобы успокоиться, отвлечься, он принялся изучать надгробье, возле которого они стояли.

– Эта могила вдохновляла тебя на рассвете? – шутливо произнес он.

– Да. – Дебора постаралась подстроиться под его тон. – Я уже столько наслушалась о младенце в аббатстве, что решила взглянуть на его могилу.

– «Как огонь и дым», – прочитал он. – Странная эпитафия для младенца.

– Я люблю Шекспира, – произнес высокий голос у него за спиной. Линли обернулся. На гравиевой дорожке в нескольких шагах от них стоял отец Харт, слегка смахивавший на гнома. Руки он в задумчивости сложил на животе. Он ухитрился бесшумно приблизиться к ним и внезапно возник Из завесы тумана.

– Если мне поручают составить эпитафию, я Всегда обращаюсь к Шекспиру. Его поэзия – вне времени. Он раскрывает смысл и жизни, и смерти. – Похлопав по карманам своего плаща, священник вынул пачку «Данхилла», рассеянно прикурил сигарету и, пальцами загасив спичку, сунул ее в карман. Движения были замедленные, казалось, он не вполне отдает себе отчет в своих действиях. Священник плохо выглядел: старческая кожа пожелтела, глаза слезились.

– Отец Харт, это миссис Сент-Джеймс, – мягко сказал Линли. – Она хочет сфотографировать самую знаменитую вашу могилу.

Отец Харт очнулся от задумчивости.

– Самую знаменитую? – Он озадаченно переводил взгляд с мужчины на женщину. Потом он догадался посмотреть на надгробье, и лицо его омрачилось. Забытая сигарета догорала, зажата между покрытыми никотиновыми пятнами пальцами. – А, да, – нахмурился

он. – Как ужасно обошлись с этим младенцем! Бросили нагишом умирать от холода. Мне потребовалось специальное разрешение, чтобы похоронить бедняжку.

– Особое разрешение?

– Она не была крещена. Я называл ее Марина. – Священник быстро заморгал, подыскивая другую тему. – Если вас интересуют знаменитые могилы, вам нужно осмотреть крипту.

– Крипту? Вроде тех гробниц у Эдгара По? – содрогнулся Линли.

– Вовсе нет. Это святое место, особая часовня под храмом.

Священник уронил сигарету на дорожку и затоптал ее. Привычным движением нагнулся, подобрал окурок, спрятал его в карман и пошел в сторону церкви. Линли подхватил камеру и вместе с Деборой последовал за ним.

– Здесь похоронен святой Кедд, – сообщил отец Харт. – Заходите. Я готовлюсь к мессе, но вполне успею вам все показать. – Огромным ключом он отпер дверь церкви и пригласил их войти. – По будням на мессу почти никто не ходит. Довольно с них воскресений. Только Уильям Тейс являлся на мессу каждый день, а теперь, когда его не стало... теперь я по будням служу мессу в пустой церкви.

– Он был вашим близким другом? – спросил Линли.

Рука священника дрогнула, нащупывая выключатель.

– Он был мне как сын.

– Он когда-нибудь жаловался вам, что плохо спит? Говорил, что нуждается в снотворном?

Рука вновь задрожала. Священник явно колебался. Пауза затянулась. Линли шагнул ближе к свету, чтобы получше разглядеть лицо старика, Священник уставился на выключатель, губы его шевелились, словно в безмолвной молитве.

– Вы нездоровы, отец Харт?

– Я? О нет, все в порядке. Просто я... так часто вспоминаю о нем. – Священник как-то сжался, осел, будто воздушный шарик, из которого разом вышел весь воздух. – Инспектор, Уильям был хорошим человеком, но душа его страдала. Он никогда не говорил мне о бессоннице, но меня это вовсе не удивляет. – Почему?

– Потому что, в отличие от многих, топящих горе в вине или находящих иные способы избавиться от проблем, Уильям встречал их

лицом к лицу и старался сделать все, что от него зависело. Он был сильный, достойный человек, но его крест был тяжек.

– Вы имеете в виду бегство Тессы и Джиллиан?

Услышав второе имя, священник бессильно прикрыл глаза и громко сглотнул.

– Тесса ранила его. Джиллиан его уничтожила. Он так и не оправился после ее ухода.

– Какой она была?

– Она... она была ангелом, инспектор. Ясным солнышком. – Дрожаящая рука повернула выключатель, священник вновь жестом пригласил их в церковь. – Что скажете, красиво здесь?

Внутри помещение мало походило на деревенскую церковь. Те обычно бывают маленькими, квадратными, чисто функциональными. Ни форма их, ни убранство красотой не блещут. Но это здание выглядело совершенно иначе. Его строитель задумывал настоящий собор: две огромные колонны на западной стороне храма могли выдержать гораздо больший вес, чем крыша церкви Святой Екатерины.

– Ага, вы заметили, – пробормотал отец, проследив, как взгляд Линли перемещается с этих колонн на апсиду. – Здесь должно было разместиться аббатство, наша церковь стала бы храмом большого монастыря. Но монахи поссорились между собой, и в результате монастырь был построен в стороне, возле Келдейл-холла. Это Божье чудо.

– Чудо? – переспросила Дебора.

– Истинное чудо. Если бы аббатство стояло здесь, где покоятся останки святого Кедда, все было бы уничтожено в годы правления Генриха Восьмого, в пору гонений на католиков. Можете ли вы представить такое – была бы разрушена церковь, где хранятся мощи святого Кедда! – Голос священника вибрировал от ужаса. – Нет, это был промысл Божий. Монахи поссорились, а поскольку фундамент для этой церкви уже заложили и даже вывели крипту, не было смысла переносить тело святого. И они оставили его здесь, в маленькой часовне. – Отец Харт со стариковской медлительностью направился к каменной лестнице, уводившей вниз, в темноту. – Сюда, – пригласил он своих гостей.

Крипта представляла собой крошечную подземную церковь внутри храма Святой Екатерины. Норманнский свод покоился на стройных колоннах без орнамента. Простой каменный алтарь в Дальнем конце часовни был украшен двумя свечами и распятием, по сторонам алтаря на память потомству были сохранены камни древнейшей постройки. Сырое запущенное помещение, плохо освещенное и пропахшее прелью. Стены покрылись зеленым мхом.

– Бедняга! – поежилась Дебора. – Тут так холодно. Наверное, он предпочел бы лежать где-нибудь наверху, на солнышке.

– Здесь он в безопасности, – возразил священник. Благоговейно подойдя к алтарю, он преклонил колени и на несколько мгновений погрузился в молитву.

Они молча смотрели на него. Губы священника слегка шевелились.

Вот он застыл, словно внимая неведомому гласу. Молитва завершилась, он просветленно улыбнулся и поднялся на ноги.

– Я каждый день разговариваю с ним, – прошептал отец Харт. – Мы всем ему обязаны.

– Как это? – удивился Линли.

– Он спас нас. Спас эту деревню, церковь, спас католичество здесь, в Келдейле. – С каждым словом глаза священника светились все ярче и ярче и далее щеки чуть порозовели.

– Вы имеете в виду его самого или его мощи?

– Самого святого, и его присутствие, и мощи – все! – Священник раскинул руки, пытаясь охватить крипту, голос его звенел торжеством веры. – Он дал людям отвагу сохранить веру, инспектор, сохранить лояльность Риму в страшные дни Реформации. Тогда священники прятались здесь. Вход на лестницу закрыли люком, и деревенские священники годами жили в этом убежище. Святой не покидал их все это время. Святая Екатерина не досталась протестантам. – Глаза священника наполнились слезами, он слепо нащупывал носовой платок. – Я... прошу прощения. Когда я начинаю говорить о Кедде... и это такая честь – хранить его мощи. Общаться с ним. Не уверен, что вы сможете это понять.

Восторг от близости с одним из первых святых превышал старческие силы. Линли поспешил сменить тему:

– Похоже, исповедальни покрыты резьбой эпохи Елизаветы, – заметил он.

Старик вытер глаза, слегка прокашлялся и улыбнулся им дрожащей улыбкой:

– Да. Первоначально эти дверцы предназначались для других целей. На них совершенно светский орнамент. Не слишком-то привычно видеть в церкви изображения танцующих юношей и девушек, но они очень хороши, верно? По-моему, в этой части церкви освещение такое тусклое, что кающиеся не могут рассмотреть эти узоры. Некоторые из них считают, что здесь изображены иудеи в тот момент, когда Моисей оставил их, отправившись на Синай.

– А что изображено здесь на самом деле? – поинтересовалась Дебора, следуя по пятам за проводником вверх по лестнице в центральную часть церкви.

– Боюсь, это языческое празднество, – признался Харт с заискивающей улыбкой. На этом священник попрощался с посетителями и удалился в помещение возле алтаря, скрытое резной дверцей.

Дверца захлопнулась.

– Какой занятный и странный человек! Как ты познакомился с ним, Томми?

Линли вывел Дебору из церкви на солнечный свет.

– Это он первым доставил информацию для нашего расследования, Он нашел тело. – Линли коротко рассказал об убийстве, и Дебора слушала его, как прежде, не сводя с его лица взгляда своих зеленых глаз.

– Нис! – воскликнула она, выслушав до конца эту повесть. – Они поставили тебя в ужасное положение, Томми! Это нечестно!

Как это похоже на нее, подумал Линли. Она сразу же проникла в самую суть дела, она разглядела под гладкой поверхностью тот шип, который терзал его все эти дни.

– Уэбберли решил – бог знает почему, – что Нис охотнее будет сотрудничать со мной, – суховато возразил он. – К несчастью, я вызвал у него обратную реакцию.

– Но это ужасно! После всего, что Нис проделал с тобой в Ричмонде! Как они могли назначить тебя на это расследование? Неужели ты не мог отказаться?

Линли улыбнулся ее горячности.

– Обычно детективов не спрашивают. Давай я отвезу тебя в гостиницу, Деб?

Ни минуты не колеблясь, она отказалась:

– Нет, нет, зачем тебе! Я...

– Конечно. Я не подумал. – Опустив на землю сумку с видеокамерой, Линли отчужденно уставился на голубей, ворковавших на самой вершине колокольни. Дебора осторожно коснулась его руки.

– Не в этом дело, – ласково пояснила она. – Меня ждет машина. Ты, наверное, не заметил.

Только теперь он разглядел голубой «форд-эскорт» под каштаном, чьи желтые листья, словно ковром, устлали тропинку. Подняв сумку, Линли направился к машине, Дебора последовала за ним.

Открыв багажник, она проследила за тем, как Линли уложил сумку, а потом и сама постаралась устроить камеру понадежнее, чтобы не повредить в пути. Провозившись дольше, чем требовалось, она наконец подняла глаза и встретила его взгляд.

Линли наблюдал за ней, так пристально и страстно всматриваясь в каждую черточку ее лица, словно Деборе предстояло вот-вот исчезнуть навсегда, оставив ему на память лишь этот отпечатавшийся в его мозгу образ.

– Я вспоминаю ту квартиру в Пэддингтоне, – выговорил он. – Мы занимались там любовью поутру.

– Я не забыла, Томми.

Ее голос звучал нежно, но тем сильнее ранил. Он отвернулся.

– Ты скажешь ему, что мы виделись?

– Конечно, скажу.

– И о чем мы говорили? Об этом ты тоже расскажешь?

– Саймон понимает, что с тобой происходит. Он твой друг. И я тоже.

– Мне не нужна твоя дружба, Дебора, – предупредил он.

– Знаю. Но надеюсь, однажды ты ее примешь. Я всегда буду твоим другом.

Линли вновь почувствовал прикосновение ее пальцев к своей руке. Пальцы на миг сжались в знак прощания и тут же отпустили его руку. Дебора открыла дверь машины, скользнула внутрь, и машина тронулась.

Линли одиноко побрел прочь, физически ощущая, как все плотнее становится окутавшая его пелена отчаяния. Он как раз поровнялся с домом Оделл, когда дверь черного хода распахнулась и по ступенькам решительным шагом спустилась детская фигурка. За ней по пятам следовал селезень.

– Жди тут, Дугал! – крикнула ему Бриди. – Мама вчера оставила тебе еду в сарае.

Селезень, не отваживаясь преодолеть ступени, терпеливо ждал на крыльце. Девочка распахнула дверь сарая и скрылась внутри. Через минуту она вернулась, волоча за собой тяжелый мешок. Линли отметил, что Бриди одета в школьную форму, к сожалению, обтрепанную и не отличающуюся чистотой.

– Привет, Бриди! – окликнул он.

Девочка вскинула голову. Со вчерашнего вечера ее волосы кто-то все же привел в порядок. Интересно, кто именно?

Надо покормить Дугала, – пояснила она на ходу. – Мне сегодня в школу. Терпеть не могу школу.

Линли вошел во двор. Селезень без особого интереса наблюдал за ним одним глазом, а вторым высматривал обещанный завтрак. Бриди высыпала наземь гигантскую порцию корма, и птица в радостном ожидании захлопала крыльями.

– Сейчас, сейчас, Дугал, – заторопилась Бриди. Ласково приподняв селезня, она аккуратно переместила его на влажную тропинку и принялась с материнской нежностью наблюдать за ним. Дугал с головой зарылся в еду.

– Он очень любит завтракать, – конфиденциально сообщила она Линли, привычно устраиваясь на верхней ступеньке. Упершись подбородком в колени, девочка продолжала с любовью следить за своим питомцем. Линли уселся рядом с ней.

– У тебя сегодня отличная прическа, – ободряюще заметил он. – Это Синджи сделала? Она покачала головой, не сводя глаз с утки.

– Нет. Тетя Стефа.

– В самом деле? Какой она молодец.

– Такие вещи она здорово умеет. – Судя по интонации, Бриди намекала, что кое с чем другим тетя Стефа вовсе не справляется. – Мне пора в школу. Вчера мама меня не пустила. Сказала, что мои

волосы выглядят «просто унизительно». – Бриди надменно встряхнула головой. – Это же мои волосы, не ее.

– Мамы, как правило, принимают все слишком близко к сердцу. Ты же знаешь.

– Она могла бы отнестись к этому так же, как тетя Стефа. Та просто расхохоталась, когда меня увидела. – Девочка запрыгала вниз по ступенькам. – На, Дугал, – позвала она, наполняя водой плоскую миску.

Селезень даже головы не повернул: не стоит отрываться от еды – как бы не отобрали. Разумные утки предпочитают не рисковать. А вода подождет. Бриди вернулась к Линли. Вместе они с удовольствием смотрели, как обжирается Дугал. Бриди вздохнула. Осмотрев потертые носки своих ботинок, она попыталась потереть их грязными пальцами – лучше от этого они не стали.

– И зачем мне ходить в школу? Уильям никогда не учился.

– Совсем никогда?

– Ну... во всяком случае, с тех пор, как ему исполнилось двенадцать лет. Если бы мама вышла замуж за Уильяма, мне бы не пришлось больше ходить в школу. Бобба не ходила.

– Совсем?

– С тех пор как ей исполнилось шестнадцать, Уильям больше не заставлял ее ходить в школу, – добросовестно уточнила Бриди. – Неужели мне тоже придется ходить в школу до шестнадцати лет? Мама меня заставит. Она хочет, чтобы я потом еще и в университет поступила, но уж это дудки.

– А что ты хочешь делать?

– Смотреть за Дугалом.

– Знаешь, Бриди, он, конечно, так и пышет здоровьем, но даже утки не живут вечно. Тебе нужен запасной вариант.

– Я буду помогать тете Стефе.

– В пансионе?

Девочка кивнула. Дугал закончил завтрак и глубоко погрузил клюв в корытце с водой.

– Я уже говорила это маме, но что толку! «Не допущу, чтобы ты загубила свою жизнь в этой дыре», – умело передразнила она надтреснутый голос Оливии Оделл и мрачно покачала головой. – Да, если бы мама вышла за Уильяма, все было бы по-другому. Я бы не

ходила в школу. Я могла бы учиться дома. Уильям был такой умный. Он бы сам учил меня. Он бы согласился, я знаю.

– Откуда ты знаешь?

– Он всегда читал нам вслух – мне и Дугалу. – Услышав свое имя, селезень, очень довольный, направился к ним, переваливаясь и, как все утки, загребая лапками. – Библию читал. – Бриди потеряла грязный ботинок о носок на другой ноге. – Правда, мне Библия не очень нравится. Особенно Ветхий Завет. Уильям говорил, я просто еще не понимаю, он говорил маме, что меня нужно наставлять в вере. Он был очень добрый и старался мне объяснить, но я не понимаю эти истории в Библии. Потому что там никого не наказывают за вранье.

– То есть как? – Линли тщетно напрягал память, пытаюсь припомнить хоть один сюжет об удачливом лжеце.

– Они все всё время врут друг другу. Во всяком случае, так говорится в этих историях. И никто им не скажет, что так делать нехорошо.

– Вот как. Врут. – Линли беспомощно уставился на селезень, который пытался клювом развязать шнурки на его ботинках, – Ну, знаешь, в Библии многое... э... символично, – заторопился он. – Ладно, а что вы еще читали?

– Больше ничего. Только Библию. По-моему, Уильям и Бобба только ее и читали. Я хотела, чтобы мне понравилось, но мне не нравилось. Я не говорила об этом Уильяму, потому что он старался как лучше и я не хотела его обижать. По-моему, он старался подружиться со мной, – рассудительно добавила она, – ведь если бы он женился на маме, ему пришлось бы жить и со мной тоже.

– Ты хотела, чтобы он женился на твоей маме?

Бриди подняла Дугала и посадила птицу на ступеньку между собой и Линли. Равнодушно уставившись на детектива, Дугал принялся чистить свои и без того сверкающие перышки.

– Папа читал мне, – прошептала Бриди вместо ответа, не поднимая глаз, будто больше всего ее в данный момент интересовали потертые носки ботинок, – Папа читал мне, а потом он уехал.

– Уехал? – Должно быть, так ей сообщили о его смерти, догадался Линли.

– Однажды он уехал, – повторила Бриди, прислоняясь щекой к колену и прижимая к себе птицу. Теперь взгляд ее блуждал где-то у

реки. – Он даже не попрощался. – Она принялась нежно целовать гладкую голову селезня. Дугал в ответ легонько пощипывал ее щеку. – Я бы на его месте хоть попрощалась.

– Вы бы назвали «ангелом» или «солнышком» подростка, который пьет, ругается и постоянно наживает неприятности? – задал вопрос Линли.

Сержант Хейверс отвлеклась от яичницы, насыпала сахар в кофе и задумалась над его словами.

– «Солнышком»? А что же в таком случае называть «ненастьем»?

– Ага! – усмехнулся Линли. Отодвинув тарелку, он внимательно пригляделся к Барбаре. Сегодня она выглядит неплохо: чуть тронула косметикой веки, щеки и губы, да и волосы догадалась подвить. Даже ее наряд заслуживает одобрения – коричневая юбка из твида и пуловер к ней в тон. Может, при ее бледной коже это и не лучший выбор, но уж со вчерашним чудовищным голубым костюмом не сравнить.

– Почему вы спрашиваете? – уточнила она. – Стефа описывала Джиллиан как безумного подростка. Девушка пила. – Вела себя черт-те как.

– Да. Но отец Харт назвал ее солнышком.

– Это странно.

– Он сказал, что Тейс был в отчаянии, когда она сбежала.

Хейверс задумчиво сдвинула густые брови и не заботясь более о субординации, налила Линли в чашку кофе.

– Этим можно объяснить исчезновение ее фотографий, верно? Он посвятил всю жизнь детям, и вот награда: одна из дочерей просто растворилась во тьме.

Эти слова пробудили какой-то отзвук в душе Линли. Он принялся листать бумаги в папке на столе и извлек фотографию Рассела Маури, переданную ему Тессой.

– Пройдите с ней сегодня по деревне, – попросил он.

Хейверс взяла фотографию, однако не стала скрывать удивление:

– Вы же сказали, он в Лондоне.

– Да, сейчас. А три недели назад? Если Маури побывал здесь, он должен был у кого-то спросить, как добраться до фермы. Пройдите по шоссе и загляните в пабы. Вероятно, и в гостиницу тоже, Если же никто его не видел...

- Остается Тесса, – подхватила она.
- Или другой человек, у которого был мотив. Мотивы могли быть разные.

Дверь открыла Мэдлин Гибсон. Линли пробрался мимо двух детей, сцепившихся в разоренном их постоянными схватками садике, ухитрился не споткнуться о сломанный велосипед и безголовую куклу и даже не вляпался в выброшенную на крыльцо тарелку с яичницей. Хозяйка равнодушным взглядом окинула свой домашний хаос и запахла изумрудно-зеленый пеньюар на вызывающе торчащей груди. Под халатиком ничего не было, и женщина откровенно давала понять, что посетитель застал ее врасплох.

– Дик! – крикнула она, злобно уставившись на Линли. – Запихай свою штуку в штаны. Это Скотленд-Ярд, – Томно улыбнувшись, женщина пошире распахнула дверь. – Пожалуйста, инспектор. – Она провела его через крошечный холл, заваленный игрушками и грязной одеждой, к подножию лестницы. – Дик! – крикнула она еще раз, обернулась и сложила руки на груди, дерзко глядя на Линли. По лицу ее блуждала улыбка. В складках тонкого атласа мелькало изящное колено и не менее изящное бедро.

Наверху послышалось какое-то движение и недовольное мужское бормотание. Ричард Гибсон вышел на площадку, шумно протопал по лестнице и сердито глянул на жену.

– Господи, да надень же на себя хоть что-нибудь, Мэд! – рявкнул он.

– Пять минут назад тебе этого не требовалось, – съязвила она, усмехаясь в ответ, и двинулась вверх по лестнице, старательно демонстрируя на каждом шагу свое стройное, изящное тело.

Гибсон ошалело смотрел ей вслед.

– Вы бы на нее поглядели, когда ей и впрямь приспичит, – доверительно сообщил он. – Это она просто играет.

– Ах вот как! Фермер рассмеялся.

– Чем бы дитя ни тешилось, – фыркнул он. – Хоть минута покоя. – И, оглядев привычный беспорядок, предложил: – Пойдемте в сад.

На вкус Линли, садик еще меньше подходил для беседы, чем пропитанный застоявшейся вонью коттедж, однако он молча последовал за хозяином.

– Пошли к матери! – распорядился Гибсон, едва повернув голову в сторону своих сорванцов. Ногой он передвинул тарелку с яичницей поближе к краю ступеньки, и в тот же миг из зарослей умирающих от жажды кустов явилась тощая кошка и принялась за объедки. Кошка ела жадно и тревожно, как бродяжка. Ее повадка напомнила Линли о Мэдлин, скрывшейся на втором этаже.

– Вчера я видел Роберту, – заговорил он. Ричард присел на ступеньку, старательно завязывая шнурки.

– Как она? Улучшения есть?

– Нет. Когда мы приходили сюда в первый раз, вы нам не сообщили, что вы подписали бумаги для отправки Роберты в психиатрическую клинику.

– А вы не спрашивали, инспектор. – Справившись со шнурками, Ричард поднялся на ноги. – Или я должен был бросить ее в полицейском отделении Ричмонда?

– Не обязательно. Вы нашли ей адвоката?

Линли догадывался, что Гибсону покажется странной забота инспектора о юридической защите убийцы, сознавшей в своем преступлении. Веки Ричарда удивленно дрогнули. Он не торопился с ответом, тщательно заправляя фланелевую рубашку в штаны.

– Адвоката? Нет.

– Интересно, что вы распорядились отвезти девушку в больницу, но далее не подумали о том, как защитить ее права. Очевидно, вам так было удобнее?

Гибсон сжал челюсти:

– Ну уж нет.

– Можете как-то это объяснить?

– По-моему, тут нечего объяснять, – с вызовом заявил Гибсон. – Мне показалось, что психическое состояние Бобби куда важнее, чем эти ваши проблемы с законом. – Лицо его потемнело.

– В самом деле? И если ее признают невменяемой – а это, разумеется, должно произойти, – вы окажетесь в очень выгодном положении, не так ли?

Гибсон смотрел ему прямо в глаза.

– Еще бы, клянусь Богом! – проревел он. – Заполучу чертову ферму, заполучу чертов дом и буду трахать мою чертову жену прямо на обеденном столе, а Бобби не будет болтаться поблизости. Вы же так

думаете, верно, инспектор? – Он воинственно наклонил голову вперед, но Линли никак не прореагировал на вызов, и фермер вновь подался назад, но не умолк. – Мне уже надоело объясняться с людьми, которые думают, что я желаю Бобби зла, которые думают, что мы с Мэдлин будем рады, если ее запрут на всю жизнь. Думаете я не знаю, о чем тут все говорят? Думаете, Мэдлин этого не знает? – Он горько усмехнулся. – Это не ей, а мне нужен адвокат! Конечно же, я надеюсь получить заключение, что она невменяема. Это же лучше, чем тюрьма, верно?

– Значит, вы верите, что она убила отца? – поинтересовался Линли.

Гибсон вяло пожал плечами.

– Не знаю, что и думать. Я одно знаю – Бобби уже не та, что была, когда я уезжал из Келдейла. Та девчушка и мухи бы не обидела. А эта, новая... она мне как чужая.

– Может быть, это как-то связано с исчезновением Джиллиан?

– Джиллиан? – Гибсон рассмеялся. – По мне, Джиллиан оказала всем нам услугу, когда ушла из дому.

– Почему?

– Скажем так – она была чересчур развита для своих лет. – Мужчина быстро оглянулся на свой дом и прибавил: – По сравнению с ней Мэдлин – непорочная Дева Мария, ясно я говорю?

– Вполне. Она вас соблазнила?

– Сразу быка за рога, а? Дайте сигаретку, и я все вам расскажу. – Он прикурил и поглядел в сторону поля, примыкавшего к немощеной улице. По ту сторону поля между деревьев вилась дорожка, уводившая к болоту Хай-Кел-мур. – Мне было всего девятнадцать, когда я удрал из Келдейла, инспектор. Я не хотел уезжать. Как перед Богом – мне этого вовсе не хотелось. Но я знал: если не уеду, всю жизнь придется расплачиваться.

– Однако вы спали со своей кузиной Джиллиан до отъезда?

Гибсон фыркнул:

– «Спал» – не то слово, когда речь идет о такой девице, как Джилли. Она хотела взять верх, и ей это каждый раз удавалось, инспектор. Она такое могла с мужчиной проделать... ни одной шлюхе не под силу. Она заводила меня по четыре раза в день.

– Сколько ей было лет?

– Ей едва сровнялось двенадцать, когда она впервые не по-сестрински взглянула на меня, и тринадцать, когда она... до меня добралась. А потом она два года подряд имела меня, как хотела.

– Вы хотите сказать – вы бежали от нее?

– Такого великодушия от меня не ждите. Я бежал от Уильяма. Это был вопрос времени – когда он нас застукает. Я не хотел этого. Я хотел положить всему конец.

– Почему вы не рассказали Уильяму правду? Гибсон широко раскрыл глаза.

– С его точки зрения ни одна из его девочек не была способна ни на что дурное. Как я мог сказать ему, что Джилли, зеница его ока, зазывает меня, ровно кошка в охоте, и трахается со мной, как последняя шлюха? Он бы все равно мне не поверил. Я сам порой переставал в это верить.

– Она уехала из Келдейла через год после вашего отъезда?

– Да, так мне сказали. – Гибсон далеко отбросил свой окурок.

– Вы с тех пор встречались?

– Нет, никогда, – проговорил Гибсон, отводя взгляд. – И слава богу.

Марша Фицалан оказалась скрюченной, сморщенной старушкой. Ее лицо напомнило Линли американских кукол, вырезанных из яблока: тоненькая сеточка морщин покрывала щеки до самых глаз. Глаза были голубые. Они освещали все лицо, сияя живым интересом. Всякий, взглянув на эту женщину, понимал, что состарилось лишь ее тело, а душа осталась молодой.

– Доброе утро, – с улыбкой приветствовала она гостя. – Или, вернее, добрый день, – поправилась она, бросив взгляд на часы. – Вы, значит, инспектор Линли? Я так и думала, что рано или поздно вы ко мне зайдете. Я испекла лимонный пирог.

– Специально для меня? – удивился Линли.

– Вот именно, – подтвердила она. – Заходите.

Хотя мисс Фицалан жила в одном из небогатых домиков по Сент-Чэд-лейн, ее коттедж разительно отличался от обиталища Гибсонов. В садике были разбиты аккуратные цветочные клумбы: весной и летом здесь цвели примула и бурачок, рань и львиный зев. Сейчас клумбы уже приготовили к зиме, корни каждого растения были заботливо

укрыты землей. На ступеньках у входа были насыпаны небольшие кучки семян для птиц, У окна висели жестяные колокольчики, легонько позванивавшие на ветру, их не заглушали даже вопли проживавших по соседству Гибсонов.

И внутри все было иначе, чем у Ричарда с Мэдлин. Аромат душистых трав, наполнявших саше, напомнил Линли долгие вечера в бабушкиной комнате в поместье Хоунстоу. Крошечная гостиная обставлена скромно, но элегантно, две стены от пола до потолка занимают полки с книгами. У окна небольшой столик с фотографиями. Над старым телевизором висело несколько вышивок.

– Пройдемте в кухню, инспектор, – предложила Марша. – Принимать гостя в кухне, конечно, дурной тон, но, по-моему, там гораздо уютнее, Друзья говорят, все потому, что я выросла на ферме, а на ферме кухня – главная часть дома, верно? Думаю, это во мне осталось навсегда. Прошу вас, сэр, присаживайтесь к столу. Кофе с пирогом? По-моему, вы проголодались. Наверное, еще не женаты? Холостяки всегда плохо питаются.

И вновь Линли вспомнилась бабушка, ее нерассуждающая, всеобъемлющая любовь. Старушка быстро накрывала стол для чая, Линли любовался уверенными движениями ее надежных рук, понимая, что здесь он найдет ответы на многие вопросы.

– Расскажите мне о Джиллиан Тейс, – попросил он.

Руки хозяйки замерли над столом. Марша обернулась с ласковой улыбкой на губах.

– Джилли? – повторила она. – С удовольствием. Джиллиан Тейс была таким прелестным существом.

Чайную посуду мисс Фицалан подала на подносе, хотя особой необходимости в этом не было: буфет в крошечной кухне находился не более чем в двух шагах от стола. Но старая учительница придерживалась правил этикета, к тому же поднос, вопреки тесноте и скудости, создавал впечатление уюта. Старинная кружевная салфетка покрывала поднос, на ней стоял изящный фарфоровый сервиз. На тарелках виднелись трещины, но чашки и блюдечки сумели прожить все эти годы без единого шрама.

Осенние листья в глиняном кувшине оживляли стол соснового дерева, на который Марша Фицалан выложила все свои сокровища: тарелки, столовое серебро, тонкие льняные салфетки. Она разлила по чашкам дымящийся кофе, добавила себе молока и сахара и только тогда начала рассказ.

– Джилли была вылитая мать. Я и Тессу когда-то учила. Какой ужас – это сразу же выдает мой возраст. Что поделать! Почти все жители деревни прошли через мои руки, инспектор. – С лукавой усмешкой она добавила: – За исключением отца Харта. Мы с ним принадлежим к одному поколению.

– Никогда бы не подумал, – торжественно заверил ее Линли.

Марша рассмеялась:

– Как это очаровательно, когда мужчина сразу угадывает, что дама нуждается в комплименте! – Она с явным удовольствием откусила кусочек пирога, тщательно прожевала и продолжила: – Джиллиан была миниатюрной копией своей матери. Такие же чудные светлые волосы, те же прекрасные глаза, та же душа, та же легкость. Правда, Тесса была склонна к мечтательности, а Джилли обеими ногами стояла на земле. Тесса вечно парила в облаках. Такая романтическая. Оттого-то она и вышла замуж совсем рано. Она ждала своего героя, высокого, загадочного рыцаря, который в один прекрасный день предстанет перед ней. Уильям Тейс в точности соответствовал этому образу.

– А Джиллиан не мечтала о таком счастье?

– О нет. Мне кажется, Джилли о мужчинах вовсе не задумывалась. Она хотела стать учительницей. Приходила ко мне после обеда, устраивалась прямо на полу с книгой. Как она любила сестер Бронте!

К тому времени, как ей исполнилось четырнадцать, она прочла «Джейн Эйр» уже раз шесть или семь. Джейн и мистер Рочестер сделались для нее близкими знакомыми. Ей нравилось обсуждать прочитанное. Это была не праздная болтовня, она анализировала характеры, мотивировки, идеи и говорила: «Мне все это понадобится, мисс Фицалан, когда я стану учительницей».

– Почему она убежала из дому?

Старая женщина принялась внимательно рассматривать бронзовые листья в глиняном кувшине.

– Не знаю, – вымолвила она. – Такая была хорошая девочка. Она могла справиться с любыми трудностями, у нее был быстрый, живой ум. Просто не представляю себе, что могло случиться.

– Может быть, все-таки дело было в мужчине? Могла она сбежать вместе с кем-то, вслед за кем-то?

Мисс Фицалан одним взмахом руки отмела это предположение.

– Джиллиан еще не интересовали мужчины. В этом отношении она выросла медленнее, чем другие девочки.

– А Роберта? Она похожа на свою сестру?

– Нет, Роберта была похожа на отца. – Учительница на миг умолкла, нахмурилась. – «Была»! Я говорю о ней так, словно она умерла.

– Не вы одна.

Старуха задумчиво кивнула.

– Роберта росла крупной, в отца, очень серьезной и молчаливой. Некоторые люди считали ее совершенно бесхарактерной, но дело не в этом, она просто ужасно застенчива. Роберта унаследовала от матери мечтательность и сдержанность от отца. Она с головой погрузилась в книги.

– Как и Джиллиан.

– И да и нет. Она читала так же много, но она никогда не обсуждала прочитанное. Джиллиан читала, чтобы учиться. Для Роберты, мне кажется, это был способ ускользнуть.

– От чего?

Мисс Фицалан тщательно разгладила салфетку, покрывавшую старый поднос. Линли заметил старческие пятна на ее руках.

– От ощущения, что она всеми покинута, – сказала она.

– Кем именно? Джиллиан? Матерью?

– Джиллиан. Роберта боготворила сестру. Матери она не знала. Попробуйте представить Джиллиан в роли старшей сестры: очаровательная, живая, умная. Роберта была совсем другой, но хотела ей подражать.

– Ревности не было? Марша покачала головой.

– Нет, она не завидовала сестре. Она ее любила. Я думаю, побег Джиллиан оказался для Роберты ужасным ударом. Но Джиллиан стала бы со всеми обсуждать эту ситуацию – Джилли всегда была готова поговорить обо всем, а Роберта все таила внутри. Что творилось с ее кожей, когда Джилли их бросила! Бедный ребенок! Подумать только, я помню это до сих пор.

Линли припомнил, как выглядела девушка, заточенная в психиатрической клинике. Ничего удивительного, что учительница запомнила, в каком состоянии была ее кожа.

– Угри? – уточнил он. – Но ведь она была еще совсем маленькой.

– Нет. У нее началась ужасная аллергическая реакция. Я понимала, что все дело в нервах, но когда я попыталась поговорить с ней, она принялась валить вину на Ушишки. – Марша опустила глаза, вертя в руках вилку, складывая в какой-то узор остававшиеся на тарелке крошки. Линли терпеливо ожидал продолжения. Старушка со вздохом призналась: – Я потерпела неудачу, инспектор. И как друг, и как учитель – девочка не пожелала говорить со мной о Джилли. Вместо этого она заявила, что у нее аллергия на собаку.

– Вы поговорили об этом с ее отцом?

– Не сразу. Уильям был просто раздавлен бегством Джиллиан. Какое-то время с ним было невозможно общаться. В течение нескольких недель он разговаривал только с отцом Хартом. Но в конце концов я решила, что обязана это сделать ради Роберты. Девочке было всего восемь лет. Не ее вина, что сестра сбежала из дому. Я пошла на ферму и сказала Уильяму, что я беспокоюсь за Роберту, тем более что она сочиняет какие-то неправдоподобные истории о собаке. – Марша налила себе еще немного кофе, отпила пару глоточков, вспоминая давние события. – Бедняга! Он выслушал меня внимательно, вполне спокойно. Мне кажется, он принял на себя всю вину за то, что не уделял дочери достаточно внимания. Он тут же поехал в Ричмонд и привез несколько видов шампуня и мази для кожи. Наверное, девочке

как раз и требовалось немного отцовской заботы. Очень скоро она стала выглядеть здоровой.

Здоровой внешне, подумал Линли. Но кто знает, что творилось внутри! Он мысленно представлял себе маленькую одинокую девочку в большом угрюмом доме, посреди призраков и теней прошлого, живущую в пустоте, черпающую все силы из книг и только из книг.

Отперев заднюю дверь, Линли проник в дом. Здесь ничего не переменилось, все так же неподвижен холодный спертый воздух. Через кухню инспектор прошел в гостиную. Тесса Тейс ласково улыбнулась ему с фотографии в красном углу – все такая же нежная, хрупкая, уязвимая. Линли представил себе, как юный Рассел Маури распрямляет плечи, на миг оторвавшись от раскопок, и видит перед собой это прелестное лицо, заглядывающее сквозь проем в изгороди. Как же было студенту не влюбиться! И нет ничего странного в том, что второй муж по-прежнему влюблен в Тессу. Какое прекрасное лицо! Неужто, узнав о ее прошлом, муж потерял голову? Так ли это было, Тесса? Или ты сама в один ужасный день обнаружила, что твоему миру грозит гибель, и решила раз и навсегда разрубить этот узел?

Отвернувшись от домашнего святилища, Линли легко взбежал по ступенькам. Разгадка должна найтись здесь, в доме. Что-то, связанное с Джиллиан.

Сперва он прошел в комнату старшей дочери, но она была пуста и молчалива. Кровать немо уставилась на него, к покрывалу годами никто не прикасался. Никаких следов прошлого на ковре, никаких тайн не прочесть в иероглифах, украшающих обои. Можно подумать, Джиллиан никогда не жила здесь, не наполняла комнату своими радостями и печалью. И все же... Джиллиан незримо присутствовала здесь. Он чувствовал, угадывал это.

Подойдя к окну, Линли слепо уставился на дверь хлева. «Дикая, неуправляемая девчонка». «Ангел, солнышко». «Сучка в охоте». «Самое прелестное создание на свете». Какой была настоящая Джиллиан? Для чего она пряталась за десятком масок, менявшихся, как картинка в калейдоскопе, в зависимости от того, с кем девочка общалась? Где искать разгадку? Похоже, что не здесь: в этой комнате, кроме обычной мебели, коврика да обоев на стенах, ничего нет.

Как можно напрочь стереть память о дочери, о человеке, прожившем в доме целых шестнадцать лет? Непостижимо. И все же

это произошло. Или?..

Линли перешел в комнату Роберты. Джиллиан не исчезла бесследно из жизни сестры. Любовь сохранилась. Узлы между сестрами были достаточно прочными, это подтверждали все, что бы они ни думали о Джиллиан. Взгляд Линли блуждал от окна к шкафу и оттуда к кровати. Скорее всего, там: если в тайнике нашлось место для припасов, то, вероятно, там же спрятано и то, что имеет отношение к Джиллиан.

Мысленно подготовившись к виду и запаху гниющей пищи, Линли откинул матрас. Поднялась мощная волна зловония.

Он отвернулся. Нет ли способа как-то облегчить задачу? Нет, никак не отвертеться. Комната плохо освещена, единственная возможность что-либо разглядеть – это стащить матрас на пол и содрать скрывающую пружины обивку. Пыхтя от напряжения, Линли дернул на себя матрас и сбросил его на пол. Вернулся к окну, вдохнул свежего воздуха. Снова к кровати. Уперся в нее коленями, продумывая стратегию.

Давай же, приятель. Разве не из этого состоит работа полицейского? Соберись с духом – и вперед.

Он рванул, и истлевшая материя разошлась в его руках, обнажив царивший внутри кошмар, Мыши кинулись врассыпную, пролагая себе путь между гниющих фруктов. Одна мерзкая тварь пристроила свой еще слепой выводок в куче грязного женского белья. Стайка потревоженной моли тоже снялась с места и полетела прямо в лицо Линли.

Инспектор отшатнулся, с трудом сдержав крик, и прямым кинулся в ванную. Поплескал водой в разгоряченное лицо, посмотрел на себя в зеркало и негромко рассмеялся. Тебе еще повезло, что не успел перекусить. После подобного зрелища и вовсе забудешь о еде.

Поискал полотенце, чтобы вытереть лицо. На вешалке полотенца не оказалось, но на двери ванной комнаты висел халат. Линли резким движением сорвал его, сломанная пружина двери протестующе вскрикнула. Инспектор вытер лицо краем халата, задумчиво потрогал сломанную пружину и, словно нащупав новую идею, вышел из ванной.

Он нашел ключи там, где видел их прежде – на верхней полке платяного шкафа Тейса, в глубине. Вынув всю связку, Линли швырнул ее на кровать. Наверное, Тейс запрятал в сундук все вещи,

принадлежавшие Джиллиан. Отнес на чердак. В этой связке есть нужный ключ. Линли тщетно перебирал ключи – слишком крупные, такие подходят только к дверям. Старинные, рассчитанные на большие скважины, причудливо изогнутые, покрытые ржавчиной. Линли с отвращением швырнул ключи обратно в коробку, проклиная слепое упорство человека, уничтожившего все следы пребывания его дочери в родном доме.

«За что?» – гадал он. Какая мука терзала Уильяма Тейса, что побудило его отрицать само существование дочери, которую он прежде так любил? Что она сделала, чем довела его до этого акта отчаяния и самоуничтожения? Чем привязала к себе сестру настолько, что вопреки всему, не осмеливаясь протестовать вслух, девочка сумела все эти годы хранить ее фото?

Линли понимал, что его ждет. На чердаке ничего не найдешь. Надо вернуться в ее комнату. Ты сам знаешь, старина, – это спрятано там. Может быть, не в матрасе, но оно там, подбадривал он себя. Страшно представить себе, какие еще призраки таятся в лишенной жизни комнате.

Линли собирался с силами для новой попытки, но тут его внимание привлек доносившийся снаружи свист, веселый и беззаботный. Он подошел к окну.

По тропинке, ведущей с болот Хай-Кел-мур, шагал молодой парень с мольбертом через плечо и деревянным ящичком в руках. Самое время поговорить с Эзрой, решил Линли.

При ближайшем рассмотрении тот оказался вовсе не столь уж юным. Линли подумал, что обманчивое впечатление создают пышные светлые волосы, значительно более длинные, чем того требовала мода. Эзре, очевидно, уже перевалило за тридцать. Встреча с инспектором Скотленд-Ярда насторожила его: поза утратила естественность, глаза быстро моргали. Цвет глаз менялся, сейчас они казались темно-синими, в тон заляпанной краской рубашке. Эзра перестал свистеть, как только заметил Линли. Инспектор вышел из дома навстречу ему и ловко перелез через ограду пастбища.

– Эзра Фармингтон? – приветливо окликнул он путника.

Фармингтон остановился. Лицом он напоминал Шопена с портрета Делакруа. Те же точеные черты, глубокая тень в ямочке

подбородка, темные, гораздо темнее волос, брови, крупный породистый нос.

– Предположим! – строптиво ответил художник.

– Рисовали сегодня на болотах?

– Именно.

– Найджел Парриш говорил, вы хотите запечатлеть пейзаж при дневном и вечернем свете.

Это имя вызвало соответствующую реакцию. Цепкий взгляд:

– Что еще он вам наговорил?

– Он видел, как Уильям Тейс выгонял вас из своих владений. Кажется, теперь вам тут никто не мешает?

– Гибсон мне разрешил, – отрезал Эзра.

– В самом деле? Мне он об этом не говорил. Линли еще раз глянул на тропинку – крутая, каменистая, в глубоких выбоинах. Не место для праздных прогулок. Художнику, видно, и впрямь было важно добраться до дальнего болота. Линли обернулся к своему собеседнику. Послеполуденный ветерок, веявший на пастбище, растрепал светлые волосы Фармингтона, и солнце подсвечивало их кончики. Теперь понятно, почему он предпочитает такую прическу.

– Мистер Парриш упомянул также, что Тейс уничтожил несколько ваших работ.

– А он не сказал заодно, какого черта он сам тут ошивался в тот день? – спросил Фармингтон. – Черт меня побери, уж об этом-то он вам не говорил.

– По его словам, он провожал собаку на ферму Тейсов.

Лицо художника исказилось насмешливой гримасой.

– Провожал на ферму собаку? Курам на смех! – Он с яростью воткнул ножки мольберта в рыхлую землю. – Найджелу не откажешь в умении подтасовывать факты, а? Я с легкостью угадаю, что он вам сказал. Дескать, мы с Тейсом ругались насмерть посреди дороги, а он себе шел, никого не трогал, провожал домой бедную слепую собачку. – Фармингтон нервно провел рукой по волосам. Все его тело содрогалось от ярости. Того гляди, сожмет кулаки и полезет в драку. – Господи, этот человек доведет меня до иступления.

Линли только брови приподнял, но Эзра сразу же понял намек:

– Полагаю, это звучит как признание вины, да, инспектор? Вы лучше сходите еще раз к Найджелу и поинтересуйтесь, за каким

дьяволом он бродил в тот день возле Гемблер-роуд. Уж поверьте, этот пес нашел бы дорогу домой даже из Тимбукту. – Тут Эзра расхохотался. – Собака-то была куда умнее Найджела. Впрочем, это не такой уж комплимент.

Линли хотел бы понять, отчего Фармингтон впал в такое неистовство. Его ярость была совершенно искренней, не наигранной, но столь страстное излияние гнева совершенно не соответствовало ситуации. Казалось, этот человек давно уже чем-то терзается и силы его на исходе. Чаша его терпения переполнилась.

– Я видел вашу работу в Келдейл-лодже. Манера, в которой вы пишете, напомнила мне Уайета. Вы этого и хотели?

Сжавшийся было кулак обмяк.

– С тех пор прошло много лет. Тогда я еще не выработал свой стиль. Не смел довериться своей интуиции и подражал всем кому ни попадя. Я и не думал, что Стефа сохранила этот пейзаж.

– Она сказала, что картиной вы расплатились за проживание.

– Верно. В те времена мне больше и нечем было платить. Присмотритесь повнимательнее, и обнаружите мои шедевры во всех местных магазинах. Мне за них даже зубную пасту давали. – Голос звучал насмешливо, но смеялся Эзра над самим собой.

– Мне нравится Уайет, – заметил Линли. – Его произведениям присуща простота, которая меня неизменно радует. Строгая линия, ясный образ, точность деталей,

– Вы ищете простых путей, инспектор? – В ожидании ответа Фармингтон сложил руки на груди.

– Стараюсь не уклоняться от них чересчур далеко, – улыбнулся Линли. – Расскажите мне о вашей ссоре с Уильямом Тейсом.

– А если нет?

– Ваше право, конечно. Но с какой стати? Или вам есть что скрывать, мистер Фармингтон?

Художник принялся неловко переминаться с ноги на ногу.

– Нечего тут скрывать. Я провел день на болоте, возвращался, когда уже стемнело. Тейс увидел меня в окно или... черт его знает. Перехватил меня тут, на дороге. Мы сцепились.

– Он порвал ваши этюды.

– Ерунда. Они никуда не годились.

– Мне всегда казалось, что художники предпочитают сами распоряжаться плодами своего труда, не допуская к этому посторонних. Разве не так? – Он явно задел болезненное место, Фармингтон вновь напрягся. Он медлил с ответом, провожая взглядом уже близкое к закату солнце.

– Да, это так! – подтвердил он наконец. – Богом клянусь, что так.

– А Тейс позволил себе...

– Тейс? – Эзра расхохотался. – Мне плевать, что там сделал Тейс. Говорю вам, наброски никуда не годились. Тейс, разумеется, этого не знал. Человек, способный вечером слушать марш янки, да еще на полную мощь, напрочь лишен художественного вкуса.

– Марш янки?!

– «Звездно-полосатый флаг»! Можно подумать, у него дом был битком набит американскими ура-патриотами. И он еще посмел наброситься на меня – я-де его обеспокоил! А я только что не на цыпочках пробирался через его участок, чтобы выйти на тропинку. Я рассмеялся ему в лицо. Тут-то он и порвал мои зарисовки.

– А что делал в это время Найджел Парриш?

– Ничего. Найджел увидел то, что он хотел увидеть. Он обожает совать повсюду свой нос. В тот вечер он получил удовольствие по полной программе.

– И часто он этим занимается? Фармингтон подхватил свой мольберт.

– Если у вас все, инспектор, я, пожалуй, пойду.

– Еще один вопрос.

Фармингтон резко повернулся лицом к Линли:

– Что еще?

– Как вы провели ту ночь, когда умер Уильям Тейс?

– Я был в «Голубе и свистке».

– А после закрытия?

– Дома, в постели. Отсыпался. Один, к сожалению. – Станным, каким-то чересчур женственным жестом он отбросил волосы со лба. – Надо было мне прихватить с собой Ханну для алиби, но уж очень я не люблю, когда в ход идут наручники и хлыст. – С этими словами он перелез через каменную ограду и сердито зашагал прочь.

– "По нулям", – так, кажется, говорят в американских детективах? – Сержант Хейверс бросила фотографию на столик в «Голубе и свистке» и устало откинулась на спинку стула.

– Иными словами, никто никогда в глаза не видел Рассела Маури?

– Вот именно; разве что он обладает способностью к перевоплощению. Вот Тессу узнают сразу. Приподнимают брови. Задают вопросы.

– Что вы отвечали?

– Я напускала туману, а для важности бормотала всякие латинские пословицы. Все было хорошо, пока дело не дошло до «сик транзит...». Тут некоторые почему-то захихикали.

– Не хотите ли утопить свое разочарование в вине, сержант?

– Предпочту тоник, – ответила она и, подметив скептическое выражение на лице Линли, поспешила прибавить с улыбкой: – В самом деле, сэр, я почти не пью.

– У меня выдался весьма занятный денек, – сообщил ей Линли, возвращаясь со стаканом тоника. – Я столкнулся с Мэдлин Гибсон – пылающей страстью, в изумрудном negligé, под которым ничего не было.

– Как ужасна жизнь полицейского, – посочувствовала Хейверс.

– Гибсон ждал ее в спальне – тоже на взводе. Мой визит оказался как нельзя более кстати.

– Да уж.

– Однако сегодня мне удалось довольно много выяснить о Джиллиан. Ее называют солнышком и ангелом, кошкой в охоте и прелестнейшим созданием – смотря к кому обращаешься с расспросами. Или эта девушка была сущим хамелеоном, или кому-то здесь позарез нужно, чтобы мы сочли ее такой.

– Но для чего?

– Понятия не имею. Может быть, им просто нравится нагнетать таинственности. – Линли допил остатки эля и уселся поудобнее, расслабив уставшие за день мышцы. – Но гвоздем программы был мой визит на ферму Гемблер.

– В самом деле?

– Я шел по следам Джиллиан Тейс. Представьте себе эту картину. Что-то шептало мне, что ключ к разгадке – в комнате Роберты. Трепеща от нетерпения, как охотник, настигший добычу, я сорвал

верхний матрас с ее кровати – и чуть не лишился сознания. – Тут Линли принялся подробно описывать, что именно он там увидел.

Барбара брезгливо сморщилась:

– Хорошо хоть этого я не видела.

– Не беспокойтесь. У меня не достало сил водрузить матрас на место. Завтра мне понадобится ваша помощь. Скажем, сразу после завтрака.

– Черт побери! – хмыкнула она в ответ.

Когда они добрались до коттеджа, стоявшего на углу Бишоп-Фертинг-роуд, наступило время вечернего чаепития. Файф-о-клок, похоже, незаметно перешел в ужин: констебль Габриэль Лэнгстон открыл дверь, держа в руке тарелку, доверху наполненную едой. На столе ожидали куриные ножки, сыр, фрукты и пирожки на коричневом керамическом блюде.

Лэнгстон казался совсем еще мальчиком. Непонятно, как это его взяли служить в полицию. Имя Габриэль вполне подходило этому тоненькому юноше с блестящими светлыми волосами, младенчески гладкой кожей и словно бы еще не окончательно сформировавшимися чертами лица.

– Мне с-следовало с-сразу п-поговорить с вами, – пролепетал он, заикаясь и краснея. – К-как т-только вы п-приехали. Но м-мне с-сказали, в-вы с-сами п-придете, когда вам ч-что-ни-будь б-будет нужно.

– Несомненно, это сказал Нис, – предположил Линли. Его собеседник застенчиво кивнул, пропуская гостей в дом.

На столе стоял один прибор. Констебль поспешно поставил тарелку на место, обтер руку о штаны и протянул ее Линли.

– Р-рад п-познакомиться с в-вами. П-прости-те, что... – Краска все сильнее заливала его скулы и шею. Он беспомощным жестом коснулся губ, будто пытаясь исправить дефект речи или извиниться за него. – Ч-чаю? – предложил он.

– Спасибо, не откажусь. А вы, сержант?

– Да, спасибо, – подхватила Хейверс. Констебль кивнул с явным облегчением, улыбнулся и поспешил в маленькую кухню, примыкавшую к гостиной, где они находились. Коттедж, насколько могли судить посетители, был рассчитан на одного человека – спальня да гостиная, но здесь было безукоризненно чисто, пол подметен, пыль

вытерта, мебель отполирована. Единственное, что портило картину – слабый запах мокрой псины. Источник этого запаха лежал на изжеванном и потертом коврикe, греясь у электрического камина. Это был белый шотландский терьер. Приподняв голову, пес окинул прищельцев глубокомысленным взглядом, зевнул, вывалив длинный розовый язычок – и снова благодушно уткнулся носом в струю электрического тепла. Лэнгстон вернулся с подносом. За ним по пятам следовал второй терьер. У этого характер оказался поживее – пес сразу же бросился к Линли, радостно его приветствуя.

– Л-лежать! – Лэнгстон выкрикнул это настолько резко, насколько позволял его мягкий голос. Пес нехотя повиновался, а затем потихоньку убрался в другой конец комнаты к своему родичу и рухнул рядом с ним у камина. – В-вообще-то они славные ребята, инспектор. Извините.

Линли отмахнулся от извинений. Лэнгстон разливал чай.

– Продолжайте ужинать, констебль. Мы с Хейверс явились к вам не вовремя. Давайте поговорим, пока вы будете есть, не то все остынет.

Лэнгстону, по-видимому, это не представлялось возможным, хоть он и попытался вновь приняться за еду.

– Насколько я понял, отец Харт позвонил вам сразу же, когда нашел тело Уильяма Тейса, – приступил к делу Линли. Его собеседник с готовностью кивнул, и инспектор продолжал: – Когда вы прибыли на место, Роберта все еще находилась там? – Очередной кивок. – Вы сразу же вызвали подкрепление из Ричмонда? Почему? – Линли пожалел, что задал этот вопрос. «Дурак я», – обругал он себя. Легко ли было этому парню допрашивать свидетеля, тем более такого, как отец Харт, чей разум колеблется между двумя мирами.

Лэнгстон, уставившись в тарелку, пытался подобрать ответ.

– Полагаю, это позволяло как можно быстрее разобраться с делом, – вступилась Хейверс, и Лэнгстон благодарно кивнул.

– Роберта что-нибудь говорила? – Лэнгстон покачал головой. – С вами не говорила? А с людьми из Ричмонда? Тоже нет? – Линли покосился на Хейверс. – Выходит, она говорила только с отцом Хартом. – Он на миг призадумался. – Роберта сидела на перевернутой корзине, рядом с ней лежал топор, собака лежала под телом Тейса. Однако оружие, которым перерезали горло собаке, исчезло. Все верно? – Кивок. Лэнгстон впился зубами в третью по счету куриную

ножку, но при этом не сводил глаз с Линли. – А как поступили с собакой?

– Я... Я п-похоронил п-пса.

– Где?

– На заднем дворе.

Линли резко наклонился вперед:

– Возле вашего дома? Почему? Так распорядился Нис?

Лэнгстон сглотнул и обтер ладони о брюки. Печально глянул в сторону своих хвостатых приятелей, гревшихся у камина. Те приветливо завиляли хвостами.

– Я... – на этот раз ему мешало говорить не заикание, а смущение, – я люблю с-собак. Я не х-хотел, чтобы старого Усишки с-сожгли. Он... он дружил с моими ребятами.

– Бедняга, – пробормотал Линли, выходя на улицу. Сумерки быстро сгущались. Какая-то женщина, возвышая голос, звала домой ребенка. – Теперь понятно, почему он сразу же позвонил в Ричмонд.

– Почему он вообще решил сделаться констеблем? – удивилась Хейверс.

– Наверное, ему и в голову не приходило, что он может столкнуться с убийством, тем более с таким чудовищным. Разве подобное может произойти в Келдейле? Вся работа Лэнгстона сводилась к тому, чтобы вечером пройтись по деревне и убедиться, что все лавочки закрыты на замок.

– Что же теперь? – спросила Хейверс. – С собакой мы не сможем разобраться до утра.

– Верно! – Линли раскрыл золотые часы. – У меня остается двенадцать часов на то, чтобы уговорить Сент-Джеймса прервать свой медовый месяц и принять участие в расследовании. Что скажете, Хейверс? У нас есть шанс?

– Ему придется выбирать между Деборой и мертвой собакой?

– Боюсь, что так.

– Тогда лишь чудо поможет нам, сэр.

– Я же волшебник, – угрюмо заметил Линли.

Снова белое платье – больше надеть нечего. Барбара вытащила свой наряд из гардероба и критически осмотрела его. Сюда бы другой пояс, и получится неплохо. Или шейный платок. Взяла ли она с собой

шейный платок? Можно даже повязать косынку, которую она обычно набрасывает на голову, это добавит новый оттенок, освежит платье. Тихонько напевая, Барбара проводила инспекцию, свалив свои вещи в кучу на комод. Наконец ей удалось найти то, что требовалось. Шарфик в красно-белую клетку. Немного смахивает расцветкой на скатерть, но что тут поделаешь.

Подойдя к зеркалу, Барбара не без удовольствия всмотрелась в свое отражение. Деревенский воздух окрасил ее щеки здоровым румянцем, в глазах появился блеск. Она решила, что похорошела оттого, что занимается по-настоящему важным делом.

Ей понравилось самой обходить с расспросами местных жителей. Впервые инспектор полиции позволил ей работать самостоятельно, впервые старший напарник признал, что у нее тоже есть мозги. Это приключение так ободрило Барбару, что только теперь она осознала, насколько ее уверенность в себе была подорвана позорным разжалованием в патрульные. Она пережила тяжелые времена, в ней постоянно кипел гнев, изливаясь безудержными вспышками ярости, сменяясь депрессией: ее сочли недостойной, причислили к низшему разряду.

«К низшему разряду». Маленькие пороссячи глазки Джимми Хейверса глянули на нее из зеркала. Боже, она унаследовала отцовские глаза! Барбара поспешно отвернулась.

Ничего, теперь все пойдет по-другому. Она выбралась на правильный путь, и ничто не помешает ей отныне. Она будет сдавать экзамен на инспектора и на этот раз пройдет испытание. Она точно это знала.

Барбара сняла с себя твидовую юбку, с некоторым усилием стянула пуловер и сбросила ботинки. Пусть ей и не удалось раздобыть информацию о Расселе Маури, но все собеседники принимали ее вполне всерьез. Она представляла здесь Скотленд-Ярд и ничем себя не посрамила: выглядела компетентной, вдумчивой, проницательной. К этому она и стремилась – на равных с коллегами принимать участие в расследовании.

Барбара дополнила свой костюм, легкомысленно обмотав горло шарфиком, и спустилась по ступенькам к гостиную, где ждал ее Линли.

Линли в глубокой задумчивости рассматривал акварель с изображением аббатства. Стефа наблюдала за ним из-за стойки бара. Мужчина и женщина сами казались частью какого-то рисунка, но тут Стефа заметила Барбару.

– Выпьете на дорожку, сержант? – приветливо окликнула она.

– Нет, спасибо. Линли обернулся.

– Хейверс, – произнес он, рассеянно потирая виски. – Готовы к очередному походу в Келдейл-холл?

– Вполне! – ответила она.

– Ну так пошли. – Все так же рассеянно он кивнул на прощание хозяйке, подхватил Барбару под руку и повел ее из комнаты.

– Я думаю, как нам лучше подойти к этому, – заговорил он в машине. – Вам придется отвлекать этих жутких американцев, чтобы они не помешали мне переговорить с Сент-Джеймсом. Справитесь? Мне жаль обрекать вас на такую судьбу, но, боюсь, если старина Хэнк подслушает наш разговор, от него не отвяжаться.

– Нет проблем, сэр, – уверенно заявила Барбара. – Я сумею надолго занять его.

– Чем же это? – подозрительно уточнил Линли.

– Он с удовольствием поговорит о себе, любимом.

Линли расхохотался, внезапно помолодев и словно сбросив с себя усталость.

– Да, это должно сработать.

– Послушайте, Барби, – подмигнул Хэнк, – если вы с Томом всерьез занялись расследованием, вам следует провести пару ночек в этой гостинице. Что скажешь, Горошинка? Здесь после темноты такое творится!

Послеобеденная беседа происходила в ореховом зале. Белые брюки Хэнка ослепительно сияли, расшитая латиноамериканская рубашка распахивалась до самой талии, золотая депочка казалась грубой подделкой. Он глубокомысленно подмигивал Барбаре, стоя у камина в вызывающей позе, бессознательно позаимствованной у изображенных на каминной решетке херувимов: одна рука опирается на вплетенную в орнамент каменную примулу, придерживая пальцами стакан с изрядной порцией виски, третьей или четвертой за вечер;

другая рука уперта в бок, большой палец засунут за пояс. Не всякий умеет так себя подать.

Его супруга сидела в высоком кресле и печально-виновато поглядывала то на Дебору, то на Барбару. Барбара с удовлетворением отметила, что почти сразу же после обеда Линли и Сент-Джеймс удалились в каменный зал, а миссис Бертон-Томас прилегла на диван и тут же громко захрапела. Правда, храп раздавался столь нерегулярно, что Барбара заподозрила миссис Бертон-Томас в притворстве. А что бедняге оставалось делать? Хэнк разглагольствовал без передышки.

Барбара быстро глянула на Дебору: не сердится ли новобрачная, что муж оставил ее на растерзание Хэнку? На лице молодой женщины играли тени и отблески огня. Она держалась спокойно, но, почувствовав на себе взгляд Барбары, лукаво улыбнулась. Барбара догадалась, что Дебора прекрасно понимает суть происходящего, и подивилась ее великодушию.

Хэнк вновь раскрыл свою пасть, намереваясь подробно описать, что творится в Келдейл-холле с наступлением темноты. Линли и Сент-Джеймс только что вернулись в столовую.

– Во-первых, эти вопли. Третьего дня мне пришлось затворить окно, чтобы избавиться от чертового шума. Вы когда-нибудь слышали, чтобы павлины так орали?

– Павлины? – переспросила Дебора. – Господи, Саймон, оказывается, это был вовсе не младенец в аббатстве. Ты мне солгал?

– Я ошибся, – покаялся Сент-Джеймс. – Это было так похоже на младенческий плач. Значит, мы напрасно старались отвлечь злое предзнаменование?

– Похоже на младенческий крик? – изумленно переспросил Хэнк. – Вы были слишком заняты любовью, вот что я вам скажу. Это павлин орал, да так, что любому оркестру мог фору дать. – Хэнк уселся, расставив колени, опершись локтями на свои жирные ляжки. – Я подошел к окну и думаю: либо ставни закрыть, либо швырнуть в этого крикуна ботинком и вырубить его на месте. Я, знаете ли, бью без промаха. Я вам рассказывал? Нет? Ну, у нас там в Лагуне аллея, помните, где извращенцы из ушей вылезают. – Он приостановился, соображая, придется ли вновь растолковывать эту шуточку, но все поспешили притвориться, что его каламбур как нельзя более забавен, и

Хэнк со вздохом удовлетворения продолжал: – Я и напрактиковался, швыряя в них ботинки. Что скажешь, Соломинка? Верно я говорю?

– Верно, милый, – подтвердила Джо-Джо. – Он во что угодно с первого раза попадет, – засвидетельствовала она.

– Не сомневаюсь, – угрюмо пробормотал Линли.

Хэнк обнажил в улыбке зубы с новенькими коронками.

– И вот подхожу я к окну, думаю, сейчас вмажу чертовой птице, но тут замечаю кое-что покрупнее этой пташки.

– Неужели еще кто-то орал? – поинтересовался Линли.

– Да нет. Орал-то павлин, но я обнаружил во дворе кого-то еще. – Он дожидался взволнованных вопросов, но слушатели замерли в почтительном молчании. – Ладно, ладно, – расхохотался он и, чуть понизив голос, сообщил: – Дэнни и ее хахаль... как его, Аира, Иезекииль...

– Эзра?

– Точно! Целуются, как два голубка. Ага. «Решили воздухом подышать?!» – крикнул я им. Мужик как взвояет.

Все вежливо улыбнулись. Джо-Джо поглядывала на собеседников заискивающе, словно жаждущий ласки щенок.

– Но это еще не все. – Тут Хэнк снова приглушил раскаты своего голоса. – Оказалось, девица-то вовсе не Дэнни. Парень – Эзра, точно. – Он улыбнулся, торжествуя: теперь уж всем придется внимательно его выслушать.

– Еще бренди, Дебора? – предложил Сент-Джеймс.

– Спасибо.

Хэнк завертелся в кресле.

– Теперь он принялся за Анжелину. Представляете?! – Американец зашелся от смеха, хлопая себя в такт по коленке. – Этот Эзра – тот еще петушок, ребята. Не знаю, как у него с этим делом, но старается он всюю! – Хэнк отхлебнул из стакана. – Сегодня я попытался кое на что намекнуть Анжелине, но эту девчонку не прошибешь. Даже глазом не моргнула. Я вам говорю, Том, если хотите быть в курсе, надо вам тут поселиться. – Он испустил очередной вздох удовлетворения, поправляя на брюхе тяжелую золотую цепь. – ЛЮБОВЬ! Великое дело! Ничто так не действует на ум, как ЛЮБОВЬ! Вы согласны со мной, а, Сай?

– Да, у меня уже много лет голова идет кругом, – подтвердил Сент-Джеймс.

Хэнк ухмыльнулся.

– Смолоду втрескались, а? – Он фамильярно ткнул пальцем в Дебору. – Давно с ним хороводитесь?

– С детства, – не дрогнув, отвечала она.

– С детства? – Хэнк большими шагами пересек комнату и раздобыл еще бренди. Миссис Бертон-Томас громко всхрипнула, когда он проходил мимо нее. – Школьная любовь, как у нас с Горошинкой, а? Помнишь, Горошинка? Малость того-сего-сами-знаете-чего на заднем сиденье. У вас тут есть кинотеатры для автомобилистов?

– Полагаю, этот феномен присущ исключительно вашей стране, – заметил Сент-Джеймс.

– Чего? – Пожав плечами, Хэнк опустил в кресло. Бренди выплеснулось на белые штаны.

Это его ничуть не взволновало. – В школе познакомились?

– Нет. Мы познакомились в доме моей матери. – Саймон и Дебора обменялись заговорщическими взглядами.

– А, она вас и свела, так? Нас с Горошиной тоже специально познакомили. У нас с тобой есть кое-что общее, Сай.

– Вообще-то я родилась в доме его матери, – вежливо уточнила Дебора, – но выросла я в доме Саймона в Лондоне.

Хэнк обеспокоенно нахмурился.

– Слыхала, Горошинка? Так вы родственники, что ли? Двоюродные? – Легко было угадать, что мысленно он перебирает все ужасы близкородственных браков – гемофилия, вырождение...

– Вовсе нет. Мой отец... как ты называешь моего папу? Он твой лакей, камердинер или дворецкий?

– Он мой тесть, – сказал Саймон.

– Представляешь, Горошинка? – с благоговейным ужасом спросил Хэнк. – Вот это романтика.

Это было так внезапно, неожиданно. Придется как-то приспособливаться. У Линли оказалось слишком много граней, словно у бриллианта, обработанного рукой умелого ювелира. Каждый раз он поворачивался к ней новой стороной.

Он влюблен в Дебору. Это очевидно. Это можно понять. Но... влюблен в дочь слуги? Барбара тщетно пыталась переварить эту

новость. «Как могло подобное случиться с ним?» – дивилась она. Казалось, этот человек полностью контролирует свои чувства и свою жизнь. Как же он допустил, чтобы с ним такое стряслось?

Теперь она могла истолковать странное поведение Линли на свадьбе у Сент-Джеймса. Он вовсе не спешил отделаться от нее, Барбары, напротив, он торопился уйти от зрелища, причинявшего ему боль, не видеть, как любимая им женщина празднует свадьбу с другим.

И она понимала, почему из этих двоих Дебора выбрала Сент-Джеймса. Собственно, ей, наверное, и выбирать не пришлось, ведь Линли никогда бы не опустился до того, чтобы объясниться ей в любви и предложить брак. Разве Линли мог жениться на дочери слуги? Все его генеалогическое древо содрогнулось бы от корней до самой кроны.

И тем не менее он мечтал жениться на Деборе, и теперь он страдал, завидуя Сент-Джеймсу, который отважился пренебречь нелепым предрассудком, помешавшим самому Линли добиться счастья.

Как сказал Сент-Джеймс? «Мой тесть»? Два коротких слова уничтожили социальные барьеры, отделявшие его от жены.

Вот потому-то она и любит его, догадалась Барбара.

На обратном пути она исподтишка наблюдала за Линли. Каково это – знать, что ему не хватило мужества удержать Дебору, мучиться от того, что любви он предпочел титул и семейную спесь? Как же он терзается теперь, как презирает себя! Как он горестно одинок!

Линли почувствовал на себе ее взгляд.

– Вы сегодня хорошо поработали, сержант. Особенно в гостиной. Четверть часа удерживать Хэнка на месте – да за это можно и к медали представить.

Эта похвала согрела ее, словно глоток спиртного.

– Благодарю вас, сэр. Сент-Джеймс согласился помочь?

– Да, он согласился.

Он согласился, мысленно повторил Линли и цыкнул языком, выражая этим звуком презрение к самому себе. Папка с делом небрежно валялась на тумбочке у кровати. Линли уронил поверх документов свои очки, потер глаза и взбил подушки, чтобы удобнее было на них опираться.

Дебора заранее рассказала все мужу. Это было совершенно ясно. У Саймона был готов ответ на случай, если Линли попросит о помощи. Сент-Джеймс сразу же сказал: «Ну конечно же, Томми. Что надо сделать?»

Разве он мог ожидать от них другого! Дебора еще утром угадала, как беспокоится Линли из-за зашедшего в тупик расследования, и поспешила подготовить Сент-Джеймса, чтобы тот помог ему, и Сент-Джеймс, конечно же, согласился без колебаний. Малейшее колебание – и Линли вновь бы ощутил бремя вины, вновь бы ожил тот неукротимый раненый тигр, которого все трое старались усыпить.

Откинувшись на подушки, Линли устало прикрыл глаза. Утомленный разум скользил в прошлое, к счастливым воспоминаниям. Обворожительные картины прежних радостей, не омраченных ни болью, ни виной.

Таис близ царя сидит,
Любовь очей, востока диво;
Как роза – юный цвет ланит,
И полон страсти взор стыдливый.
Блаженная чета!
Величие с красою!
Лишь бранному герою,
Лишь смелому в боях наградой красота!^[4]

Нежеланно, непрошено выплыли из подсознания строки Драйдена. Линли заглушил их, загнал обратно, полностью сосредоточившись на этом усилии. Он даже не слышал, как отворилась дверь и кто-то подошел вплотную к его кровати. Он не замечал постороннего присутствия, пока прохладная рука не коснулась его щеки.

– Мне кажется, вы нуждаетесь в Оделл, инспектор, – шепнула Стефа.

Он ошарашенно уставился на нее. Он ждал, что светская маска вернется на его лицо, что перед вечерней посетительницей предстанет знакомый всему лондонскому свету повеса, который весело смеется, ночи напролет танцует и на каждое слово готов дать легкий и остроумный ответ. Но этого не случилось: явление Стефы, материализовавшейся из ниоткуда, разрушило последнюю линию обороны. Он разом утратил все навыки волокитства – единственное, что он сумел, это бестрепетно встретить взгляд ее прекрасных глаз.

Нужно было обрести чувство реальности, убедиться, что женщина не грезится ему, не порождена воспоминаниями. Протянув руку, Линли коснулся пышных волос. Какие мягкие, удивился он.

Поймав его руку, Стефа поцеловала ладонь, запястье. Ее язык тихонько заскользил по его пальцам.

– Позволь мне любить тебя сегодня. Позволь мне разогнать тени.

Она говорила едва слышным шепотом. Ее голос, казалось, тоже был частью сна. Но нежные руки скользили по его щекам, подбородку и шее, и, когда Стефа склонилась над ним и он ощутил сладость ее рта и прикосновение языка, Линли понял, что она – самая животрепещущая реальность, она – настоящее, пытающееся изгнать прошлое.

Он хотел бежать прочь от этого натиска, укрыться в том блаженном воспоминании, которое служило ему броней весь последний год, весь год, когда желание было мертво, тоска сделалась глухой, а жизнь – пустой и бессмысленной. Но женщина не позволила ему уклониться, она целенаправленно уничтожала защищавшие его доспехи, и Линли чувствовал не сладостное избавление, а ужас перед необходимостью душой и телом слиться с другим человеком.

Он не мог, просто не мог. Нельзя допустить, чтобы это произошло. Он отчаянно хватался за последние остатки своей брони, тщетно мечтая стать прежним, бесчувственным, полуживым, каким он был лишь полчаса назад, но этого мертвеца вытеснял другой, настоящий – нежный и уязвимый человек, что всегда прятался в нем.

– Расскажи мне про Пола.

Стефа приподнялась на локте, прикоснулась пальцем к его губам, обвела их. Свет ласкал ее волосы, ее плечи и грудь. Она млечно светилась, она источала едва уловимый аромат девонских фиалок.

– Зачем?

– Затем, что я хочу больше знать о тебе. Затем, что он – твой брат. Затем, что он умер.

Она отвела глаза.

– Что сказал тебе Найджел?

– Что смерть Пола все изменила.

– Так и есть.

– Бриди сказала, что он ушел, не попрощавшись.

Стефа вновь опустилась рядом с ним, и он обнял ее.

– Пол покончил с собой, Томас, – прошептала она, дрожа всем телом. Он теснее прижал ее к себе. – Бриди не говорили об этом. Мы все говорим, что он умер от болезни Хантингтона, В каком-то смысле так оно и есть. Эта болезнь убила его. Ты видел когда-нибудь человека, пораженного этим недугом? Похоже на пляску святого Вита. Человек не может управлять своим телом. Дергается, спотыкается, все время падает. А под конец и разум изменяет. Пол этого не допустил. Пол не такой! – Голос ее пресекался. Стефа с трудом перевела дыхание. Рука Линли скользнула к ее волосам, затем он прижался к ним губами.

– Бедняга!

– Он был еще способен понять, что больше не узнает свою жену, не помнит имени своего ребенка, не управляет собственным телом. У него оставалось еще достаточно разума, чтобы понять – наступило время умереть. – Она сглотнула. – Я помогла ему. Это был мой долг. Мы ведь с ним близнецы.

– Этого я не знал.

– Найджел не говорил?

– Нет. Найджел влюблен в тебя, ведь так?

– Да, – без всякого притворства отвечала она.

– Он приехал в Келдейл из-за тебя? Она кивнула.

– Мы вместе учились в университете. Все трое – Найджел, Пол и я. Когда-то я даже собиралась выйти за Найджела. Он не был тогда таким злым. Это я довела его. Но теперь я не могу выйти замуж.

– Почему?

– Потому что болезнь Хантингтона передается по наследству. Я – носитель. Я не хочу наградить этим ребенка. Довольно и того, что каждый раз, когда Бриди спотыкается или что-то роняет, мы думаем – она тоже унаследовала эту чертову болезнь. Не знаю, что бы я делала, если бы такое случилось с моим ребенком. Наверное, с ума бы сошла от тревоги.

– Вам не обязательно заводить детей. Можно усыновить.

– Да, разумеется. Найджел все время об этом твердит. Но я не вижу никакого смысла в браке, коли я не могу родить ребенка. Своего собственного здорового ребенка.

– Тот малыш, брошенный в аббатстве, был здоровым?

Стефа приподнялась, пристально всматриваясь в его лицо.

– Вы снова при исполнении, инспектор? Не слишком-то подходящий момент для этого, а?

Он сумрачно усмехнулся.

– Извини. Что-то вроде условного рефлекса. – И упрямо повторил: – Так девочка была здоровенькой?

– Откуда ты знаешь о младенце? Нет, не отвечай. Ясно: об этом говорят в Келдейл-холле.

– Похоже, сбылась местная легенда.

– Вроде того. Бертон-Томасы по всякому поводу твердили, что в гостинице можно иногда расслышать доносящийся из аббатства плач младенца. Подозреваю, на самом деле все проще: ветер завывает, попадая в щель между северным приделом разрушенного храма и главным нефом. Так бывает несколько раз в год.

– Откуда ты знаешь?

– Мы с братом еще подростками как-то провели там пару недель, пока не установили, откуда доносится этот звук. Разумеется, Бертон-Томасов мы разочаровывать не стали. По правде сказать, вой ветра не так уж и похож на плач младенца.

– Что же было с младенцем?

– Не даешь уклониться от темы? – Стефа прислонилась щекой к его груди. – Я мало что знаю об этом. Прошло уже три года. Отец Харт нашел девочку, поднял переполох, Габриэлю Лэнгстону пришлось расследовать эту историю.

Бедняга Габриэль! Ему так ничего и не удалось выяснить. Прошло несколько недель, возмущение улеглось. На похоронах присутствовала

почти вся деревня; на том и делу конец. Печальная история.

– Тебе стало легче, когда она закончилась?

– Конечно. Ужасы мне не по душе. Я не впускаю их в свою жизнь.

Я хочу заполнить ее смехом и безумным весельем.

– Наверное, других чувств ты просто-напросто боишься.

– Да. Но больше всего я боюсь прийти к тому, к чему пришла Оливия: вложить в человека всю душу и потерять его. Я не могу даже находиться с ней рядом. Пол умер, и она навеки погрузилась в траур. Я не хочу сделаться такой, как она. Ни за что! – Последние слова она произносила с силой и гневом, но глаза ее сияли непролитыми слезами. – Пожалуйста, Томас! – шепнула она, и тело его ответило, гибкое, как ртуть, расплавленное желанием.

Он потянул ее к себе, ощутил ее страсть и жар, услышал радостный вскрик и понял, что тени до поры отступили.

– А как же Бриди?

– В каком смысле?

– Она так одинока. Похоже, этот селезень – ее единственный друг.

Стефа рассмеялась. Свернувшись на боку, она легонько терлась о него спиной.

– Бриди у нас особенная, верно?

– Оливия совсем ею не занимается. Бриди растет как круглая сирота.

– Оливия прежде была другой. Но Бриди слишком похожа на Пола. Как две капли воды. Оливии тяжело даже смотреть на нее. Она так и не справилась с этой утратой. Наверное, она никогда с ней не справится.

– Так чего же ради она задумала вновь выйти замуж?

– Ради Бриди. Пол был строгим отцом. Оливия считала, что обязана кем-то заменить его. Уильям был готов занять его место. – Стефа говорила все медленнее, проваливаясь в сон, – Не знаю, чего она ждала от этого брака для самой себя. Но мне кажется, больше всего она мечтала о том, чтобы кто-то занялся Бриди. Могло бы получиться неплохо. Уильям умел справляться с Бриди. И Роберта была добра к ней.

– Бриди говорит, что и ты к ней добра.

– В самом деле? Мне удалось привести в порядок ее волосы. Вот обезьянка! Боюсь, больше я ни на что не способна.

– Ты сумела прогнать призраков, – прошептал он нежно, – ты справилась даже с этим.

Но Стефа уже спала.

На этот раз, проснувшись, Линли не сомневался в реальности происходящего. Она так и уснула, по-детски свернувшись, поджав коленки и пристроив под подбородок оба кулачка. Во сне Стефа хмурилась. Прядь волос щекотала ей губы. Линли невольно улыбнулся.

Бросил взгляд на часы. Около семи. Наклонившись, поцеловал обнаженное плечо. Женщина тут же открыла глаза, такие ясные, будто она и не спала вовсе. Погладила его по щеке, притянула его лицо к своему.

Линли принялся целовать ее рот, затем шею, добрался до груди и скорее почувствовал, чем услышал, как она затаила дыхание. Провел рукой вдоль всего стройного тела. Стефа вздохнула.

– Томас! – Он поднял голову, поглядел в сияющие глаза. – Мне пора.

– Нет еще.

– Погляди на часы.

– Еще минутку. – Он снова склонился к ней, ее руки запутались в его волосах.

– Ты... я... о, господи. – Стефа смущенно рассмеялась. Ее тело предало ее. Томас улыбнулся.

– Что ж, иди, если спешишь.

Она поднялась, поцеловала его на прощанье и скрылась в ванной. Томас остался в постели, наслаждаясь удовлетворением, какого он уже не надеялся вновь испытать, прислушиваясь к привычным звукам, доносившимся из душа. Как это он ухитрился прожить целый год в одиночестве? Женщина вернулась к нему, улыбаясь, расчесывая его щеткой спутавшиеся волосы. Подхватила серый халат и начала надевать его, грациозно изогнувшись.

И в этот момент в предательском свете раннего утра он увидел на ее теле несомненный признак того, что у этой женщины было когда-то дитя.

Барбара поднялась только тогда, когда услышала, как тихонько отворилась и снова захлопнулась дверь в комнату Линли. До тех пор

она лежала на боку, напряженно глядя в одну точку, скрежеща зубами так, что челюсть не на шутку разболелась. Семь часов подряд, с тех пор, как в комнате Линли начали раздаваться тихие шорохи и звуки, она мечтала лишиться всех чувств, оглохнуть, онеметь.

На негнущихся ногах Барбара подошла к окну и тупо уставилась на утреннюю улицу. Деревня казалась вымершей, ни красок, ни звуков. Так и должно быть, решила Барбара.

Хуже всего было прислушиваться к скрипу кровати, к этому ритмичному, без слов обо всем говорящему звуку. Он повторялся вновь и вновь – Барбара готова была завопить, ударить кулаком в стену, лишь бы положить этому конец. Однако наступившее молчание показалось ей еще хуже. Тишина била в уши тяжкими ударами, пока Барбара не догадалась наконец, что ее оглушает стук собственного сердца. И вновь заскрипела кровать. Конца этому не предвиделось. И негромкий женский вскрик.

Горячей сухой рукой Барбара коснулась окна и вздрогнула, ощутив влажную холодную поверхность стекла. Пальцы бессильно скользнули, оставив мокрые полосы. Барбара смотрела на эти следы так, словно то были важные улики.

Итак, покончено с безответной любовью к Деборе. Господи, да она, наверное, с ума сошла. Можно ли было подумать, что Линли – не тот, кем она изначально его считала. Грубый жеребец, бык-производитель, ненасытный самец, готовый доказывать свою мужскую силу любой женщине, которая повстречается на его пути.

Ладно, нынче ночью вы были на высоте, инспектор. Вознесли ее в рай три, а то и четыре раза, верно? Золотой мальчик, ничего не скажешь.

Барбара тихо и невесело рассмеялась. Приятно как-никак увериться, что она не ошиблась в этом человеке. Блудливый кот, гоняющийся за любой юбкой, ловко прикрывающийся аристократической утонченностью высшей знати. Но человеческую природу не скроешь. Поскреби самую малость, и правда выйдет на свет.

В соседней комнате загрохотала вода, звук резко обрушившихся струй показался Барбаре овацией в честь Линли. Покачнувшись, она отвернулась от окна и приняла решение. Теперь она знала, что нужно сделать сегодня.

– Придется прочесать весь дом, комнату за комнатой, – предупредил Линли.

Они стояли в кабинете. Барбара угрюмо перебирала книги на полках, перелистывала зачитанный томик Бронте. Линли наблюдал за ней. Сегодня она почти не разговаривала с ним, если не считать односложных ответов на его реплики за завтраком. Тоненькая нить взаимопонимания, объединившая их накануне, наутро оказалась порванной. словно назло своему партнеру, Барбара вновь надела светло-голубой костюм и нелепые цветные колготки.

– Хейверс! – резко окликнул он. – Вы меня слушаете?

Она медленно, вызывающе повернула голову.

– Слушаю каждое слово, инспектор.

– Тогда начнем с кухни.

– Одно из двух мест, где должна находиться женщина.

– И что вы хотите этим сказать?

– Ровным счетом ничего. – И она покинула комнату,

Линли озадаченно посмотрел ей вслед. Что творится с этой женщиной? Они так хорошо сработались, и вдруг она ведет себя так, будто готова от всего отказаться и вновь сделаться патрульным полицейским... Глупость какая. Уэбберли предоставил Хейверс шанс спасти свою карьеру. С какой стати она сегодня из кожи вон лезет, чтобы подтвердить дурное мнение, которое уже сложилось о ней у большинства инспекторов Скотленд-Ярда? Пробормотав ругательство, Линли задумался о других проблемах.

Сент-Джеймс, должно быть, уже приступил к работе. Тело собаки, завернутое в целлофан, и платье Роберты в том самом картонном ящике уже доставили в Ньюби-Уиск в багажнике «эскорта». Сент-Джеймсу предстоит вскрыть тело пса, провести анализы пятен и со свойственным ему умением дать заключение. Слава богу, участие Сент-Джеймса в деле гарантирует, что хоть какая-то часть расследования будет проведена по всем правилам.

Главный констебль Керридж из центрального управления графства Йорк был рад-радехонек, услышав, что его отлично оснащенной лабораторией собирается воспользоваться Алкерт-Сент-Джеймс. Что угодно, лишь бы забить последний гвоздь в гроб Ниса.

Линли сердито покачал головой и, подойдя к письменному столу Уильяма Тейса, выдвинул верхний ящик.

Ничего неожиданного. Ножницы, карандаши, смятая карта графства, лента для печатной машинки, рулетка. Карта ненадолго заинтересовала инспектора, он внимательно присмотрелся к ней, не хранит ли она следов лихорадочных поисков старшей дочери. Нет, никаких пометок, указывающих на местопребывание таинственно исчезнувшей девушки.

В остальных ящиках «улик» оказалось не больше, чем в первом: тюбик клея, две коробки неиспользованных рождественских открыток, три конверта с фотографиями, сделанными на ферме, бухгалтерские книги, записи о рождении ягнят, забытая пачка жевательной резинки. Ничто здесь не напоминало о Джиллиан.

Линли уселся к кресло. Взгляд его упал на подставку, удерживавшую огромную Библию. Повинуясь внезапной идее, он открыл ее на том месте, что прежде отметил закладкой.

"И сказал фараон Иосифу: так как Бог открыл тебе все сие, то нет столь разумного и мудрого, как ты;

Ты будешь над домом моим, и твоего слова держаться будет весь народ мой; только престолом я буду больше тебя.

И сказал фараон Иосифу: вот, я поставляю тебя над всею землею Египетскою.

И снял фараон перстень свой с руки своей, и надел его на руку Иосифа; одел его в виссонные одежды, возложил золотую цепь на шею ему;

Велел везти его на второй из своих колесниц и провозглашать перед ним: преклоняйтесь! И поставил его над всею землею Египетскою".

– Ищите указания свыше?

Линли оглянулся. В дверях кабинета, небрежно прислонившись к дверям, стояла Барбара. Холодный утренний свет не льстил ее угловатой фигуре, подчеркивал резкие черты лица,

– Закончили с кухней? – поинтересовался он.

– Решила передохнуть. – Хейверс вошла в комнату. – Закурить не найдется?

Линли рассеянно протянул напарнице свой портсигар и, подойдя к полкам, принялся просматривать книги, пока не дошел до тома

Шекспира. Вынул его и углубился в чтение.

– А Дейз рыжая?

Что за идиотский вопрос? Он не сразу понял, о чем идет речь. Когда Линли поднял голову, Барбара уже вернулась к двери и задумчиво водила пальцами по косяку, делая вид, будто ей все равно, как он ответит.

– Что такое?

Раскрыв портсигар, она прочла вслух надпись:

– «Дорогой Томас. Париж навсегда останется с нами, правда? Дейз», – и дерзко поглядела ему в глаза. Только теперь Линли заметил неестественную бледность ее щек, темные круги под глазами и предательскую дрожь руки, сжимающей портсигар. – Я вижу, этой девице нравится Богарт. Так она еще и рыжеволосая? – настаивала Хейверс. – Кажется, вы предпочитаете этот тип. Или любая сойдет?

Линли с ужасом осознал, что произошло с Барбарой, и слишком поздно догадался, какую роль в этой метаморфозе сыграл он сам. Он не знал, что ответить. Впрочем, ей и не требовалось ответа. Она могла продолжать свой монолог и без его участия.

– Хейверс...

Она остановила его, вскинув руку. Бледна как смерть. Нос заострился. Голос напряженный.

– Право же, это дурной тон, вам следовало бы самому отправиться к ней в комнату для ночных эскапад. Неужели вы даже этого не знаете, инспектор? Учитывая ваш опыт, вам не полагается забывать о таких мелочах. Разумеется, эта промашка не так уж важна, вероятно, вашу даму она вовсе и не задела. Еще бы, ведь на ее долю выпала такая необыкновенная удача.

Грубость тона усугубляла оскорбительный смысл каждого слова.

– Мне очень жаль, Барбара, – пробормотал Линли.

– О чем вам жалеть? – Она хрипло расхохоталась. – Разве в разгар страсти вспоминают о свидетелях? Я бы не стала думать, кто там у меня за стенкой. – Тут она ни с того ни с сего ухмыльнулась. – А ведь то, что произошло этой ночью, иначе как угаром страсти и не назовешь, верно? Я едва поверила своим ушам, когда вы принялись за дело во второй раз. Почти сразу же! Господи, да вы и передохнуть-то не успели!

Барбара подошла к полке и принялась рассеянно перебирать корешки книг.

– Я не знал, что вам все слышно. Извините меня, Барбара. Мне в самом деле очень жаль.

Она резко обернулась к нему.

– С какой стати вы извиняетесь? – настаивала она, и голос ее становился все пронзительнее. – Вы же не находитесь «при исполнении» двадцать четыре часа в сутки. Да и не ваша это вина, кто ж знал, что Стефа будет вопить во всю глотку?

– По крайней мере я вовсе не хотел как-то задеть ваши чувства.

– Вы не задели никаких таких чувств! – вскинулась она. – Чувства! Да как вам это в голову пришло! Скажем так: вы меня сильно заинтересовали. Я прислушивалась к тому, как вы возносились на небеса вместе со Стефой, – так три раза это было или четыре? – и гадала, удавалось ли вам заставить и Дебору так орать.

Выстрел наугад. Стрела угодила в цель. Она сразу увидела это, и лицо ее вспыхнуло злым торжеством.

– Это не ваше дело.

– Ну конечно же. Знаю, знаю. Но во время вашего второго раунда – он длился по крайней мере час, верно? – я не могла не пожалеть беднягу Саймона. Ему приходится из кожи вон лезть, чтобы вас переплюнуть.

– Вы неплохо подготовились к разговору, Хейверс. Ценю ваше усердие. Сняв белые перчатки, вы стреляете наповал. Я ничего не перепутал в метафорах?

– Оставьте ваш покровительственный тон! Нечего! – выкрикнула она. – Да кто вы вообще такой?

– Прежде всего, я для вас – старший офицер.

– Ах, в самом деле, инспектор. Самое время вспомнить о чинах. Что же мне теперь делать? Заняться этой комнатой? Уж извините, если я сегодня окажусь не слишком расторопной. Не выспалась ночью, знаете ли. – Сердитым жестом она сбросила одну книгу на пол. Линли видел, что женщина едва удерживается от слез.

– Барбара! – Женщина продолжала яростно выдергивать книги и, распахнув страницы, тут же бросала их на пол. Давно не читанные, отсыревшие тома наполняли комнату печальным запахом утраты и забвения. – Послушайте же!

До сих пор вы очень хорошо работали. Не стоит делать глупости.
Дрожа всем телом, она обернулась к нему:

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы получили шанс вернуться в следственный отдел. Не отказывайтесь от него только из-за того, что вы разозлились на меня.

– Я нисколько не сержусь! Мне плевать на вас!

– Разумеется, разумеется. Так я и думал.

– Мы оба знаем, почему меня назначили к вам в напарники. Для расследования требовалась женщина и притом такая, на которую бы вы не польстились! – Она словно выплевывала каждое слово. – Как только это дело закончится, меня снова отправят патрулировать улицы.

– Что вы несете?

– Да полно, инспектор. Не такая уж я дура. В зеркало иногда смотрюсь.

Он был потрясен до глубины души, лишь теперь догадавшись, что она вообразила.

– Так вы решили, что Уэбберли перевел вас в следственный отдел из боязни, что любую другую леди-офицера я уложу в постель? – Она молчала. – Вы так решили? – повторил он. Молчание. – Черт побери, Хейверс, отвечайте!

– Вот именно! – взорвалась она. – Только Уэбберли и не догадывается, что нынче все брюнетки и блондинки могут чувствовать себя в безопасности – все, а не только такая уродина, как я. Вам нужны рыжие, рыжие, как Стефа, взамен той, которую вы упустили.

– Это не имеет никакого отношения к нашему разговору

– Еще как имеет! Если б вы не были волком с тоски по Деборе, то не стали бы тратить полночи, ухайдакивая Стефу, и этого идиотского разговора попросту не было бы.

– Ну так давайте его прекратим, идет? Я уже извинился. Вы выразили все свои чувства и даже свои убеждения – крайне глупые, должен вам заметить. Полагаю, мы оба уже сказали все, что могли.

– Я-то, ясное дело, круглая дура! – ядовито заметила она. – А как насчет вас? Вы не женились на этой женщине только потому, что ее отец служит у Саймона, вы видели, как ваш ближайший друг женится на ней, вам предстоит провести всю свою жизнь, сожалея об упущенном, и вы еще говорите о моей глупости!

– Вы слишком мало знаете, чтобы судить, – холодно возразил он.

– Я знаю достаточно, чтобы счесть вас законченным глупцом. Вот факты: во-первых, вы влюблены в Дебору Сент-Джеймс, и нет смысла пытаться это отрицать. Во-вторых, она вышла замуж за другого. В-третьих, совершенно очевидно, что у вас с ней был роман, а отсюда мы легко можем перейти к факту номер четыре: вы не пожелали жениться на ней, и теперь будете всю свою распроклятую жизнь расплачиваться за ваши дурацкие великосветские предрассудки!

– Вы так уверены в моей роковой неотразимости? Думаете, стоит мне переспать с женщиной, и она уже мечтает стать моей женой? Верно?

– Вы издеваетесь надо мной! – Глаза ее сузились от злости, превратившись в две крошечные щелочки.

– Нисколько. И давайте на этом прекратим дискуссию. – Линли двинулся к двери.

– Ну конечно! Бегите! Именно этого я и ждала от вас, Линли. Пойдите потрахайтесь со Стефой еще разок. А как же Хелен? Ей приходится надевать рыжий парик, чтобы вы возбуждились? Она разрешает вам называть себя Деборой?

Линли почувствовал, как гнев жидким пламенем растекается по жилам. Чтобы успокоиться, он неторопливо достал часы, посмотрел на циферблат.

– Хейверс, я еду в Ньюби-Уиск за результатами анализов. У вас остается примерно три часа на то, чтобы осмотреть весь дом и найти хоть что-нибудь, любую зацепку, которая выведет нас на след Джиллиан Тейс. Раз уж вы проявили столь выдающиеся способности высасывать факты из пальца, эта проблема вас тоже не затруднит. Но если через три часа вы ничего не найдете, вы отстраняетесь от дела. Все ясно?

– Почему бы вам не отстранить меня прямо сейчас – и покончим с этим? – прохрипела она.

– Я люблю растягивать удовольствие, – пояснил он, вынимая портсигар из ее утративших цепкость пальцев. – Дейз – блондинка, – сообщил он на прощание.

– Не могу поверить! – фыркнула она. – Ей тоже приходится в интимные минуты надевать рыжий парик?

– Не знаю. – Он повернул портсигар, и стала видна старинная полустертая монограмма "А" на его боку. – Занятный вопрос. Можно

было бы спросить моего отца, будь он еще жив. Дейз – это моя мать. – Он поставил том Шекспира на полку и вышел.

Барбара застыла на месте, глядя ему вслед. Бешеный стук сердца, грохочущий в ее ушах, постепенно выравнивался, стихал. Боже, что она натворила!

«Вы хорошо работали... У вас есть шанс вернуться в следственный отдел. Не отказывайтесь от него только потому, что вы разозлились на меня».

Именно это она и сделала. Ее возмутила готовность, с которой Линли поддался чарам красивой женщины, она поддалась потребности восстать против него, свести с ним счеты, и позабыла свои благие намерения, свое страстное желание на этот раз удержаться в следственном отделе. Что на нее нашло?

Неужели она ревнует? Неужели она, безумица, хоть на единый миг поверила, что Линли однажды взглянет на нее и увидит вовсе не эту некрасивую коренастую женщину, обозленную на весь мир, разочарованную, чудовищно одинокую?

Неужели она начала уже втайне питать надежду, что Линли проявит к ней особого рода интерес, и это побудило ее столь свирепо наброситься на инспектора? Абсурд какой-то.

Нет, этого не может быть. Слишком много она знала про него. Ничего подобного с ней не могло случиться.

Она чувствовала себя совершенно опустошенной. Ей показалось, что виной всему атмосфера этого дома, обиталища призраков. Стоило ей провести здесь несколько минут, и она уже готова была рвать и метать, лезть на стену или выдирать собственные волосы. Вот в чем причина ее дикой выходки.

Подойдя к дверям кабинета, Барбара поглядела издали на посвященный Тессе уголок гостиной. Женщина на фотографии приветливо улыбалась. Не горят ли торжеством ее глаза? Можно подумать, Тесса заранее знала, что, едва войдя в этот дом, ощутив его тишину и мертвенный холод, Барбара была обречена на поражение.

Он дал ей три часа. Три часа, чтобы найти ключ к тайне Джиллиан Тейс.

Барбара сердито засмеялась, смех ее странно прозвучал в гулком пустом помещении. Он, конечно же, знал, что она потерпит неудачу, и тогда он с наслаждением отправит ее обратно в Лондон, патрулировать

улицы, нести бремя своего позорного провала. Так какого черта лезть из кожи? Можно уйти прямо сейчас, и пусть не растягивает удовольствие.

Барбара рухнула на диван в гостиной. Тесса продолжала с сочувствием наблюдать за ней. Но... но что, если она и впрямь найдет Джиллиан? Преуспеет там, где ничего не удалось самому Линли? И пусть он разжалует ее в патрульные, это уже не будет иметь значения, если она раз и навсегда поймет, что она на что-то способна, что она могла бы стать частью сплоченной команды.

Отличная идея. Барбара поскребла ногтями поношенную обивку дивана. Тихий скребущий звук. И так же тихо, где-то на самом краю ее сознания, как не высказанная вслух мысль, шуршали мыши.

Барбара задумчиво смерила взглядом лестницу.

Они устроились за угловым столиком в «Ключах и свечках», самом престижном пабе в Ньюби-Уиск. Толпа, собиравшаяся во время ланча, уже поредела. Кроме них в пабе оставались лишь завсегдатаи, пригубливавшие у стойки очередную кружку горького.

Они сдвинули пустые тарелки к краю стола, и Дебора разлила по чашкам только что поданный кофе. В соседнем помещении повар и мойщик посуды счищали с тарелок объедки, во весь голос обсуждая достоинства и недостатки трехлетки, которому предстояло бежать в Ньюмаркете. Повар поставил на него большую часть недельного жалованья.

Сент-Джеймс, как обычно, сахара не жалел. Когда четвертая ложечка белого песка плюхнулась в кофе, Линли не выдержал:

- Он хоть их считает?
- По-моему, нет, – откликнулась Дебора.
- Сент-Джеймс, это отвратительно. Как ты это пьешь?
- Подумаешь, лишняя ложечка, возразил Сент-Джеймс, передавая приятелю результаты анализа. – Надо же как-то отбить запах дохлой псины. Ты у меня в долгу, Томми.
- По уши. Что ты нашел?
- Пес истек кровью от раны в шею. Рана нанесена ножом, длина лезвия пять дюймов.
- На перочинный нож не похоже.

– Думаю, нож кухонный, для разделки мяса, например. Проводилась экспертиза всех ножей, какие нашлись на ферме?

Линли перебрал документы в своей папке.

– Скорее всего, да. Но подходящего не нашли. Сент-Джеймс призадумался.

– Интересно. Получается... – Но Сент-Джеймс не стал развивать невысказанную мысль. – Все равно, девушка созналась в убийстве отца, топор был найден там же, на полу...

– Без отпечатков пальцев, – вставил Линли.

– Пусть так. Однако, если общество защиты животных не вмешается по поводу убийства собаки, никому и не понадобится искать оружие, которым ее убили.

– Ты говоришь почти как Нис.

– Боже упаси. – Сент-Джеймс помешал кофе и хотел было добавить сахара, но тут его жена с безмятежной улыбкой отодвинула сахарницу подальше от мужа. Сент-Джеймс добродушно заворчал и продолжал свой отчет: – Есть, правда, кое-что еще. Барбитураты.

– Что?

– Барбитураты, – повторил по слогам Сент-Джеймс, – Обнаружились при токсикологиче-ком анализе. Вот, – Он перебросил Линли данные экспертизы.

Линли с удивлением заглянул в бумаги.

– Получается, пса усыпили?

– Да. Причем снотворного было столько, что животное находилось в бессознательном состоянии, когда его зарезали.

– В бессознательном состоянии! – Еще раз просмотрев отчет, Линли уронил бумагу на стол. – Значит, пса убили не затем, чтобы заставить его замолчать.

– Да уж. Он и звука издать не мог.

– Барбитуратов было достаточно, чтобы убить собаку? Может быть, кто-то попытался убить ее с помощью снотворного, а потом, увидев, что ничего не выходит, взялся за нож, чтобы прикончить бедолагу?

– Возможно и так. Однако это не сходится с тем, что ты рассказал мне об этом деле.

– Что же, по-твоему, не сходится?

– Этот твой «неизвестный» должен был проникнуть в дом, украсть снотворное, скормить его псу, подождать, пока оно подействовало, обнаружить, что пес не умирает, и тогда, сходяв еще разок за ножом, зарезать его. А что пес, пока не уснул? Покорно ждал, когда ему перережут глотку? Что же он не поднял лай?

– Погоди. Я за тобой не поспеваю. Почему за барбитуратами нужно было непременно идти в дом?

– Потому что именно это лекарство принимал Уильям Тейс, а он, я полагаю, держал снотворное дома, а не в хлеву.

Линли призадумался.

– А что, если «гость» принес таблетки с собой?

– Пусть так. Значит, кто-то дал собаке снотворное, подождал, пока оно подействует, затем перерезал псу глотку и стал дожидаться, чтобы в хлев пришел и сам Тейс.

– Между десятью вечера и полночью? С какой стати Тейс пришел бы в хлев в это время?

– Искать свою собаку?

– Но почему в хлеву? Почему не в деревне – пес ведь бегал, где хотел. С какой стати он вообще стал бы его искать? Все говорят, что пес бегал на воле. Почему именно в ту ночь Тейс стал бы волноваться за него?

Сент-Джеймс пожал плечами.

– Что понадобилось в хлеву Тейсу – это спорный вопрос, но он не имеет отношения к разговору о собаке. Только один человек мог убить Пса – и это Роберта.

Выйдя из паба, Сент-Джеймс разложил на капоте арендованного Липли автомобиля платье, материала которого хватило бы на небольшую палатку. Стараясь не обращать внимания на любопытные взгляды случившихся поблизости немолодых туристов, разыскивавших с фотоаппаратами на шее исторические достопримечательности, эксперт принялся указывать: пятно на внутреннем сгибе левого локтя, сплошь залитый подол, брызги на когда-то белом правом манжете.

– Это все кровь пса, Томми. – Он обернулся к жене. – Покажешь, милая? Как мы делали в лаборатории. Вот здесь, на лужайке.

Дебора с готовностью опустилась на колени, присела на пятки. Пышное янтарного цвета платье опало на землю, точно мантия. Сент-

Джеймс встал у нее за спиной.

– Дрессированный пес очень помог бы нам реконструировать события, но обойдемся и так. Роберта – полагаю, она добралась до отцовского снотворного – скормила псу таблетки. Вместе с ужином, скорее всего. Ей нужно было, чтобы собака осталась на ночь в хлеву, а не удрала по обыкновению в деревню. Когда пес уснул, она встала на колени – точно так, как сейчас Дебора. Только такая поза может объяснить подобное распределение пятен. Она подняла голову собаки, пристроила ее морду на сгибе своего левого локтя. – Сент-Джеймс осторожно повернул руку Деборы. – А затем правой рукой она перерезала ей глотку.

– Но это безумие. – Голос Линли охрип. – Зачем она это сделала?

– погоди, Томми. Голова пса была повернута в сторону от нее. Она вонзила нож ему в глотку – вот откуда эта лужа крови на подоле. Правой рукой она вела нож вверх, пока не закончила дело. – Он указал соответствующие места на платье Деборы. – Мы обнаружили кровь на локте, где лежала голова собаки, кровь на юбке – она хлынула из перерезанной шеи, и пятна на правом манжете – они появились в тот момент, когда она воткнула нож в горло собаки и повела его дальше. – Сент-Джеймс притронулся к волосам жены и поблагодарил: – Достаточно, дорогая.

Линли вернулся к машине и еще раз присмотрелся к пятнам на платье.

– Послушай, но какой же во всем этом смысл? Зачем она это сделала? Выходит, девушка с вечера в субботу надела на себя свой лучший наряд, пошла в хлев и перерезала горло псу, которого она знала и любила с детства? Но зачем?

– На этот вопрос я ответить не могу. Понятия не имею, что она думала. Я могу лишь установить, что она сделала.

– Может быть, она пошла в хлев, обнаружила там мертвого пса, приподняла его, положила его голову себе на колени и потому так перемазалась кровью?

Секундное молчание.

– Возможно. Но почти невероятно.

– Но все же возможно. Возможно.

– Да, Томми. Но очень маловероятно.

– М что же, по-твоему, было, дальше? Дебора и Сент-Джеймс обменялись взглядами.

Линли понял, что они уже обсудили дело и пришли к единому мнению, однако им неприятно сообщать его Линли.

– Ну же? – настаивал он. – Вы считаете, что Роберта убила свою собаку, а потом, когда ее отец пришел в хлев и увидел, что она натворила, у них вышла страшная ссора и она отрубила отцу голову?

– Нет, нет. Вполне возможно, что Роберта не убивала отца. Но она, несомненно, присутствовала при его убийстве. Это очевидно.

– Каким образом?

– Весь подол платья заляпан его кровью.

– Но, может быть, она пришла в хлев, обнаружила тело и в ужасе рухнула на колени?

Сент-Джеймс только головой покачал:

– Не пройдет.

– Почему?

Сент-Джеймс в очередной раз ткнул пальцем в разложенное на заднем сиденье платье.

– Посмотри, как легли пятна, Том. Кровь Тейса забрызгала платье. Ты сам прекрасно знаешь, что это значит. Как же кровь могла попасть на подол?

Линли с минуту помолчал.

– Она находилась рядом с ним, когда это произошло, – подытожил он.

– Иначе быть не могло. Если не она сама нанесла удар, то стояла рядом с тем, кто это сделал.

– Она покрывает кого-то, Томми? – предположила Дебора, догадавшись по лицу Линли о его мыслях.

Он не сразу ответил. Линли перебирал в уме различные модели: модели высказываний, модели представлений, модели поведения. Как странно, человек долго чему-то учится, прежде чем найти познаниям практическое применение. Теоретическое знание в конечном итоге неизбежно соединяется с опытом и приводит к некоей неопровержимой истине.

На вопрос Деборы он предпочел ответить вопросом.

– Сент-Джеймс, что бы ты сделал, как бы далеко ты мог зайти, чтобы спасти Дебору? – Опасный, смертельно опасный вопрос.

Неведомые воды, куда лучше было бы не заплывать.

– Ты насчет сорока тысяч братьев? – Голос Сент-Джеймса звучал ровно, но лицо нахмурилось, стало мрачным и угрожающим.

– Как далеко ты мог бы зайти?

– Оставь, Томми! – Дебора приподняла руку, заклиная его остановиться, не разбивать хрупкий хрусталь заключенного между ними союза.

– Ты мог бы скрыть истину? Мог бы принести в жертву собственную жизнь? Как далеко ты мог бы зайти, чтобы спасти Дебору?

Сент-Джеймс поглядел на жену. Она побледнела так, словно какое-то колдовство вмиг стерло живые краски ее лица; резко проступили веснушки на носу, глаза наполнились слезами. Он все понял. Линли вряд ли интересовали события в Эльсиноре, он спрашивал о том, что происходит здесь и сейчас.

– Я бы на все пошел, – ответил он, не сводя глаз с жены. – Богом клянусь. Я бы пошел на все.

Линли кивнул.

– Люди, как правило, готовы на все ради тех, кого они любят.

На этот раз он выбрал Шестую Патетическую симфонию Чайковского и улыбнулся, когда зазвучали первые мощные такты мелодии. Хелен, конечно, стала бы решительно возражать.

– Томми, дорогой, только не это! – заявляла она в таких случаях. – Ты доведешь нас обоих до депрессии и самоубийства. – И она принималась шарить среди его кассет, пока не отыщется что-нибудь подходящее, поднимающее настроение, и на полную громкость включала Штрауса, ухитрялась вдобавок забавно комментировать содержание оперетты, перекрикивая музыку.

Но нынче мрачная мелодия Патетической симфонии, беспощадно исследующей душевное страдание, как нельзя лучше соответствовала его настроению. Никогда еще Линли не воспринимал расследование так болезненно. Дело Тейса как тяжелый груз давило ему на сердце. Беда не в том, что он взял на себя ответственность выявить первопричину трагедии. Убийство – наиболее страшное из преступлений и по своей атаквистической жестокости, и по непредсказуемым последствиям. Оно подобно гидре. Каждый раз,

когда, стремясь уничтожить чудовище, отрубает одну голову, на ее месте вырастают две другие, гораздо более ядовитые. В прежних расследованиях рутинная работа позволяла Линли обнаружить средоточие зла, остановить кровавый поток, причем его самого, его душу прежние события непосредственно не затрагивали. На этот раз волна захлестнула его с головой. Он инстинктивно чувствовал, что смерть Уильяма Тейса – это лишь одна из голов чудовищной змеи, а прочие восемь еще только готовятся вступить с ним в бой. Линли пока не смог бы даже назвать истинного имени противостоящего ему зла, Однако самого себя он знал достаточно хорошо и понимал, что ужасная смерть, которая настигла фермера из Келдейла, отнюдь не единственная причина его отчаяния и безысходной тоски.

Линли огорчила и встревожила нелепая ссора с Хейверс. Но за беспочвенными и жестокими упреками озлобленной женщины таилась горькая правда о нем самом, скрывалась глубоко затрагивавшая его истина. Ведь он и в самом деле потерял год, пытаясь заполнить пустоту своей жизни без Деборы. Нет, не тем способом, о котором говорила Хейверс: ему претила плотская близость, когда душа и сердце молчат, а соединяются лишь тела, дают друг другу краткое наслаждение и вновь расстаются, ничем не связанные впредь, никак не изменившись в результате этой встречи. Даже такое поведение требует определенных эмоций, нужно хотя бы на миг прилепиться к другому человеку. Но весь последний год Линли, трусливо спрятав голову в песок, просто никого вокруг себя не замечал.

Неужели угрюмое одиночество и строгое воздержание этого года было не выражением любви к Деборе, а своего рода эгоистическим культом собственного прошлого? Повинуясь предписаниям этой уродливой религии, он стал подвергать каждую из встречавшихся на его пути женщин беспощадному анализу, и каждая из них не выдерживала сравнения – не с самой Деборой, а с тем мифическим божеством, которому он воздвиг храм в своей душе.

Теперь Линли отдавал себе отчет, что, вместо того чтобы попытаться забыть прошлое, он изо всех сил старался его удержать. Прошлое сделалось его супругой вместо самой Деборы. Как тяжело на сердце!

Мучительна была и мысль о том, что ему предстоит узнать о Стефе нечто запретное, тщательно ею скрываемое. Нет, к этому

знанию он пока не готов. Чуть позже.

Отзвучали последние такты симфонии. Шоссе, извивавшееся между болот, привело его в Келдейл. Осенние листья, красные, золотые, бледно-желтые, вылетали из-под колес автомобиля, кружились вихрем, предвещая скорую зиму. Линли притормозил возле гостиницы и с минуту тупо глядел в окно, гадая, удастся ли ему когда-нибудь заново сложить обломки своей жизни.

Хейверс, видимо, поджидала его. Она вышла на порог в тот самый момент, когда Линли выключал зажигание. Инспектор обреченно вздохнул, предчувствуя очередной конфликт, но Барбара и слова ему не дала вымолвить.

– Я нашла Джиллиан, – заявила она.

Как ни странно, ей удалось пережить это утро. Дикая ссора с Линли, ужасная комната Роберты – все это погасило ее гнев и горе, притупило чувства. Барбара решила, что Линли в любом случае отстранит ее от дела. Она это заслужила. Но пока он еще этого не сделал, она должна доказать ему, что она – отличный полицейский. Оставалось выдержать еще и эту, последнюю встречу, последнюю возможность показать себя.

Линли оглядел странную коллекцию, разложенную на столе в гостиной: альбом с искалеченными семейными фотографиями, зачитанный роман, фотография, найденная у Роберты в комод, еще одна фотография, где улыбались обе сестры, шесть сложенных совершенно одинаково пожелтевших газетных страниц.

Линли машинальным жестом потянулся за сигаретами, закурил и присел на диван.

– Что это, сержант? – спросил он.

– Ключ к исчезновению Джиллиан, – ответила она, стараясь говорить как можно спокойнее, но Линли подметил дрожь в ее голосе. Стараясь скрыть замешательство, Барбара откашлялась.

– Придется вам все объяснить, – попросил Линли. – Хотите сигарету?

Пальцы Хейверс потянулись к портсигару, она так нуждалась в успокоительном глотке дыма, но понимала, что, зажигая сигарету, не сможет скрыть охватившую ее руки дрожь.

– Нет, спасибо, – отказалась она, еще раз глубоко вздохнула и, глядя прямо в суровые глаза старшего офицера, начала свой рассказ с вопроса: – Что ваш камердинер Дентон стелит на дно ящика с бельем?

– Бумагу, полагаю. В жизни не обращал на это внимание.

– Бумагу, но не газету, верно? – Она села прямо напротив Линли, нервно сжимая и разжимая кулаки. Ногти все больше впивались в незащитные ладони. – Газета не годится – краска может запачкать белье.

– Верно.

– Вот я и удивилась, когда вы сказали, что Роберта подстилала под белье газеты. И еще я припомнила, как Стефа говорила, что Роберта

одно время каждый день приходила к ним за «Гардиан».

– Пока не умер Пол Оделл. С тех пор она не приходила.

Барбара заправила выбившиеся пряди волос за уши. Не важно, твердила она себе, пусть он даже не поверит ей, пусть высмеет те выводы, к которым она пришла, проведя три часа в той страшной комнате.

– Только мне кажется, она перестала приходить за газетой не из-за Пола, а из-за Джиллиан.

Линли посмотрел на газету и понял, на что обратила внимание Барбара: в ящиках своего комода Роберта хранила страницу частных объявлений. Более того, хотя газетных листов было шесть, это были всего лишь две разные страницы, по три экземпляра каждой. В газете было что-то важное для Роберты, настолько важное, что она хранила на память несколько экземпляров этого номера.

– Колонка частных объявлений, – пробормотал Линли. – Джиллиан послала ей весточку.

Барбара придвинула к себе одну страницу и провела пальцем по столбцу объявлений.

– «Р. Посмотри объявление. Дж.», – прочла она. – Полагаю, это и есть наше сообщение.

– Какое объявление она имеет в виду? Барбара протянула ему вторую страницу:

– Полагаю, вот это.

Линли внимательно прочел четырехгодичной давности сообщение о публичной дискуссии, назначенной в Харрогите. В дискуссии участвовала группа воспитанников некоего «Тестамент Хауса». Приводился список участников, но Джиллиан Тейс среди них не числилась. Линли поднял глаза и чуть насмешливо поглядел на свою подчиненную:

– Ничего не понимаю, сержант.

Она удивленно приподняла брови:

– Разве вы не знаете, что такое Тестамент Хаус? Ну да, я забыла, вы-то давно уже не патрулируете улицы. Тестамент Хаус – это такое заведение возле Фицрой-сквер, его создал один священник. Прежде он преподавал в университете, но однажды студент спросил его, почему он сам не осуществляет то, к чему призывает – накормить голодных и

одеть нагих, – и тогда он решил, что именно этому должен посвятить свою жизнь. И он основал Тестамент Хаус.

– Так что это?

– Приют для бездомных. Подростки, промышляющие проституцией, – и мальчики, и девочки, юные наркоманы, какого бы цвета кожи они ни были, и вообще все ребята моложе двадцати одного года, которые ошиваются в районе Трафальгар-сквер или Пикадилли или где-нибудь на вокзале, покуда их не подберут сутенеры и сводни. Он занимается этим уже много лет. Все уличные полицейские знают его, мы всегда отводим к нему детишек.

– Речь идет об упомянутом здесь достопочтенном Джордже Кларенсе, да?

Барбара кивнула.

– Он организует дискуссии и другие мероприятия, чтобы собрать деньги на содержание приюта.

– И вы хотите сказать, что Джиллиан Тейс добралась до Лондона и оказалась в этом заведении?

– Ну да.

– Докажите.

Сколько времени ей понадобилось, чтобы обнаружить это объявление, чтобы расшифровать его смысл, и теперь все – и в особенности, надо признать, ее карьера – зависит от того, сумеет ли она убедить Линли.

– Вот она. Барбара указала на одно из имен в списке, третье по счету.

– Нелл Грэхем?

– Да.

– Вы совершенно сбили меня с толку.

– Я думаю, это имя, «Нелл Грэхем», и есть то самое сообщение, которого ждала Роберта. Много лет она каждый день прилежно изучала газету, надеясь узнать, что случилось с ее сестрой. «Нелл Грэхем» означало, что Джиллиан в безопасности.

– Но почему «Нелл Грэхем»? Почему не... – он глянул на другие имена в списке, – к примеру, Теренс Хановер, Каролин Полсон или Маргарет Крист?

Хейверс указала на зачитанную до дыр книгу, также красовавшуюся на столе.

– Никто из персонажей сестер Бронте не носит таких имен, – пояснила она. – Зато в романе Эми Бронте есть Хелен Хантингдон, женщина, нарушившая общественные правила своего времени и бросившая мужа-алкоголика, чтобы начать новую жизнь. Она полюбила человека, ничего не знавшего о ее прошлом, которому она была известна под вымышленным именем «Хелен Грэхем». Нелл Грэхем, инспектор, – повторила она и стала с ужасом ожидать его приговора.

И вот она услышала ответ – совершенно неожиданный, полностью ее обезоруживший.

– Bravo, Барбара! – негромко произнес он. Глаза его сияли, на губах заиграла улыбка. Полный энтузиазма, Линли наклонился к ней. – Какова ваша гипотеза, как Джиллиан попала в этот приют?

Напряжение было столь велико, что теперь Барбара чувствовала, как дрожь облегчения охватила все ее тело. Она резко вдохнула, пытаясь заговорить.

– Моя... Думаю, Джиллиан сумела добраться до Лондона, но там деньги у нее кончились. Ее подобрали либо на улице, либо на вокзале.

– Почему ее не отправили обратно к отцу?

– В Тестамент Хаусе другие правила. Они уговаривают ребят вернуться домой или хотя бы позвонить родителям и сказать, что у них все в порядке, но никого не заставляют делать это насильно. Если подросток предпочтет оставаться в приюте, все, что от него требуется – соблюдать правила. И никто не задает ему никаких вопросов.

– Джиллиан было шестнадцать лет, когда она сбежала. Если Нелл Грэхем – это она, ей должно было исполниться двадцать три года ко времени той дискуссии в Харрогите. Разве она могла столько лет оставаться в Тестамент Хаусе?

– Это вполне возможно, если ей некуда было идти. Для человека, не имеющего семьи, жизнь в приюте – лучший выход. Во всяком случае, теперь мы можем проверить.

– Попытаемся встретиться с ней! – решительно подхватил инспектор, поднимаясь на ноги. – Собирайте вещи. Через десять минут выезжаем. – Покопавшись в своей папке, он достал фотографию Рассела Маури. – Отдадите это Уэбберли, когда приедете в Лондон, – распорядился он, торопливо надписывая что-то на обороте фотографии.

– Когда приеду в Лондон? – У нее сердце ушло в пятки. Значит, он все же отстраняет ее от расследования. Что ж, именно этим он пригрозил ей после ссоры на ферме. На что она могла рассчитывать?

Линли еще не закончил давать ей указания: – Разыщите ее, сержант. Привезите в Келдейл. Думаю, Джиллиан – единственный человек, который может помочь нам разговорить Роберту. Как вы полагаете?

– Я... А как же?... – Она запнулась, не решаясь поверить своим ушам. – Разве вы не позвоните Уэбберли? Разве кто-то еще не... Разве вы сами не поедете?

– У меня и здесь дел хватает. Разыщите Джиллиан, удостоверьтесь, что Нелл Грэхем – это она. Побыстрее. Надо срочно выехать в Йорк, чтобы вы успели на поезд.

– Но как я... Как с ней обращаться? Неужели просто...

Линли только рукой махнул:

– Я полностью полагаюсь на вас, сержант. Привезите ее сюда – и как можно скорее.

Барбара наконец разжала кулаки. Все тело казалось ватным и вялым.

– Хорошо, сэр, – покорно прошептала она.

Барабанив пальцами по рулю, Линли задумчиво созерцал красивый дом на пологом склоне холма. Он мчался как бешеный и успел посадить Хейверс на трехчасовой лондонский поезд. Теперь он приехал к дому Рассела Маури и пытался решить, как поговорить с его хозяйкой. Разве не лучше знать правду, как бы она ни была горька? Хотя бы этот урок он уже усвоил.

Женщина встретила его у двери. Она подозрительно оглянулась через плечо, и Линли сразу угадал, что на этот раз его визит еще менее уместен, чем в прошлый приезд.

– Дети только что вернулись из школы, – пояснила она, выходя на порог и закрывая за собой дверь. Она поплотнее запахнула кардиган, облекавший ее изящное, почти девичье тело. – Вы... вы что-то узнали о Расселе?

Линли постарался напомнить себе, что Тесса и не должна интересоваться судьбой дочери. Она отрезала от себя прошлое, произвела ампутацию и ушла, не оглядываясь.

– Вам нужно обратиться в полицию, миссис Маури.

Она побледнела:

– Это не он. Он не мог.

– Вы должны позвонить в полицию.

– Не могу! Не могу! – шепотом повторяла она.

– Он не был у своих лондонских родственников, верно? – Женщина торопливо покачала головой, отворачиваясь от инспектора. – Они слышали что-нибудь о нем? – Снова тот же отрицательный жест. – Стало быть, пора выяснить, что с ним случилось? – На этот раз женщина не ответила. Линли бережно взял ее за руку и продолжал расспросы: – Зачем Уильям хранил все эти ключи?

– Какие ключи?

– Мы нашли коробку с ключами на полке в его платяном шкафу. Больше нигде в доме ключей нет. Вы знаете почему?

Тесса наклонила голову, приложила руку ко лбу, вспоминая.

– А! Я уж и позабыла, – пробормотала она. – Он их спрятал, когда Джиллиан начала капризничать.

– Как это произошло?

– Ей было тогда лет семь. Даже ближе к восьми. Да, я уже была беременна Робертой. Скандал начался вроде бы ни с того ни с сего. Знаете, как бывает: слово за слово, настоящая семейная драма, спустя годы вспомнят и дружно смеются над этим недоразумением. Как-то раз Уильям за ужином сказал: «Джилли, сегодня мы будем вместе читать Библию». Я сидела рядом, мечтала о чем-то. Джилли всегда отвечала: «Да, папочка». И вдруг она решила, что этим вечером она не хочет читать Библию, а Уильям столь же непреклонно настаивал, что они будут читать. Девочка впала в истерику, убежала в свою комнату и заперлась там.

– Что же дальше?

– Джилли никогда прежде не перечила отцу. Бедняга Уильям так и остался сидеть за столом в полной растерянности. Он не знал, как ему поступить.

– А что сделали вы?

– Я ничем не могла помочь. Попыталась поговорить с Джилли через дверь, в комнату она меня непустила. Кричала, что больше никогда не будет читать Библию и никто ее не заставит. Потом принялась швырять чем-то в дверь. Я... я вернулась в столовую к Уильяму. –

Женщина покачала головой, выражая одновременно замешательство и восхищение. – Знаете, Уильям даже не стал ее ругать. Он никогда этого не делал. Просто собрал ключи от всех дверей и спрятал их. Сказал, что он бы никогда не простил себе, если б в ту ночь дом загорелся и он не смог бы спасти Джиллиан, потому что она заперлась изнутри.

– И они снова стали читать Библию?

– Нет. Больше он никогда не звал Джилли читать вместе Библию.

– Он читал ее с вами?

– Нет. Один.

В этот момент к двери подошла дочь Тессы. В руке она держала кусок хлеба, ее губы были перемазаны вареньем. Хрупкая, в мать, но с темными волосами и пронизательными глазами отца. Девочка с любопытством уставилась на незнакомца.

– Мама! – воскликнула она чистым и нежным голосом. – Что-то случилось? С папой?

– Нет, милочка, – торопливо откликнулась Тесса. – Сейчас я вернусь в дом. – И она снова обернулась к Линли.

– Вы хорошо знакомы с Ричардом Гибсоном? – продолжал он.

– С племянником Уильяма? Да, конечно. Это был тихий мальчик, очень милый, с прекрасным чувством юмора. Так мне помнится. Джилли его обожала. Почему вы спросили о нем?

– Уильям завещал ферму ему, а не Роберте. Женщина нахмурила лоб:

– А почему не Джилли?

– Миссис Маури, Джиллиан сбежала из дому, едва ей исполнилось шестнадцать лет. С тех пор о ней никто ничего не слышал.

Тесса резко втянула в себя воздух, ошеломленная неожиданной новостью, словно грубым ударом. Изумленно уставилась на Линли.

– Нет! – произнесла она, не в силах поверить.

Он неумолимо продолжал:

– Ричард уехал примерно в то же время. Возможно, Джиллиан последовала за ним, а потом отправилась в Лондон.

– Но почему? Почему? Что могло случиться? Линли прикидывал, что можно ей рассказать.

– У меня сложилось впечатление, – теперь он взвешивал каждое слово, – что у нее были определенные отношения с Ричардом.

– Уильям обнаружил это? В таком случае он должен был бы на части разорвать Ричарда.

– Допустим, он и в самом деле это узнал, а Ричард догадывался, какой будет реакция его дяди. Это могло побудить его покинуть деревню?

– Думаю, что да. Но тогда непонятно, почему Уильям оставил ферму ему, а не Роберте.

– По-видимому, он заключил с Ричардом соглашение. Роберта должна была оставаться на ферме и жить вместе с Ричардом и его семьей, однако землю унаследовали Гибсоны.

– Но ведь Роберта должна будет когда-нибудь выйти замуж. По-моему, это несправедливо. Разве Уильям не хотел, чтобы ферма досталась его потомкам, его внукам – если не от Джилли, то от Роберты?

Прислушиваясь к ее словам, Линли осознал, что от прежней семьи эту женщину отделяет бездна глубиной в девятнадцать лет. Она ничего не ведала о Роберте, не догадывалась о тайных припасах съестного, о нынешнем состоянии дочери, раскачивающейся в забытьи на больничной койке. Роберта была для нее лишь именем, пустым призраком, и этому призраку предстояло выйти замуж, нарожать детей, состариться, Роберта не была реальным существом для своей матери. Ее как бы и не было вовсе.

– Вы никогда не вспоминали о них? – спросил он. Женщина глядела себе под ноги так внимательно, будто для нее не было ничего важнее гладких потертых носков ее туфель. Она молчала, и Линли настойчиво повторил свой вопрос: – Неужели вы не пытались представить себе, как они живут? Не фантазировали, какими стали девочки, как они выглядят?

Вместо ответа она один раз резко качнула головой. Когда она заговорила, напряженный голос выдал давно сдерживаемые чувства. Глаза смотрели куда-то вдаль, в сторону кафедрального собора.

– Я не могла себе это позволить, инспектор. Я знала, что они в безопасности. Я знала, что с ними все в порядке. Для меня они умерли. Иначе я сама не могла бы выжить. Вы понимаете меня?

Несколько дней назад он бы не сумел это понять. Но сейчас все было по-другому.

– Да, – откликнулся он, – я понимаю. – Он кивнул на прощанье и направился к машине.

– Инспектор! – Он обернулся, не успев еще снять руку с дверной ручки. – Вы же знаете, где Рассел, да?

Она могла прочесть ответ на его лице, но предпочла услышать ложь.

– Нет, – отвечал он.

Эзра Фармингтон жил напротив «Голубя и свистка» в коттедже по соседству с Маршей Фицалан. Как и садик учительницы, его участок тоже был обихожен и засажен цветами, однако не так старательно. Казалось, Эзра принялся за дело с наилучшими намерениями, но их, как и кусты в его саду, потрепала и согнула жизнь. Кустарник был красив, но нуждался в стрижке, на клумбы надвигались армии сорняков, однолетние цветы пора было выкапывать и выбрасывать прочь, чересчур большая лужайка осталась некошеной.

Фармингтон вовсе не обрадовался этой встрече. Услышав стук в дверь, он встал на пороге, загораживая вход в дом. Заглянув поверх его плеча, Линли догадался, что художник затеял ревизию: на диване и на полу были разложены многие десятки рисунков. Некоторые уже были разорваны в клочья или яростно скомканы, другие валялись под ногами. Эта великая чистка сама по себе казалась творческим усилием, и затеявший ее художник был уже изрядно пьян.

– Инспектор? – с преувеличенной любезностью произнес Эзра.

– Разрешите войти? Хозяин пожал плечами.

– Почему бы и нет? – Он пошире распахнул дверь и небрежным жестом пригласил Линли в дом. – Извините за беспорядок. Выбрасываю всякий мусор.

Линли осторожно перешагнул через несколько акварелей.

– Четырехлетней давности? – спросил он наугад.

И попал в цель. Достаточно было взглянуть на лицо Эзры: ноздри затрепетали, губы исказились гримасой.

– Че, собсно, вы имеее в'вдут? – Эзра сам почувствовал, как заплетается его язык, и попытался овладеть собой.

– В котором часу произошла ваша ссора с Уильямом Тейсом? – спросил Линли, пропустив мимо ушей эту реплику.

– В котором часу? – Эзра пожал плечами. – Понятия не имею. Выпьем, исп... инспектор? – Напряженно улыбаясь, Эзра проследовал в другой угол комнаты и налил себе джина. – Не хотите? С вашего разрешения. – Он отхлебнул глоток, поперхнулся, расхохотался и ударил себя по губам с такой силой, что едва устоял на ногах. – Черт побери! Уже и спиртное проглотить не могу!

– Вы возвращались с болота. Вряд ли вы бы отважились на такую прогулку в темноте.

– Разумеется, нет.

– На ферме играла музыка, так?

– Ага! – Эзра взмахнул стаканом. – Целый оркестр грохотал. Можно было подумать, там парад устроили.

– Вы видели только Уильяма Тейса? Больше никого?

– Наш друг Найджел, собачий поводырь, считается?

– Кроме Найджела.

– Не-а! – Эзра вновь поднял стакан и на этот раз осушил его. – Роберта небось была в доме. Пластинки переворачивала, бедная толстушка. На что еще она годится? Разве что... – тут блеклые глазки на миг сверкнули, – разве что папочке голову отрубить. Лиззи Борден, да и только! – И он расхохотался во всю глотку.

Линли пытался понять, с какой целью этот человек ведет себя столь отталкивающе, для чего тратит силы, укрепляя и постоянно демонстрируя самые уродливые и нестерпимые свойства своего характера? Он видел его ярость и ненависть, его презрение к людям, до того сильное, что оно, ей-богу, готово было вот-вот отделиться от хозяина и на правах третьего собеседника принять участие в разговоре. Этот талантливый человек разрушал себя, уничтожая свой дар, единственное оправдание своего существования.

Эзра, все еще хохоча, направился в сторону ванной. Линли взгляделся в те рисунки, которые художник не решился уничтожить, и угадал причину его беспросветного отчаяния.

Выполненные углем, карандашом, пастелью, красками, передавая страсть и страдание, каждое движение истерзанной души художника, на Линли со всех сторон смотрели изображения Стефы Оделл.

Услышав шаги хозяина, Линли отвел глаза от его рисунков, заставил себя посмотреть на самого Эзру. Он словно впервые видел его – женолюба и лицемера, превратившего прежнее горе в оправдание

нынешних проступков. Он увидел в Эзре своего двойника, человека, которым он сам чуть было не стал.

Войдя в метро на станции Кингз-Кросс, Барбара доехала по Северной линии до Уоррен-стрит. Оттуда было лишь несколько минут пешком до Фицрой-сквер. По пути она обдумывала предстоящую ей задачу. Джиллиан Тейс, безусловно, по уши увязла в этой истории, но доказать это будет не так-то легко. Если девушке удавалось скрываться одиннадцать лет подряд, значит, ума у нее хватит и на то, чтобы подготовить себе непробиваемое алиби на ночь убийства. Барбара решила: как только она найдет Джиллиан – если Нелл Грэхем и в самом деле Джиллиан и если удастся отыскать ее с помощью той скудной информации, которой они располагают, – следует немедленно, в ту же ночь доставить ее в Келдейл. Не оставлять ей лазеек, на худой конец арестовать. Барбара мысленно перебирала все, что было ей известно о Джиллиан. Буйная молодость, сексуальная распушенность, умение скрывать все это под личиной ангельской невинности. С такой хитроумной особой можно действовать только силой. Прямо, просто, агрессивно и беспощадно.

Фицрой-сквер, чистенький, отстроенный заново район Истона, казался не самым подходящим местом для трудных подростков. Двадцать лет назад, когда эта площадь была не более чем оставшимся после войны прямоугольником разбитой мостовой, окруженным полуразрушенными домами с пустыми впадинами на месте окон, Фицрой-сквер вполне мог служить убежищем для подонков столицы. Но теперь площадь выглядела такой новенькой и ухоженной, в центре сквера, заботливо огражденная от посягательств прохожих, произрастала свежая травка, каждый дом радовал глаз не состарившейся еще покраской, и полированные двери блестели в лучах вечернего солнца, и было почти невозможно поверить, что здесь по-прежнему находят приют забытые и отвергнутые обществом, напуганные и обиженные дети.

Приют располагался в доме номер 11, внушительном здании в георгианском стиле, фасад которого был закрыт строительными лесами. Мусорный ящик, переполненный обломками штукатурки, банками из-под краски и пустыми картонными упаковками, свидетельствовал, что и Тестамент Хаус последовал примеру соседей

и стремится к обновлению. Парадная дверь была распахнута, оттуда доносилась музыка, не грубоватый рок-н-ролл, вполне уместный для сборища заблудших подростков, а неясный перебор классической гитары. Больше не было слышно ни звука, слушатели явно полностью подпали под очарование музыки. Но, как догадалась Барбара, дежурным на кухне не удалось послушать концерт – с кухни доносились запахи томатного соуса и специй, возвещавшие приближение ужина.

Поднявшись по ступенькам, Барбара вошла в дом. Длинный коридор был застлан красным ковром, настолько старым, что в некоторых местах сквозь него просвечивал пол. На стенах никаких украшений, только доски с объявлениями о рабочих вакансиях, правилами поведения и распорядком дня. В центре висело расписание занятий в университете на Говер-стрит. Его окружали большие стрелы, вырезанные из картона. Рядом – названия клиник, оказывающих помощь алкоголикам и наркоманам, сообщения службы планирования семьи. Внизу на отрывных листках несколько раз повторялся телефон службы спасения самоубийц. Барбара отметила, что большинство этих листков уже кому-то понадобилось.

– Привет! – окликнул ее бодрый голос. – Чем могу помочь?

Барбара обернулась и увидела в регистратуре пухленькую даму средних лет, лихо сдвинувшую очки в роговой оправе на затылок, поверх пучка поседевших волос. Приветливая улыбка тут же исчезла, как только Барбара предъявила свое удостоверение. С верхнего этажа по-прежнему лилась музыка.

– Что-нибудь случилось? – забеспокоилась дама. – Вам нужно поговорить с мистером Кларенсом.

– Нет, – возразила Барбара, – возможно, это и не понадобится. Я ищу вот эту молодую женщину. Ее зовут Джиллиан Тейс, но здесь ее могут знать под именем Нелл Грэхем. – Она протянула женщине фотографию, хотя и это было уже лишним – в тот самый момент, когда она произнесла имя, лицо пожилой дамы резко изменилось.

И все же она с готовностью взяла фотографию, взглянула на нее.

– Да, это Нелл, – подтвердила она. Барбара, хотя и была с самого начала уверена в правильности своей догадки, только сейчас испытала настоящий триумф.

– Вы поможете мне ее разыскать? Необходимо найти ее как можно скорее.

– С ней ничего не случилось?

– Мне нужно ее найти, – отрезала Барбара.

– Да, да, конечно. Я понимаю, вы не можете мне ничего сообщить. Только вот... – Женщина нервно потерла подбородок. – Я позову Джонаса, – порывисто объявила она. – Это его дело.

Прежде чем Барбара успела ее остановить, женщина уже взбежала по ступенькам. Гитарный перебор затих, послышались протестующие голоса, смех, а затем шаги. Секретарша о чем-то взволнованно докладывала, ей отвечал мужской голос.

На лестнице показался мужчина, и Барбара поняла, что именно он сейчас музицировал – гитару он все еще держал в руках. Слишком молод, чтобы принять его за почтенного Джорджа Кларенса, однако тоже облачен в сутану. Внешне очень похож на основателя Тестамент Хауса. Должно быть, его сын, решила Барбара. Те же точеные черты лица, высокий и широкий лоб, быстрый взгляд, сразу оценивающий ситуацию. И волосы похожи, непокорные кудри, с которыми ни одна расческа не справится. Ростом он был невысок, плечи узковаты, но его осанка говорила об огромном запасе внутренней силы и уверенности.

Пройдя через холл, он приветливо протянул ей руку.

– Джонас Кларенс, – представился он, крепко сжимая ее ладонь. – Мама сказала мне, что вы разыскиваете Нелл.

Миссис Кларенс сняла очки, только что украшавшие ее затылок. Прислушиваясь к их разговору, она безотчетно покусывала дужку, нахмурившись и быстро переводя взгляд с одного собеседника на другого.

Барбара протянула ему фотографию.

– Это Джиллиан Тейс. Ее отец был убит в Йоркшире три недели назад. Я должна доставить ее на допрос.

Кларенс вроде бы никак не отреагировал на это заявление, только глаза его не могли оторваться от лица Барбары. С усилием он отвел взгляд, посмотрел на какую-то картину на стене, затем на мать.

– Это Нелл, – подтвердил он.

– Джонас! – с сочувствием прошептала она. – Дорогой мой...

Кларенс вернул Барбаре фотографию, продолжая при этом разговор с матерью:

– Однажды это должно было случиться, верно? – Его голос выдал обуревавшую молодого человека тревогу.

– Дорогой, может, мне?.. Ты хочешь?.. Он покачал головой:

– Я все равно собирался уходить. – Теперь он смотрел на Барбару. – Я провожу вас к Нелл. Она – моя жена.

Линли смотрел на нарисованное Эзрой аббатство Келдейл, дивясь, как же он раньше не разглядел простого и ясного смысла этой картины. Красота ее заключалась в строгой простоте и точности деталей, в отказе как-то приукрашивать или романтизировать заброшенные руины, делать из этих развалин не то, чем они были на самом деле – свидетельством ушедших времен, которое, в свою очередь, пожрет грядущее.

Полуразрушенные стены поднимались к пустынному небу, словно пытаясь уйти от неизбежного конца, поджидавшего их внизу, на земле. Камень тщетно боролся с папоротником, упрямо пробивавшимся во все трещины и щели, с полевыми цветами, справлявшими свое торжество на зубчатом крае стены, с травой и дикими злаками, которые в изобилии произрастали на тех самых камнях, где некогда в молитве склонялись монахи.

Ступеньки никуда не вели. Винтовые лестницы, по которым некогда верующие спускались с галереи в монастырскую приемную и из трапезной во двор, теперь были скрыты мхом, едва различимы. Они покорились переменам, которые не лишили их красоты, но придали им иной облик и иное назначение.

Исчезли окна. Там, где в прежние времена витражи пропускали разноцветные лучи, освещавшие алтарь и хоры, неф и боковые приделы, теперь остались лишь зияющие дыры, слепо уставившиеся на окрестный пейзаж. Лишь природа торжествовала свою победу в борьбе со временем.

Как же назвать эти руины аббатства Келдейл? Это разоренные развалины славного прошлого или грозное предупреждение о будущем? Все дело в том, как ты на это смотришь, подумал Линли.

Он вздрогнул, услышав, как возле гостиницы остановился автомобиль, запахнулась дверь, послышалось бормотание нескольких

голосов, шаги – особая неровная походка. В комнате уже темнело. Линли включил одну из ламп в тот момент, когда в комнату вошел Сент-Джеймс. Линли предвидел, что его друг придет один.

Они смотрели друг на друга, разделенные лишь небольшим пространством дешевого ковра, разделенные той бездной, которую создала вина одного из них и физическая боль другого. Оба они помнили о страшных событиях своего прошлого, и, словно спеша укрыться от него, Линли зашел за стойку бара и налил два стакана виски. Пройдя через комнату, он протянул стакан Сент-Джеймсу.

– Куда она ушла? – спросил он.

– Пошла в церковь. Ты же знаешь Дебору – решила напоследок еще раз осмотреть кладбище. Завтра мы уезжаем.

Линли улыбнулся:

– По сравнению со мной ты смельчак. Я бы сбежал от Хэнка в первый же день. Поедете на озера?

– Нет. На день в Йорк, а затем вернемся в Лондон. В понедельник я должен выступать в суде. До тех пор мне нужно еще закончить анализы.

– Жаль, что у вас получилась такая короткая поездка.

– У нас вся жизнь впереди. Дебора это понимает.

Линли кивнул и перевел взгляд с Сент-Джеймса на оконное стекло, в котором отражались они оба – два человека, столь различные внешне, имевшие сложное, но общее прошлое за спиной, и, если только он пожелает, у них и впереди интересное, полноценное общее будущее. Все дело в том, как ты на это смотришь, повторил он себе, допивая виски.

– Спасибо за помощь, Сент-Джеймс, – произнес он, протягивая руку другу. – На вас с Деборой всегда можно положиться.

Джонас Кларенс отвез Барбару в Ислингтон в своем стареньком «моррисе». Дорога была короткой, и всю дорогу Джонас молчал, только побелевшие костяшки пальцев, сжимавших руль, выдавали его тревогу.

Они жили на своеобразной маленькой улочке Кейстоун-кресент, примыкавшей к Каледониан-роуд. В начале проулка было два кафе, торговавших навынос, откуда доносился запах жареной рыбы, чипсов и яичного рулета; в другом конце, ближе к Пентонвилл-роуд,

находилась лавка мясника. Этот район города был наполовину индустриальным, наполовину спальным. Фабрика одежды, инструментальный завод и прокат автомобилей оказались посреди улиц, спешивших придать себе респектабельный и даже модный вид.

Такой была и Кейстоун-кресент – узкая дугообразная улочка, по одной стороне которой располагался полукруг домов с одинаковой металлической оградой. Крошечные садики уступили место бетонным площадкам для парковки автомобилей. Кирпичные двухэтажные коттеджи были украшены слуховыми окнами и немного претенциозным орнаментом вдоль гребня крыши. В каждом домике имелся также подвал. На фоне соседних домов, недавно переделанных в соответствии со всеобщим стремлением к «шику», коттедж, перед которым остановил свою машину Джонас Кларенс, казался довольно убогим. Когда-то он мог похвастаться свежей побелкой и зелеными декоративными ставнями, но теперь выглядел угрюмо, тем более что перед ним громоздилось два ящика с неубранным мусором.

– Сюда, – тусклым голосом сказал он.

Открыв калитку, он провел Барбару по узким и крутым ступенькам к двери в квартиру. В отличие от самого здания, явно нуждавшегося в ремонте, эта дверь была надежной, свежеекрашенной, с блестящей медной ручкой. Джонас отпер дверь и жестом пригласил Барбару войти.

Она сразу увидела, сколько сил обитатели этого дома потратили на внутреннюю отделку, словно стараясь провести черту между внешней убогостью здания и свежестью, чистотой, привлекательностью жилых помещений. Стены недавно покрашены, полы покрыты разноцветными коврами, на окнах белые занавески, на подоконниках – цветы; на низком, но длинном стеллаже, тянувшемся вдоль одной стены, – книги, альбомы фотографий, недорогой проигрыватель с пластинками и три старинных кубка. Мебели немного, но каждый предмет обстановки был подобран очень тщательно.

Джонас Кларенс аккуратно поставил гитару и прошел к двери в спальню.

– Нелл! – позвал он.

– Я переодеваюсь, дорогой. Одну минуту! – ответил ему жизнерадостный голос.

Хозяин посмотрел на Барбару. Сержант Хейверс видела, что лицо его становится совсем больным и серым.

– Я должен войти...

– Нет, – возразила Барбара, – подождем здесь. Прошу вас, мистер Кларенс, – настойчиво повторила она, пресекая его попытку пройти к жене.

Джонас опустился на стул. Он двигался с трудом, словно последние двадцать минут его состарили. Он уставился на дверь, из-за которой доносилось веселое мурлыканье, что-то легкомысленное на мотив «Вперед, Христовы воины». Открывались и закрывались ящики комода. Заскрипела дверь платяного шкафа. На миг пение прервалось, послышались шаги. Дверь растворилась, и Джиллиан Тейс вернулась из царства мертвых.

Она казалась копией своей матери, только светлые волосы были коротко, по-мальчишески пострижены. На вид ей можно было дать лет десять, это впечатление усиливал и ее наряд – прямая юбка, темно-синий пуловер, черные ботинки с гольфами. Школьница, возвращающаяся домой.

– Дорогой, я... – При виде Барбары она замерла. – Джонас? Что-то случилось? – Дыханье ее пресеклось, она попыталась нащупать дверную ручку у себя за спиной.

Барбара решительно шагнула вперед.

– Скотленд-Ярд, миссис Кларенс, – пояснила она. – Я должна задать вам несколько вопросов.

– Несколько вопросов? – Девушка вскинула руку к горлу, синие глаза потемнели. – О чем?

– О Джиллиан Тейс, – ответил ее муж, не поднимаясь со стула.

– О ком? – тихо переспросила она.

– О Джиллиан Тейс, – ровным голосом повторил он. – Ее отец был убит в Йоркшире три недели назад, Нелл.

Ослабев, она прислонилась к двери.

– Нелл...

– Нет! – вскрикнула она. Барбара снова шагнула вперед. – Не подходите ко мне! Я не знаю, о чем вы говорите! Я ничего не знаю о Джиллиан Тейс.

– Дайте мне фотографию, – потребовал Джонас, вставая. Барбара передала ему фотографию. Он подошел к жене, коснулся рукой ее

руки. – Вот Джиллиан Тейс, – сказал он, но она отворачивалась, не желая взглянуть на фотографию.

– Я не знаю, я ничего не знаю. – Голос ее становился все пронзительней.

– Посмотри, дорогая. – Он ласково заставил ее повернуть голову.

– Нет! – закричала она, вырываясь из его объятий, и бросилась в соседнюю комнату. Послышался стук еще одной двери. Защелкнулась задвижка.

Замечательно, похвалила себя Барбара. Только этого не хватало! Оттолкнув молодого человека, она подошла к двери в ванную. Внутри царило молчание. Барбара подергала ручку. Будь крепче, напористой, напомнила она себе.

– Миссис Кларенс, вы должны выйти! Никакого ответа.

– Миссис Кларенс, выслушайте меня. В убийстве обвиняется ваша сестра Роберта. Она находится в Барнстингемской клинике для душевнобольных. Она не сказала ни слова за эти три недели – только заявила, что это она убила отца. Обезглавила вашего отца, миссис Кларенс – Барбара еще раз подергала ручку. – Обезглавила, миссис Кларенс. Вы меня слышите?

Из-за двери послышался приглушенный вскрик, больше похожий на вой испуганного раненого животного. Барбара с трудом разбирала слова.

– Я же оставила его тебе, Бобби! Господи, неужели ты его потеряла?

Затем обрушился грохот воды.

Стать чистой! Чистой! Скорее! Скорее, скорее, скорее! Это случится прямо сейчас, если я не смогу сделаться чистой. В дверь стучат, кричат, стучат, кричат. Все время, без передышки. Кричат и стучат. Но они оба уйдут – им придется уйти, – если я стану чистой-чистой-чистой.

Горячая вода. Очень горячая. Пар поднимается облаками. Я чувствую его на своем лице, Дышу глубоко. Очиститься изнутри.

– Нелл! Нет, нет, нет.

Скользкие ручки на дверцах шкафчика. Открывай! Открывай! Нащупай их дрожащими руками, они спрятаны здесь, под полотенцами. Грубые, жесткие щетки. Деревянные ручки, металлическая щетина, Хорошие щетки, крепкие щетки. Сделают меня чистой.

– Миссис Кларенс! Нет, нет, нет!

Тяжелое, загнанное дыхание. Оно наполняет комнату, отдается в ушах. Прекрати, прекрати!

Даже схватившись руками за голову, не остановишь это эхо, даже если бить себя кулаками в лицо, не убьешь этот звук.

– Нелли! Открой дверь! Прошу тебя!

Нет, нет, нет! Сейчас нельзя открывать дверь. Это не поможет. Спасти можно только одним способом. Стать чистой-чистой-чистой. Сперва ботинки. Снять их. Убрать с глаз долой. Теперь носки. Сорви их. Руки совсем не слушаются. Скорей, скорей, скорей!

– Миссис Кларенс, вы меня слышите? Вы слышите, что я вам говорю?

Ничего не слышу, ничего не вижу. Не хочу и не стану. Облако пара входит в меня. Пар выжигает, пар отмывает. Облако пара очистит меня!

– Неужели вы этого хотите, миссис Кларенс? Именно это произойдет с вашей сестрой, если она по-прежнему будет отказываться говорить. Она останется в сумасшедшем доме на всю жизнь. На всю жизнь!

Нет! На все отвечай – «нет»! Главное, ничего им не говорить. Не думать, действовать. Поспеш, вода, поспеш! Очисти меня, вода! Вот

она на моих ладонях. Нет, еще недостаточно горячо. Не чувствовать, не видеть. Я не смогу, не смогу очиститься.

«И родила старшая сына, и нарекла ему имя: Моав. Он отец Моавитян доныне. И младшая также родила сына, и нарекла ему имя: Бен-Амми... Вот дым поднимается с земли, как дым из печи... И вышел Лот из Сигора, и стал жить в горе, и с ним две дочери его: ибо он боялся жить в пещере».

– Как запирается эта дверь? На засов? На ключ? Как она запирается?

– Я только...

– Соберитесь, слышите? Будем ломать дверь.

– Нет!

Стучат, стучат, громко, безжалостно. Пусть они уйдут, пусть они уйдут!

– Нелл! Нелл!

Вода повсюду. Я не вижу ее, не чувствую, она недостаточно горяча, она не отмоев меня чисто-чисто-чисто! Мыло и щетки, мыло и щетки! Три сильнее, сильнее, сильнее! Взад-вперед, взад-вперед. Я стану чистой-чистой-чистой!

– Либо ломать, либо вызывать подкрепление. Вы этого хотите? Целый взвод полицейских, чтобы взломать эту дверь?!

– Замолчите! Смотрите, что вы сделали с ней! Нелл!

Отче, благослови меня, ибо я согрешила. Пойми и прости. Глубже вонзайтесь, щетки, глубже вонзайтесь, сделайте меня чистой-чистой-чистой!

– У нас нет выбора! Это уголовное дело, мистер Кларенс, а не супружеская ссора.

– Что вы делаете?! Черт побери, не притрагивайтесь к телефону.

Стук в дверь.

– Нелл!

"Я вышла за него замуж, читатель, и у нас была скромная свадьба – присутствовали только он и я, священник и клерк. Вернувшись из церкви, я прошла на кухню, где Мери готовила ужин, а Джон чистил серебро, и сказала: «Мери, сегодня мы с мистером Рочестером поженились».^[5]

– Короче, у вас ровно две минуты, чтобы извлечь ее оттуда, или здесь соберется больше полицейских, чем вы видели за всю свою

жизнь.

«Ах ты, кошечка! Нет, погоди! Нет так быстро! Господи, Джилли!»

Джилли умерла. Джилли умерла. Но Нелл чиста-чиста-чиста. Скребите сильнее, щетки, сдирайте кожу, сделайте ее чистой-чистой-чистой.

«Давай, Джилли, давай, девочка! Сегодня никто не будет хмуриться! Давай смеяться, давай с ума сходить. Будем пить и плясать до утра. Соберем компанию, поедem в Уитби. И вино с собой захватим, и еду. Будем плясать голышом на развалинах аббатства. Пусть попробуют схватить нас, Джилли. Нам на всех плевать!»

Стук все громче. Стучат сильно-сильно-сильно! Уши лопаются, лопаются сердце. Скреби, скреби кожу дочиста.

– Ничего не выйдет, мистер Кларенс. Мне придется...

– Нет! Заткнитесь, черт побери!

Поздно ночью. Я сказала ей «до свидания». Ты меня слышала? Ты меня видела? Ты нашла его там, где я его положила? Бобби, ты его нашла?

Дерево скрипит, дерево трещит. Нигде не укроешься. Последнее прибежище, пока Лот не нашел меня. Последняя возможность стать чистой-чистой-чистой.

– Господи! Господи, Нелл!

– Я вызову «скорую».

– Нет! Уйдите, оставьте нас.

Руки хватают. Руки скользят. Вода розовая, густая от крови. Руки держат. Кто-то кричит. Заворачивает ее в теплое полотенце, прижимает к себе.

– Нелли! Господи, Нелли!

Прижаться к нему. Услышать его плач. Все позади? Теперь я чиста?

– Вынесите ее из ванной, мистер Кларенс.

– Уходите! Оставьте нас.

– Я не могу этого сделать. Она – главный свидетель в деле об убийстве. Вы же понимаете: ее реакция сама по себе подтверждает это.

– Нет! Вообще нет! Она не была там! Она была со мной.

– Вы же не рассчитываете, что я вам поверю?

– Нелл! Я не дам им! Не дам!

Слезы, слезы. Глаза болят. Тело сотрясает мука и боль. Довольно!
Довольно!

– Джонас!

– Да, дорогая. Что?

– Нелл умерла.

– Тогда он выломал дверь, – завершила отчет Барбара.

Линли потер лоб. Голова раскалывалась на куски. От разговора с Хейверс ему становилось все хуже.

Короткая пауза.

– Хейверс! – окликнул он. Он сам слышал, как резко прозвучал в трубке его голос, он казался сердитым, а не усталым. Барбара с трудом переводила дыхание. Плачет она, что ли?

– Она... Она... – Барбара шумно откашлялась. – Она принимала ванну.

– Принимала ванну? – Неужели Хейверс не понимает, какую несет чепуху? Что же произошло на самом деле?

– Да. Только... Она скребла себя щетками. Металлическими щетками. Вся была в крови.

– Господи! – пробормотал он. – Где она сейчас, Хейверс? Как она?

– Я хотела вызвать «скорую».

– Почему же не вызвали, черт побери?

– Ее муж... он... это я во всем виновата, инспектор. Я решила, что должна обойтись с ней сурово. Я... это я виновата! – Голос ее сорвался.

– Бога ради, Хейверс, держите себя в руках.

– Столько крови! Она разодрала себе все тело этими щетками. Он завернул ее в полотенце. Не отпускал ее. Он плакал. Она сказала, что она умерла.

– Боже! – прошептал он.

– Я пошла к телефону. Он пошел за мной. Он...

– Вы в порядке? Он не ударил вас?

– Он вытолкнул меня за дверь. Я упала. Все в порядке. Я... я сама виновата. Она вышла из спальни. Я помнила, что мы с вами говорили о ней. Я решила, что нужно проявить твердость. Я не знала. Я и представить себе не могла, что она...

– Хейверс, послушайте!

– Она заперлась в ванной. Кровь в воде. Вода такая горячая! Столько пара! Как она могла вытерпеть это?

– Хейверс!

– Я думала, я справлюсь. На этот раз я загубила дело, верно?

– Разумеется, нет, – возразил он, хотя отнюдь не был уверен, что она не лишила их последнего шанса. – Они остались в той квартире?

– Да. Вызвать кого-нибудь из Ярда?

– Нет! – Линли быстро прикидывал все варианты. Все сложилось крайне неудачно. После стольких лет женщина нашлась – и тут такое! С ума можно сойти от злости! Линли прекрасно понимал, что только с ее помощью он доберется до сути этого дела. Только Джиллиан сумеет дать истолкование той странной картине, которая начала вырисовываться перед ним, едва он столкнулся с шекспировской эпитафией на могиле безымянного младенца.

– Тогда, может быть, я...

– Идите домой. Ложитесь в постель. Я сам разберусь.

– Сэр, пожалуйста. – В голосе ее зазвучала мольба. Но сейчас он не мог ей помочь, не мог даже посочувствовать.

– Делайте, что вам говорят, Хейверс. Идите домой. Ложитесь в постель. Не звоните в Ярд и не возвращайтесь в тот дом. Вам ясно?

– Значит, я...

– Садитесь на утренний поезд и возвращайтесь сюда.

– А как же Джиллиан?

– Я позабочусь о Джиллиан, – угрюмо пообещал он и положил трубку.

Посмотрел еще раз на раскрытую книгу на столе. Он потратил четыре часа, перебирая в уме все приходившие на память строки Шекспира. К сожалению, помнил Линли не так уж много. К елизаветинцам он относился как историк, а не как читатель. Несколько раз за этот вечер Линли пожалел о недостатках своего образования. Если б много лет назад в Оксфорде он решил изучать творчество Великого Барда, загадка была бы уже разгадана.

И все же он наконец нашел нужную цитату и принялся читать и перечитывать строфу, пытаясь выжать некий применимый к двадцатому веку смысл из стихов, написанных в семнадцатом:

Убийство и разврат – одно с другим
Так неразлучны, как огонь и дым. [6]

«Он дает смысл и жизни, и смерти», – сказал священник. Какое отношение имеют слова Перикла, царя Тирского, к заброшенной могиле в Келдейле? И какое отношение эта могила имеет к смерти фермера?

Никакого отношения, говорил его разум. Самое существенное, возражала интуиция.

Линли захлопнул книгу. Все теперь зависит от Джиллиан, только она способна открыть истину. Он снял трубку и набрал еще один номер.

Уже после десяти вечера она пробиралась по скудно освещенным улицам Актона. Уэбберли удивился при виде нее, но удивление тут же исчезло, когда он вскрыл присланный Линли конверт. Посмотрел на фотографию, покрутил ее в руках и схватился за телефон. Резко приказал Эдвардсу немедленно явиться и отпустил Барбару, даже не спросив, почему она внезапно появилась в столице, одна, без Линли. Он как будто забыл о ней. А может быть, так оно и есть?

Какая разница, думала она. Наплевать, что бы из этого ни вышло. Она обречена на поражение. Кто она такая? Жирная маленькая свинья, тычется повсюду, воображая себя сыщиком. Ты думала, что знаешь все о Джиллиан Тейс? Ты ведь слышала, как она напевает в соседней комнате, и даже это не помогло тебе догадаться.

Она поглядела на свой дом. Темные окна. У миссис Густавсон, как всегда, на полную мощность работал телевизор, но коттедж, перед которым она стояла, не подавал ни малейших признаков жизни. Не было даже заметно, что его обитателям как-то мешает этот шум. Пусто. Ничего нет.

Ничего нет. В этом-то все дело. Там, внутри, нет ничего, и в особенности нет того единственного, кого ты хотела бы увидеть. Все эти годы ты лелеяла химеру, Барб. Какая нелепая, ненужная растрата времени, растрата жизни!

Она тут же оттолкнула от себя эту мысль, отказалась принять ее. Отперла дверь. Внутри замершего домика ее сразу же поразил запах:

вонь невымытых тел, застоявшихся ароматов кухни, спертого, неподвижного воздуха, вечного отчаяния. Грязный, несвежий, нездоровый запах. Он был ей приятен. Барбара глубоко вдыхала его. Вот и хорошо, вот и славно.

Захлопнула за собой дверь и прислонилась к ней, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте. Это здесь, Барб. Здесь все началось. Это поможет тебе ожить.

Она поставила сумку на шаткий столик возле двери и двинулась к лестнице. Едва она добралась до ступенек, как в глаза ей ударил луч света, проникший из гостиной. Любопытство притянуло ее к двери, но гостиная оказалась пустой – этот луч был лишь отблеском дальних фар на стекле, защищавшем портрет. Его портрет. Портрет Тони.

Наперекор самой себе Барбара вошла в комнату, опустилась в отцовское кресло, которое, как и кресло матери, было установлено напротив домашнего святилища. В отблесках вечернего света казалось, что лицо Тони усмехается, а тонкое тело двигается, оживая.

Усталая, сломленная отчаянием, Барбара заставила себя неподвижно смотреть на фотографию, возвращаясь к самым печальным, запретным воспоминаниям: вот Тони лежит, желтый, исхудавший, на узкой больничной койке. Таким он навсегда остался в ее памяти – во все стороны торчат иглы и резиновые трубки, пальцы судорожно теребят одеяло. Голова кажется невероятно большой и уже не держится на исхудавшей шее. Тяжелые веки опустились, скрывают глаза. Потрескавшиеся губы кровоточат.

– Кома! – говорят врачи. – Теперь уже скоро.

Но нет, нет. Еще не сейчас. Пусть сперва он откроет глаза, улыбнется своей летучей улыбкой и шепнет:

– Когда ты рядом, я не боюсь, Барби. Ты не бросишь меня, правда?

Она и впрямь слышала голос Тони в погруженной в темноту гостиной. Она вновь переживала все с самого начала – мучительную скорбь, а затем сокрушительный гнев. Единственное чувство, связывающее ее с жизнью.

– Я тебя не покину! – поклялась она. – Я тебя никогда не забуду...

– Милочка?

Барбара вскрикнула от изумления, вернувшись к призрачному настоящему.

– Милочка, это ты?

Стук сердца оглушал ее, но она сумела ответить спокойным, приятным голосом. После стольких-то лет практики.

– Да, мама. Это я.

– В темноте, милочка? погоди, я включу свет, вот так...

– Нет! – Голос изменил ей, пришлось откашляться. – Нет, мама.

Оставь как есть.

– Но мне не нравится темнота, милочка. Она... она пугает меня.

– Почему ты встала?

– Услышала, как отворилась дверь. Подумала, может быть, это... – Теперь она стояла прямо против Барбары, чудовищное видение в запачканном розовом халате. – Иногда мне кажется, что он вернулся к нам, милочка. Но он никогда не вернется, да?

Барбара резко поднялась.

– Иди спать, мама! – Голос ее прозвучал грубовато, и она тут же постаралась смягчить интонацию: – Как папа? – Взяв мать за костлявую руку, она решительно выпроводила ее из гостиной.

– Он хорошо провел день. Мы стали думать о Швейцарии. Знаешь, там такой чистый, целебный воздух. Конечно, мы только что вернулись из Греции, вроде бы еще рановато об этом думать, но папе так понравилась эта идея. А как тебе Швейцария, милочка? Если тебе не хочется туда ехать, мы можем выбрать что-нибудь другое. Главное, чтобы ты была счастлива.

Счастлива! Счастлива!

– Швейцария вполне подходит, мам.

Она почувствовала, как мать крепче ухватилась за нее своей птичьей лапкой. Они начали подниматься по лестнице.

– Хорошо. Я так и думала, что тебе понравится. По-моему, лучше всего начать с Цюриха. На этот раз мы устроим настоящий тур, возьмем машину в аренду. Я мечтаю увидеть Альпы.

– Прекрасная мысль, мама.

– Папа тоже так думает, милочка. Он даже побывал в «Туре императрицы» и принес мне проспекты.

Барбара приостановилась.

– Он заходил к мистеру Пателго? Мамина рука слегка задрожала.

– О, не знаю, милочка. Он не упоминал мистера Пателя. Если б он зашел к нему, он бы непременно мне сказал, я уверена.

Они добрались до верхней площадки. Мама помедлила на пороге своей комнаты.

– Он прямо-таки другим человеком становится, если ему удастся погулять вечером. Прямо-таки другим человеком.

Барбара попыталась понять, что ее мать имеет в виду, и отвращение комом встало у нее в горле.

Джонас Кларенс приоткрыл дверь спальни, стараясь не шуметь. Напрасная предосторожность – она не спала. Повернув голову на подушке, Нелл слабо улыбнулась своему мужу.

– Я тебе суп сварил, – похвастался он.

– Джо... – Такой слабый, такой тихий голос. Он сразу же кинулся к ней.

– На самом деле просто разогрел консервную баночку. У меня и хлеб найдется, и масло. – Он поставил поднос на кровать и помог ей сесть. При этом движении самые глубокие порезы начали кровоточить. Джонас взял полотенце и крепко прижал его к израненной коже, словно стараясь не только остановить кровотечение, но и стереть воспоминание о том, что вторглось в их жизнь в тот вечер.

– Я не...

– Потом, дорогая, – остановил он ее. – Сперва ты должна поесть.

– Потом мы поговорим?

Он перевел взгляд с лица на ее руки, покрытые ранами, на ее грудь, живот, бедра – все в порезах. Ужас и горе так сдавили ему горло, что он едва мог вымолвить слово. Но жена смотрела на него, смотрела большими доверчивыми глазами, полными любви, и ждала ответа.

– Да, – прошептал он, – тогда мы поговорим.

Она улыбнулась жалкой, неуверенной улыбкой. Сердце его дрогнуло. Он поставил поднос ей на колени, и Нелл попыталась поднести ложку ко рту. Однако она была слишком слаба даже для того, чтобы самой поесть. Джонас тихонько вынул ложку из ее руки и начал кормить, медленно, осторожно, радуясь каждому ее глотку.

Не надо разрешать ей говорить. Он слишком боялся того, что может узнать. Он шептал жене слова любви и утешения, гадая, кто же она на самом деле и какое горе принесла она в его жизнь.

Они поженились всего год назад, но Джонасу казалось, что они всегда были вместе, что они были предназначены друг другу с той

минуты, когда его отец подобрал на вокзале Кингз-Кросс и привел в Тестамент Хаус одинокую маленькую девочку, на вид не старше двенадцати лет. Одни глаза, подумал он, увидев ее впервые, но она улыбнулась – и точно солнышко засияло. Через пару недель он уже твердо знал, что любит ее, но потребовалось почти десять лет, прежде чем она согласилась принадлежать ему.

Тем временем Джонас принял сан, желая помогать отцу в работе, и трудился как Иаков ради Рахили, не будучи даже уверен, получит ли он эту награду. Он не отчаивался. Он выступил в путь, как рыцарь в поисках святого Грааля, и заветной чашей была для него Нелл. Никто не мог занять ее место.

Но она – не Нелл, думал он теперь. Я не знаю, кто она. Хуже того, я вовсе не уверен, что хочу это узнать.

Он всегда считал себя человеком действия, мужественным человеком, черпающим в вере отвагу и силу, оставаясь при том всегда спокойным и дружелюбным, как подобает священнику. Все уничтожил этот вечер. Он увидел Нелл в ванне: она, сама того не замечая, раздирала в клочья свою плоть, смешивая воду с кровью. Это было так страшно, что мир его рухнул, погребя Джонаса под обломками. Он вытащил жену, такую легонькую, отчаянно вопящую, из ванны, он пытался остановить кровотечение, он яростно вышвырнул из квартиры эту женщину-сержанта.

Всего две минуты понадобилось на это, но место бодрого и искреннего служителя Божьего – как долго Джонас прятался под этой маской! – занял кто-то другой, неведомый; маньяк, способный без малейших угрызений совести убить любого, кто покусится на его жену. Он знает, что готов для нее на все, но не знает главного: как, защищая ее от других, спасти Нелл от нее самой.

Но она – не Нелл, вновь напомнил он себе.

Она уже поела, уже несколько минут как перестала есть и откинулась на подушки. На них виднелись пятна ее крови. Джонас поднялся.

– Джо...

– Пойду поищу, чем лечить порезы. Скоро вернусь.

Он порылся в шкафчике в ванной, стараясь не смотреть по сторонам. Сама ванна выглядела и пахла так, словно в ней резали курицу. Кровь повсюду, в каждой щели, в каждой трещине.

Ослабевшими руками он нащупал пузырек с перекисью водорода. Ему стало дурно.

– Джонас?

Он несколько раз глубоко вдохнул, чтобы прийти в себя, и вернулся в комнату.

– Запоздалая реакция. – Он попытался улыбнуться, но бутылочку сжал в руках так крепко, что испугался, как бы стекло не треснуло. Присел на край кровати. – Порезы в основном поверхностные, – успокоительно произнес он. – Утром посмотрим повнимательнее. Если есть и глубокие, поедem в больницу. Хорошо?

Он не дожидался ответа. Начал промывать перекисью царапины, продолжая решительно излагать свой план:

– Наверное, хорошо бы поехать на выходные в Пензанс, дорогая. Приятно будет выбраться на несколько дней из города, верно? Я поговорил с одной из девушек насчет гостиницы, в которой она когда-то останавливалась с родителями. Если этот отель еще существует, это просто сказка. С видом на гору Сент-Майкл. Поедем на поезде, а там уж возьмем напрокат автомобиль. Или велосипеда. Хочешь проехаться на велосипеде, Нелл?

Он погладил ее рукой свою щеку. От одного прикосновения сердце его растаяло, и Джонас со страхом почувствовал, как подступают слезы.

– Джо, – шепнула она, – Нелл умерла.

– Не говори так! – яростно воспротивился он.

– Я делала ужасные вещи. Я не могу допустить, чтобы ты о них узнал. Я думала, я спаслась от всего этого, я думала, я навсегда убежала.

– Нет! – Он все так же сосредоточенно, ни на что не обращая внимания, продолжал промывать порезы.

– Я люблю тебя, Джонас.

Тогда он остановился, закрыл руками лицо.

– Как же мне называть тебя? – прошептал он. – Я даже не знаю, кто ты.

– Джо! Джонас! Любовь моя, единственная моя любовь.

Ее голос стал пыткой, которую он не мог больше переносить. Жена потянулась к нему, но тут Джонас вскочил и опрометью выбежал

из комнаты. Захлопнул за собой дверь, будто навсегда отрезая то, что осталось по другую сторону.

Добрался до стула и упал на него, прислушиваясь к собственному прерывистому дыханию, чувствуя, как порожденные паникой спазмы сжимают желудок и низ живота. Глаза его, ничего не видя, скользили по предметам привычной домашней обстановки, отвергая, отталкивая единственный факт, который приводил его в состояние животного ужаса. Три недели назад – так сказала женщина-полицейский. Он солгал ей, повинувшись мгновенной потребности защититься от ее чудовищного, ни с чем не сообразного обвинения. Но три недели назад он отнюдь не был с женой в Лондоне, он уезжал на четыре дня на конференцию в Эксетер, а затем еще два дня потратил на сбор средств для фонда. Нелл собиралась ехать с ним, но в последний момент слегла с гриппом. Во всяком случае, так она сказала. А может быть, она использовала эту возможность для того, чтобы навестить Йоркшир?

– Нет! – Короткое слово само по себе, непроизвольно вырвалось из-за стиснутых зубов, Он готов был презирать самого себя за то, что хоть на мгновение заподозрил жену. Нужно успокоить дыхание, расслабить мышцы.

Джонас дотронулся до гитары. Ему бы и в голову не пришло сейчас играть, но это прикосновение возвращало его к реальности их общей с Нелл жизни. Он сидел на крыльце Тестамент Хауса, перебирая струны, играя любимую мелодию, когда Нелл впервые заговорила с ним.

– Как красиво! А что, каждый может научиться? – Она устроилась на крыльце рядом с ним, не сводя глаз с ловких пальцев, перебиравших струны. Она улыбнулась, улыбнулась как дитя, не скрывая радости и удовольствия.

Научить ее играть было нетрудно. Она обладала даром подражания и никогда не забывала того, что ей довелось увидеть или услышать. Теперь она сама нередко играла ему, правда, не так уверенно, как он, и не так страстно. Ее музыка была полна сладостной печали, которая могла бы давно поведать ему о том, чего он не желал признать – даже сейчас.

Джонас резко поднялся. Он открывал книги, ее книги, одну за другой. Каждая из них была надписана ее аккуратным почерком:

«Нелл Грэхем». «Она хотела утвердить право собственности на книгу – или на вымышленное имя?» – гадал он.

– Нет!

Он достал с нижней полки альбом с фотографиями, прижал его к груди. Вот документальное подтверждение существования Нелл, ее реальности. Не было у нее никакой другой жизни, кроме той, которую она разделила с ним. Нет даже надобности открывать альбом, проверять, что хранят его страницы. Это история их любви, застывшие воспоминания, стежок за стежком переплетшиеся в единый узор их совместной, нераздельной жизни. Неопровержимое доказательство, наглядная иллюстрация – вот как живет Нелл, вот что она любит.

В поисках еще более убедительного подтверждения Джонас взглянул на цветы, приютившиеся на подоконнике. Больше всего на нее похожи африканские фиалки, такие изящные, деликатные, тонкий стебелек и нежные лепестки, защищенные плотными зелеными листьями. Обманчиво хрупкие, они были необычайно выносливы и прекрасно приспособились к суровому лондонскому климату.

Глядя на эти цветы, Джонас наконец осознал истину, с которой тщетно боролся. Он не мог более сдерживать слезы, из груди его вырвалось рыдание. С трудом вернувшись к стулу, Джонас рухнул на него и безутешно заплакал.

В этот момент послышался стук в дверь.

– Уходите! – всхлипнул он. Снова настойчивый стук.

– Уходите! Уходите!

Стук не стихает. словно голос его совести. Его не заглушишь.

– Убирайтесь, будь вы прокляты! – заорал он, бросаясь к двери и настежь распахивая ее.

Перед ним стояла женщина в изящном черном костюме с белой шелковой блузой, с пеной кружев на груди. Черная сумочка на плече, в руках – большая книга в кожаном переплете. Спокойное лицо, ясные глаза. Она готова приласкать, утешить. Кто она – миссионер? Видение? Женщина протянула руку и представилась: – Меня зовут Хелен Клайд.

Линли выбрал угол потемнее – свечи мерцали достаточно далеко, и свет почти не проникал в эту часть церкви. В храме чувствовался запах благовоний, но еще сильнее здесь пахло пылью столетий, оплывшими свечами, горелыми спичками, ветхостью. Было тихо и

мирно. Голуби, на миг вострепнувшие при его приближении, вновь затихли. Ночь была безветренной, ветки деревьев не скрипели, не царапали стены и окна.

Он был здесь один. Компанию ему составляли вырезанные на решетках исповедален юнцы и юницы, переплетавшиеся на греческий манер в безмолвном и вечном танце.

Тяжело на сердце, тоскливо. Старинная история, римская легенда пятого столетия оказалась и ныне столь же реальной, как и во времена Шекспира, превратившего ее в сюжет своей драмы. Царь Тирский приезжает свататься к дочери царя Антиоха, разгадывает загадку, но вместо свадьбы ему приходится спасаться бегством.

Линли преклонил колени. Хотел помолиться, но молитва не шла с языка.

Он знал, что почти уже нащупал тело гидры, но это знание не приносило ни удовлетворения, ни облегчения. Он с радостью бежал бы от последней схватки с чудовищем. Даже если все головы будут отрублены и тело расчленено, эта схватка и на нем оставит шрамы.

«Не страшись нечестивых», – послышался какой-то призрачный, бестелесный голос. Он шел ниоткуда, неуверенный, дрожащий, словно его породил туман, клубившийся в холодном воздухе. Линли не сразу разглядел фигуру в черной сутане.

Отец Харт стоял на коленях у подножия алтаря, склонившись, упираясь лбом в пол.

"Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие,

Ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут.

Уповай на Господа и делай добро; живи на земле и храни истину.

Утешайся Господом, и Он исполнит желание сердца твоего.

Предай Господу путь твой и уповай на Него, и он совершит.

Ибо делающие зло истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю.

Еще немного, и не станет нечестивого".

Линли прислушивался в этим словам с мукой, отвергая открывавшийся в них смысл. В колеблющейся темноте храма вновь воцарилась тишина, слышалось лишь хрипловатое дыхание старого священника, Линли собирался с мыслями, нащупывая ту нить, которая приведет его к окончательной разгадке.

– Вы пришли исповедаться?

Линли вздрогнул. Он не заметил, как священник внезапно возник из скопления теней прямо перед ним. Линли поднялся на ноги.

– Нет, я не католик, – сказал он. – Я просто пытался сосредоточиться.

– Церковь помогает в этом, верно? – просиял отец Харт. – Я всегда молюсь перед тем, как запереть церковь на ночь. Конечно, я сперва тщательно проверяю, не остался ли кто-нибудь внутри. Неприятно было бы остаться тут на ночь в такой мороз, правда?

– Да уж, – признал Линли, – это было бы ни к чему. – Он последовал за низкорослым священником к выходу из церкви, в поджидавшую их ночную тьму. Тучи заслонили и луну, и звезды. Спутник казался ему тенью без облика и человеческих черт.

– Вы хорошо помните «Перикла», отец Харт? Священник помедлил с ответом, нащупывая в кармане ключи, затем запирая дверь.

– «Перикла»? – задумчиво повторил он, проходя мимо Линли в сторону кладбища. – Это Шекспир, не так ли?

– «Как огонь и дым». Да, это Шекспир.

– А, ну да. Полагаю, я довольно хорошо знаю эту вещь.

– И вы помните, почему Перикл бежал от Антиоха? Почему Антиох решил убить его?

– Я... – Священник принялся что-то нащупывать в кармане. – Кажется, я уже позабыл кое-какие подробности.

– Думаю, вы все отлично помните. Спокойной ночи, отец Харт, – произнес Линли, покидая кладбище.

Он спустился с холма по усыпанной гравием дорожке. В ночной тиши шаги звучали угрожающе громко. На мосту Линли остановился, приводя в порядок мысли, оперся на каменные ступени, глядя на деревню. Справа дом Оливии Оделл. Там уже темно; и Оливия, и ее

девочка невинно и спокойно спят. Напротив – дом Найджела Парриша. Оттуда струится и растекается по окрестности негромкая музыка органа. Слева маленькая гостиница дожидается своего постояльца, а дальше центральная улица сворачивает в сторону паба. С того места, где стоял Линли, не было видно коттеджей Сент-Чэд-лейн, но Линли отчетливо представлял их себе. Повернувшись, он вошел в гостиницу.

Он отсутствовал меньше часа, но сразу же, едва переступив порог, догадался, что за это время Стефа успела вернуться. Дом затаил дыхание, ожидая, пока Линли войдет в него и все узнает. Каждый шаг давался ему с трудом, словно он ступал в свинцовых башмаках.

Линли не знал достоверно, где располагаются комнаты Стефы, но догадывался, что они должны быть где-то на первом этаже, по ту сторону холла, ближе к кухне. Он прошел через служебный вход.

И сразу же обнаружил все ответы. Их можно было ощутить в самой атмосфере дома. Он чуял сигаретный дым, он почти ощущал вкус алкоголя. Он слышал смех, страстный шепот, восторги.

Словно какая-то безжалостная рука тянула его вперед и вперед. Он должен был узнать.

Постучал в дверь. За дверью мгновенно все стихло.

– Стефа!

За дверью поспешные, приглушенные движения. Легкий смех Стефы растворяется в воздухе. В последний момент Линли едва не остановился, и все же он повернул ручку. Вошел и узнал истину.

– Ты-то сможешь обеспечить мне алиби! – Ричард Гибсон с ухмылкой похлопал женщину по обнаженному бедру. – Полагаю, инспектор так и не поверил бедной крошке Мэдлин.

Леди Хелен увидела его, как только они выбрались с заполненной народом дорожки, выводившей со станции в город. Два часа в поезде она провела достаточно скверно, постоянно опасаясь, что Джиллиан вот-вот впадет в истерику, и в то же время пытаюсь извлечь сержанта Хейверс из бездны отчаяния, в которую эта женщина почему-то решила погрузиться. В итоге леди Хелен была «вся на нервах» и при виде Линли, машинально приглаживавшего свои светлые волосы, растрепанные воздушной волной от пронесшегося поезда, она испытала невероятное облегчение. Мимо инспектора, суется и толкаясь, спешила толпа, а он стоял себе, словно никого вокруг и не было. Вот он приподнял голову и улыбнулся Хелен. Их глаза встретились, и леди Хелен невольно замедлила шаг.

Даже с такого расстояния она сразу разглядела произошедшую в нем перемену. Темные круги под глазами. Напряженный поворот головы, опущенные плечи, углубившиеся морщины у носа и губ. Все тот же Томми, да не совсем тот. И причина может быть лишь одна – Дебора.

Он виделся с ней в Келдейле. Леди Хелен прочла это по его лицу. Бог знает почему, хотя прошел уже год с тех пор, как он разорвал свою помолвку с Деборой и они с Томми провели столько часов, обсуждая это, но сейчас леди Хелен страшилась мысли о том, как Томми будет рассказывать ей о встрече с бывшей невестой. Нет, она не будет говорить с ним на эту тему! Трусость, конечно. Она готова была презирать себя за это, но даже самой себе не хотела признаться, почему ей вдруг стало так важно, чтобы Томми не затевал разговор о встрече с Деборой.

Томми словно прочел ее мысли, впрочем, так оно всегда и бывало. Он выдавил из себя улыбку и двинулся им навстречу.

– Господи, это же просто замечательно – увидеть наконец тебя, Томми, – проворковала она. – Я всю дорогу, если только не пыталась утешить себя каким-нибудь пирожком, тряслась при мысли, что ты застрянешь в Келдейле и нам придется нанимать машину и мчаться по болотам, разыскивая тебя. Ладно, все хорошо, что хорошо кончается. Не следовало мне пожирать черствые булочки, чтобы хоть как-то унять

нервы. В поезде кормят совершенно отвратительно, правда же? – И она крепче обняла Джиллиан за талию. Хелен знала, что Линли не причинит девушке никакого вреда, но двенадцать часов непрерывного общения породили в ней чувство ответственности за Джиллиан, и ей не хотелось выпускать девушку из-под своей опеки. – Джиллиан, это инспектор Линли, – пробормотала она.

Робкая улыбка коснулась губ Джиллиан, но она тут же опустила глаза. Линли хотел было протянуть ей руку, но леди Хелен упредила его, покачав головой. Только тут Линли обратил внимание на руки молодой женщины. На ее ладонях виднелись уродливые красные полосы, но это был пустяк по сравнению с порезами, покрывавшими все ее тело. Леди Хелен пришлось немало повозиться, пока она выбрала платье, под которым можно было скрыть большую часть этих ран.

– Машина тут рядом.

– Слава богу! – воскликнула леди Хелен. – Веди меня к ней немедленно, иначе мои ноги окончательно превратятся в отбивную в этих ужасных туфлях. С виду-то они потрясные, верно? Но просто передать не могу, какую муку я в них испытываю. Все задаюсь вопросом, зачем это я, как безумная, гонюсь за модой? – Одним движением руки она отмахнулась от этой неразрешимой загадки. – Я согласна даже потерпеть минут пять твоего меланхолического Чайковского, если ты посадишь меня наконец в машину.

Линли усмехнулся:

– Учту, старушка.

– Не сомневаюсь, дорогой! – Она обернулась к сержанту Хейверс, которая бессловесно томилась рядом с ними с самого момента встречи. – Сержант, я намерена посетить дамскую комнату и исправить тот ущерб, который я причинила моему макияжу, когда впилась зубами в пирожное с кремом как раз перед тем последним бесконечным туннелем. Вы проводите Джиллиан до машины?

Хейверс перевела взгляд с леди Хелен на Линли.

– Разумеется, – бесцветным голосом подтвердила она.

Леди Хелен проследила, как удаляется эта парочка.

– Даже не знаю, с которой из них труднее, – вздохнула она.

– Спасибо тебе, что взялась за это, – поблагодарил он. – Очень скверно пришлось прошлой ночью?

Хелен теперь смотрела прямо на него.

– Скверно? – Перед ее глазами еще стояло полное отчаяния лицо Джонаса Кларенса; Джиллиан лежала на кровати, глядя в пустоту, едва прикрытая окровавленной простыней, сукровица до сих пор еще сочила из наиболее глубоких порезов. В ванной кровь на полу, кровь на стене и даже в отверстии стока, откуда ее уже никогда не удастся смыть; к металлическим щеткам прилипли клочки кожи.

– Прости, что пришлось втянуть тебя в такой кошмар, – извинился Линли. – Но больше я никому не мог это доверить. Не знаю, что бы я делал, если бы не застал тебя дома.

– Я только что вошла. Джеффри, признаться, не сумел по достоинству оценить такое завершение нашего вечера.

Уголки губ и блестящие глаза Линли тут же изобразили веселое удивление.

– Джеффри Кусик? Я думал, ты с ним покончила.

Хелен легкомысленно рассмеялась и оперлась на его руку.

– Томми, дорогой, я пыталась. Старалась изо всех сил. Но Джеффри твердо решил убедить меня, что – сознаю я это или нет – мы с ним постепенно движемся в сторону истинной любви. Так что прошлой ночью он решил кое-что сделать, чтобы поскорее приблизиться к цели этого путешествия. Это было так романтично. Ужин в Виндзоре, на самом берегу Темзы. Коктейли с шампанским в саду. Ты мог бы мной гордиться. Я даже припомнила, что этот дворец построил Рен – как видишь, твои хлопоты о моем образовании не пошли прахом.

– Не думал я, что ты станешь метать бисер перед Джеффри Кусиком.

– А я и не метала. Он вполне симпатичный. Правда-правда. Он даже помог мне одеться.

– Не сомневаюсь в этом, – холодно отвечал Линли.

Хелен его угрюмость только потешила.

– Да не в этом смысле. Джеффри никогда бы не позволил себе. Он чересчур... чересчур...

– Похож на рыбу.

– Ты говоришь как завзятый сноб из Оксфорда, Томми, – попрекнула его Хелен. – Но, если начистоту, он самую чуточку похож

на треску. Но чего от него ждать? В жизни не видела, чтобы выпускник Кембриджа поддался пылкой страсти.

– Стало быть, когда я позвонил, на нем был его университетский галстук? – уточнил Линли. – А еще какая-нибудь одежда?

– Томми, это нехорошо! Дай-ка мне сообразить. – Она задумчиво постучала пальцем по щеке. В глазах ее скакали чертики. Леди Хелен притворялась, будто тщательно обдумывает этот вопрос. – Нет, боюсь, мы оба были вполне одеты, когда ты позвонил. А после этого у нас и минутки не было. Бросились опростеть в мою гардеробную и принялись все перебирать в поисках подходящего костюма. Что скажешь? Удачно получилось?

Линли оглядел приталенный черный костюм и аксессуары ему в тон.

– Похожа на квакершу, готовую нести заблудшим слово Божие, – мрачно заметил он. – Господи, Хелен, а это что – Библия?

Она расхохоталась.

– Сошло, правда? – Она взмахнула толстым томом в кожаном переплете. – На самом деле это полное собрание сочинений Джона Донна, которое дедушка подарил мне на семнадцатилетие. Может, когда-нибудь и прочту.

– А что бы ты делала, если бы Джиллиан попросила тебя почитать ей Священное Писание?

– Ну, я могу сымитировать Библию, если мне это понадобится. Какой-нибудь «Аз», потом еще «возлег», «и зачал»... Да что это с тобой? – От ее вроде бы невинных слов Томми словно оцепенел. Даже рука, на которую она опиралась, казалась каменной.

Линли глянул в сторону своего автомобиля, припаркованного возле станции.

– Где ее муж?

Хелен с некоторым удивлением посмотрела на него.

– Не знаю. Он исчез. Я сразу же прошла к Джиллиан, а когда вышла из спальни, его уже не было. Я провела там всю ночь, но он так и не вернулся.

– Как Джиллиан восприняла это?

– Я не... – Леди Хелен помедлила, обдумывая его вопрос – Знаешь, Томми, по-моему, она даже не заметила его исчезновения. Я

понимаю, это кажется странным, но он словно перестал существовать для нее. Она ни разу не упомянула его имя.

– О чем она говорила?

– Она все время повторяла, что она оставила что-то для Бобби.

– Она имела в виду это объявление в газете? Леди Хелен покачала головой.

– Нет. У меня сложилось впечатление, что речь идет о чем-то на ферме.

Линли задумчиво кивнул головой и задал последний вопрос:

– Как ты уговорила ее приехать?

– Мне не пришлось ее уговаривать. Она сама уже все решила, причем, как мне кажется, благодаря сержанту Хейверс, хотя та почему-то считает, что я совершила бог весть какое чудо. Поговори с ней, ладно, Томми? Она из себя еле два слова выжала, когда я позвонила ей сегодня утром. По-моему, она винит себя во всем, что произошло.

Линли только вздохнул.

– В этом вся Барбара. Господи, у меня и так голова пухнет от этой чертовой истории!

Леди Хелен широко раскрыла глаза: ей никогда прежде не доводилось видеть Линли таким взволнованным и растерянным.

– Томми, – осторожно начала она, – там, в Келдейле, ты, случайно... ты не... – Господи, как трудно об этом говорить!

Линли кривовато усмехнулся.

– Извини, старушка! – Он обхватил ее за плечи и ласково встряхнул. – Я так и не успел сказать, как я рад твоему приезду.

К ней он ни разу не обратился. Коротко кивнул и с тех пор даже головы не повернул в ее сторону. Еще бы, скакой стати? Теперь эта маленькая леди все тут уладит, как уладила она все прошлой ночью в квартире Кларенсов. А с ней ему уже и разговаривать не о чем.

Могла бы и сама догадаться, что Линли позовет на помощь свою любовницу, а не офицера Скотленд-Ярда. Типично для него, а? Какое самомнение! Уверен, что любая из его женщин примчится по первому зову, а сам пока забавляется в Йоркшире. Интересно, будет ли леди Хелен с такой же готовностью прыгать через обруч, когда выплывет кое-что насчет Стефы? Только посмотрите на нее! Безупречная кожа, безупречная осанка, безупречное воспитание, словно ее предки семь

поколений подряд выбрасывали вон любого недостаточно красивого младенца, как те спартанцы. Как еще можно было вывести этот шедевр евгеники – леди Хелен Клайд? Но даже она недостаточно хороша для того, чтобы милорд хранил ей верность, ухмыльнулась про себя Барбара.

Устроившись на заднем сиденье, она подглядывала оттуда за Линли. Провел еще одну жаркую ночь со Стефой. Уж конечно. На этот раз он мог не беспокоиться насчет того, как громко она орет. Небось целыми часами ее обрабатывал. А нынче ночью придется обслужить высокородную леди. Ничего, он справится. Эта задача ему по плечу. А потом сумеет позаботиться и о Джиллиан. Ее замухрышка муж только рад будет вверить вожжи настоящему мужчине.

А как они оба носятся с этой маленькой ведьмой! Ладно, леди Хелен не в чем упрекнуть, она ведь не знает всех фактов о Джиллиан Тейс, но о чем только думает Линли? С каких это пор убийце устраивают прием по высшему разряду?

– Вы увидите, Роберта сильно изменилась, – предупредил ее Линли.

Эти слова насторожили Барбару. Что он задумал? О чем он говорит? С какой стати подготавливает ее к встрече с сестрой, если им обоим отлично известно, что они виделись три недели назад, когда вместе убили Уильяма Тейса?

– Да, понимаю, – тихо, почти беззвучно ответила Джиллиан.

– Ее временно поместили в клинику для душевнобольных, – негромко рассказывал Линли. – В связи с ее признанием в убийстве и отказом говорить возник вопрос о ее вменяемости.

– Как она?.. Кто?.. – Джиллиан пыталась подобрать слова, но это было ей явно не по силам.

– Все бумаги подписал ваш кузен Ричард.

– Ричард? – Ее голос становился все тише.

– Да.

– Ясно.

Все смолкли. Барбара с нетерпением ждала, когда же Линли наконец примется допрашивать эту женщину. Она не могла понять, что его останавливает. Что он делает? Беседует с ней так внимательно, озабоченно, словно эта девушка – жертва преступления, а не преступница!

Барбара искоса поглядывала на Джиллиан. Да уж, эта умеет манипулировать людьми. Ей потребовалось лишь запереться на несколько минут в ванной, и теперь все они делают именно то, чего она хочет.

Затем ее взгляд вернулся к Линли. Почему Линли приказал ей вновь заняться расследованием? Барбара видела только одну причину. Он хотел раз и навсегда указать ей ее место, унижить ее, ткнуть носом в очевидный факт: даже такая дилетантка, как леди Хелен, справилась с делом лучше, чем эта свинья Хейверс. После этого он отправит ее в патрульную службу – навеки.

Все ясно, инспектор. Осталось лишь дожидаться возвращения в Лондон. И пусть Линли и его прелестная леди исправят ее ошибки.

Она заплетала волосы в две длинные светлые косы. Вот почему она казалась такой юной, когда впервые появилась в Тестамент Хаусе. Она ни к кому не обращалась, но сама поспешно оглядывала собравшихся, пытаясь понять, можно ли им довериться. Приняв наконец решение, она назвала только свое имя – Грэхем, Нелл Грэхем.

Разве он не догадывался с самого начала, что это вымышленное имя? Кто-то обратился к ней, и она не сразу отозвалась – уже это выдало ее с головой. И какой печальной она казалась, когда сама произносила это имя. И как она плакала, когда он впервые вошел в ее тело, шепча ее имя – «Нелл» – в темноте. Да, то было не ее имя – но разве он не догадывался об этом, не догадывался с самого начала?

Что привлекло его к ней? Сперва та детская невинная радость, с какой она приняла уклад Тестамент Хауса. Ей нравилось учиться, она всей душой отдавалась общественной работе. Более всего Джонаса восхищала ее чистота, чистота, позволившая ей начать новую жизнь, избавиться от дурных воспоминаний, от личной вражды. Она просто решила, что в ее новом мире ничему дурному не будет места. И ее вера в Бога – не бьющая себя в грудь показная набожность неофитов, а спокойное приятие некоей высшей силы – это тоже трогало его. И, наконец, ее твердая вера в его способности, в то, что он непременно осуществит задуманное, слова, ободрявшие его в часы отчаяния, любовь, дававшая ему приют.

И сейчас Джонас Кларенс отчаянно нуждался в ней.

Ему понадобилось двенадцать часов, чтобы полностью, беспощадно проанализировать свое поведение и оценить его по достоинству: подлая, непростительная трусость. Он бросил жену, бросил свой дом и бежал, сам не зная куда, бежал, чтобы не столкнуться лицом к лицу с тем, чего он страшился. Но чего же ему бояться, ведь Нелл – как бы ее ни звали на самом деле – все равно остается той прелестной девушкой, которая всегда была рядом с ним, внимала каждому его слову и с нежностью обнимала его по ночам. Нет в ее прошлом никаких чудовищ, которых ему следовало бы страшиться. Она была и осталась той, какой он ее знал.

Это истина, и он знал это, он чувствовал это, он верил в это. Дверь в клинику для умалишенных растворилась, и Джонас, быстро поднявшись, решительно прошел через центральный холл, чтобы быть рядом со своей женой.

Линли скорее угадал, чем почувствовал, как, войдя в клинику, Джиллиан сбилась с шага, походка ее замедлилась. Он подумал было, что она – и это вполне понятно – боится встречи с сестрой после стольких лет, но тут увидел, как взгляд Джиллиан остановился на молодом человеке, который шел навстречу им через холл. Линли обернулся к Джиллиан, чтобы спросить ее, кто это, и замер, увидев на ее лице выражение неопишемого ужаса.

– Джонас! – выдохнула она, отступая.

– Прости меня. – Джонас Кларенс потянулся к ней, но коснуться так и не решился. – Прости меня, Нелл. Я так виноват перед тобой. – Глаза его потускнели, словно он несколько ночей не спал.

– Не называй меня так. Нелл больше нет. Он словно не расслышал.

– Я провел всю ночь на скамейке на вокзале Кингз-Кросс. Старался разобраться во всем этом, понять, можешь ли ты любить человека, который оказался таким трусом, что бросил свою жену в тот самый момент, когда она больше всего нуждалась в нем.

Джиллиан ответно потянулась к нему, коснулась его руки.

– Возвращайся в Лондон, – выдохнула она. – Прошу тебя, Джонас.

– Нет, не проси меня об этом. Это было бы слишком легко.

– Пожалуйста! Заклинаю тебя. Ради нас обоих.

– Я вернусь только вместе с тобой. Иначе – нет. Зачем бы ты ни приехала сюда, я тоже должен быть здесь. – Он посмотрел прямо в

глаза Линли. – Могу я остаться с моей женой?

– Как решит Джиллиан, – ответил Линли, отметив, что молодой человек невольно вздрогнул, услышав это имя.

– Оставайся, если хочешь, Джонас, – шепнула она.

Он улыбнулся жене, легонько дотронулся до ее щеки. Его взгляд не отрывался от ее лица, пока из бокового коридора не послышались голоса, возвещавшие приближение доктора Сэмюэlsa. Врач нес целую стопку медицинских карт, которые он на ходу передал сестре, и быстрыми шагами направился к посетителям.

Молча, без улыбки, он оглядел собравшихся, ничем не выдав своего отношения к появлению сестры Роберты Тейс. Верил ли он, что в состоянии его пациентки теперь произойдут перемены?

– Инспектор, – не здороваясь, проговорил он, – вам совершенно необходимо приводить с собой такое количество людей?

– Совершенно необходимо, – спокойным голосом ответил Линли, надеясь в глубине души, что врач успеет оценить состояние Джиллиан и не станет устраивать скандал, пытаясь выставить их из больницы.

На виске психиатра набухла жилка. Очевидно, он привык, что посетители относятся к доктору с любезностью, переходящей порой в заискивание, и теперь он разрывается между желанием указать Линли на дверь и необходимостью провести запланированную встречу двух сестер. Верх взяла забота о здоровье Роберты.

– Это ее сестра? – Не дожидаясь ответа, Сэмюэльс взял Джиллиан за руку и обращался уже только к ней. Они неторопливо продвигались по коридору к охраняемой части клиники. – Я предупредил Роберту о вашем приходе, – тихонько говорил он, склонив к девушке голову, – но вы должны быть готовы к тому, что она может и не ответить вам. Скорее всего, она не станет говорить.

– Она не... – Джиллиан на миг смолкла, не зная, как сформулировать свою мысль, – Она так и не заговорила?

– Нет. Но речь идет лишь о самой первой стадии лечения, мисс Тейс, и мы...

– Миссис Кларенс, – сердито поправил его Джонас.

Психиатр приостановился, метнул взгляд на Джонаса. Между мужчинами проскочила искра – гнев, недоверие и взаимная неприязнь.

– Миссис Кларенс, – повторил Сэмюэльс, все так же пристально глядя на ее супруга. – Как я уже говорил, миссис Кларенс, речь идет

лишь о первом этапе терапии. У нас нет сомнений в том, что постепенно здоровье вашей сестры восстановится полностью.

Джиллиан не пропустила мимо эту оговорку.

– Постепенно? – переспросила она, обхватив руками свое худенькое тело тем самым жестом, который Линли прежде подметил у ее матери.

Психиатр попытался оценить ее реакцию. Видимо, короткая реплика Джиллиан сообщила ему гораздо больше, чем подозревала сама девушка.

– Да, Роберта очень больна. – Он положил руку на локоть Джиллиан и отпер дверь в охраняемое отделение.

Они прошли по коридору, слыша лишь звук своих шагов, заглушённых ковром под ногами, и доносящиеся порой из-за запертых дверей вопли пациентов. В конце коридора их поджидала утопленная в стенную нишу дверь. Здесь Сэмюэльс остановился, отпер дверь и, включив свет, пригласил их в крошечный кабинетик.

– Вам будет тут тесновато, – не без злорадства заметил он.

Узкое прямоугольное помещение размерами не превосходило кладовку уборщицы – собственно, именно для этой цели оно когда-то и предназначалось. Одну стену занимало большое зеркало, по углам висели динамики, посреди стоял стол и несколько стульев. Вся комната, пропитанная запахами полироли и дезинфекции, вызывала клаустрофобию.

– Ничего, мы поместимся, – заявил Линли. Сэмюэльс коротко кивнул.

– Когда я приведу Роберту, я выключу свет, и вы сможете наблюдать через двухстороннее зеркало за тем, что происходит в соседней комнате. Разговор вы также услышите. Роберта не будет вас видеть через зеркало, однако я предупредил ее о вашем присутствии. В противном случае это было бы противозаконно.

– Разумеется.

– Отлично. – Доктор еще раз сумрачно оглядел посетителей. Казалось, он был доволен тем, что они, как и он сам, вовсе не рассчитывают, что предстоящая встреча пройдет легко и безболезненно. – Я тоже буду в той комнате вместе с Джиллиан и Робертой.

– А это необходимо? – робко спросила Джиллиан.

– Учитывая все обстоятельства, боюсь, что да.

– Обстоятельства?

– Убийство, миссис Кларенс. – Сэмюэльс еще раз оглядел собравшихся и, глубоко засунув руки в карманы своих брюк, обратился к Линли. – Будем обсуждать юридические детали? – поинтересовался он.

– Не стоит, – возразил Линли, – процедура мне хорошо знакома.

– Помните, ничто из того, что она скажет...

– Я знаю, – повторил Линли. Доктор снова коротко кивнул.

– Хорошо, я пошел за ней. – Резко развернулся на одном каблуке, выключил свет и вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Свет, проникавший из соседней комнаты, отчасти рассеивал тьму и в этом кабинете, наполняя его рожденными сумраком тенями. Все расселись на жестких деревянных стульях и стали ждать. Джиллиан вытянула ноги, неподвижно уставившись на носки своих туфель, Джонас – поблизости, положив руку на спинку ее стула, инстинктивно пытаясь как-то защитить жену; сержант Хейвере пристроилась где-то в самом темном уголке комнаты, леди Хелен – рядом с Линли, вместе с ним наблюдая за безмолвным диалогом супругов. Линли погрузился в глубокое размышление, но леди Хелен вывела его из задумчивости, легонько сжав его руку.

Умница, подумал он с благодарностью, ответно пожимая ей руку. Она понимает, она все понимает. Он улыбнулся ей, радуясь тому, что она так близко, что ее широко открытые глаза так ясно смотрят на мир, который вот-вот вдребезги разнесет безумие.

Роберта с виду почти не изменилась. Она вошла в кабинет в сопровождении двух санитарок в белых халатах. И одежда на ней была прежняя – коротковатая юбка, плохо пошитая блуза, сваливающиеся с ног тапочки, которые были ей явно малы. И все же перед свиданием ее выкупали, и густые волосы, на этот раз влажные и чистые, были собраны в пучок и стянуты алой ленточкой – неуместно яркое пятно в однообразной цветовой гамме. Кабинет был почти пуст – лишь три стула и невысокий металлический шкаф. Ни одной картины на стенах. Ничто не отвлекает взгляд, ничто не дает ускользнуть мысли.

– О, Бобби! – прошептала Джиллиан, глядя на свою сестру через стекло.

– Вы видите, Роберта, – в этой комнате три стула. – Голос Сэмюэlsa доносился к ним через динамик. – Сейчас я приглашу в эту комнату вашу сестру. Вы помните свою сестру Джиллиан, Роберта?

Девушка начала раскачиваться на стуле. Она не отвечала. Обе санитарки вышли из комнаты.

– Джиллиан приехала из Лондона. Однако прежде, чем я позову ее сюда, я хочу, чтобы вы оглядели комнату и привыкли к обстановке. Мы здесь еще никогда не были, правда?

Тусклые глаза девушки не двигались, она сидела, уставившись в одну точку на противоположной стене. Руки бессильно повисли, тело оплыло на стуле безжизненной массой жира. Сэмюэlsa ее молчание не тревожило, он продолжал спокойно наблюдать за своей пациенткой. Проползли две бесконечные минуты, затем он поднялся на ноги.

– Теперь я пойду за Джиллиан, Роберта. Я буду с вами в комнате во время вашего разговора. Вам нечего бояться.

Последняя фраза показалась зрителям излишней – девушка не проявляла никаких признаков страха или иных эмоций.

В соседней комнате Джиллиан рывком поднялась на ноги. Она поднялась таким странным, неестественным движением, словно какая-то сила вопреки ее собственной воле повлекла ее вверх и вперед.

– Дорогая, тебе ведь не обязательно идти туда, если ты этого не хочешь, – попытался остановить ее муж.

Вместо ответа она мимолетным прощальным жестом коснулась его щеки тыльной стороной ладони, на которой многочисленные следы металлических щеток отпечатались, словно сетка вен под кожей.

– Готовы? – позвал ее Сэмюэls, приоткрывая дверь. Опытным взглядом он оглядел Джиллиан, взвешивая сильные и слабые стороны ее натуры. Дождавшись кивка, он бодро продолжал: – Вам нечего бояться. Я все время буду с вами, и несколько санитаров находятся поблизости на случай, если появится необходимость ее усмирить.

– Можно подумать, Бобби и впрямь может причинить кому-нибудь зло, – возмутилась Джиллиан и, не дожидаясь ответа, прошла в кабинет.

Мужчины остались в приемной, следя за реакцией Роберты. Она даже не заметила, как открылась дверь и перед ней предстала сестра. Тяжелое тумбообразное тело продолжало мерно раскачиваться.

Джиллиан помедлила, ее рука еще касалась дверной ручки.

– Бобби! – позвала она. Голос ее был тих и спокоен, так разумная мать могла бы обратиться к непослушному малышу. Не получив ответа, она выбрала один из трех стульев, поставила его прямо перед стулом, на котором сидела ее сестра, чтобы все время находиться в поле ее зрения. Роберта продолжала глядеть сквозь нее на облюбованное ею пятно на стене. Джиллиан оглянулась на психиатра: тот сидел чуть сбоку, и Роберта не видела его.

– Что я должна?

– Расскажите ей о себе. Она вас слышит. Джиллиан разгладила складки на юбке и заставила себя вновь посмотреть в лицо сестры.

– Я приехала из Лондона, чтобы повидать тебя, Бобби, – заговорила она. Голос ее дрожал, но постепенно набирал силу. – Я теперь живу там. С моим мужем. Я вышла замуж в ноябре. – Она оглянулась на доктора, и тот ободряюще кивнул. – Тебе это покажется очень странным. Я вышла замуж за священника. Представляешь, девушка из католической семьи вышла замуж за англиканского священника, а? Что бы папа на это сказал?

На тупом лице больной не выражалось ни интереса, ни понимания. С тем же успехом Джиллиан могла бы обращаться к стенке. Облизав пересохшие губы, она отважно продолжала:

– У нас квартира в Ислингтоне. Не слишком большая квартира, но тебе там понравилось бы. Помнишь, я всегда любила цветы? Теперь у меня их очень много, потому что окно в кухне выходит на солнечную сторону. Ты же помнишь, мне никогда не удавалось вырастить цветы у нас дома. Там было слишком темно.

Девушка продолжала раскачиваться. Стул под ней надсадно скрипел.

– У меня есть работа. Я работаю в приюте. Ты ведь знаешь, что это такое? Туда приходят дети, убежавшие из дому. Я делаю всякую работу, но больше всего мне нравится разговаривать с детьми. Они говорят, что со мной легко разговаривать. Бобби, почему бы тебе не поговорить со мной?

Роберта дышала медленно и тяжело, словно под наркозом, голова ее неуклюже склонилась набок. Казалось, что она отключилась.

– Мне нравится Лондон. Не думала прежде, что город мне понравится, но так оно вышло. Наверное, это потому, что с ним связаны мои мечты. Я бы хотела иметь ребенка. Это первая моя мечта.

А еще я бы хотела написать книгу. Во мне спрятано множество историй, и я бы хотела все их записать. Как сестры Бронте. Помнишь, мы читали их романы? У них тоже были свои мечты, верно? Мне кажется, это очень важно – чтобы у человека была мечта.

– Ничего не получится, – произнес Джонас Кларенс. Лишь только его жена вошла в кабинет, им овладела тревога: он понял, что, встретившись с сестрой, Джиллиан вновь оказалась втянута в свое прошлое, и в этом прошлом Джонасу не было места, он не в силах был спасти от него Нелл. – Сколько еще она должна там пробыть?

– Сколько пожелает, – холодно отвечал Линли. – Все зависит от Джиллиан.

– Но ведь с ней может что-нибудь случиться! Разве она не понимает? – Джонас сорвался с места, он готов был распахнуть дверь, силой уволочь жену прочь. Само пребывание в той комнате, рядом с ужасным, похожим на китовую тушу существом – подумать только, это ее сестра! – способно навеки запятнать ее, разрушить ее душу. – Нелл! – яростно окликнул он.

– Бобби, я хочу припомнить вместе с тобой ту ночь, когда я ушла из дому, – продолжала Джиллиан, не сводя глаз с лица сестры, подстерегая любую искру понимания, узнавания. – Не знаю, может быть, ты забыла. Это было в ночь после моего дня рождения. Мне исполнилось шестнадцать. – Она запнулась. – Я... Я ukrала деньги у папы. Он тебе говорил? Я знала, где он хранит деньги, те, что откладывал на строительство, и я их взяла. Конечно, это было дурно, но мне... мне было необходимо уехать. Ты ведь понимаешь, правда? – Она настойчиво повторила, надеясь на подтверждение: – Ты понимаешь?

В самом ли деле Роберта начала раскачиваться быстрее, или это только казалось тем, кто за ней наблюдал?

– Я отправилась в Йорк. Добиралась всю ночь. Пешком и на попутках. Я взяла рюкзачок, знаешь, тот, в котором я носила книги в школу, туда вошла только смена одежды. Едва ли я соображала, что творю. Теперь это кажется просто безумием. – Джиллиан робко улыбнулась сестре. Сердце молотом стучало в ее груди. Дышать становилось все труднее. – К рассвету я добралась до Йорка. Никогда не забуду, как я увидела собор в свете утренних лучей. Это было так прекрасно. Мне хотелось остаться там навсегда. – Она умолкла на миг,

сложила руки на коленях, и стали видны глубокие царапины. – Я провела в Йорке весь день. Мне было страшно, Бобби, ведь раньше я из дому не отлучалась. Я не знала, стоит ли мне ехать дальше, в Лондон. Может быть, лучше было бы вернуться на ферму. Но я не могла. Я просто не могла.

– К чему все это? – рявкнул Джонас. – Чем это поможет Роберте?

Линли сердито глянул на него, но Кларенс уже взял себя в руки. Лицо напряженное, челюсти крепко сжаты.

– Вечером я села на поезд. Столько станций было по пути, и на каждой меня могли схватить. Я боялась, что папа послал полицейских разыскивать меня или сам гонится за мной по пятам. Но ничего плохого не случилось. Во всяком случае, пока я не вышла на вокзале Кингз-Кросс.

– Не рассказывай ей о сутенере, – прошипел Джонас. – Кому это надо?

– На вокзале я натолкнулась на доброго человека, который купил мне еды. Я была ему так благодарна, он показался мне истинным джентльменом. Я начала есть. Он принялся рассказывать мне о своем доме, где и я тоже смогу поселиться, но тут в кафетерий зашел другой мужчина. Когда он увидел нас, он сразу подошел и сказал: «Она пойдет со мной». Я решила, что это полицейский, что он отправит меня обратно домой. Я разрыдалась. Я цеплялась за своего друга, но он оттолкнул меня и убежал. – Джиллиан умолкла, перебирая в памяти события той ночи. – Второй джентльмен был совсем другой. В старой, довольно изношенной одежде. Голос у него был добрый. Он сказал, его зовут Джордж Кларенс, он священник. Тот человек хотел отвезти меня в Сохо, чтобы... хотел отвезти меня в Сохо. Священник сказал, что у него есть дом в Истоне и там я могу жить.

Джонас отчетливо припомнил все это: старый рюкзачок, перепуганная девочка, разбитые ботинки, изношенные джинсы. Он помнил, как его отец вернулся домой и о чем говорили между собой родители. Фразы: «Сутенер из Сохо... Она даже не понимала... Похоже, всю ночь не спала» – эхом отдавались у него в мозгу. Он наблюдал за гостьей, сидя за столом; перед ее приходом он как раз начал есть яичницу, не выпуская из рук книги: готовился к контрольной по литературе. Девушка в его сторону не глядела. Тогда она ни на кого не глядела.

– Мистер Кларенс был очень добр ко мне, Бобби. Я стала частью его семьи. Я вышла замуж за его сына Джонаса. Ты полюбишь Джонаса, Бобби. Он такой добрый. Он все понимает. С ним я верю, что ничего плохого не может... ничто снова... – Она смолкла.

Что еще нужно сделать? Она исполнила все, зачем пришла. Джиллиан поглядела на психиатра, дожидаясь новых указаний, дожидаясь кивка, который подтвердил бы, что она свободна. Но Сэмюэльс молча наблюдал за ней из-под очков, слегка жмурясь от яркого света. Лицо его казалось бесстрастным, но в глазах Джиллиан уловила сочувствие.

– Ну вот и все. Ничего не вышло, – подвел итоги Джонас. – Вы притащили ее сюда и ничего не добились. Теперь я отвезу ее домой. – Он вновь поднялся на ноги.

– Сядьте, – приказал Линли. Когда он говорил таким тоном, о неповиновении не могло быть и речи.

– Бобби, поговори со мной, – молила Джиллиан. – Они думают, что ты убила папу. Но я же знаю, ты этого не делала. Ты не похожа... У тебя не было причины. Я же знаю. Скажи, что у тебя не было причины. Он водил нас в церковь, он читал нам, он придумывал для нас игры. Бобби, ведь это не ты убила его, правда же?

– Тебе важно убедиться, что я его не убивала? – негромко спросил доктор Сэмюэльс. Его голос легким перышком поплыл по воздуху.

– Да, – тут же ответила Джиллиан, продолжая обращаться к сестре. – Я положила ключ тебе под подушку, Бобби. Ты же не спала! Я говорила с тобой! Я сказала: «Запрись завтра», и ты меня поняла. Не говори, что ты не поняла. Я же знаю – ты все поняла.

– Я была еще маленькая. Я не поняла, – ответил доктор.

– Ты должна была понять! Я говорила тебе, что помещу объявление в «Гардиан» под именем Нелл Грэхем, ты помнишь? Мы обе с тобой любили эту книгу, правда? Миссис Грэхем была такая храбрая, сильная. Мы сами хотели стать такими же.

– Но ведь я не была сильной, – пожаловался врач.

– Была! Ты же не похожа... Ты должна была приехать в Харрогит! Я дала объявление, чтобы ты приехала в Харрогит, Бобби. Тебе было уже шестнадцать. Почему ты не приехала?

– Я была совсем не похожа на тебя в шестнадцать, Джиллиан. Что я могла поделать? – Психиатр не двигался с места. Взгляд его

перебегал с одной сестры на другую, подмечая каждое движение, расшифровывая значение позы, жеста, интонации.

– Слава богу, что ты не была похожа на меня! И не надо, ни в коем случае! Ты должна была только приехать в Харрогит. Не в Лондон – всего лишь в Харрогит. Там я ждала тебя. Но ты не приехала, и я подумала – я была убеждена, что с тобой ничего не случилось. Что тебе хорошо дома. Ведь ты не похожа на маму. А значит, все в порядке.

– Не похожа на маму?

– Да, на маму. Я была похожа на нее. Как две капли воды. Это видно на фотографиях. Но ты не похожа. Ты была в безопасности.

– Почему плохо быть похожей на маму? – спросил врач.

Джиллиан окаменела. Ее губы сложились, беззвучно выталкивая слово «нет» – трижды подряд, один раз за другим. Это ей не по силам. Она отказывается продолжать.

– Бобби была все-таки похожа на маму, хоть ты так и не думала?

Нет!

– Не отвечай ему, Нелл, – пробормотал Джонас Кларенс, – ты же не его пациентка. Ты не обязана отвечать.

Джиллиан рассматривала свои ладони. Вина тяжким грузом давила ей на плечи. Она слышала негромкий однообразный звук – ее сестра все быстрее раскачивалась на стуле, она слышала ее тяжелое дыхание и биение собственного сердца. Нет, она не в силах продолжать. Если ступить на этот путь, то уже не вернешься.

– Ты же знаешь, почему я сбежала? – тусклым голосом произнесла она. – Из-за подарка, который я получила на день рождения, из-за этого особенного подарка, того самого... – Дрожащей рукой она прикрыла глаза. Переборолла себя. – Скажи им правду, Бобби! Скажи им всю правду! Иначе они запрут тебя за решетку на всю жизнь!

Тишина. Она не может об этом говорить. Все в прошлом, словно случилось с кем-то другим. И та восьмилетняя девочка, которая бродила за ней по пятам по всей ферме, таращась на нее блестящими обожающими глазами, – та девочка умерла. Это разбухшее, непристойное существо перед ней – не Роберта. Что толку продолжать. Роберты больше нет.

Джиллиан подняла голову и увидела, как изменился взгляд Роберты. Глаза сестры смотрели теперь прямо на нее, и Джиллиан

поняла, что ей удалось добиться того, с чем не могли все эти три недели справиться психиатры. Но никакой радости это открытие ей не принесло. Теперь она знала о своей вине. Она смотрела в глаза обвиняющему, неотменяемому, непоправимому прошлому.

– Я ничего не понимала, – подавленно призналась она. – Мне было года четыре или пять. Тебя еще и на свете не было. Он сказал, это особая любовь. Особая дружба между папочкой и дочкой. Как у Лота.

– О нет! – прошептал Джонас.

– Он и тебе читал Библию, Бобби? Мне он читал. Приходил ночью, садился ко мне на постель и читал мне Библию. И, когда он ее читал...

– Нет, нет, нет!

– Его рука пробиралась ко мне под одеяло. «Тебе так нравится, Джилли? – спрашивал он меня. – Чувствуешь себя счастливой? Папа становится от этого очень счастливым. Такое миленькое. Такое мягонькое. Тебе нравится, Джилли?»

Джонас с размаху ударил себя кулаком в лоб. Левой рукой он туго сдавил себе грудь. «Пожалуйста!» – стонал он.

– Я ничего не знала, Бобби. Я не понимала. Мне было всего пять лет. В комнате было темно. «Повернись, – говорил он, – папа тебе спинку потрет. Так тебе нравится? Где самое чувствительное местечко? Здесь, Джилли? Вот так хорошо?» А потом он брал меня за руку и говорил: «Папочке нравится, когда его трогают вот тут. Потри папочку вот тут».

– Где была мама? – спросил доктор.

– Мама спала. Она была в своей комнате. Может быть, читала. Какая разница. Ведь это были особые отношения. Любовь между папочкой и дочкой. Маме не следовало об этом знать. Мама бы это не поняла. Она не читала Библию вместе с нами, она бы не поняла. А потом она уехала. Мне было тогда восемь лет.

– И ты осталась одна.

Джиллиан тупо покачала головой. Глаза ее расширились, но слез в них не было.

– О нет, – слабым голосом выговорила она. – Тогда я стала мамочкой.

При этих словах с губ Джонаса Кларенса сорвался хриплый вопль. Леди Хелен быстро глянула на Линли и накрыла его ладонь своей рукой. Он судорожно повернул руку, цепляясь за ее пальцы.

– Папа развесил ее фотографии по всей гостиной, чтобы я смотрела на нее каждый день. «Мама уехала», – сказал он и велел мне смотреть на фотографии, чтобы я поняла, какая она красивая и как я виновата в том, что родилась на свет и сделалась причиной того, что мама уехала от нас. «Мама знала, как сильно папочка любит тебя, Джилли. Вот почему она уехала. Теперь ты должна стать мамочкой для меня». Я не знала, что это значит. Он мне показал. Он читал Библию. Он молился. И показывал мне, что надо делать. Но я была слишком маленькой, чтобы стать для него настоящей мамочкой. Так что он... я делала это по-другому. Он учил меня. Я... я очень старалась.

– Ты хотела угодить ему. Это твой отец. У тебя больше никого на свете не было.

– Я хотела, чтобы он любил меня. Он говорил, что любит меня, когда я... когда мы... «Папа любит делать это в ротик, Джилли». А потом мы молились. Мы все время молились. Я надеялась, Бог простит меня за то, что я вынудила мамочку уйти от нас, если только я сумею стать настоящей мамочкой для папы. Но Бог так и не простил меня. Бога нет.

Джонас уронил голову на стол, обхватив себя обеими руками, и заплакал.

Джиллиан снова посмотрела на сестру. Роберта встретила ее взгляд. На ее лице так и не проступило осмысленное выражение, но раскачиваться она перестала.

– И я делала все это, Бобби, я не понимала, что это значит, я делала это, потому что мама уехала, а я хотела... я хотела, чтобы мамочка вернулась. Мне казалось, единственный способ вернуть маму – это самой стать мамой.

– И ты стала ей, когда тебе исполнилось шестнадцать? – тихо спросил доктор Сэмюэльс.

– Он пришел ко мне в комнату. Глубокой ночью. Он сказал, настала пора мне сделаться дочерью Лота по-настоящему, так, как написано в Библии, и он разделся.

– Раньше он никогда не раздевался?

– Он не снимал с себя всю одежду. Нет. Я думала, он хочет... то, что я обычно... но нет. Он раздвинул мне ноги и... «Ты... Папочка, я не могу дышать. Ты слишком тяжелый. Пожалуйста, не надо. Боюсь! Ой, больно, больно, больно!»

Ее муж вскочил на ноги, яростно отшвырнув от себя стул. Шатаясь, он подбежал к двери.

– Этого не было! Не было! – кричал он. – Не было! Ты – моя жена.

– Он закрыл мне ладонью рот. Он сказал: «Мы же не хотим разбудить Бобби, правда, лапонька? Папа любит тебя больше всех. Позволь папочке доказать тебе это, Джилли. Впусти в себя папочку. Как мама. Как настоящая мамочка». Мне было больно. Больно! Больно! Я возненавидела его.

– Нет! – еще раз выкрикнул Джонас и распахнул дверь. Она с грохотом ударилась о стену. Джонас бросился прочь.

Только теперь из глаз Джиллиан полились слезы.

– Я была пустой оболочкой, никем. Не все ли равно, что он делает со мной? Я стала такой, какой он хотел меня видеть. Он или кто другой – все равно. Вот как я жила. Вот как я жила, Джонас!

– Угождая всем? – спросил доктор.

– Людям нравится глядеться в зеркало. Он превратил меня в зеркало. Вот что он со мной сделал. Господи, я его ненавидела! Ненавидела! – Спрятав лицо в ладони, она зарыдала, не в силах совладать со скорбью, подавить рыдания, накапливавшиеся долгих одиннадцать лет. Все сидели неподвижно, прислушиваясь к ее всхлипываниям. Прошло несколько мучительных минут. Джиллиан подняла искаженное лицо и встретила взгляд сестры. – Не позволяй ему убивать тебя, Бобби! Не позволяй ему. Бога ради, скажи им всю правду!

Ответа не было. Глухое молчание. Мучительные рыдания Джиллиан. Роберта не шевелилась. Она казалось глухой.

– Я не могу больше выносить это, Томми, – прошептала леди Хелен. – Она прошла через все это – и напрасно.

Линли все еще смотрел сквозь стекло в соседнюю комнату. В висках у него стучала кровь, рот наполнился горечью, глаза словно огнем жгло. Попадись ему Уильям Тейс – попадись он живым ему в руки, – он бы его на куски разорвал. За всю жизнь Линли не испытывал подобной ярости, подобного отвращения. Пытка, которой

подверглась Джиллиан, терзала и его самого, страдание передалось ему, словно болезнь.

Рыдания стихли. Женщина поднялась на ноги. Неровной походкой направилась к двери. Коснулась ручки, повернула ее, потянула на себя. Ее приезд оказался бесполезным. Все кончено.

– Он заставлял тебя маршировать голой, Джилли? – спросила Роберта.

Медленно, словно двигаясь под водой, Джиллиан повернулась на хриплый звук голоса сестры.

– Расскажи мне, – прошептала она, возвращаясь на свое место и придвигая стул поближе к Роберте.

Глаза Роберты, еле различимые среди складок жира, смотрели в лицо Джиллиан, но взгляд казался отсутствующим. Губы судорожно двигались, пальцы конвульсивно сжимались и разжимались.

– Музыка. Громкая. Он снимал с меня одежду, – Тут голос девушки изменился. Сладостный, медоточивый, вкрадчивый и отчетливо, до ужаса, мужской. «Детка, детка. Пора шагать, детка. Пора шагать для папы, детка». И тогда он... в его руке... «Смотри, что папа делает, когда ты маршируешь для него, сладкая детка».

– Я оставила тебе ключ, Бобби, – с трудом произнесла Джиллиан. – Той ночью он уснул в моей постели, а я пошла в его комнату и взяла ключ. Что случилось с этим ключом? Я оставила его тебе.

Роберта вздрогнула. В ней оживали давно подавленные страхи детства.

– Я не... я не знала. Я заперла дверь. Но ты не сказала, зачем это надо. Ты не сказала, что надо спрятать ключ.

– Боже! – горестно вздохнула Джиллиан. – Значит, ты заперла дверь на ночь, а днем оставила ключ в замочной скважине? Так было, Бобби?

Роберта прикрыла рукой, как щитом, свое влажное лицо. Не убирая руки, она кивнула. Все ее тело всколыхнулось немым рыданием.

– Я не знала.

– Он нашел ключ и забрал его.

– Он положил его к себе в шкаф. К остальным ключам. Оттуда я не могла его взять. «Не надо ключей, сладкая крошка. Сладкая крошка, маршируй для папочки».

– Когда ты маршировала?

– Днем, ночью. «Пойди сюда, сладкая крошка. Папочка поможет тебе шагать».

– Как?

Роберта уронила руку. Все лицо ее мелко дрожало. Пальцы безжалостно теребили, мяли нижнюю губу.

– Бобби, скажи как, – настаивала Джиллиан. – Скажи мне, что он делал.

– Я люблю папочку. Я люблю папочку.

– Не повторяй это. – Протянув руку, Джиллиан легонько встряхнула сестру. – Скажи мне, что он делал с тобой.

– Люблю. Люблю папочку.

– Не повторяй! Он был плохим! Роберта вздрогнула, как от удара.

– Нет, это я плохая!

– Почему?

– Я вынудила его... он не мог... он молился и молился, но не мог сдержаться, а тебя не было. «Джилли знала, что мне нужно. Джилли знала, как это делать для меня. От тебя никакого проку, крошка. Маршируй для папы. Шагай по папочке».

– Шагай по папочке? – Джиллиан задохнулась.

– Вверх и вниз, на одном месте. Вверх и вниз. «Так-то лучше, сладкая крошка. Папочка растет между твоими ножками».

– Бобби! Бобби! – Джиллиан, не выдержав, отвернулась. – Сколько тебе было лет?

– Восемь. «М-м-м, папочке нравится чувствовать это всем телом. Всем телом. Всем телом».

– Ты никому не говорила? Неужели никому?

– Мисс Фицалан. Я сказала ей. Она не... она не поняла.

– Она ничего не сделала? Не помогла?

– Она ничего не поняла. Я сказала – «усишки». Его колючие щеки, когда он терся об меня. Она не поняла. «Ты донесла, малютка? Ты пыталась донести на папочку?»

– Господи, она все рассказала ему?!

– «Джилли никому не говорила. Джилли не стала бы доносить на папочку. Очень нехорошо, моя крошка. Папочке придется тебя наказать».

– Как?

Роберта не ответила. Она вновь начала раскачиваться, спеша укрыться в своем убежище.

– Тебе было всего восемь лет! – Джиллиан снова заплакала. – Бобби, прости меня. Я не знала. Я думала, он не станет. Ты не похожа на меня. Ты не похожа на маму.

– Он сделал Бобби больно в плохом месте. Не как Джилли. Не как Джилли.

– Не как Джилли?

– «Повернись, крошка. Папочка должен тебя наказать».

– Господи! – Джиллиан рухнула на колени, обнимая сестру. Она рыдала у нее на груди, но Роберта не отзывалась. Ее руки вновь бессильно повисли и все тело напряглось, словно объятия сестры внушали ей страх или отвращение. – Почему ты не приехала в Харрогит? Разве ты не видела мое объявление? Я думала, с тобой все в порядке. Я думала, он не трогал тебя. Почему ты не приехала?

– Бобби умерла. Бобби умерла.

– Не говори так! Ты не умерла. Не позволяй ему убивать тебя.

Роберта вырвалась из сжимавших ее рук, яростно оттолкнула сестру.

– Папа не убивал, папа не убивал, папа не убивал, – пронзительно визжала она.

Психиатр подался вперед.

– Кого не убивал, Роберта? – быстро спросил он, и еще раз, настойчивее: – Кого папа не убивал?

– Ребенка. Папа не убивал ребенка.

– Нет, Бобби, не останавливайся, – потребовала Джиллиан. – Ты должна теперь говорить все до конца. Ты маршировала для папы, чтобы он был доволен и не трогал кого-то еще. Кого?

Линли, стоя в затемненной приемной, почувствовал, будто его позвоночник пронзает ледяная шпага. Он понял все – давно мог бы это понять. Девятилетняя девочка, читавшая вместе с Уильямом Тейсом Библию, читавшая Ветхий Завет, твердившая урок о Лоте и его дочерях.

– Бриди! – яростно выплюнул он. Теперь истина полностью предстала перед ним. Он мог бы сам завершить эту историю, но он не смел оторваться от продолжавшейся перед ним пытки освобождения измученной души.

– Папа хотел Джилли, а не корову Роберту.

– Твоему папе была нужна не женщина, а девочка, так? – вновь вступил в разговор доктор Сэмюэльс. – Ему требовалось детское тело. Оно возбуждало его. Так было с Джилли. Так было с твоей мамой.

– Он нашел ребенка.

– И что дальше?

Роберта крепко сжала губы, запрещая самой себе говорить. В уголках рта проступила кровь. Она хрипло вскрикнула, и слова сами, против ее воли, вырвались наружу:

– "Фараон надел ему на шею цепь и одел его в новую одежду, и он правил Египтом, и братья Иосифа пришли к нему, и Иосиф сказал: «Я спасу вашу жизнь великим избавлением».

– Библия подсказала тебе ответ, как папе, – сквозь слезы произнесла Джиллиан.

– Оделась в новую одежду. Надела цепь.

– Что потом?

– Заманила его в хлев.

– Как ты это сделала? – совсем тихо спросил врач.

Лицо Роберты жалобно задергалось. В глазах выступили слезы, покатались по прыщавым щекам.

– Пыталась два раза. Не получалось. Тогда... Усишки, – шептала она.

– Ты убила Усишки, чтобы заманить отца в хлев? – уточнил доктор.

– Усишки не было больно. Дала ему таблетки. Папины таблетки. Он спал. Перерезала... перерезала ему горло. Позвала папу. Папочка прибежал. Опустился на колени возле Усишки. – Она снова раскачивалась изо всех сил, крепко обняв руками свое разбухшее тело, сопровождая движение негромким, монотонным жужжанием. Уходила в себя.

– А дальше, Роберта? – настаивал психиатр. – Теперь ты можешь преодолеть и это. Джиллиан рядом с тобой.

Качается. Качается. Молча, неистово, слепо. Взгляд упирается в стену.

– Люблю папочку. Люблю папочку. Не помню. Не помню.

– Разумеется, ты помнишь, – мягко, но решительно звучит голос психиатра. – Библия подсказала тебе, что надо делать. Если бы ты не сделала этого, твой папа начал бы делать с маленькой девочкой то же

самое, что он делал столько лет с тобой и Джиллиан. Он бы насильничал ее. Он бы подвергал ее противоестественному разврату. Он бы терзал ее. Но ты остановила его, Роберта, ты спасла ребенка. Ты оделась в красивое платье. Ты надела золотую цепочку. Ты убила собаку. Ты позвала отца в хлев. Он прибежал туда, так? Наклонился над собакой и...

Роберта вскочила со стула. Стул пролетел через весь кабинет, врезавшись в металлический шкаф, но в тот же миг Роберта настигла его, подхватила, швырнула в стену, опрокинула металлический шкафчик и пронзительно завизжала:

– Я отрубила ему голову! Он встал на колени. Наклонился над Усишки. Я отрубила ему голову! И мне плевать! Я хотела, чтобы он умер. Я не позволила ему трогать Бриди! Он хотел ее. Он начал читать ей, как читал мне. Он говорил с ней, как прежде со мной. Он собирался сделать с ней это! Я видела! Я убила его! Убила! Мне ничуть не жаль. Мне ничуть не жаль. Он заслужил смерть! – Она рухнула на пол и зарыдала, уткнувшись лицом в ладони, в свои большие серые влажные ладони, которые продолжали мять, коверкать лицо даже сейчас, когда девушка пыталась найти в них защиту. – Его голова покатила по полу. Мне было плевать. Крыса вылезла откуда-то, стала нюхать кровь. Грызла его мозги. А мне было плевать, плевать, плевать!

С приглушенным вскриком сержант Хейверс вскочила на ноги и выбежала из комнаты.

Барбара ворвалась в туалет, упала грудью на раковину, и ее вырвало. Комната кружилась. Ей было безумно жарко, так жарко, что она боялась упасть в обморок. Рвота не прекращалась. Содрогаюсь в мучительных спазмах, Барбара понимала, что из ее тела сгустками, пеной, изливается ее собственное давнее отчаяние.

Цепляясь за гладкий фаянс раковины, она с трудом втягивала в себя воздух, вновь и вновь скрючиваясь от позывов тошноты. Ей казалось, что никогда прежде она не глядела в угрюмое лицо реальности. Сегодня, столкнувшись с грязной изнанкой жизни, она пыталась спастись от нее, пыталась ее извергнуть.

Голоса сестер, только что прозвучавшие в темной, душной комнате, безжалостно язвили ее. Это была не только их судьба, ад их

прошлого – это был голос и того кошмара, который она пережила и который остался с ней. Это невыносимо. Она не может и дальше держать это в себе. Она не может больше жить с этим.

– Не могу! – стонала она. – Тони, я больше не могу. Прости меня, я больше не могу.

На пороге слышались шаги. Барбара попыталась привести себя в порядок, но дурнота не отпускала, и она поняла, что ей придется испытать еще и это унижение – корчиться от рвоты в присутствии изысканной леди Хелен Клайд.

Кто-то включил воду. Вновь слышались шаги. Дверь отворилась, к ее затылку кто-то прижал влажное полотенце, легонько отжал, протер ее горящие щеки.

– Нет! Пожалуйста! Уйдите! – Ей вновь стало дурно, и, хуже всего, теперь она начала рыдать. – Не могу! – стонала она. – Не могу! Уйдите! Пожалуйста, уйдите!

Прохладная ладонь отвела пряди волос с ее лица, поддержала отяжелевший лоб.

– Жизнь нелегка, Барб. А хуже всего то, что она становится все тяжелее. – Это был голос Линли.

В ужасе она резко обернулась. Да, это был Линли, и в его глазах она прочла сочувствие, уже виденное ею прежде – в его обращении с Робертой, в его снисходительных беседах с Бриди, в его разговоре с Тессой. И внезапно Барбара поняла, чему именно, по замыслу Уэбберли, ей следовало научиться у Линли. Доброта была источником его силы, средоточием столь хорошо ей известного поразительного личного мужества. Мягкость и сочувствие сломили ее сопротивление.

– Как он мог? – задыхалась она. – Своего же ребенка... Родители должны любить ребенка, не обижать. Не дать ему умереть. Не дать ему умереть! Они позволили ему умереть! – В ее пронзительном голосе зазвучали истерические нотки, но темные глаза Линли не отрывались от ее лица. – Ненавижу! Не могу! Они должны были быть рядом с ним. Это же их сын. Они должны были любить его. Они его не любили! Он болел четыре года, последний год все время лежал в больнице. Они его даже не навещали! Они говорили, что не могут этого вынести, это для них слишком мучительно. Я ходила к нему. Я ходила каждый день. Он спрашивал о них. Спрашивал, почему не приходят мама и папа. Я лгала ему. Я ходила к нему каждый день, и каждый день я лгала. Когда

он умирал, он был совсем один. Я была в школе. Я не успела вовремя. Мой маленький братик. Ему было всего десять лет! А мы все – мы все – позволили ему умереть в одиночестве.

– Это ужасно, – сказал Линли.

– Я поклялась, что никогда не позволю им забыть, что они натворили. Я просила у его учителей отзывы. Я сделала рамку и повесила на стену свидетельство о смерти. Я устроила святилище. Я заставила их сидеть дома. Я затворила все двери и окна. Каждый день я заставляла их сидеть там и смотреть на Тони. Я свела их с ума. Я этого и добивалась, Я их уничтожила. Я уничтожила себя!

Уронив голову на умывальник, Барбара зарыдала. Она выплакивала ненависть, искажившую ее жизнь, вину и ревность, бывшие ее единственными спутниками в жизни, одиночество, на которое она сама обрекла себя, презрение и злобу, которые она обратила на всех встречавшихся ей людей.

Наконец Линли молча обнял ее, и Барбара рыдала у него на груди, оплакивая гибель дружбы, которая могла расцвести и связать их воедино.

Сквозь невысокие окна в аккуратном кабинете доктора Сэмюэlsa был виден сад и розарий. Розарий был разбит на отдельные участки и террасы, разделяя цветы различных сортов и оттенков. На некоторых кустах назло осени, холодным ночам и утренним заморозкам еще красовались бутоны, но скоро цветы и листья осыплются на землю. Придут садовники и обрежут кусты, подготавливая их к зимней спячке. Весной розы оживут, и возобновится непрерывный круговорот бытия.

Врач и полицейский смотрели из окна на маленькую компанию, блуждавшую по посыпанным гравием дорожкам. Контрастные пары – Джиллиан и ее сестра, леди Хелен и сержант Хейверс, а далеко позади две санитарки, прикрывшие белые халаты длинными плащами, чтобы укрыться от резкого ветра.

Линли отвернулся от окна и встретил внимательный взгляд доктора Сэмюэlsa. Врач расположился за письменным столом, лицо его вновь было бесстрастно.

– Вы знали, что у нее был ребенок, – сказал Линли. – Вероятно, обнаружили еще при осмотре в приемном покое.

– Верно.

– Почему вы ничего нам не сообщили?

– Я вам не доверял, – ответил Сэмюэльс. – Тогда не доверял. Мне было гораздо важнее установить хоть какой-то контакт с Робертой, чем поделиться этой информацией с вами и рисковать, что вы обрушите эти сведения на нее и еще больше ей повредите. В конце концов, это врачебная тайна, – примирительно добавил он.

– Что с ними теперь будет? – спросил Линли.

– Они оправятся.

– Откуда вы знаете?

– Они начинают осознавать, что обе были его жертвами. Это первый шаг. – Сняв очки, Сэмюэльс тщательно протер их полкой пиджака. Худое лицо врача казалось усталым. Сколько уже раз он проводил такие беседы!

– Не понимаю, как они могли вынести все это.

– Они находили выход.

– Какой?

Доктор критически осмотрел стекла очков и вновь водрузил их на нос, тщательно поправил. Он носил эти очки много лет, и на крыльях носа давно появились глубокие отпечатки.

– У Джиллиан наступила диссоциация, то есть она умудрилась подавить свое "я" до такой степени, что могла притворяться, будто у нее есть то, чего у нее не могло быть, будто она является тем, чем она на самом деле не была.

– А именно?

– Нормальные чувства. Нормальные человеческие отношения. Она сказала, что была зеркалом, отражающим поведение окружающих. Это защитная реакция, помогавшая не чувствовать того, что происходило с ней на самом деле.

– Каким образом?

– Она не была «настоящей», и потому отец не мог коснуться ее, не мог ничего с ней сделать.

– Все в деревне вспоминают о ней совершенно иначе.

– Да. Так она вела себя – отражала их, как в зеркале. Когда подобное состояние доходит до крайности, наступает расщепление личности, но Джиллиан удалось этого избежать. Это всецело ее заслуга, учитывая, через что ей пришлось пройти.

– А Роберта? Психиатр нахмурился.

– Ей это далось труднее, чем Джиллиан, – печально признал он.

Линли в последний раз глянул в окно и вернулся на свое место, к стулу с облезшим сиденьем. Сколько несчастных уже сидело на нем!

– Поэтому она начала так много есть?

– Вы имеете в виду – в поисках выхода? Нет, не думаю. Скорее это была попытка самоуничтожения.

– Не понимаю.

– Когда ребенок подвергается насилию, ему кажется, что это он сделал что-то дурное и несет наказание за это. Вероятно, Роберта начала много есть потому, что насилие пробудило в ней отвращение к самой себе, к своей «испорченности», и она пыталась очиститься, уничтожая собственное тело. Это одно объяснение. – Доктор умолк.

– А другое?

– Трудно сказать. Быть может, это казалось ей единственным способом избавиться от постоянного насилия. Не самоубийство, но прекрасный способ уничтожить свое тело, сделаться совершенно непохожей на Джилли, чтобы отец прекратил сексуальные домогательства.

– Но это ей не помогло.

– Нет, к несчастью, нет. Хуже того: ему потребовались извращенные виды секса, чтобы продолжать возбуждаться, а ей приходилось участвовать и в этом. Так он удовлетворял свою потребность господствовать.

– Мне кажется, я бы на части разорвал этого Тейса! – пробормотал Линли.

– Да, меня тоже преследует это желание, – признался доктор.

– Неужели человек способен на такое? Я просто этого не понимаю.

– Отклонение в поведении, болезнь. Тейса возбуждали маленькие девочки. Женитьба на шестнадцатилетней девушке – не на зрелой, с пышными формами шестнадцатилетней, а на субтильной, с задержкой физического развития – уже должна была бы насторожить, это очевидный симптом. Но он сумел скрыть свое отклонение под маской благочестивого прихожанина и любящего отца. Все это так типично, инспектор Линли. Мне просто неприятно обсуждать с вами, насколько это типично.

– И никто не подозревал? Это невероятно.

– Не столь уж невероятно, если представить себе ситуацию в целом. Тейс очень успешно создавал себе положительную репутацию в общине, а дочерей загонял в потайную жизнь, полную самообвинений. Джиллиан считала себя виноватой в том, что мать покинула отца, и старалась как могла компенсировать ему утрату, «сделалась мамочкой». Роберта верила, что Джиллиан удавалось угодить отцу и что она обязана делать то же самое. К тому же он наставлял обеих, читая им Библию и, разумеется, тщательно выбирая подходящие места и толкуя их на свой лад – они, дескать, всего-навсего выполняют дочерний долг, делают то, что предписал им Господь.

– Меня тошнит от этого.

– Конечно, тошнит. Это был больной человек. Смотрите, как развивался его недуг: сперва он выбрал себе в жены ребенка. С этой девочкой он чувствовал себя в безопасности. Угроза исходила от мира взрослых, а он получил шестнадцатилетнюю девочку, чье детское тело возбуждало его, и в то же время этот брак удовлетворял потребность Тейса в самоуважении и социальном статусе.

– Но в таком случае почему же он терзал своих дочерей?

– Когда Тесса, его девочка-жена, дала жизнь ребенку, Тейс получил страшное и неопровержимое доказательство того, что это существо, возбуждавшее и удовлетворявшее его желание, было вовсе не девочкой, а взрослой женщиной. Тейс боялся женщин, полагаю, именно женщины казались ему наиболее грозным воплощением взрослого мира, которого он так страшился.

– Она сказала, что он перестал с ней спать.

– Разумеется. Вообразите, какое унижение он испытал, если в какой-то момент оказался несостоятельным. И больше он не стал подвергать себя подобному риску. Зачем, ведь у него под рукой был беспомощный младенец, который мог доставить ему полноценное удовольствие и удовлетворение? Линли почувствовал, как сжимается его горло.

– Младенец? – хрипло повторил он. – То есть?..

Доктор Сэмюэльс прекрасно понял реакцию Линли и печально кивнул. Ему и это было давно уже знакомо.

– Думаю, что он насиловал Джиллиан еще в колыбели. Она помнит первый инцидент, когда ей было четыре года или пять, но

маловероятно, чтобы Тейс ждал столько лет – разве что его вера помогла ему продержаться. Такое тоже возможно.

Вера. С каждым новым кусочком головоломки картина становилась все яснее, но тем сильнее становился гнев, который Линли едва мог сдерживать. И все же он сделал над собой усилие.

– Ее ждет суд.

– Несомненно. Роберта поправится. Она сможет предстать перед жюри. – Доктор развернул свое кресло так, чтобы видеть группу людей, прогуливавшихся вместе в саду. – Но вы прекрасно понимаете, инспектор, что теперь, когда истина вышла на свет, ни один присяжный не признает ее виновной. Так что можно считать, что справедливость наконец восторжествовала.

Деревья, нависавшие на церковь Святой Екатерины, отбрасывали длинные тени, и внутри здания уже царил полумрак, хотя снаружи еще было светло. Сквозь цветные стекла окон, сквозь неистовый багрянец и пурпур витражей струился окрашенный кровью свет, растекавшийся по трещинам мозаичного пола. Статуи, перед которыми горели тонкие свечи, немо наблюдали за приближением инспектора Линли. Самый воздух казался здесь немым, мертвым. Подходя к исповедальне, сооруженной в эпоху Елизаветы, Линли почувствовал, как его пробирает дрожь.

Он отворил дверцу, ступил вовнутрь, опустился на колени и замер в ожидании. Непроницаемая тьма, вечное спокойствие. Подходящее местечко, чтобы поразмыслить о своих грехах, подумал Линли.

В сумраке скользнула решетка. Тихий голос пробормотал обычную формулу, молитву несуществующему Богу.

– Слушаю тебя, дитя мое.

До последнего момента Линли сомневался, сможет ли он заговорить: голос ему не повиновался.

– Он приходил сюда, к вам, – начал Линли. – Здесь, на этом месте он исповедовался в своих грехах. Вы давали ему отпущение, отец? Вы чертили в воздухе таинственные знаки, которые освобождали Уильяма Тейса от греха – Уильяма Тейса, который насиловал своих дочерей?! Что вы говорили ему? Давали ему свое благословение? И он выходил из исповедальни с очищенной душой, он возвращался домой, на ферму, и все начиналось сызнова? Так это было, отец?

В ответ он услышал лишь учащенное дыхание, тревожное, неровное – только оно и свидетельствовало о присутствии собеседника.

– А Джиллиан – она тоже исповедовалась? Или она была слишком запугана? Вы когда-нибудь говорили о том, что делает с ней ее отец? Вы пытались помочь ребенку?

– Я... – Казалось, голос священника доносится откуда-то издали. – Поймите, простите меня!

– Это вы и говорили ей? Надо понять, надо простить? А как же Роберта? Она тоже должна была понять и простить? Шестнадцатилетняя девочка должна была смириться с тем, что отец воспользовался ее телом, обрюхатил ее, а потом убил ее ребенка? Или насчет ребенка вы распорядились, отец?

– Я не знал о ребенке! Я ничего не знал! Я не знал! – Слова поспешно слетали с его губ.

– Но вы все поняли, когда нашли тело в аббатстве. Вы чертовски хорошо все поняли. Недаром в качестве эпитафии вы выбрали строку из «Перикла». Вы все прекрасно знали, отец Харт.

– Он... Он не исповедовался в этом.

– А что бы вы сделали, если бы он исповедался? Какую епитимью наложили бы на отца за убийство родной дочери? Ведь это было убийство. И вы знали, что это убийство.

– Нет! Нет!

– Уильям Тейс принес младенца со своей фермы в аббатство. Он не мог завернуть ребенка хоть в какую-нибудь тряпку, потому что она послужила бы уликой против него. Он бросил ребенка обнаженным, и ребенок умер. Как только вы увидели младенца, вы сразу поняли, чей это ребенок и как он попал в аббатство. Вы написали шекспировскую цитату на его надгробье. «Убийство и разврат... неразлучны, как огонь и дым». Вы все прекрасно знали.

– Он сказал... после этого он поклялся, что он исцелился.

– Исцелился? Чудесное исцеление сексуального извращенца, произошедшее благодаря гибели его новорожденного ребенка? И вы в это поверили? Или – хотели поверить? Да, он исцелился. На его языке это означало, что он перестал спать с Робертой. Но – слушайте меня, отец, это на вашей совести, и, Богом клянусь, вы выслушаете меня до конца – на самом деле он вовсе не исцелился.

– Господи, нет!

– Вы сами это знаете. Для него это было как наркотик. Только ему требовалась новая жертва, невинная маленькая девочка. Он захотел Бриди. И вы готовы были допустить даже это.

– Он мне поклялся...

– Он поклялся? На чем? На Библии, которую он читал Джиллиан, чтобы та поверила, будто должна угождать отцу своим телом? На этой книге он клялся?

– Он больше не приходил на исповедь. Я не знал. Я...

– Вы знали. Вы все поняли в тот самый момент, когда он обратил внимание на Бриди. А когда вы пришли на ферму и обнаружили, что сотворила Роберта, вы поняли все до конца, не правда ли?

Глухое рыдание. Затем раздался горестный вопль, подобный плачу Иакова, и оборвался тремя едва внятыми словами:

– Меа... Меа culpa!

– Да! – прошипел Линли. – По вашей вине, отец!

– Я не мог. Тайна исповеди. Эта тайна священна.

– Нет ничего более священного, чем жизнь. Нет ничего более кощунственного, чем надругательство над ребенком. Вы все поняли, когда пришли в тот день на ферму, ведь так? Вы знали, что наступила пора нарушить молчание. Вот почему вы вытерли отпечатки пальцев с топора, спрятали нож и явились в Скотленд-Ярд. Вы знали, что в результате вся правда станет известна, вся правда, которую сами вы так и не посмели открыть!

– Господи, я... простите, поймите меня. – Шепот прерывался на каждом слове.

– Этого нельзя простить. Двадцать семь лет вы позволяли ему насиловать детей. Разрушить две жизни. Уничтожить все их мечты. Это нельзя ни понять, ни простить. Все что угодно, только не это. – Он распахнул дверцу и покинул исповедальню.

Вслед ему возносился в молитве дрожащий голос.

«И не страшись творящих зло... ибо исчезнут, как трава... доверься Господу... Он утолит желанье сердца твоего... творящих зло скосит, как траву...»

Задыхаясь, Линли отворил дверь храма и выбежал на улицу.

Леди Хелен опиралась на край заросшего мхом каменного саркофага, наблюдая за Джиллиан, стоявшей у маленькой могилы под кипарисами, склонив светлую коротко остриженную голову то ли в молитве, то ли в печальном размышлении. Услышав шаги Линли, Хелен не обернулась, не обернулась даже тогда, когда он подошел к ней вплотную и ее рука ощутила твердое и надежное пожатие его руки.

– Я встретился с Деборой, – сказал он.

– А! – Она все еще смотрела в сторону Джиллиан. – Я так и думала, Томми. Я надеялась, что этого не произойдет, но догадывалась, что скорее всего вы встретитесь.

– Ты знала, что они поехали в Келдейл. Почему ты не предупредила меня?

Она по-прежнему отводила взгляд, опускала глаза

– О чем тут было говорить? Все уже столько раз говорено-переговорено. – Хелен предпочла бы на этом остановиться, не вникать, но верность многолетней дружбе побуждала ее продолжать расспросы. – Тебе очень скверно пришлось? – выдавила она из себя.

– Сперва да.

– А потом?

– Потом я понял, что она его любит. Как ты когда-то.

Печальная улыбка скользнула по ее губам:

– Да, как я когда-то.

– Как ты сумела отказаться от Сент-Джеймса, Хелен? Как ты справилась с этим?

– Ну, как-то пережила. И ты был всегда рядом, Томми. Ты помогал мне. Ты же мой лучший друг.

– И ты – мой. Мой лучший друг. Она тихонько рассмеялась.

– Обычно мужчины так говорят о собаке. Не думаю, что могу принять это за комплимент.

– Но ты же мой друг! – настаивал он.

– Безусловно! – подтвердила она, обернувшись к нему и всматриваясь в его лицо. Он выглядел изнуренным, но уже не таким печальным, как прежде. Грусть еще не исчезла вовсе, для этого требовалось время, но от уз прошлого он уже освободился. – Худшее для тебя уже позади, верно?

– Думаю, что да. Надеюсь, меня еще много хорошего ждет впереди. – И он, ласково улыбаясь, коснулся роскошных волос Хелен.

Поверх его плеча Хелен видела, как отворилась калитка и вошла Барбара Хейверс. Барбара замедлила шаг, увидев, как беседуют друг с другом эти двое, но тут же, кашлянув в знак предупреждения, она направилась к ним, решительно распрямив плечи.

– Сэр, вам сообщение из Скотленд-Ярда, – сказала она Линли. – Стефа получила его на адрес гостиницы.

– Что там?

– Как всегда, загадочно. – Она протянула ему листок. – «Идентификация верна. Лондон подтверждает. Йорк извещен сегодня днем», – зачитала она. – Вы что-нибудь понимаете?

Линли пробежал глазами сообщение, сложил листок и отсутствующим взглядом уставился на далекие холмы.

– Да, – произнес он. Слова не шли с языка. – Да, все понятно.

– Рассел Маури? – догадалась Барбара и, дождавшись кивка, продолжала: – Значит, он и впрямь поехал в Лондон, чтобы донести на Тессу? Как странно! Почему он не обратился в полицию Йорка? Какое дело Скотленд-Ярду...

– Нет. Он поехал в Лондон повидать родных, как Тесса и думала. Но он добрался только до вокзала Кингз-Кросс.

– До вокзала Кингз-Кросс? – повторила Барбара.

– Там его настиг Потрошитель. Я видел его фотографию в кабинете Уэбберли.

В гостиницу он вернулся один. Прошел по Черч-стрит и с минуту постоял на мосту, на котором задержался в прошлую ночь. Деревня затихла, однако в тот самый момент, когда он бросил прощальный взгляд на Келдейл, неподалеку хлопнула дверь и рыжая девчонка, сбежав по ступенькам, устремила в сарай. Она скрылась там на минуту и вернулась, таща за собой туго набитый мешок с кормом.

– Где же Дугал? – окликнул Линли. Бриди подняла голову. Лучи осеннего солнца, запутавшись у нее в волосах, отсвечивали золотом, для защиты от утреннего холода девочка надела слишком большой для нее ярко-зеленый свитер.

– Дома остался. У него животик побаливает.

Линли тщетно ломал голову над тем, как можно диагностировать кишечные колики у селезня. Лучше, пожалуй, не спрашивать.

– Так стоит ли его сейчас кормить? – поинтересовался он.

Бриди серьезно обдумала его вопрос, правой ногой почесывая левую.

– Мама говорит – надо. Она весь день держала его в тепле и считает, что теперь он мог бы поесть.

– Похоже, она в этом разбирается.

– Еще бы! – Бриди помахала своей грязной ручонкой и скрылась в доме. Эта маленькая жизнь и ее мечты спасены.

Линли прошел по мосту, вошел в гостиницу. Стефа поднялась ему навстречу, губы ее дрогнули, собираясь заговорить.

– Это был ребенок Эзры Фармингтона, верно? – спросил он, даже не поздоровавшись. – Тоже часть того легкого веселого безумья, которое овладело вами после смерти брата, так?

– Томас...

– Так?

– Да.

– Вам нравится смотреть, как они с Найджелом терзают друг друга – из-за вас? Вас забавляет, что Найджел упивается до полусмерти в «Голубе и свистке», чтобы проследить, не отправились ли вы в дом напротив – в объятия Эзры? Или вы уже позабыли о них обоих с помощью Ричарда Гибсона?

– Вы несправедливы.

– Неужто? Вам известно, что Эзра не может больше рисовать? Это вас тоже не касается, Стефа? Он уничтожил все свои рисунки. Сохранил только ваши портреты.

– Ничем не могу ему помочь.

– Вы не хотите помочь.

– Это неправда.

– Вы не хотите помочь, – повторил Линли. – По той или иной причине, вы все еще нужны ему. И ребенок тоже. Он хочет знать, что случилось с его ребенком. Он хочет знать, что вы с ним сделали, у кого теперь этот ребенок. Вы хотя бы сказали ему, мальчик это или девочка?

Стефа опустила глаза.

– Ее... ее усыновила одна семья в Дерхэме. Так было нужно.

– И это должно было стать карой для Эзры, верно?

Стефа подняла взгляд.

– За что? С какой стати мне наказывать его?

– За то, что он положил конец веселью. За то, что он пожелал большего. За готовность рискнуть. За то, что он пошел на то, чего вы всегда боялись.

Стефа не ответила. Ответа и не требовалось – он был написан у нее на лице.

Она не хотела ехать на ферму. Она рада была бы оставить в прошлом, похоронить само воспоминание об этом месте, где сосредоточились все страхи ее детства. Она хотела только посетить могилу ребенка. После этого Джиллиан была готова к отъезду. Остальные – эти доброжелательные чужаки, вторгшиеся в ее жизнь, – не задавали лишних вопросов. Усадили ее в большой серебристый автомобиль и поехали прочь из Келдейла.

Джиллиан понятия не имела, куда ее везут, но не очень-то об этом и задумывалась. Джонас исчез из ее жизни. Нелл умерла. А Джиллиан еще только предстояло найти себя. Сейчас она была лишь оболочкой. Пустой, внутри ничего не осталось.

Линли поймал в зеркале отражение Джиллиан. Он не был уверен в правильности принятого решения. Не знал, что из этого выйдет. Он повиновался инстинкту, слепому инстинкту, который учил его – из пепла этого дня, подобно торжествующему фениксу, должно воскреснуть некое благо.

Линли понимал, что пытается отыскать какой-то смысл во всем случившемся, не в силах признать случайность и бессмысленность гибели Рассела Маури, ставшего жертвой неустановленного убийцы на вокзале Кингз-Кросс. Все в нем восставало против подлой жестокости этого убийства, против его зловещего уродства и бессмысленного итога.

Необходимо найти связующую нить, как-то склеить несколько разбитых жизней. Быть может, они все-таки сумеют воссоединиться, преодолев девятнадцатилетнюю разлуку, – и обретут мир.

Да, он многим рискует. Пусть. Он все берет на себя. Когда машина остановилась перед коттеджем на окраине Йорка, пробило шесть часов.

– Скоро вернусь, – пообещал он обеим женщинам и взялся за ручку дверцы.

Сержант Хейверс осторожно притронулась к его плечу.

– Разрешите мне, сэр. Прошу вас. Он колебался. Она ждала ответа.

– Прошу вас, – повторила Барбара. Линли поглядел на закрытую дверь. Имеет ли он право взять на себя еще и такую ответственность, доверить это неумелым и неуклюжим рукам сержанта? Только не это. Не в этот раз. Слишком многое поставлено на карту.

– Хейверс...

– Я справлюсь, – сказала она, – Прошу вас. Поверьте мне.

Тут он понял, что Хейверс предлагает ему произнести окончательный приговор. Она хочет, чтобы именно он решил ее будущее – вернется ли она в следственный отдел или навсегда останется в патрульных. Вот о чем шла сейчас речь.

– Сэр?

Линли готов был отвергнуть ее просьбу, ведь на карту поставлены судьбы нескольких человек. Но не к этому стремился Уэбберли, вручая Линли также и судьбу сержанта Хейверс. Теперь, глядя в ее полное доверия и решимости лицо, Линли понимал, что Барбара сразу же угадала цель этой поездки, что она уже сложила костер и готова поднести спичку в той же надежде – увидеть воскресшего из пламени феникса.

– Хорошо, – согласился он наконец.

– Спасибо, сэр. – Барбара вышла из машины и направилась ко входу в дом. Дверь отворилась. Барбара вошла. Потянулись минуты ожидания.

Линли никогда не был набожным, но, сидя в машине посреди сгущающихся сумерек и считая утекающие минуты, он чувствовал, что настала пора молитвы – молитвы о воскресении блага из зла, надежды из отчаяния, жизни – из смерти. Пусть хоть какие-то наши мечты станут реальностью, пусть реальность осветится новыми оттенками, положив конец страданиям и начало радости.

Джиллиан пошевелилась на заднем сиденье.

– Чей это дом? – спросила она, и голос ее затих: дверь распахнулась, и Тесса выбежала во двор, замерла на мгновение, всматриваясь в пассажиров машины.

– Мамочка! – выдохнула Джиллиан. Больше она не произнесла ни слова. Вышла из машины и уставилась на эту женщину так, словно она – призрак, видение. – Мама?!

– Джилли! Боже мой, Джилли! – со слезами воскликнула Тесса, бросившись к ней.

Только это и нужно было им обеим. Джиллиан кинулась в объятия матери, и они обе скрылись в доме.

---

notes

Примечания

1

Здесь и далее в этой главе аллюзии на трагедию Шекспира «Цимбелин». (Прим. ред.)

2

То есть убитый был выше 180 см и весил около 90 кг. (Прим. ред.)

3

Персонажи романа Эмили Бронте "Грозовой перевал" (Прим. ред.)

4

Перевод В. Жуковского

Цитата из романа Ш. Бронте «Джейн Эйр», (Прим. ред.)

6

Перевод Т. Гнедич. Перикл, царь Тирский, разгадал загадку Антиоха и уличил его в кровосмесительной связи с дочерью. Затем Перикл теряет жену И дочь, считает их умершими и вновь находит после многих приключений. Дочь Перикла, родившуюся во время бури, звали Марина. (Прим. перев.)

Содержание

Великое избавление Элизабет Джордж

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

Примечания

1

2

3

4

5

6